

ЛЕНИН



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

13

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
и II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1947

В. И. ЛЕНИН

ТОМ
13

Июнь 1907—апрель 1908

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тринадцатый том Сочинений В. И. Ленина содержит произведения, написанные с июня 1907 года по апрель 1908 года.

Статьи «Против бойкота», «Заметки публициста», «Революция и контрреволюция», «Третья Дума», «Политические заметки», «Новая аграрная политика» посвящены анализу и оценке политического положения России после поражения первой революции и определению задач партийных организаций в эпоху реакции. В этих статьях, как и в речах на петербургской и всероссийских конференциях РСДРП, публикуемых в настоящем томе, Ленин сформулировал также задачи думской тактики большевиков на новом этапе.

В том вошли важнейшие работы Ленина по аграрному вопросу «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» (главы X—XII) и «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов».

В том включено «Предисловие» к первому, трехтомному собранию произведений В. И. Ленина «За 12 лет», издание которого не удалось осуществить полностью из-за преследований цензуры. Предисловие является кратким очерком истории борьбы Ленина за революционный марксизм против либерализма и оппортунизма.

В состав тома входит статья «Нейтральность профессиональных союзов», в которой Ленин критикует оппортунизм Плеханова и меньшевиков, пытавшихся направить рабочее движение России по пути тред-юнионизма.

В двух статьях под одним названием «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» отражена борьба

Ленина, большевиков с оппортунизмом в международном рабочем движении. В статьях разоблачаются отступления германских социал-демократов от позиций революционного марксизма.

В томе печатаются впервые включаемые в Сочинения В. И. Ленина: проект резолюции третьей конференции РСДРП («Второй общероссийской») по вопросу об участии в выборах в III Государственную думу, «Набросок проекта резолюции о Всероссийском съезде профессиональных союзов», заметка «О статье Плеханова», «Заявление редакции «Пролетария»».

В «Предисловии к брошюре Воинова (А. В. Луначарского) об отношении партии к профессиональным союзам», также впервые включенном в Сочинения, Ленин выступает против лозунга «нейтральности» профсоюзов, указывая на необходимость сближения профсоюзов с партией в целях развития социалистического сознания пролетариата и воспитания его в духе революционной социал-демократии.

ПРОТИВ БОЙКОТА

(ИЗ ЗАМЕТОК С.-Д. ПУБЛИЦИСТА)¹

Написано 26 июня (9 июля) 1907 г.

*Напечатано в 1907 г. в брошюре:
«О бойкоте третьей Думы», Москва
Подпись: Н. Лени н*

Печатается по тексту брошюры

Недавно состоявшийся учительский съезд², на котором большинство было под влиянием социалистов-революционеров, принял при непосредственном участии видного представителя партии с.-р. резолюцию о бойкоте III Думы. Учителя с.-д. вместе с представителем РСДРП воздержались от голосования, считая необходимым решать подобный вопрос на партийном съезде или конференции, а не в беспартийном, профессионально-политическом союзе.

Вопрос о бойкоте III Думы выходит таким образом на сцену, как очередной вопрос революционной тактики. Партия с.-р., судя по выступлению ее представителя на указанном съезде, вопрос этот уже решила, хотя ни официальных постановлений этой партии, ни литературных документов из эсеровской среды мы еще не имеем. Среди с.-д. вопрос поставлен и обсуждается.

Какими же доводами защищают свое решение с.-р.? Резолюция учительского съезда говорит, по существу дела, о полной негодности III Думы, о реакционности и контрреволюционности правительства, совершившего государственный переворот 3-го июня³, о помещичьем характере нового избирательного закона и т. д., и т. п.*.

* Вот текст этой резолюции: «Принимая во внимание: 1) что новый избирательный закон, на основе которого созывается III Государственная дума, отнимает у трудящихся масс даже ту скромную долю избирательных прав, которую они до сих пор обладали и приобретение которых им так дорого стоило; 2) что закон этот представляет собою явную и грубую фальсификацию народной воли в пользу наиболее реакционных и привилегированных слоев населения; 3) что Дума третьего созыва по способу ее набрания и составу является плодом реакционного переворота; 4) что правительство воспользуется участием народных масс в думских выборах, чтобы придать этому участию значение народной санкции государственного переворота, — IV делегатами»

Аргументация построена так, как будто из ультрареакционности III Думы вытекала сама собой необходимость и законность такого средства борьбы или такого лозунга, как бойкот. Для всякого социал-демократа негодность такого рассуждения бьет в глаза, ибо здесь отсутствует совершенно разбор исторических условий применимости бойкота. Социал-демократ, стоя на почве марксизма, выводит бойкот не из степени реакционности того или иного учреждения, а из наличности тех особых условий борьбы, при которых, как показал уже теперь опыт и русской революции, применимо своеобразное средство, называемое бойкотом. Кто станет рассуждать о бойкоте, не учитывая двухлетнего опыта нашей революции, не вдумываясь в этот опыт, про того придется сказать, что он многое забыл и ничему не научился. И свой разбор вопроса о бойкоте мы именно с попытки анализа этого опыта и начнем.

I

Крупнейшим опытом нашей революции в применении бойкота был, несомненно, бойкот булыгинской Думы⁴. Этот бойкот увенчался кроме того самым полным и самым непосредственным успехом. Поэтому нашей первой задачей должен быть разбор исторических условий бойкота булыгинской Думы.

Два обстоятельства сразу выдвигаются, при рассмотрении этого вопроса, на первый план. Во-первых, бойкот булыгинской Думы был борьбой против перехода (хотя бы временного) нашей революции на путь монархической конституции. Во-вторых, этот бойкот происходил в обстановке самого широкого, всеобщего, сильного, быстрого революционного подъема.

Остановимся на первом обстоятельстве. Всякий бойкот есть борьба не на почве данного учреждения, а против возникновения или, говоря несколько шире, против реализации данного учреждения. Поэтому тот, кто, подобно Плеханову и многим другим меньшевикам, боролся против

ский съезд всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию постановляет: 1) отказаться от каких бы то ни было сношений с Думой третьего созыва и ее органами; 2) не принимать в качестве организации ни прямо, ни косвенно участия в выборах; 3) распространять в качестве организации тот взгляд на третью Государственную думу и выборы в нее, который выражен в настоящей резолюции.

бойкота общими рассуждениями о необходимости для марксиста использовать представительные учреждения, обнаруживал этим только смешное доктринерство. Рассуждать так, значило обходить посредством пережевывания бесспорных истин сущность спорного вопроса. Бесспорно, что марксист должен использовать представительные учреждения. Вытекает ли отсюда, что марксист не может стоять при известных условиях за борьбу не на почве данного учреждения, а против введения его в жизнь? Нет, не вытекает, ибо это общее рассуждение относится только к тем случаям, когда для борьбы против возникновения подобного учреждения нет места. Спорность же вопроса о бойкоте в том и состоит, есть ли место для борьбы против самого возникновения подобных учреждений. Плеханов и К^о своими доводами против бойкота обнаруживали непонимание самой постановки вопроса.

Далее. Если всякий бойкот есть борьба не на почве данного учреждения, а против введения его в жизнь, то бойкот булыгинской Думы, кроме того, был борьбой против введения в жизнь целой системы учреждений монархически-конституционного типа. 1905-ый год показал с очевидностью, что есть налицо возможность непосредственной массовой борьбы в виде всеобщих стачек (стачечная волна после 9-го января) и военных восстаний («Потемкин»). Непосредственная революционная борьба масс была, следовательно, фактом. С другой стороны, фактом был и закон 6-го августа, пытавшийся перевести движение с революционного (в самом непосредственном и узком значении слова) пути на путь монархической конституции. Объективно неизбежна была борьба между тем и другим путем: между путем непосредственной революционной борьбы масс и путем монархической конституции. Предстоял, так сказать, *выбор пути* ближайшего развития революции, причем решала этот выбор, конечно, не воля тех или иных групп, а сила революционных и контрреволюционных классов. Силу же можно было измерить и испытать только в борьбе. Лозунг бойкота булыгинской Думы и был лозунгом борьбы за *путь* непосредственно-революционной борьбы против пути конституционно-монархического. И на последнем пути, конечно, возможна была борьба и не только возможна, но и неизбежна. И на почве монархической конституции

возможно продолжение революции и подготовка нового подъема ее; и на почве монархической конституции возможна и обязательна борьба революционной социал-демократии, — эта азбучная истина, которую с таким усердием и так некстати доказывали в 1905 г. Аксельрод и Плеханов, остается истиной. Но исторически поставленный тогда вопрос был не тот: «не на тему» рассуждали Аксельрод или Плеханов или, другими словами, они заменяли вопрос, исторически поставленный на разрешение борющихся сил, вопросом, взятым из последнего издания немецкого социал-демократического учебника. Исторически неизбежно предстояла *борьба за выбор пути для борьбы* в ближайшем будущем. Старая ли власть созовет первое в России представительное учреждение и таким образом на известное время (может быть, на очень короткое, может быть, на сравнительно продолжительное время) переведет революцию на монархически-конституционный путь, или народ прямым натиском сметет, — на худой конец: пошатнет, — старую власть, лишит ее возможности перевести революцию на монархически-конституционный путь и обеспечит (опять-таки на более или менее продолжительное время) путь непосредственной революционной борьбы масс? Вот какой вопрос, не замеченный в свое время Аксельродом и Плехановым, исторически встал осенью 1905-го года перед революционными классами России. Проповедь активного бойкота социал-демократией и была формой постановки этого вопроса, формой сознательной постановки его партией пролетариата, лозунгом борьбы *за выбор пути для борьбы*.

Проповедники активного бойкота, большевики, верно поняли объективно поставленный историей вопрос. Октябрьско-декабрьская борьба 1905 года была действительно борьбой за выбор пути для борьбы. Борьба эта шла с переменным счастьем: сначала осилил революционный народ, вырвал у старой власти возможность немедленно перевести революцию на монархически-конституционные рельсы, создал на место представительных учреждений полицейски-либерального типа *представительные же учреждения* чисто революционного типа, Советы рабочих депутатов и т. д. Октябрьско-декабрьский период был периодом максимальной свободы, максимальной самодеятельности масс, максимальной широты и быстроты рабочего движе-

ния на почве, очищенной натиском народа от монархически-конституционных учреждений, законов и зацепок, на почве «междувластья», когда старая власть была уже обессилена, а новая революционная власть народа (Советы рабочих, крестьянских, солдатских депутатов и проч.) еще не достаточно сильна для полной замены старой власти. Декабрьская борьба решила вопрос в иную сторону: старая власть победила, отбив натиск народа, удержав за собой позицию. Но, само собою разумеется, эту победу не было еще тогда оснований считать решительной победой. Декабрьское восстание 1905 года имело свое продолжение в виде целого ряда разрозненных и частичных военных восстаний и стачек лета 1906 года. Лозунг бойкота виттевской Думы⁵ был лозунгом борьбы за сосредоточение и обобщение этих восстаний.

Итак, первый вывод, который вытекает из рассмотрения опыта русской революции с бойкотом булыгинской Думы, состоит в том, что объективной подкладкой бойкота была поставленная историей на очередь дня борьба за форму ближайшего пути развития, борьба за то, старой ли власти или новой, самочинной народной власти достанется созыв первого в России представительного собрания, борьба за непосредственно-революционный путь или (на известное время) за путь монархической конституции.

В связи с этим стоит часто всплывавший в литературе и постоянно выходящий при обсуждении разбираемой темы вопрос о простоте, ясности и «прямолинейности» лозунга бойкота, а также вопрос о прямом и зигзагообразном пути развития. Непосредственное свержение или, на худой конец, расслабление и обессиление старой власти, непосредственное создание народом новых органов власти, — все это, несомненно, самый *прямой* путь, самый выгодный для народа, но зато требующий и наибольшей силы. При подавляющем перевесе силы можно победить и прямой фронтальной атакой. При недостатке сил могут потребоваться и обходные пути, выжидания, зигзаги, отступления и т. д., и т. п. Путь монархической конституции несколько не исключает еще, конечно, революции, элементы какой этот путь *тоже* подготавливает и развивает косвенным образом, но это путь более длинный, зигзагообразный.

Через всю меньшевистскую литературу, особенно 1905-го года (до октября), красной нитью проходит обвинение большевиков в «прямолинейности», назидания по их адресу насчет того, что надо считаться с зигзагообразным путем, которым идет история. Эта черта меньшевистской литературы есть тоже образчик рассуждения о том, что лошади кушают овес и что Волга течет в Каспийское море, — рассуждения, засоряющего разжевыванием бесспорного суть того, что спорно. Что история обыкновенно идет зигзагообразным путем, и что марксист должен уметь считаться с самыми запутанными и причудливыми зигзагами истории, это бесспорно. Но эта бесспорная жвачка несколько не относится к вопросу о том, как быть марксисту, когда та же самая история ставит на решение борющихся сил вопрос о выборе прямого или зигзагообразного пути. В такие моменты или в такие периоды, когда это бывает, отделяться рассуждениями об обычной зигзагообразности истории значит именно превращаться в человека в футляре и углубляться в созерцание той истины, что лошади кушают овес. А революционные периоды являются по преимуществу как раз такими периодами истории, когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время. Необходимость считаться с зигзагообразным путем несколько не устраняет того, что марксисты должны уметь разъяснять массам в решающие моменты их истории предпочтительность прямого пути, должны уметь помогать массам в борьбе за выбор прямого пути, давать лозунги такой борьбы и так далее. И только безнадежные филистеры и совсем тупые педанты могли бы *после окончания* решительных исторических битв, определивших зигзагообразный путь вместо прямого, хихикать над теми, кто до конца боролся за прямой путь. Это было бы похоже на хихиканье немецких казенно-полицейских историков вроде Трейчке над революционными лозунгами и революционной прямолинейностью Маркса в 1848 году.

Отношение марксизма к зигзагообразному пути истории сходно, по существу дела, с отношением его к компромиссам. Всякий зигзагообразный поворот истории есть компромисс, компромисс между старым, уже недоста-

точно сильным для полного отрицания нового, и между новым, еще недостаточно сильным для полного свержения старого. Марксизм не зарекается от компромиссов, марксизм считает необходимым использование их, но это нисколько не исключает того, что марксизм в качестве живой и действующей исторической силы со всей энергией борется против компромиссов. Кто не умеет усвоить себе этого, якобы, противоречия, тот не знает азбуки марксизма.

Энгельс однажды выразил чрезвычайно наглядно, ясно и кратко отношение марксизма к компромиссам, именно в статье о манифесте бланкистов-беглецов Коммуны (1874 г.)*. Бланкисты, беглецы Коммуны, писали в своем манифесте, что они не допускают никаких компромиссов. Энгельс посмеялся над этим манифестом. Не в том дело, — сказал он, — чтобы зарекается от использования компромиссов, *на которые осуждают нас обстоятельства* (или к которым принуждают нас обстоятельства: я должен извиниться перед читателем, что должен цитировать на память, не имея возможности справиться с текстом). Дело в том, чтобы ясно сознавать истинные революционные цели пролетариата и уметь преследовать их через все и всякие обстоятельства, зигзаги и компромиссы⁶.

Только с этой точки зрения можно оценивать простоту, прямоту и ясность бойкота, как апеллирующего к массам лозунга. Все указанные качества этого лозунга хороши не сами по себе, а лишь постольку, поскольку в объективной ситуации, к которой этот лозунг применяется, есть налицо условия борьбы за выбор прямого или зигзагообразного пути развития. В эпоху булыгинской Думы этот лозунг был верным и единственно-революционным лозунгом рабочей партии не потому, что он был самый простой, прямой и ясный, а потому, что исторические условия поставили тогда перед рабочей партией задачу участия в борьбе за простой и прямой революционный путь против зигзагообразного пути монархической конституции.

Спрашивается, в чем же критерий того, что были тогда налицо эти особые исторические условия? В чем главный

* Статья эта вошла в немецкий сборник «Internationales aus dem «Volksstaat»» («На международные темы из «Народного Государства». Ред.). Русск. перевод: «Статьи из «Volksstaat», изд. «Знания».

признак той особенности в объективном положении дел, которая делала простой, прямой и ясный лозунг не фразой, а единственно соответствующим действительной борьбе лозунгом? К этому вопросу мы теперь и перейдем.

II

Когда смотришь назад, на борьбу уже оконченную (по крайней мере, оконченную в ее прямой и непосредственной форме), тогда нет ничего легче, разумеется, как учесть общий итог из различных, противоречащих друг другу, признаков и симптомов эпохи. Исход борьбы решает все сразу и очень просто устраняет всякие сомнения. Но нам нужно теперь определить такие признаки явления, которые могли бы помочь разобраться в положении дел до борьбы, ибо мы хотим применить уроки исторического опыта к III Думе. Мы указали уже выше, что условием успеха бойкота в 1905 г. был самый широкий, всеобщий, сильный и быстрый революционный подъем. Надо рассмотреть теперь, во-первых, в какой связи стоит особенно сильный подъем борьбы с бойкотом, а, во-вторых, каковы характерные черты и отличительные признаки особенно сильного подъема.

Бойкот, как мы уже сказали, есть борьба не на почве данного учреждения, а против его возникновения. Всякое данное учреждение может исходить только от существующей уже, т. е. старой власти. Значит, бойкот есть такое средство борьбы, которое направлено непосредственно на свержение старой власти или, в худшем случае, т. е. при недостатке натиска для свержения, — на такое ослабление ее, чтобы она не могла обеспечить создание этого учреждения, не могла провести его в жизнь*. Бойкот требует, следовательно, для своего успеха, непосредственной борьбы со старой властью, восстания против нее и массового неповиновения ей в целом ряде случаев (такое массовое неповиновение есть одно из условий, подготовляющих

* Речь идет везде в тексте об активном бойкоте, т. е. не о простом отстранении от участия в предприятиях старой власти, а о натиске на эту власть. Читателям, незнакомым с с.-д. литературой эпохи бойкота булыгинской Думы, надо напомнить, что с.-д. прямо говорили тогда об активном бойкоте, решительно противопоставляя его пассивному бойкоту, даже более того: решительно связывая активный бойкот с вооруженным восстанием.

восстание). Бойкот есть отказ признавать старую власть и, конечно, отказ не на словах, а на деле, т. е. проявляющийся не в возгласах только или лозунгах организаций, а в известном движении *масс народа*, систематически нарушающих законы старой власти, систематически создающих новые, противозаконные, но фактически существующие учреждения и т. д., и т. д. Связь бойкота с широким революционным подъемом, таким образом, очевидна: бойкот есть самое решительное средство борьбы, отвергающее не формы организации данного учреждения, а самое его существование. Бойкот есть объявление прямой войны старой власти, прямая атака на нее. Вне широкого революционного подъема, вне массового возбуждения, повсюду переливающего, так сказать, через края старой легальности, не может быть и речи об успехе бойкота.

Переходя к вопросу о характере и признаках подъема осенью 1905-го года, мы легко увидим, что тогда происходило массовое и непрерывное *наступление* революции, систематически нападавшей, теснявшей врага. Репрессии не принижали, а расширяли движение. За 9-м января пошла гигантская стачечная волна, баррикады в Лодзи, восстание «Потемкина». В области печати, в области союзов, в области учебной, повсюду легальные рамки, старой властью установленные, нарушались систематически и нарушались вовсе не «революционерами» только, а обывателями, ибо старая власть действительно была ослаблена, действительно выпускала из дряхлеющих рук вожжи. Особенно рельефным и безошибочным (с точки зрения революционных организаций) показателем силы подъема было то, что лозунги революционеров не только не оставались без отклика, а прямо *отставали* от жизни. И 9-ое января, и массовые стачки после него, и «Потемкин», — все эти явления опережали непосредственные призывы революционеров. Такого *призыва* с их стороны, который бы массы встретили пассивно, молчанием, отказом от борьбы, *не было в 1905 году*. Бойкот в такой обстановке являлся естественным *дополнением* заряженной электричеством атмосферы. Этот лозунг ничего не «выдумывал» тогда, он только формулировал точно и верно идущий вперед и вперед, идущий к прямому натиску подъем. В положении «выдумывающих» были, напротив, наши меньшевики, которые, отстраняясь от революционного

подъема, увлекались пустым обещанием царя в виде манифеста или закона 6 августа и брали всерьез *обещанный* поворот на конституционно-монархические рельсы. Меньшевики (и Парвус) строили тогда свою тактику не на факте самого широкого, сильного и быстрого революционного подъема, а на обещании царем конституционно-монархического поворота! Неудивительно, что подобная тактика оказалась смешным и жалким оппортунизмом. Неудивительно, что во всех меньшевистских рассуждениях о бойкоте заботливо выкидывается теперь анализ бойкота булыгинской Думы, т. е. самого крупного опыта бойкота в революции. Но мало признать эту, едва ли не крупнейшую, ошибку меньшевиков в революционной тактике. Надо дать себе ясный отчет в том, что источником этой ошибки было непонимание *объективного* положения вещей, делавшего революционный подъем действительностью, а конституционно-монархический поворот пустым полицейским посулом. Не потому оказались меньшевики не правы, что они отнеслись к вопросу без субъективной революционности настроения, а потому, что эти горе-революционеры отстали в своих идеях от объективно-революционной ситуации. Ту и другую причину ошибки меньшевиков легко смешать, но марксисту смешивать их **непозволительно**.

III

Связь бойкота с особыми историческими условиями известного периода русской революции должна быть рассмотрена еще с одной стороны. Каково было политическое содержание бойкотистской социал-демократической кампании осенью 1905-го и весной 1906-го года? Содержание этой кампании не состояло, конечно, в повторении слова бойкот или в призыве не участвовать в выборах. Это содержание не исчерпывалось и призывами к прямому натиску, игнорирующему предлагаемые самодержавием обходные и извилистые пути. Кроме того и даже не рядом с указанной темой, а скорее в центре всей бойкотистской агитации стояла *борьба с конституционными иллюзиями*. Эта борьба была, поистине, живой душой бойкота. Припомните речи бойкотистов и всю их агитацию, взгляните на главнейшие революции бойкотистов, и вы убедитесь в правильности такого положения.

Меньшевикам никогда не дано было понять эту сторону бойкота. Им всегда казалось, что борьба с конституционными иллюзиями в эпоху зарождающегося конституционализма есть нелепость, бессмыслица, «анархизм». И в речах на Стокгольмском съезде⁷, особенно — помнится — в речах Плеханова, эта точка зрения меньшевиков выражена ярко, не говоря уже о меньшевистской литературе.

На первый взгляд, позиция меньшевиков в этом вопросе действительно может показаться столь же непререкаемой, как позиция человека, самодовольно поучающего своих ближних, что лошади кушают овес. В эпоху нарождающегося конституционализма провозглашать борьбу с конституционными иллюзиями! Разве это не анархизм? Разве это не сапоги всмятку?

Опошление вопроса, производимое при помощи благовидной ссылки на простой здравый смысл в таких рассуждениях, основывается на том, что обходят молчанием особый период русской революции, *забывают о бойкоте булыгинской Думы*, подменяют конкретные ступени пройденного нашей революцией пути общим обозначением всей, прошлой и будущей, нашей революции в целом, как революции, порождающей конституционализм. Это — образчик нарушения метода диалектического материализма людьми, которые, подобно Плеханову, с наибольшим пафосом об этом методе говорили.

Да, наша буржуазная революция, в целом, как и всякая буржуазная революция, есть в конце концов процесс создания конституционного строя, и ничего более. Это истина. Это — полезная истина для разоблачения quasi*-социалистических аллюров той или иной буржуазно-демократической программы, теории, тактики и т. п. Но сумеете ли вы извлечь пользу из этой истины в вопросе о том, к *какому* конституционализму должна вести рабочая партия страну в эпоху буржуазной революции? в вопросе о том, *как именно* должна бороться рабочая партия за определенный (и именно республиканский) конституционализм в известные периоды революции? Нет. Иалюбленная Аксельродом и Плехановым истина так же мало прояснит вас насчет этих вопросов, как мало убеждения

* — янобы. Ред.

в том, что лошади кушают овес, для выбора подходящей лошади и уменья на ней ездить.

Борьба с конституционными иллюзиями, говорили большевики в 1905-ом и в начале 1906-го года, должна стать лозунгом момента, ибо именно в данный период объективное положение вещей ставит на решение борющихся общественных сил вопрос о том, восторжествует ли на ближайший период прямой путь непосредственной революционной борьбы и непосредственно революцией созданных представительных учреждений на основе полного демократизма или обходный, зигзагообразный путь монархической конституции и полицейски-«конституционных» (в кавычках!) учреждений типа «Думы».

Действительно ли объективное положение вещей выдвигало этот вопрос, или его «выдумывали» из теоретического озорства большевики? На этот вопрос ответила уже теперь история русской революции.

Октябрьская борьба 1905-го года и была борьбой против поворота революции на монархически-конституционные рельсы. Октябрьско-декабрьский период и был периодом осуществления конституционализма пролетарского, истинно демократического, широкого, смелого, свободного, действительно выражавшего волю народа, в отличие от лжеконституционализма дубасовской и столыпинской⁹ конституции. Революционная борьба во имя действительно демократического (т. е. существующего на почве, совершенно очищенной от старой власти и всех связанных с нею мерзостей) конституционализма требовала самой решительной борьбы против приманки народа полицейски-монархической конституцией. Этой нехитрой вещи и не могли никак понять социал-демократические противники бойкота.

Теперь перед нами две полосы в развитии русской революции выступают с полнейшей ясностью. Полоса подъема (1905-ый год) и полоса упадка (1906—1907 годы). Полоса максимального расцвета народной самодеятельности, свободных и широких организаций всех классов населения, максимальной свободы печати, максимального игнорирования народом старой власти, ее учреждений и велений, и все это при отсутствии всякого бюрократически признанного и в формальных уставах или положениях выраженного конституционализма. А затем полоса наи-

меньшего развития и неуклонного упадка народной самодеятельности, организованности, свободной печати и т. д. при существовании Дубасовыми и Столыпинными сочиняемой, Дубасовыми и Столыпинными признаваемой, Дубасовыми и Столыпинными охраняемой, прости господи, «конституции».

Теперь, когда *назад* все так хорошо, просто и ясно видно, не найдется даже, пожалуй, ни одного педанта, который бы решился отрицать законность и необходимость революционной борьбы пролетариата против поворота событий на конституционно-монархические рельсы, законность и необходимость борьбы против конституционных иллюзий.

Теперь не найдется, наверное, ни одного сколько-нибудь путного историка, который бы не разделил хода русской революции с 1905-го по осень 1907-го года именно на эти два периода: период «антиконституционного» (если позволено будет мне так выразиться) подъема и период «конституционного» упадка, период завоевания и осуществления народом свободы без полицейского (монархического) конституционализма и период угнетения и подавления народной свободы посредством монархической «конституции».

Теперь период конституционных иллюзий, период первой и второй Думы, обрисовался перед нами вполне, и понятие значение *тогдашней* борьбы революционных с.-д. против конституционных иллюзий уже не трудно. Но *тогда*, в 1905-ом и в начале 1906-го года, этого не понимали ни либералы в буржуазном лагере, ни меньшевики — в пролетарском.

А период I и II Думы был во всех смыслах и во всех отношениях периодом конституционных иллюзий. Торжественное обещание: «никакой закон да не приемлет силы без одобрения Гос. думы» не было нарушено в этот период. Значит, конституция на бумаге существовала и непрестанно умиляла все холопские души российских кадетов⁹. И Дубасов, и Столыпин испытывали на деле, примеряли, пробовали в этот период российскую конституцию, стараясь подладить и приспособить ее к старому самодержавию. Они были, казалось, самыми могущественными людьми этой эпохи, гг. Дубасов и Столыпин, они всемерно трудились над превращением «иллюзии» в действительность. Иллюзия оказалась иллюзией. Правильность

лозунга революционной социал-демократии всецело подтверждена историей. Но не только Дубасовы и Столыпины пробовали осуществить «конституцию», не только кадетские холопы восхваляли ее и лакейски распинались (à la* г. Родичев в первой Думе), доказывая, что монарх безответственен и что дерзостью было бы считать его ответственным за погромы. Нет. И широкие народные массы, несомненно, верили еще в большей или меньшей степени в «конституцию» в течение этого периода, верили в Думу, вопреки предупреждениям социал-демократии.

Можно сказать, что период конституционных иллюзий в русской революции был таким же периодом общенационального увлечения буржуазным фетишем, как увлекаются иногда целые нации Западной Европы фетишем буржуазного национализма, антисемитизма, шовинизма и т. п. И заслугой социал-демократии является то, что она одна не поддалась буржуазному обморочению, она одна в эпоху конституционных иллюзий держала все время развернутым знамя борьбы с конституционными иллюзиями.

Почему же, спрашивается теперь, бойкот явился специфическим средством борьбы против конституционных иллюзий?

В бойкоте есть одна черта, которая сразу и на первый взгляд невольно отталкивает от него всякого марксиста. Бойкот выборов есть отстранение от парламентаризма, есть нечто такое, что не может не казаться пассивным отказом, воздержанием, уклонением. Так смотрел учившийся по немецким только образцам Парвус, когда он столь же сердито, сколько неудачно бушевал осенью 1905-го года, пытаясь доказать, что активный бойкот все же есть плохая вещь, *аки бойкот...* Так смотрит и до сих пор ничему не научившийся от революции и все более превращающийся в либерала Мартов, доказывающий своей последней статьей в «Товарище»¹⁰ неумение даже поставить вопрос, как приличествует революционному социал-демократу.

Но эта, наиболее антипатичная, так сказать, для марксистов черта бойкота находит себе полное объяснение в особенностях той эпохи, которая породила такое средство

* — вроде. Ред.

борьбы. Первая монархическая Дума, булыгинская Дума, была приманкой, долженствующей отвлечь народ от революции. Приманка была чучелом, одетым в костюм конституционализма. Все и вся склонно было пойти на удочку. Кто из корыстных классовых интересов, кто по недомыслию склонен был ухватиться за чучело булыгинской и потом за чучело виттевской Думы. Все увлекались, все искренне верили. Участие в выборах не было будничным, простым выполнением обычных гражданских обязанностей. Оно было инаугурированием* монархической конституции. Оно было поворотом от непосредственно-революционного пути к монархически-конституционному.

Социал-демократия *должна была* в такое время развернуть свое знамя протеста и предупреждения со всей энергией, со всей демонстративностью. А это и значило отказаться от участия, не идти самим и отзывать народ, бросать клич натиска на старую власть *вместо* работы на почве учреждения, создаваемого этой властью. Всенародное увлечение буржуазно-полицейским фетишем «конституционной» монархии требовало от социал-демократии, как партии пролетариата, такого же всенародного «оказательства» ее протестующих и разоблачающих этот фетиш взглядов, требовало борьбы *изо* всех сил против осуществления учреждений, воплощавших в себе этот фетишизм.

Вот в чем полное историческое оправдание не только бойкота булыгинской Думы, увенчавшегося непосредственным успехом, но и бойкота виттевской Думы, который, *повидимому*, окончился неудачно. Теперь видно, почему это была лишь *кажущаяся* неудача, почему должна была социал-демократия *до конца* отстоять свой протест против конституционно-монархического поворота нашей революции. Поворот этот *на деле* оказался поворотом *в тупик*. Иллюзии монархической конституции оказались только прелюдией или вывеской, украшением, отводом глаз для подготовки отмены этой «конституции» старою властью...

Мы сказали, что социал-демократия должна была до конца отстоять свой протест против подавления свободы посредством «конституции». Что значит это «до конца»? Это значит: до тех пор, пока учреждение, *против* которого

* — освящением. Ред.

с.-д. боролись, не стало фактом *вопреки* с.-д., — пока тот монархически-конституционный поворот русской революции, который неминуемо означал (*на известное время*) упадок революции, поражение революции, не оказался фактом *вопреки* с.-д. Период конституционных иллюзий был попыткой *компромисса*. Мы боролись и должны были бороться *изо* всех сил против него. Нам пришлось идти во II Думу, нам пришлось считаться с компромиссом, раз обстоятельства *навязали* его нам против нашей воли, *вопреки* нашим усилиям, ценой поражения нашей борьбы. На какое время считаться, — это, разумеется, вопрос иной.

Какой же вывод вытекает из всего этого по отношению к бойкоту III Думы? Может быть, тот, что бойкот, необходимый в начале периода конституционных иллюзий, необходим и в конце этого периода? Это было бы «игрой ума» в духе «аналогической социологии», а не серьезным выводом. *Того* содержания, которое имел бойкот в начале русской революции, теперь уже *не может быть* в бойкоте. Ни предупреждать народ против конституционных иллюзий, ни бороться против поворота революции на конституционно-монархический тупик теперь нельзя. Препятствием живой души в бойкоте быть не может. Если и будет бойкот, то он получит во всяком случае *иное* значение, он будет заполнен во всяком случае *иным* политическим содержанием.

Мало того. Рассмотренная нами историческая своеобразность бойкота дает одно соображение против бойкота III Думы. В эпоху начала конституционного поворота внимание всей нации неизбежно устремлялось на Думу. Бойкотом мы боролись и должны были бороться против этого устремления внимания по направлению к тупику, бороться против увлечения, которое было результатом темноты, неразвитости, слабости или корыстной контрреволюционности. Теперь ни о каком не только общенациональном, но даже вообще сколько-нибудь широком увлечении Думой вообще или III Думой не может быть и речи. В бойкоте нет надобности с этой стороны.

IV

Итак, условий применимости бойкота надо искать, несомненно, в объективном положении вещей данного момента. Сравнивая с этой точки зрения осень 1907 и осень 1905 года, нельзя не прийти к выводу, что мы не имеем

оснований провозглашать *сейчас* бойкот. И с точки зрения соотношения между прямым революционным путем и конституционно-монархическим «зигзагом», и с точки зрения массового подъема, и с точки зрения специфической задачи борьбы с конституционными иллюзиями современное положение вещей самым резким образом отличается от того, которое было два года тому назад.

Тогда монархически-конституционный поворот истории был не более, как полицейским посулом. Теперь этот поворот — факт. Было бы смешной боязнью правды нежелание прямо признать этот факт. И было бы ошибкой выводить из признания этого факта признание того, что русская революция закончена. Нет. Для этого последнего вывода еще нет данных. Марксист обязан бороться за прямой революционный путь развития, когда такая борьба предписывается объективным положением вещей, но это, повторяем, не значит, чтобы мы не должны были считаться с определенным уже фактически зигзагообразным поворотом. С этой стороны ход русской революции определился уже вполне. В начале революции мы видим линию короткого, но необыкновенно широкого и головокружительно быстрого подъема. Затем перед нами линия чрезвычайно медленного, но неуклонного упадка, начиная с декабрьского восстания 1905 года. Сначала период непосредственной революционной борьбы масс, затем период монархически-конституционного поворота.

Значит ли это, что этот последний поворот есть окончательный поворот? Что закончилась революция и наступил «конституционный» период? Что нет оснований ни ожидать нового подъема, ни *готовить* таковой? Что надо выкинуть за борт республиканский характер нашей программы?

Ничего подобного. Такие выводы способны делать лишь либеральные пошляки, вроде наших кадетов, готовых оправдывать холопство и низкопоклонство первыми попавшимися доводами. Нет. Это значит только, что, защищая целиком *всю* нашу программу и *все* наши революционные взгляды, мы должны непосредственные призывы соотносить с объективным положением вещей данного момента. Проповедуя неизбежность революции, готова систематически и неуклонно накопление горючего материала во всех отношениях, заботливо оберегая в этих целях и

культивируя, очищая от либеральных паразитов революционные традиции лучшей эпохи нашей революции, мы вместе с тем не отказываемся работать по-будничному на будничном монархически-конституционном повороте. Только и всего. Готовить новый широкий подъем мы должны, но соваться, не спросясь броду, с лозунгом бойкота нет никаких оснований.

Бойкот, как мы уже говорили, может иметь в России в данное время какой-нибудь смысл лишь как *активный* бойкот. Это означает не пассивное отстранение от участия в выборах, а игнорирование выборов ради задачи прямого натиска. Бойкот в этом смысле неизбежно равняется *призыву* к самому энергичному и решительному наступлению. Есть ли в данную минуту налицо такой широкий и общий подъем, без которого подобный призыв не имеет смысла? Конечно, нет.

Вообще, что касается «призывов», то разница в этом отношении между теперешним положением вещей и осенью 1905 года особенно ярка. Тогда, как мы уже указывали, за целый предшествующий год не бывало призывов, которые бы масса встречала молчанием. Энергия массового наступления шла впереди *призывов* организаций. Теперь мы стоим в периоде такой паузы революции, когда *целый ряд призывов* систематически оказывался *не встречающим отклика в массах*. Так было с призывом смести виттевскую Думу (начало 1906 года), с призывом к восстанию после разгона первой Думы (лето 1906 года), с *призывом к борьбе* в ответ на разгон второй Думы и государственный переворот 3 июня 1907 года. Возьмите листок нашего ЦК по поводу этих последних актов¹¹. Вы найдете в этом листке прямой призыв к борьбе в той форме, которая возможна по местным условиям (демонстрации, стачки, открытая борьба с вооруженной силой абсолютизма). Это был призыв словесный. Военные восстания июня 1907 года в Киеве и в Черноморском флоте были призывами посредством действия. Ни тот, ни другой призыв не встретил никакого массового отклика. Если самые яркие и непосредственные проявления реакционного натиска на революцию — разгоны двух Дум и государственный переворот — не вызвали подъема в данное время, то где основания для немедленного повторения призыва в форме провозглашения бойкота? Не ясно ли, что объек-

тивное положение вещей таково, что «провозглашение» рискует оказаться при этом пустым выкриком? Когда борьба идет, ширится, растет, надвигается отовсюду, — тогда «провозглашение» законно и необходимо, тогда дать боевой клич есть обязанность революционного пролетариата. Но ни выдумать этой борьбы, ни вызвать ее одним только кличем нельзя. И когда целый ряд боевых призывов, испытанных нами по поводам, более непосредственным, оказались безрезультатны, — мы естественно должны поискать серьезных оснований для «провозглашения» лозунга, бессмысленного вне условий осуществимости боевых призывов.

Кто хочет убедить *социал-демократический* пролетариат в правильности лозунга бойкота, тот не должен дать себя увлечь одним только звуком слов, в свое время сыгравших великую и славную революционную роль. Тот должен вдуматься в объективные условия применимости подобного лозунга и понять, что бросать его значит уже предполагать косвенно наличность условий широкого, общего, сильного, быстрого революционного подъема. Но в такие эпохи, как переживаемая нами, в эпохи временной паузы революции, такое условие ни в каком случае нельзя косвенно предполагать. Его надо прямо и отчетливо сознать и выяснить себе самому и всему рабочему классу. Иначе рискуешь попасть в положение человека, который употребляет большие слова, не сознавая настоящего значения их или не решаясь прямо и без обиняков назвать вещи своим именем.

V

Бойкот принадлежит к одной из лучших революционных традиций самого богатого событиями, самого героического периода русской революции. Мы сказали выше, что одна из наших задач — заботливо оберегать эти традиции вообще, культивировать их, очищать от либеральных (и оппортунистических) паразитов. Необходимо остановиться несколько на разборе этой задачи, чтобы правильно определить ее содержание и устранить легко возможные перетолкования и недоразумения.

Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и

объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами. Высокая оценка революционных периодов в развитии человечества вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса: именно в такие периоды разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, создаются основы политической «надстройки», которая долго держится потом на базе обновленных производственных отношений. И, в отличие от теоретиков либеральной буржуазии, именно в таких периодах видел Маркс не отклонения от «нормального» пути, не проявления «социальной болезни», не печальные результаты крайностей и ошибок, а самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ. В деятельности самого Маркса и Энгельса период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 года выделяется, как центральный пункт. Из этого пункта исходят они в определении судеб рабочего движения и демократии разных стран. К этому пункту возвращаются они всегда для определения внутренней природы разных классов и их тенденций в самом ярком и чистом виде. С точки зрения тогдашней, революционной эпохи оценивают они всегда позднейшие, более мелкие, политические образования, организации, политические задачи и политические конфликты. Идеиные вожди либерализма, вроде Зомбарта, недаром ненавидят от всей души эту черту в деятельности и в литературных произведениях Маркса, относя ее на счет «озлобленности эмигранта». Ведь это так под стать клопам полицейски-буржуазной университетской науки — сводить к личной озлобленности, к личным тягостям эмигрантского положения то, что является у Маркса и Энгельса самой неразрывной составной частью всего их революционного мироощущения!

В одном из своих писем, кажется, к Кугельману Маркс бросает мимоходом одно в высшей степени характерное

и особенно интересное с точки зрения занимающего нас вопроса замечание. Он замечает, что реакции удалось в Германии почти вытравить из народного сознания воспоминания и традиции революционной эпохи 1848-го года¹². Здесь рельефно сопоставляются задачи реакции и задачи партии пролетариата в отношении к революционным традициям данной страны. Задача реакции — вытравить эти традиции, представить революцию, как «стихию безумия» — струвенский перевод немецкого «das tolle Jahr» («безумный год» — выражение немецких полицейски-буржуазных историков, даже шире: немецкой профессорски-университетской историографии о 1848-м годе). Задача реакции — заставить население забыть те формы борьбы, формы организации, те идеи, те лозунги, которые в таком богатстве и разнообразии рождала революционная эпоха. Как тупые хвалители английского мещанства, Веббы, стараются представить чартизм, революционную эпоху английского рабочего движения, простым ребячеством, «грехом молодости», наивничанием, не заслуживающим серьезного внимания, случайным и ненормальным уклонением, так и немецкие буржуазные историки третируют 1848-ой год в Германии. Таково же отношение реакции к Великой французской революции, которая доказывает до сих пор жизненность и силу своего влияния на человечество тем, что до сих пор возбуждает самую яростную ненависть. Так и наши герои контрреволюции, особенно из вчерашних «демократов» вроде Струве, Милюкова, Кизеветтера и tutti quanti* соперничают друг с другом в подлом оплевывании революционных традиций русской революции. Не прошло и двух лет с тех пор, как непосредственная массовая борьба пролетариата завоевала ту частичку свободы, которой восхищаются либеральные холопы старой власти, — а в нашей публицистической литературе создалось уже громадное течение, называющее себя *либеральным* (11), культивируемое в кадетской печати и посвященное сплошь тому, чтобы представлять нашу революцию, революционные способы борьбы, революционные лозунги, революционные традиции как нечто низменное, элементарное, наивное, стихийное, безумное и т. д. ... вплоть до преступного... от Милюкова до Камышанского

* — все подобные. Ред.

il n'y a qu'un pas*! Наоборот, успехи реакции, загнавшей народ сначала из Советов рабочих и крестьянских депутатов в дубасовски-стольпинские Думы, а теперь загоняющей его в октябристскую Думу, эти успехи рисуются героям русского либерализма, как «процесс роста конституционного сознания в России».

На русскую социал-демократию, несомненно, ложится обязанность самого тщательного и всестороннего изучения нашей революции, распространения в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организаций и пр., укрепление революционных традиций в народе, внедрение в массы убеждения, что единственно и исключительно революционной борьбой можно добиться сколько-нибудь серьезных и сколько-нибудь прочных улучшений, неуклонное разоблачение всей визости тех самодовольных либералов, которые заражают общественную атмосферу миазмами «конституционного» низкопоклонства, предательства и молчалинства. Один день октябрьской стачки или декабрьского восстания во сто раз больше значил и значит в истории борьбы за свободу, чем месяцы лакейских речей кадетов в Думе о безответственном монархе и монархически-конституционном строе. Нам надо позаботиться, — и кроме нас некому будет позаботиться, — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее, чем те месяцы «конституционного» удушья и балалайкинско-молчалинского преуспеяния, о которых при благосклонном попустительстве Столыпина и его цензурно-жандармской свиты благовестят так усердно органы нашей партийно-либеральной и беспартийно-«демократической» (тьфу! тьфу!) печати.

Нет сомнения, симпатии к бойкоту вызываются у многих именно этим достойным всякого уважения стремлением революционеров поддержать традицию лучшего революционного прошлого, оживить безотрадное болото современных серых будней огоньком смелой, открытой, решительной борьбы. Но именно потому, что нам дорого бережное отношение к революционным традициям, мы должны решительно протестовать против того взгляда,

* — всего только один шаг. Ред.

будто применением одного из лозунгов особой исторической эпохи можно содействовать возрождению существенных условий этой эпохи. Одно дело — хранение традиций революции, уметь использовать их для постоянной пропаганды и агитации, для ознакомления масс с условиями непосредственной и наступательной борьбы против старого общества, другое дело — повторение одного из лозунгов, вырванного из совокупности породивших его и обеспечивших ему успех условий, и применение его к условиям, существенно отличным.

Тот же Маркс, который так высоко ценил революционные традиции и неумолимо бичевал ренегатское или филистерское отношение к ним, требовал в то же время уметь мыслить от революционеров, уметь анализировать условия применения старых приемов борьбы, а не простого повторения известных лозунгов. «Национальные» традиции 1792-го года во Франции останутся, может быть, навсегда образцом известных революционных приемов борьбы, но это не мешало Марксу в 1870 году, в знаменитом «Адресе» Интернационала предупредить французский пролетариат против ошибочного перенесения этих традиций в условия иной эпохи¹³.

Так и у нас. Изучить условия применения бойкота мы должны, внедрить в массы ту идею, что бойкот является вполне законным и необходимым иногда приемом в моменты революционного подъема (что бы ни говорили педанты, всеу приемлющие имя Маркса), мы должны. Но есть ли налицо этот подъем, это основное условие провозглашения бойкота, — этот вопрос надо уметь поставить самостоятельно и решить его на основании серьезного разбора данных. Наш долг — готовить наступление такого подъема, поскольку это в наших силах, и не зарекается от бойкота в соответствующий момент, но считать лозунг бойкота вообще применимым к всякому худому или очень худому представительному учреждению было бы безусловной ошибкой.

Возьмите ту мотивировку, которой защищался и доказывался бойкот в «дни свободы», и вы сразу увидите невозможность простого перенесения таких доводов в условия тсперешнего положения вещей.

Участие в выборах приижает настроение, сдает позицию неприятелю, сбивает с толку революционный народ,

облегчает соглашение царизма с контрреволюционной буржуазией и т. п., говорили мы, отстаивая бойкот в 1905-ом и в начале 1906-го года. Какова основная предпосылка этих доводов, не всегда высказывавшаяся, но всегда подразумеваемая, как нечто *по тем временам* само собою разумеющееся? Эта предпосылка — богатая революционная энергия масс, ищущая и находящая себе *непосредственные* выходы помимо всяких «конституционных» каналов. Эта предпосылка — непрерывное *наступление* революции на реакцию, которое преступно было ослаблять занятием и обороной позиции, намеренно предоставляемой неприятелем с целью ослабить общий натиск. Попробуйте повторить эти доводы *вне* условий этой основной предпосылки, — и вы сразу почувствуете фальшь во всей своей «музыке», неверность основного тона.

Безнадежна также была бы попытка оправдать бойкот различием второй и третьей Думы. Считать серьезной и коренной разницу между кадетами (во второй Думе окончательно предававшими народ в руки черной сотне) и октябристами¹⁴, придавать сколько-нибудь реальное значение пресловутой «конституции», порванной государственным переворотом 3-го июня, — все это вообще соответствует гораздо больше духу вульгарного демократизма, чем духу революционной социал-демократии. Мы всегда говорили, твердили, повторяли, что «конституция» I и II Думы есть только призрак, что болтовня кадетов только отвод глаз для прикрытия их октябристской сущности, что Дума — совершенно негодное средство для удовлетворения требований пролетариата и крестьянства. Для нас 3-е июня 1907-го года — естественный и неизбежный результат декабрьского поражения в 1905 году. Никогда не были мы «очарованы» прелестями «думской» конституции, не может нас и разочаровать особенно переход от реакции, подкрашенной и родичевской фразой политой, — к реакции голой, открытой, грубой. Может быть, даже последняя — гораздо лучшее средство для отрезвления всяких хамствующих либеральных дурачков или сбитых ими с толку групп населения...

Сравните меньшевистскую, стокгольмскую, и большевистскую, лондонскую, революции о Гос. думе. Вы уви-

дите, что первая — напыщенна, фразиста, полна громких слов о значении Думы, надута сознанием величия думской работы. Вторая — проста, суха, трезва, скромна. Первая реолюция проникнута духом мещанского торжества по поводу венчания социал-демократии с конституционализмом («новой властью, из недр народа» и прочее и прочее в духе той же казенной фальши). Вторая может быть пересказана примерно так: ежели проклятая контрреволюция загнала нас в этот проклятый хлев, будем и там работать на пользу революции, не хныкая, но и не хвастаясь.

Защищая Думу от бойкота еще в период непосредственной революционной борьбы, меньшевики, так сказать, ангажировались перед народом насчет того, что Дума будет чем-то вроде орудия революции. И они преторжественно провалились с этим ангажементом. Мы же, большевики, если чем ангажировались, то только уверениями, что Дума — исчадие контрреволюции, и добра от нее сколько-нибудь серьезного ждать нельзя. Наша точка зрения подтверждалась до сих пор великолепно, и можно ручаться, что ее еще подтвердят дальнейшие события. Без «исправления» и повторения на основании новых данных октябрьско-декабрьской стратегии не быть на Руси свободе.

Поэтому, когда мне говорят: III Думу нельзя использовать, как вторую, нельзя объяснить массам необходимости участвовать в ней, то мне хочется ответить: если под «использованием» разумеется нечто меньшевистски-велеречивое, вроде орудия революции и т. п., тогда, конечно, нельзя. Но ведь и первые две Думы оказались на деле только ступеньками к октябристской Думе, и все же мы их использовали для той простой и скромной* цели (пропаганда и агитация, критика и разъяснение массам происходящего), для которой мы сумеем всегда использовать самые скверные представительные учреждения. Речь в Думе никакой «революции» не вызовет,

* Сравни «Пролетарий» (жюневский) 1905 г.¹⁵, статью о бойкоте булыгинской Думы (см. Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 156—164. *Ред.*) с указанием на то, что мы не зарекаемся от использования ее вообще, но *теперь* решаем иную, поставленную перед нами задачу: задачу борьбы за непосредственно-революционный путь. Сравни также «Пролетарий» (русский) 1906-го года¹⁶, № 1, статью: «О бойкоте» (см. Сочинения, 4 изд., том 11, стр. 118—125. *Ред.*), где подчеркивается скромный размер приносимой думскою работою пользы.

и пропаганда в связи с *Думой* никакими особыми качествами не отличается, но пользы от того и от другого социал-демократия получит не меньше, а иногда и побольше, чем от иной напечатанной или произнесенной в другом собрании речи.

И объяснять массам наше участие в октябристской Думе мы должны так же просто. Вследствие поражения в декабре 1905-го года и неудачи попыток 1906—1907 годов «исправить» это поражение, реакция неизбежно загоняла нас и постоянно *будет дальше загонять* в худшие и худшие quasi-конституционные учреждения. Мы будем отстаивать всегда и везде наши убеждения и проводить наши взгляды, повторяя всегда, что пока держится старая власть, пока она не вырвана с корнем, добра ждать нечего. Будем готовить условия нового подъема, а до его наступления и для его наступления надо упорнее работать, не бросая лозунгов, имеющих смысл только в условиях подъема.

Неверно также было бы смотреть на бойкот, как на *линию тактики*, противопологающую пролетариат и часть революционной буржуазной демократии либерализму совместно с реакцией. Бойкот, это — не линия тактики, а особое средство борьбы, годное при особых условиях. Смешивать большевизм с «бойкотизмом» — такая же ошибка, как смешивать его с «боевизмом». Различие *линии тактики* у меньшевиков и большевиков вполне уже выяснилось и отлилось в принципиально различные резолюции весной 1905 года во время большевистского III съезда в Лондоне и меньшевистской конференции в Женеве. Ни о бойкоте, ни о «боевизме» тогда не было и не могло быть речи. И на выборах во вторую Думу, когда мы не были бойкотистами, и во II Думе наша *линия тактики* отличалась самым решительным образом от меньшевистской, как известно всем и каждому. *Линии тактики* расходятся при всех приемах и средствах борьбы, на каждом поприще борьбы, отнюдь не создавая каких-то специальных, той или иной линии свойственных способов борьбы. И если бы бойкот III Думы оправдался или вызывался крахом *революционных* ожиданий от *первой или второй Думы*, крахом «законной», «сильной», «прочной» и «истинной» конституции, то это было бы меньшевизмом худшего сорта.

VI

Мы отложили на конец рассмотрение наиболее сильных и единственно марксистских доводов за бойкот. Активный бойкот не имеет смысла вне широкого революционного подъема. Пусть так. Но широкий подъем развивается из не-широкого. Признаки некоторого подъема есть налицо. Лозунг бойкота должен быть выставлен нами, ибо этот лозунг поддерживает, развивает и расширяет начинающийся подъем.

Такова, по моему мнению, *основная* аргументация, определяющая собой, в более или менее ясной форме, склонность к бойкоту в с.-д. кругах. И при этом товарищи, ближе всего стоящие к непосредственно-пролетарской работе, исходят не из «построенной» по известному типу аргументации, а из некоторой суммы впечатлений, получаемых ими от соприкосновения с рабочей массой.

Один из немногих вопросов, по которым нет или не было до сих пор, кажется, разногласий между двумя фракциями с.-д., это — вопрос о причине длительной паузы в развитии нашей революции. «Пролетариат не оправился», — такова эта причина. И действительно, октябрьско-декабрьская борьба почти целиком легла на *одни* пролетариат. За всю нацию систематически, организованно, непрерывно боролся один только пролетариат. Не удивительно, что в стране с наименьшим (по европейскому масштабу) процентом пролетарского населения, пролетариат должен был оказаться неимоверно истощенным такой борьбой. К тому же объединенные силы правительственной и буржуазной реакции обрушились после декабря и обрушивались с тех пор непрерывно именно на пролетариат. Полицейские преследования и казни децимировали* пролетариат в течение полутора года, а систематические локауты, начиная с «карательного» закрытия казенных заводов и кончая заговорами капиталистов против рабочих, доводили нужду рабочих масс до невиданных размеров. И вот теперь, говорят некоторые с.-д. работники, среди масс замечаются признаки подъема настроения, накопления сил у пролетариата. Это не вполне определенное и не вполне уловимое впечатление дополняется более сильным доводом: в некоторых отраслях промышленности

* — опустошали. Ред.

констатируется несомненное оживление дел. Увеличенный спрос на рабочих неминуемо должен усилить стачечное движение. Рабочие должны будут попытаться возместить хоть часть тех громадных потерь, которые они понесли в эпоху репрессий и локаутов. Наконец, третий и наиболее сильный довод состоит в указании не на проблематическое и вообще ожидаемое стачечное движение, а на одну крупнейшую, назначенную уже рабочими организациями, стачку. Представители 10 000 текстильных рабочих еще в начале 1907 г. обсуждали свое положение и намечали шаги по усилению профессиональных союзов этой отрасли промышленности. Второй раз собрались уже представители 20 000 рабочих и постановили объявить в июле 1907 г. *всеобщую забастовку текстильных рабочих*. Движение это может охватить непосредственно до 400 000 рабочих. Исходит оно из Московской области, т. е. из самого крупного центра рабочего движения в России и из самого крупного торгово-промышленного центра. Именно в Москве и только в Москве массовое рабочее движение может получить всего скорее характер широкого народного движения, имеющего решающее политическое значение. А текстильные рабочие из общей рабочей массы представляют из себя элемент наихуже оплачиваемый, наименее развитой, слабее всего участвовавший в предыдущих движениях, теснее всего связанный с крестьянством. Инициатива таких рабочих может указывать на то, что движение будет охватывать несравненно более широкие слои пролетариата, чем прежде. Связь же стачечного движения с революционным подъемом в массах продемонстрирована уже неоднократно в истории русской революции.

Прямой обязанностью социал-демократии является сосредоточение громадного внимания и экстренных усилий именно на этом движении. Работа именно в этой области должна получить безусловно первенствующее значение по сравнению с выборами в октябристскую Думу. В массы должно быть внедрено убеждение в необходимости превратить это стачечное движение в общий и широкий натиск на самодержавие. Лозунг бойкота и означает перенесение внимания с Думы на непосредственную массовую борьбу. Лозунг бойкота и означает пропитывание нового движения политическим и революционным содержанием.

Таков приблизительно ход мысли, приводящий некоторых с.-д. к убеждению в необходимости бойкотировать III Думу. Это — аргументация за бойкот, несомненно, марксистская и не имеющая ничего общего с голым повторением лозунга, вырванного из связи особых исторических условий.

Но, как ни сильна эта аргументация, она все же таки, по моему мнению, недостаточна еще для того, чтобы заставить нас *сейчас же* принять лозунг бойкота. Эта аргументация подчеркивает то, что и вообще не должно бы подлежать сомнению для русского социал-демократа, думавшего над уроками, преподанными нашей революцией, именно: что мы не можем зарекаться от бойкота, что мы должны быть готовы выдвинуть этот лозунг в подходящий момент, что наша постановка вопроса о бойкоте не имеет ничего общего с либеральной, филистерски-убогой и лишенной всякого революционного содержания постановкой вопроса: уклоняться или не уклоняться?*

Примем за доказанное и вполне соответствующее действительности все то, что говорят сторонники бойкота из с.-д. об изменении в настроении рабочих, о промышленном оживлении и об июльской забастовке текстильщиков.

Что вытекает из всего этого? Перед нами начало некоторого частного подъема, имеющего революционное значение**. Обязаны ли мы приложить все усилия, чтобы поддержать и развить его, стремясь превратить в общий революционный подъем, а затем и в движение наступательного типа? Безусловно. Среди социал-демократов (кроме разве сотрудничающих в «Товарище») об этом не может быть двух мнений. Но нужен ли *в данную минуту*, в начале этого частного подъема, до его окончательного перехода в общий, нужен ли лозунг бойкота для развития движения? Способен ли этот лозунг содействовать развитию

* См. в «Товарище» образец либеральных рассуждений у бывшего сотрудника с.-д. изданий, нынешнего сотрудника либеральных газет, Л. Мартова.

** Есть мнение, что текстильная забастовка является движением нового типа, обособляющим профессиональное движение от революционного. Но мы проходим мимо этого взгляда, во-1-х, потому, что толковать все симптомы явлений сложного типа в пессимистическую сторону есть прием вообще опасного свойства, часто сбивавший с толку многих, совсем «твердых в седле» социал-демократов. Во-2-х, если бы в текстильной забастовке были отмеченные черты, то мы, с.-д., несомненно, должны бы были самым энергичным образом бороться против них. В случае успеха нашей борьбы вопрос стоял бы, следовательно, именно так, как мы его и ставим.

современного движения? Это вопрос иной, и на этот вопрос, по моему мнению, придется ответить отрицательно.

Развивать общий подъем из частного можно и должно прямыми и непосредственными доводами и лозунгами, без отношения к III Думе. Весь ход событий после декабря — одно сплошное подтверждение с.-д. взгляда на роль монархической конституции, на необходимость непосредственной борьбы. Граждане! будем говорить мы, если вы не хотите, чтобы дело демократии в России так же неуклонно и все быстрее и быстрее шло под гору, как шло оно после декабря 1905 года, во время гегемонии над демократическим движением господ кадетов, если вы не хотите этого, — поддержите начинающийся подъем рабочего движения, поддержите непосредственную массовую борьбу. Вне ее нет и не может быть гарантий свободы на Руси.

Агитация этого типа будет, несомненно, вполне последовательной революционно-социал-демократической агитацией. Обязательно ли добавлять к ней: не верьте, граждане, в III Думу и смотрите на нас, с.-д., бойкотирующих ее в доказательство нашего протеста!

Подобное добавление по условиям переживаемого времени не только не необходимо, но звучит даже странно, звучит почти как насмешка. Да в III Думу и без того никто не верит, т. е. в слоях населения, способных питать демократическое движение, нет и быть не может того увлечения конституционным учреждением III Думы, как было, несомненно, широкое увлечение I Думой, *первыми* попытками создания на Руси каких бы то ни было, только *конституционных* учреждений.

Центром тяжести внимания широких кругов населения в 1905 и в начале 1906 г. было *первое* представительное учреждение, хотя бы на основе монархической конституции. Это факт. Против этого должны были с.-д. бороться и демонстрировать самым наглядным образом.

Теперь не то. Не увлечение *первым* «парламентом» составляет характерную черту момента, не вера в Думу, а *неверие в подъем*.

При таких условиях, выдвигая преждевременно лозунг бойкота, мы несколько не усиливаем движения, не парализуем действительных помех этому движению. Мало того: мы рискуем даже этим ослабить силу нашей агитации, ибо бойкот есть лозунг, сопущствующий уже определив-

шемуся подъему, а вся беда теперь в том, что широкие круги населения в подъем не верят, силы его не видят.

Надо сначала позаботиться о том, чтобы *на деле* была доказана сила этого подъема, а потом мы успеем всегда двинуть лозунг, косвенно выражающий эту силу. Да и то еще вопрос: нужен ли будет для революционного движения наступательного характера особый лозунг, *отвлекающий* внимание от... *III Думы*. Возможно, что нет. Для того, чтобы пройти мимо чего-либо важного и действительно способного увлечь неопытную и невидывавшую еще парламентов толпу, необходимо, может быть, *бойкотировать* то, мимо чего пройти надо. Но для того, чтобы пройти мимо учреждения, совершенно неспособного увлечь современную демократическую или полудемократическую толпу, не обязательно провозглашать бойкот. Не в бойкоте теперь суть, а в прямых и непосредственных усилиях превратить частный подъем в общий, профессиональное движение в революционное, оборону от локаутов в наступление на реакцию.

VII

Реаюмируем. Лозунг бойкота порожден особым историческим периодом. В 1905 и в начале 1906 года объективное положение вещей ставило на решение борющихся общественных сил вопрос о выборе ближайшего пути: непосредственно-революционный путь или монархически-конституционный поворот. Содержанием бойкотистской агитации при этом была главным образом борьба с конституционными иллюзиями. Условием успеха бойкота был широкий, общий, быстрый и сильный революционный подъем.

Во всех этих отношениях положение вещей к осени 1907 года вовсе не вызывает необходимости в таком лозунге и не оправдывает его.

Продолжая свою будничную работу по подготовке выборов и не отказываясь заранее от участия в самых реакционных представительных учреждениях, мы должны всю свою пропаганду и агитацию направить на выяснение народу связи между поражением в декабре и всем последующим упадком свободы и поруганием конституции. Мы должны внедрить в массы твердое убеждение в том,

что без непосредственной массовой борьбы такое поругание неизбежно будет продолжаться и усиливаться.

Не зарекаясь от применения лозунга бойкота в моменты подъема, когда могла бы возникнуть серьезная надобность в таком лозунге, мы в настоящее время должны направить все усилия на то, чтобы путем прямого и непосредственного воздействия стремиться превратить тот или иной подъем рабочего движения в движение общее, широкое, революционное и наступательное по отношению к реакции в целом, по отношению к ее устоям.

26 июня 1907 г.

ПАМЯТИ ГРАФА ГЕЙДЕНА

(ЧЕМУ УЧАТ НАРОД
НАШИ БЕСПАРТИЙНЫЕ «ДЕМОКРАТЫ?»)¹⁷

«Вся прогрессивная печать отнеслась к понесенной Россией тяжелой утрате в лице графа П. А. Гейдена с выражением глубокого соболезнования. Прекрасный образ Петра Александровича привлекал к себе всех порядочных людей без различия партий и направлений. Редкий и счастливый удел!!! Следует обширная цитата из правокадетских «Русских Ведомостей»¹⁸, где умиляется жизнью и деятельностью «чудного человека» князь Пав. Дм. Долгоруков, один из той долгоруковской породы, представители которой сознались прямо в корнях своего демократизма! Лучше миром поладить с крестьянами, чем дожидаться, пока они сами возьмут землю... «Мы глубоко разделяем чувства горечи, причиненные смертью графа Гейдена всем, кто привык ценить человека, в каком бы партийном облачении он ни появлялся. А покойный Гейден был именно прежде всего человек».

Так пишет газета «Товарищ» № 296, вторник, 19 июня 1907 г.

Публицисты «Товарища» — не только самые ярые демократы в нашей легальной прессе. Они считают себя социалистами, — критическими социалистами, конечно. Они — почти-что социал-демократы; и меньшевики, Плеханов, Мартов, Смирнов, Переяславский, Дан и проч., и проч., встречают самое радушное гостеприимство в газете, столбцы которой украшают своей подписью гг. Прокопович, Кускова, Португалов и иные «бывшие марксисты». Не подлежит, одним словом, ни малейшему сомнению, что публицисты «Товарища» — самые «левые» представители

нашего «просвещенного», чуждого узкой подпольщины, «демократического» и т. д. общества.

И когда попадаются на глаза такие строки, как приведенные выше, — трудно удержаться от восклицания по адресу этих господ: Какое счастье, что мы, большевики, заведомо не принадлежали к кругу *порядочных людей* «Товарища»!

Господа «порядочные люди» российской просвещенной демократии! Вы отупляете русский народ и заражаете его миазмами низкопоклонства и холопства во сто раз более, чем пресловутые черносотенцы, Пуришкевич, Крушеван, Дубровин, с которыми вы ведете такую усердную, такую либеральную, такую дешевенькую, такую выгодную и безопасную для вас войну. Вы пожимаете плечами и обращаетесь ко всем «порядочным людям» вашего общества с пренебрежительной усмешкой по адресу столь «нелепых парадоксов»? Да, да, мы знаем прекрасно, что ничто в мире не способно поколебать вашего пошленького либерального самодовольства. Именно потому и радуемся мы, что нам удалось всей своей деятельностью отгородить себя прочной стеной от круга порядочных людей русского образованного общества.

Можно ли найти примеры того, что черносотенцы развратили и сбили с толку сколько-нибудь широкие слои населения? Нет.

Ни их пресса, ни их союз, ни их собрания, ни выборы в I или II Думу не могли дать таких примеров. Черносотенцы озлобляют насильями и зверствами, в которых участвуют полиция и войска. Черносотенцы возбуждают к себе ненависть и презрение своими мошенничествами, подвохами, подкупам. Черносотенцы организуют на правительственные деньги кучки и шайки пропойц, способных действовать только с разрешения полиции и по наущению ее. Во всем этом нет и следа сколько-нибудь опасного идейного влияния на сколько-нибудь широкие слои населения.

И, наоборот, столь же несомненно, что такое влияние оказывает наша легальная, либеральная и «демократическая» пресса. Выборы в I и II Государственную думу, собрания, союзы, учебное дело — все доказывает это. А рассуждение «Товарища» по поводу смерти Гейдена показывает воочию, каково это идейное влияние.

...«Тяжелая утрата... прекрасный образ... счастливый удел... был прежде всего человек».

Помещик, граф Гейден, благородно либеральничал до октябрьской революции. Сейчас же после первой победы народа, после 17 октября 1905 года, он без малейших колебаний перешел в лагерь контрреволюции, в партию октябристов, в партию озлобленного против крестьян и против демократии помещика и крупного капиталиста. В I Думе сей благородный мужчина защищал правительство, а после разгона первой Думы договаривался, — но не договорился, — об участии в министерстве. Таковы основные крупнейшие этапы в жизненной карьере этого типичного контрреволюционного помещика.

И вот являются прилично одетые, просвещенные и образованные господа, с фразами о либерализме, демократизме, социализме на устах, с речами о сочувствии делу свободы, делу крестьянской борьбы за землю против помещиков, — господа, которые располагают фактически монополией легальной оппозиции в печати, в союзах, на собраниях, на выборах, и проповедают народу, вознеся очи горé: «Редкий и счастливый удел!.. Покойный граф был прежде всего человек».

Да, Гейден был не только человек, но и гражданин, умевший возвышаться до понимания общих интересов своего класса и отстаивать эти интересы весьма умно. А вы, господа просвещенные демократы, вы — просто слезоточивые дурачки, прикрывающие либеральным юродством свою неспособность быть чем-либо иным, как культурными лакеями того же помещичьего класса.

Влияние помещиков на народ не страшно. Обмануть сколько-нибудь широкую рабочую и даже крестьянскую массу сколько-нибудь надолго никогда им не удастся. Но влияние *интеллигенции*, непосредственно не участвующей в эксплуатации, обученной оперировать с общими словами и понятиями, носящейся со всякими «хорошими» заветами, иногда по искреннему тупоумию возводящей свое междуклассовое положение в *принцип* внеклассовых партий и внеклассовой политики, — влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно. Тут, и только тут есть налицо заражение широких масс, способное принести действительный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой.

— Гейден был человек образованный, культурный, гуманный, терпимый, — захлебываются либеральные и демократические слюнтяи, воображая себя возвысившимися над всякой «партийностью», до «общечеловеческой» точки зрения.

Ошибаетесь, почтеннейшие. Эта точка зрения не общечеловеческая, а общехолопская. Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам. Вот вы именно такие хамы, господа из «Товарища». Вы с омерзительным благодушием умиляетесь тем, что контрреволюционный помещик, поддерживавший контрреволюционное правительство, был образованный и гуманный человек. Вы не понимаете того, что, вместо того, чтобы превращать раба в революционера, вы превращаете рабов в холопов. Ваши слова о свободе и демократии — напускной лоск, заученные фразы, модная болтовня или лицемерие. Это размалеванная вывеска. А сами по себе вы — гробы повапленные. Душонка у вас насквозь хамская, а вся ваша образованность, культурность и просвещенность есть только разновидность квалифицированной проституции. Ибо вы продаете свои души и продаете не только из нужды, но и из «любви к искусству»!

— Гейден был убежденный конституционалист, — умиляетесь вы. Вы лжете или вы уже совершенно одурочены Гейденами. Называть перед народом, публично, убежденным конституционалистом человека, который основывал партию, поддерживавшую правительство Витте, Дубасова, Горемыкина и Столыпина, это все равно, что называть какого-нибудь кардинала убежденным борцом против папы. Вместо того, чтобы учить народ правильному понятию конституции, — вы, демократы, сводите в своих писаниях конституцию к севрюжине с хреном. Ибо не подлежит сомнению, что для контрреволюционного помещика конституция есть именно севрюжина с хреном, есть вид наибольшего усовершенствования приемов ограбления и подчинения мужика и всей народной массы. Если Гейден был убежденным конституционалистом, — значит, Дуба-

сов и Столыпин тоже убежденные конституционалисты, ибо *их* политику *на деле* поддерживал и Гейден. Дубасов и Столыпин не могли бы быть тем, чем они были, не могли бы вести своей политики без поддержки октябристов и Гейдена в том числе. По каким же основаниям, о, великомудрые демократы из «порядочных» людей, надо судить о политической физиономии человека («конституционалист»)? по его речам, по его биению себя в грудь и проливанью крокодиловых слез? или по его действительной деятельности на общественной арене?

Что характерно, что типично для политической деятельности Гейдена? То ли, что он не мог сговориться со Столыпиным об участии в министерстве после разгона I Думы, или то, что он *пошел* после такого акта договариваться со Столыпиным? То ли, что он прежде, тогда-то и тогда-то, говорил такие-то либеральные фразы, или то, что он стал октябристом (= контрреволюционером) сейчас же после 17-го октября? Называя Гейдена убежденным конституционалистом, вы учите народ тому, что первое характерно и типично. А это значит, что вы бессмысленно повторяете отрывки демократических лозунгов, не понимая *азбуки* демократии.

Ибо демократия, — запомните это себе, господа порядочные люди из порядочного общества, — означает борьбу против того самого господства над страной контрреволюционных помещиков, каковое господство поддерживал г. Гейден и воплощал во всей своей политической карьере.

— Гейден был человек образованный, — умиляются наши салонные демократы. Да, мы уже это признали и охотно признаем, что он был образованнее и *умнее* (это не всегда бывает соединено с образованностью) самих демократов, ибо он лучше понимал интересы *своего* класса и *своего* контрреволюционного общественного движения, чем вы, господа из «Товарища», понимаете интересы освободительного движения. Образованный контрреволюционный помещик умел тонко и хитро защищать интересы своего класса, искусно прикрывал флером благородных слов и внешнего джентльменства корыстные стремления и хищные аппетиты крепостников, настаивал (перед Столыпинскими) на ограждении этих интересов наиболее цивилизованными формами классового господства. Все свое «образование» Гейден и ему подобные принесли

на алтарь служения помещичьим интересам. Для действительного демократа, а не для «порядочного» хама из русских радикальных салонов, это могло бы послужить великолепной темой для публициста, показывающего *протипуирование* образования в современном обществе.

Когда «демократ» болтает об образованности, он хочет вызвать в уме читателя представление о богатых знаниях, о широком кругозоре, об облагораживании ума и сердца. Для господ Гейденов образование — легонький лак, дрессировка, «натасканность» в джентльменских формах обделывания самых грубых и самых грязных политических гешефтов. Ибо весь октябризм, все «мирнообновленство»¹⁹ Гейдена, все переговоры его со Столыпиным после разгона I Думы были по существу обделыванием самого грубого и грязного дела, обстраиванием того, как бы понадежнее, похитрее, поискуснее, прочнее изнутри, незаметнее снаружи, защитить *права* благородного российского дворянства на кровь и пот миллионов «мужичья», ограбляемого этими Гейденами всегда и непрестанно, и до 1861 г., и в 1861 году, и после 1861 года, и после 1905 года.

Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов, а современный российский интеллигент, мнящий себя хранителем демократического наследия, принадлежащий к кадетской партии* или к кадетским подголоскам, учит народ хамству и восторгается своим беспристрастием беспартийного демократа. Зрелище едва ли не более отвратительное, чем зрелище подвигов Дубасова и Столыпина...

— Гейден был «человек», — захлебывается от восторга салонный демократ. Гейден был гуманен.

Это умиление гуманностью Гейдена заставляет нас вспомнить не только Некрасова и Салтыкова, но и «Записки охотника» Тургенева. Перед нами — цивилизованный, образованный помещик, культурный, с мягкими формами обращения, с европейским лоском. Помещик угощает гостя вином и ведет возвышенные разговоры. «Отчего вино не нагрето?» спрашивает он лакея. Лакей молчит

* Кадеты проявили во сто раз больше холопства в оценке Гейдена, чем гг. из «Товарища». Мы вяли последних, как образец «демократизма» у «порядочных людей» русского «общества».

и бледнеет. Помещик звонит и, не повышая голоса, говорит вошедшему слуге: «Насчет Федора... распорядиться».

Вот вам образчик гейденовской «гуманности» или гуманности à la* Гейден. Тургеневский помещик тоже «гуманный» человек... по сравнению с Салтычихой, например, настолько гуманен, что не идет сам в конюшню присматривать за тем, хорошо ли распорядились выпороть Федора. Он настолько гуманен, что не заботится о мочении в соленой воде розог, которыми секут Федора. Он, этот помещик, не позволит себе ни ударить, ни выбранить лакея, он только «распоряжается» издали, как образованный человек, в мягких и гуманных формах, без шума, без скандала, без «публичного оказательства»...

Совершенно такова же гуманность Гейдена. Он сам не участвовал в порке и истязании крестьян с Луженовскими и Филоновыми. Он не ездил в карательные экспедиции вместе с Ренненкампами и Меллерами-Закомельскими. Он не расстреливал Москвы вместе с Дубасовым. Он был настолько гуманен, что воздерживался от подобных подвигов, предоставляя подобным героям всероссийской «конюшни» «распоряжаться» и руководя в типичного своего мирного и культурного кабинета политической партией, которая поддерживала правительство Дубасовых и вожди которой пили здравицу победителю Москвы Дубасову... Разве это не гуманно в самом деле: посылать Дубасовых «насчет Федора распорядиться» вместо того, чтобы быть на конюшне самому? Для старых баб, ведущих отдел политики в нашей либеральной и демократической печати, это — образец гуманности... — Золотой был человек, мухи не обидел! «Редкий и счастливый удел» Дубасовых поддерживать, плодами дубасовских расправ пользоваться и за Дубасовых не быть ответственным.

Салонный демократ считает верхом демократизма воздыхание о том, почему не управляют нами Гейдены (ибо этому салонному дурачку в голову не приходит мысль о «естественном» разделении труда между Гейденом и Дубасовыми). Слушайте:

...«И как жаль, что он (Гейден) умер именно теперь, когда был бы всего полезнее. Теперь он боролся бы с крайними правыми, развертывая лучшие стороны своей души, отстаивая конституционные

* — вроде. Ред.

начала со всей свойственной ему энергией и находчивостью» («Товарищ» № 299, пятница, 22 июня, «Памяти гр. Гейдена», корреспонденция из Псковской губернии).

Жаль, что образованный и гуманный Гейден-мирнообновленец не прикрывает своим конституционным фразерством наготы III, октябристской Думы, наготы уничтожающего Думу самодержавия! Задача «демократа»-публициста не разрывать лживые облачения, не показывать народу гнетущих его врагов во всей их наготе, а жалеть об отсутствии испыганных лицемеров, украшающих ряды октябристов... Was ist der Philister? Ein hohler Darm, voll Furcht und Hoffnung, dass Gott erbarm! Что такое филистер? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что бог сжадется²⁰. Что такое российский либерально-демократический филистер кадетского и около-кадетского лагеря? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что контрреволюционный помещик сжадется!

Июнь 1907 г.

*Напечатано в 1907 г. в первом
сборнике «Голос жизни»,
С.-Петербург
Подпись: Н. Л.*

Печатается по тексту сборника

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА,
ПРОЧИТАННОГО НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 8-го ИЮЛЯ,
ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ
К ТРЕТЬЕЙ ДУМЕ ²¹**

1. Бойкот Думы, как показал опыт русской революции, является единственно правильным решением революционной социал-демократии при таких исторических условиях, когда бойкот представляет из себя действительно активный бойкот, т. е. выражает силу непосредственно идущего к прямому натиску на старую власть (следовательно, к вооруженному восстанию) широкого и всеобщего революционного подъема. Бойкот выполняет великую историческую задачу, когда содержанием его является предупреждение пролетариатом всего народа против слепого мелкобуржуазного увлечения конституционными иллюзиями и первыми, даруемыми старой властью, якобы-конституционными учреждениями.

2. Рассматривать бойкот, как само по себе действующее средство вне условий широкого, всеобщего, сильного и быстрого революционного подъема и прямого всенародного натиска, направленного на свержение старой власти, — вне задачи борьбы с народным увлечением дарованной конституцией, — значит действовать под влиянием чувства, а не разума.

3. Поэтому провозглашать бойкот Думы на основании того, что благоприятный для кадетов избирательный закон заменен благоприятным для октябристов, — на основании того, что на смену второй Думе, которая по-кадетски говорила и по-октябристки действовала и в которой с.-д. не без пользы для дела революции участвовали, идет откровенно октябристская Дума, — провозглашать бойкот на этом основании значило бы не только заменять выдержанную революционную работу революционной

нервозностью, но и обнаруживать господство над самими с.-д. худших иллюзий насчет кадетской Думы и кадетской конституции.

4. Центральным пунктом всей агитационной работы революционной социал-демократии должно быть выяснение народу того, что государственный переворот 3 июня 1907 года является прямым и совершенно неизбежным результатом поражения декабрьского восстания 1905 года. Урок второго периода русской революции, 1906-го и 1907-го годов, состоит в том, что такое же систематическое наступление реакции и отступление революции, которое происходило весь этот период, неизбежно при господстве веры в конституцию, неизбежно при господстве якобы-конституционных способов борьбы, неизбежно до тех пор, пока пролетариат, окрепнув и собравшись с силами от понесенных поражений, не поднимется несравненно более широкими массами для более решительного и наступательного революционного натиска, направленного на свержение царской власти.

5. Разгорающееся в настоящее время в Московском промышленном районе и начинающее захватывать иные районы России стачечное движение следует рассматривать, как самый крупный залог возможного в ближайшем будущем революционного подъема. Поэтому социал-демократия должна приложить все свои силы не только для поддержки и развития экономической борьбы пролетариата, но и для превращения данного, пока еще только профессионального, движения в широкий революционный подъем и в непосредственную борьбу рабочих масс с вооруженной силой царизма. Лишь тогда, когда усилия социал-демократии в этом направлении увенчаются успехом, лишь на почве создавшегося уже наступательного революционного движения может получить серьезное значение лозунг бойкота в неразрывной связи с прямым призывом масс к вооруженному восстанию, свержению царской власти, замены ее временным революционным правительством для созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Написано в июле 1907 г.

*Напечатано в июле 1907 г.
отдельным листком*

Печатается по текстцу листка

ТРЕТЬЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП («ВТОРАЯ ОБЩЕРОССИЙСКАЯ») ²²

1

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ В ВЫБОРАХ В III ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Принимая во внимание,

1) что активный бойкот, как показал опыт русской революции, является правильной тактикой социал-демократии лишь в обстановке широкого, всеобщего и быстрого революционного подъема, переходящего в вооруженное восстание, и лишь в связи с идейной задачей борьбы против конституционных иллюзий при созыве старой властью первого представительного собрания;

2) что при отсутствии этих условий правильная тактика революционной социал-демократии требует даже при наличии всех условий революционной эпохи участия в выборах, как это и было при II Думе;

3) что социал-демократия, всегда указывавшая на октябристскую сущность партии кадетов и на непрочность кадетского избирательного закона (11. XII. 1905) при существовании самодержавия, не имеет никаких оснований менять свою тактику вследствие замены его октябристским избирательным законом;

4) что развивающееся в настоящее время стачечное движение в центральной промышленной области России, являясь крупнейшим залогом возможного в близком будущем революционного подъема, требует в то же время упорной работы над превращением пока только профессионального движения в политическое и в непосредственно-революционное, связанное с вооруженным восстанием, конференция постановляет:

а) принять участие в выборах и в III Думе;

б) разъяснить массам связь государственного переворота 3. VI. 1907 с поражением декабрьского восстания

1905 г. и с изменами либеральной буржуазии, доказывая в то же время недостаточность одной профессиональной борьбы и стремясь превратить профессиональное стачечное движение в политическое и в непосредственную революционную борьбу масс за свержение царского правительства путем восстания;

в) разъяснять массам, что бойкот Думы сам по себе не в состоянии поднять рабочее движение и революционную борьбу на высшую ступень и что тактика бойкота могла бы стать уместной только при условии успеха наших усилий превратить профессиональный подъем в революционный натиск.

2

НАБРОСОК ПРОЕКТА РЕЗОЛЮЦИИ О ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Конференция признает обязанностью всех членов партии энергично проводить в жизнь резолюцию Лондонского съезда о профессиональных союзах, считаясь со всей совокупностью местных условий при проведении в жизнь организационных связей профессиональных союзов с социал-демократической партией или при признании первыми руководства со стороны последней и обращая всегда и при всех условиях первостепенное внимание на то, чтобы социал-демократы в профессиональных союзах не ограничивались пассивным приспособлением к «нейтральной» платформе, излюбленной всеми оттенками буржуазно-демократических течений (кадеты, беспартийные прогрессисты²³, социалисты-революционеры и т. д.), а неуклонно отстаивали во всей их целостности социал-демократические воззрения, неуклонно содействовали признанию профессиональными союзами идейного руководства социал-демократии и установлению постоянных и фактических организационных связей с ними.

Написано в июле 1907 г.

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXV*

Печатается по рукописи

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

После разгона второй Думы преобладающей чертой политической литературы стало уныние, покаяние, ренегатство. Начиная с г. Струве, продолжая «Товарищем», кончая рядом писателей, примыкающих к с.-д. — мы видим отречение от революции, ее традиций, ее приемов борьбы, стремление приладиться так или иначе поправее. Для характеристики того, как говорят и пишут теперь некоторые социал-демократы, мы возьмем первые попавшиеся их произведения в текущей периодической печати: статью г. Неведомского в № 7 «Образования»²⁴ и г. Вл. Горна в № 348 «Товарища».

Г-н М. Неведомский начинает свою статью самой резкой критикой кадетов во второй Думе, самой решительной защитой левоблокнистской тактики и поведения с.-д. Кончает же он статью так:

«Говоря в изъяснительном наклонении, я скажу, что для всякого социал-демократа должно быть очевидно одно: на той стадии политической эволюции, на которой мы находимся, деятельность социалистических партий, в конечном счете, все же лишь пробивает дорогу для партий буржуазных, подготавливает их временное торжество.

Отсюда вытекает повелительное наклонение такого рода: что бы из себя ни представляла эта «мимитическая» («сейчас брюнет, сейчас блондин») кадетская партия, пока она является единственной оппозиционной партией, приходится с ее деятельностью координировать деятельность социалистическую. Это диктуется принципом экономии сил... «В общем, говоря без всякой иронии» (г. М. Неведомскому пришлось делать такую оговорку, ибо он не может писать без вывертов и выкрутасов, сбивающих с толку и читателей и самого автора), «эта фраза Милюкова совершенно верно определяет в существенных чертах взаимоотношение тех и других партий»... (речь идет о следующей фразе Милюкова: «угровы

вмешательством народа можно осуществить лишь тогда, когда это вмешательство предварительно подготовлено, — и на эту подготовку и должна быть направлена работа всех тех, кому собственная власть Думы кажется недостаточной для выполнения ее огромных задач»; пусть левые готовят и создают движение — правильно толкует эту фразу г. Неведомский, — «а гг. кадеты и Дума эту работу учитывали бы)... «Может быть, это не лишено цинизма, когда исходит из уст представителя партии учащейся, но когда подобная постановка вопроса делается Плехановым, например, то это лишь точное и реалистическое определение линии поведения для социал-демократии и метода использования ею сил либеральной оппозиции».

Мы готовы допустить, что Плеханов испытывает некоторое чувство... ну, скажем мягко, неловкости, когда подобные господа любезно похлопывают его по плечу. Но своими кадетскими лозунгами, вроде единой платформы с.-д. и кадетов или бережения Думы, Плеханов несомненно дал право *использовать* его речи именно таким образом.

Теперь послушайте г. Вл. Горна.

«Ясно, что для того, чтобы одолеть ее (антидемократическую коалицию землевладельцев и крупных буржуа, создаваемую избирательным ваконом 3-го июня), «необходимы два условия. Во-первых, всем слоям демократии, не исключая пролетариата, нужно спеться друг с другом, чтобы противопоставить одной коалиции другую, а, во-вторых, вести борьбу *не путем придумывания наиболее решительных лозунгов в видах откалывания недостаточно революционных элементов и форсирования движения заведомого революционного меньшинства* (курсив г. Горна), а путем реальной конкретной борьбы, втягивающей самые массы, с конкретными же мерами антидемократической коалиции. Для того, чтобы создать демократическую коалицию, не нужно слияния, необходимо лишь соглашение в путях и непосредственных целях борьбы. А эти соглашения, — если сознательные представители масс — партии — станут на почву достижения реальных изменений условий социального существования, а не только на агитационную точку зрения, — вполне возможны».

Разве не ясно из этих выписок, что оба наши героя модных кадетских словечек говорят в сущности одно и то же? Г. Горн только чуточку пооткровеннее и чуточку больше обнажился, но его отличие от г. Неведомского ничуть не больше, чем отличие г. Струве от г. Набокова или от г. Маклакова.

Политика имеет свою внутреннюю логику. Сколько раз указывали на то, что между с.-д. и либералами возможны соглашения *технические*, несколько не ведущие к *поли-*

тическому блоку, от которого отрекались всегда и все партийные социал-демократы (о непартийных или таких, которые ведут двойную игру, говоря в партии одно, а в «вольной», беспартийной газете другое, мы здесь не говорим). И жизнь неизменно разбивала эти красивые построения и добрые пожелания, ибо из-за прикрытия «технических» соглашений неуклонно пробивали себе дорогу идеи политического блока. В мелкобуржуазной стране, в период буржуазной революции, при обилии мелкобуржуазных интеллигентов в рабочей партии, тенденция к политическому подчинению пролетариата либералам имеет самые реальные корни. И эта тенденция, коренящаяся в объективном положении вещей, оказывается действительным содержанием всякого *квази**-социалистического политиканства на тему о коалициях с кадетами. Г. Горн, с наивностью интеллигента, у которого только словечки социал-демократические, а все помыслы, вся идейная подоплека, все «нутро», — чисто либеральные или мещанские, г. Горн проповедует прямо-таки политический блок, *«демократическую коалицию»*, не больше и не меньше.

В высшей степени характерно, что г. Горну *пришлось* делать оговорку: «не нужно слияния»! Делая эту оговорку, он выдал только этим остатки нечистой социалистической совести. Ибо, говоря: «не нужно слияния, а лишь соглашение», он тут же, невступно, дал такое описание этого «соглашения», такое определение его *содержания*, которое с полнейшей ясностью обнаруживает его социал-демократическое ренегатство. Не в словечке ведь дело, не в названии вещи «слиянием» или «соглашением». Дело в том, каково реальное содержание этого *«совокупления»*. Дело в том, *за какую цену* предлагаете вы социал-демократической рабочей партии стать содержанкой либерализма.

Цена определена ясно.

- 1) Покинуть агитационную точку зрения.
- 2) Отказаться от «придумывания» решительных ловушек.
- 3) Перестать откалывать недостаточно революционные элементы.

4) Отказаться от «форсирования» движения заведомого революционного меньшинства.

* — янубы. Ред.

Я готов был бы дать премию тому, кто сумел бы составить более ясную и более точную программу самого полного и самого гнусного ренегатства. От г-на Струве г-н Горн отличается только тем, что г. Струве ясно видит свой путь и до известной степени «самостоятельно» определяет свои шаги. Господина же Горна просто ведут на поводу его кадетские пестуны.

— Покинуть агитационную точку зрения — этому все время учили народ кадеты во второй Думе. Это значит не развивать сознание и *требовательность* рабочих масс и крестьянства, а принижать то и другое, тушить, гасить, проповедывать социальный мир.

— Не придумывать решительных лозунгов — значит, отказаться, как и сделали кадеты, от проповеди тех лозунгов, которые выставили с.-д. еще вадолго до революции.

— Не откалывать недостаточно революционных элементов — значит, отказаться от всякой критики перед массами кадетского лицемерия, лжи и реакционности, значит, обниматься с господином Струве.

— Не форсировать движения заведомого революционного меньшинства, — значит, по существу дела, отказаться от революционных приемов борьбы. Ибо совершенно неоспоримо, что в революционных выступлениях на всем протяжении 1905-го года участвовало *заведомое революционное меньшинство*: именно потому, что боролись хотя и массы, но все же массы, бывшие в меньшинстве, именно поэтому полного успеха в борьбе они и не имели. Но все те успехи, каких только вообще достигло освободительное движение в России, все те завоевания, которые оно вообще сделало, — все это *целиком и без исключения* завоевано *только* этой борьбой масс, бывших в меньшинстве. Это во-первых. А, во-вторых, то, что либералы и их подголоски называют «форсированными движениями», было *единственным* движением, в котором массы (хотя на первый раз, к сожалению, и в меньшинстве) участвовали самостоятельно, а не через заместителей, — *единственным* движением, которое *не боялось* народа, которое выражало интересы масс, которому сочувствовали (это доказали выборы в первую и особенно во вторую Думу) гигантские, не участвовавшие непосредственно в революционной борьбе, массы.

Говоря о «форсировании движения заведомого революционного меньшинства», господин Горн совершает одну из самых распространенных, чисто буренинских, переделжек. Когда газета Буренина²⁵ воевала с Алексинским в эпоху второй Думы, она всегда представляла дело так, что ее вражда к Алексинскому вызывается не борьбой его за политическую свободу, а тем, что Алексинский хочет свободы... бить стекла, лазить на фонари и т. п. Именно такую же черносотенную подготовку делает и публицист «Товарища». Он старается представить дело так, что соглашению социалистов с либералами мешает вовсе не то, что социалисты всегда стоят и будут стоять за развитие революционного сознания и революционной активности масс вообще, а только то, что социалисты *форсируют*, т. е. подхватывают, искусственно взвинчивают движение, что они разжигают движения, *заведомо* безнадежные.

На эти выходки мы ответим коротко. Вся социалистическая печать и в эпоху первой и в эпоху второй Думы, и меньшевистская, и большевистская, осуждала всякое «форсирование» движения... Не за форсирование движения воюют кадеты с эсдеками и в первой и во II Думе, а за то, что с.-д. *развивают* революционное сознание и требовательность масс, *разоблачают* реакционность кадетов и мираж конституционных иллюзий. Этих общеизвестных исторических фактов нельзя обойти никакой газетной эквилибристикой. Что касается формы выступления г-на Горна, то она донельзя характерна для нашего времени, когда «образованное общество», отрекаясь от революции, хватается за порнографию. Субъект, считающий себя социал-демократом, отправляется в беспартийную газету, чтобы перед широкой публикой говорить нововременские речи насчет «форсирования» рабочей партией движения «заведомого» меньшинства! Ренегатские настроения создают у нас и ренегатские нравы.

* * *

Подойдем теперь к вопросу с другой стороны. Взгляды господ Неведомских и Горнов, которые возбуждают такое отвращение, когда эти взгляды преподносят якобы социал-демократы, — являются, несомненно, высокотипичными и естественными взглядами широких кругов нашей

буржуазной интеллигенции, либеральничающего «общества», фрондирующих чиновников и т. п. Эти взгляды недостаточно характеризовать, как выражение политически-бесхарактерной, дряблой и неустойчивой мелкой буржуазии. Их надо кроме того объяснить с точки зрения данного положения вещей в развитии нашей революции.

Почему именно теперь, перед III Думой, известные круги мещанства порождают такие взгляды? Потому, что эти круги, покорно меняя свои убеждения вслед за каждым поворотом правительственной политики, верят в октябристскую Думу, т. е. считают выполнимой ее миссию, и спешат приладиться к «октябристским реформам», спешат идейно обосновать и оправдать свое приспособление к октябризму.

Миссия октябристской Думы, по замыслу правительства, состоит в том, чтобы завершить революцию прямой сделкой старой власти с помещиками и крупнейшей буржуазией на основе известного минимума конституционных реформ. Говоря абстрактно, в этом нет ничего абсолютно невозможного, ибо на западе Европы ряд буржуазных революций завершается упрочением «октябристских» конституционных порядков. Вопрос только в том, возможны ли в современной России октябристские «реформы», способные остановить революцию? Не осуждены ли октябристские «реформы», в силу глубины нашей революции, на такой же крах, как и кадетские «реформы»? Не будет ли октябристская Дума столь же кратким эпизодом, как Думы кадетские, эпизодом на пути к восстановлению господства черносотенцев и самодержавия?

Мы пережили период непосредственной революционной борьбы масс (1905-й год), давшей некоторые завоевания свободы. Мы пережили затем период остановки этой борьбы (1906-й и половина 1907-го года). Этот период дал ряд побед реакции и ни одной победы революции, потерявшей завоевания первого периода. Второй период был периодом кадетским, периодом конституционных иллюзий. Массы верили еще более или менее в «парламентаризм» при самодержавии, и самодержавие, понимая опасность чистого господства черносотенцев, пыталось столкнуться с кадетами, делало опыты, *примеряло* разного типа конституционные костюмы, испытывало, какую меру реформы способны принять «хозяева» России, господа крупнейшие

помещики. Опыт кадетской конституции кончился крахом, несмотря на то, что кадеты вели себя во второй Думе совершенно по-октябристски, не только не нападали на правительство, не возбуждали против него масс, но и систематически успокаивали массы, борясь с «левыми», т. е. с партиями пролетариата и крестьянства, поддерживали прямо и решительно данное правительство (бюджет и т. д.). Опыт кадетской конституции не удался, одним словом, не потому, что у кадетов или у правительства не было доброго желания, а потому, что объективные противоречия русской революции оказывались *слишком глубоки*. Эти противоречия *оказались* настолько глубоки, что кадетского мостика через пропасть перебросить оказалось невозможно. Опыт показал, что даже при полном подавлении на данное время массовой борьбы, при полном самоуправстве старой власти в подтасовке выборов и т. д., крестьянские массы (а в буржуазной революции исход зависит больше всего от крестьянства) предъявили такие требования, которые никакое дипломатическое искусство кадетских посредников *не в состоянии* приспособить к господству привилегированных помещиков. Если г. Струве злобствует теперь против трудовиков²⁶ (не говоря уже о с.-д.), если «Речь»²⁷ ведет целый поход против них, то это не случайность и не простая досада буржуазного адвоката, услуги которого отвергнуты мужиком. Это — неизбежный политический шаг в эволюции кадетов: не удалось помирить помещиков с трудовиками, — *значит* (для буржуазной интеллигенции вывод может быть *только* такой), значит, надо не более широкие массы поднять на борьбу против помещиков, а *понизить* требования трудовиков, *еще уступить* помещикам, «отбросить революционные утопии», как говорит Струве и «Речь», или отбросить придумывание решительных лозунгов и форсирование движения, как говорит новый слуга кадетов, г. Горн.

Правительство *приспособляется* к помещикам тем, что отдает выборы всецело в их руки, лишает фактически избирательных прав крестьянство. Кадеты приспособляются к помещикам тем, что громят трудовиков за революционность и неуступчивость. Беспартийные политики, вроде сотрудинок «Товарища» вообще, и г. Горна в особенности, приспособляются к помещикам тем, что

зовут пролетариат и крестьянство «согласовать» («координировать» у г. Неведомского) свою политику с кадетской, войти в «демократическую коалицию» с кадетами, отречься от «решительных лозунгов» и проч. и т. п.

Правительство действует систематически. Шаг за шагом отбирает оно то, что завоевано «форсированным движением» и что осталось без защиты при затишьи этого движения. Шаг за шагом пробует оно, на какие «реформы» можно бы было присогласить господ помещиков. Не смогли этого сделать кадеты? Не смогли в силу помех со стороны левых, вопреки искреннему желанию и потугам самих кадетов? Значит, надо обкарнать избирательные права «левых» и отдать решение в руки октябристов: только в случае неудачи *и этого опыта* придется целиком отдаться во власть «Совету объединенного дворянства»²⁸.

В действиях правительства есть смысл, система, логика. Это — логика классовых интересов помещика. Надо отстоять эти интересы и надо оберегать как-никак буржуазное развитие России.

Для осуществления этих планов правительства нужно *насилъственное* подавление интересов и движения *масс*, отнятие у них избирательных прав, отдача их на расправу 130 тысячам. Удастся ли осуществить эти планы, — этого вопроса никто не решит теперь. Этот вопрос решит только *борьба*.

Мы, с.-д., решаем этот вопрос *своей борьбой*. И кадеты решают этот вопрос *борьбой... против левых*. Кадеты борются за *правительственное* решение этого вопроса: они делали это систематически во второй Думе на арене парламентской. Они делают это систематически и теперь своей *идейной борьбой* против с.-д. и против трудовиков.

Конечно, для рядового русского интеллигента, как и для всякого полуобразованного мещанина, это звучит парадоксом; кадеты, называющие себя демократами, говорящие либеральные речи, борются за *правительственное* решение вопроса! Это — явная несообразность! Демократы — значит, вали их в «демократическую коалицию»! Ведь это такой ясный вывод для политических простачков, которых даже два года русской революции не научили искать в *борьбе разных классов* истинной подкладки и *правительственных мероприятий* и либеральных словоизвержений. И сколько у нас «марксистов» из интеллигентского

лагеря, исповедующих принцип классовой борьбы, а на деле чисто по-либеральному рассуждающих и о кадетях, и о роли Думы, и о бойкоте! И сколько еще кадетских голосований за бюджет понадобятся для этих политических простофилей, чтобы переварить давно уже знакомое Европе явление: либерал, ораторствующий против правительства и во всяком серьезном вопросе поддерживающий правительство.

Смена второй Думы третьей Думой есть смена кадета, действующего по-октябристски, октябристом, действующим при помощи кадета. Во второй Думе главенствовала партия буржуазных интеллигентов, которые за счет народа называли себя демократами и за счет буржуазии поддерживали правительство. В третьей Думе должна главенствовать партия помещиков и крупных буржуа, нанимающих себе для показной оппозиции и для деловых услуг буржуазную интеллигенцию. Эта нехитрая вещь доказана всем политическим поведением партии кадетов и второй Думой в особенности. Эту нехитрую вещь начал понимать теперь даже обыватель: мы сошлемся на такого свидетеля, как г. Жилкин, которого смешно было бы заподозрить в симпатии к большевизму или в предвзятой и непримиримой вражде к кадетам.

В сегодняшнем (№ 354) «Товарища» г. Жилкин так передает впечатления «бодрого» (sic! * «бодрость» понимает г. Жилкин примерно так же, как Горн или Неведомский) провинциала:

«Помещики из октябристов, с которыми я разговаривал, рассуждают так: «кадетов можно выбирать. Они чем хороши? Уступчивы. В I Думе запросили много. Во II уступили. Даже в программе урезки сделали. Ну, в III еще уступят. Глядишь, до чего-нибудь и договорятся. А потом, если уже по чистой правде говорить, некого нам из октябристов проводить.

...Пускай уж кадеты проходят. Разница между нами не так уж велика. Поправеют и они в III Думе... С октябристами по нужде дружбу ведем... Где у них ораторы или крупные люди?»

Кто судит о партиях по их названиям, программам, посулам и речам, или кто удовлетворяется аляповатым, бернштейнизированным «марксизмом», состоящим в повторении истины о поддержке буржуазной демократии в буржуазной

* — так! Ред.

революции, — тот может питать надежды насчет демократической коалиции левых и кадетов при III Думе. Но у кого есть хоть капля революционного чутья и вдумчивого отношения к урокам нашей революции, или кто действительно руководится принципом классовой борьбы и судит о партиях по их классовому характеру, — тот нисколько не удивится тому, что партия буржуазной интеллигенции годна лишь на лакейские услуги по отношению к партии крупных буржуа. Господа Горны и Неведомские способны думать, что расхождение кадетов с демократией есть исключение, расхождение их с октябристами есть правило. Дело обстоит как раз наоборот. Кадеты — настоящая родня октябристам по всей их классовой природе. Кадетский демократизм — мишура, временное отражение демократизма масс, или прямой обман, которому поддаются российские бернштейнианцы и мечане, особенно из газеты «Товарищ».

И вот, если вы взглянете на интересующий нас вопрос с этой стороны, если вы поймете действительную историческую роль кадета — этого буржуазного интеллигента, помогающего помещику удовлетворить мужика нищенской реформой, — тогда для вас откроется вся бездна премудрости господ Горнов и Неведомских, советующих пролетариату *согласовать* свои действия с кадетами! Картина октябристских «реформ», которые нам сулят, вполне ясна. Помещик «устраивает» мужика и устраивает так, что без карательных экспедиций, без порки крестьян и расстрелов рабочих нельзя заставить население принять реформы. Кадетский профессор читит оппозицию: он доказывает, с точки зрения современной науки права, необходимость конституционного утверждения правил о карательных экспедициях, осуждая чрезмерное усердие полиции. Кадетский адвокат читит оппозицию: он доказывает, что по закону надо давать по 60, а не по 200 ударов, и что следует ассигновать правительству деньги на резги, поставив условие о соблюдении законности. Кадетский врач готов считать пульс секому и писать исследование о необходимости понижения предельного числа ударов вдвое.

Разве не такова была кадетская оппозиция во второй Думе? И разве не ясно, что за такую оппозицию октябристский помещик не только выберет кадета в Думу, но

и согласится платить ему профессорское или иное какое жалованье?

Демократическая коалиция социалистов с кадетами во второй Думе, после второй Думы или при III Думе означала бы на деле, в силу объективного положения вещей, не что иное, как превращение рабочей партии в слепой и жалкий придаток либералов, как полное предательство социалистами интересов пролетариата и интересов революции. Гг. Неведомские и Горны, очень может быть, не понимают, что делают. У таких людей очень часто убеждения сидят не глубже, чем на кончике языка. Но по существу их стремления сводятся к тому, чтобы покончить с самостоятельной партией рабочего класса, покончить с социал-демократией. Социал-демократия, понимающая свои задачи, должна покончить с такими господами. У нас слишком односторонне, к сожалению, понимают до сих пор категорию буржуазной революции. У нас упускают, напр., из виду, что эта революция должна показать пролетариату — и только она может впервые показать пролетариату, какова на деле буржуазия данной страны, каковы национальные особенности буржуазии и мелкой буржуазии в данной национальной буржуазной революции. Настоящее, окончательное и массовое обособление пролетариата в класс, противопоставление его всем буржуазным партиям может произойти только тогда, когда история своей страны покажет пролетариату *весь облик* буржуазии, как класса, как политического целого, — весь облик мещанства, как слоя, как известной идейной и политической величины, обнаруживавшей себя в таких-то открытых широкополитических действиях. Мы должны неустанно разъяснять пролетариату теоретические истины, касающиеся сущности классовых интересов буржуазии и мелкой буржуазии в капиталистическом обществе. Но эти истины войдут в плоть и кровь действительно широких пролетарских масс лишь тогда, когда эти классы будут видеть, осязать поведение партий того или иного класса, — когда к ясному сознанию их классовой природы прибавится непосредственная реакция пролетарской психики на все обличье буржуазных партий. Нигде в мире, может быть, буржуазия не проявила в буржуазной революции такого реакционного зверства, такого тесного союза со старой властью, такой «свободы» от чего-нибудь хоть отдаленно

похожего на искренние симпатии к культуре, к прогрессу, к охране человеческого достоинства, как у нас, — пусть же наш пролетариат вынесет из русской буржуазной революции тройную ненависть к буржуазии и решимость к борьбе против нее. Нигде в мире, вероятно, мелкая буржуазия — начиная от «народных социалистов»²⁹ и трудовиков и кончая затесавшимися в социал-демократию интеллигентами — не проявляла такой трусости и бесхарактерности в борьбе, такого подлого разгула ренегатских настроений, такой угодливости по отношению к героям буржуазной моды или реакционного насилия, — пусть же наш пролетариат вынесет из нашей буржуазной революции тройное презрение к мелкобуржуазной дряблости и неустойчивости. Как бы ни шла дальше наша революция, какие бы тяжелые времена ни приходилось подчас переживать пролетариату, — эта ненависть и это презрение сплотят его ряды, очистят его от негодных выходцев из чужих классов, увеличат его силы, закалят его для нанесения тех ударов, с которыми он обрушится в свое время на все буржуазное общество.

*Написано 22 августа (4 сентября)
1907 г.*

*Напечатано в 1907 г. в первом
сборнике «Голос жизни»,
С.-Петербург
Подпись: Н. Л.*

Печатается по тексту сборника

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ШТУТГАРТЕ³⁰

Состоявшийся в августе текущего года международный социалистический конгресс в Штутгарте отличался необычайным многолюдством и полнотой представительства. Все пять частей света послали делегатов, общее число которых было 886. Но помимо грандиозной демонстрации международного единства пролетарской борьбы конгресс сыграл выдающуюся роль в деле определения тактики социалистических партий. По целому ряду вопросов, которые до сих пор решались исключительно внутри отдельных социалистических партий, конгресс вынес общие резолюции. Сплочение социализма в одну международную силу выражается особенно ярко в этом увеличении числа вопросов, требующих одинакового принципиального решения в разных странах.

Мы печатаем ниже полный текст штутгартских резолюций³¹. Теперь же остановимся на каждой из них вкратце для того, чтобы отметить главные спорные пункты и характер дебатов на конгрессе.

Колониальный вопрос уже не первый раз занимает международные съезды. До сих пор решения их всегда состояли в бесповоротном осуждении буржуазной колониальной политики, как политики грабежа и насилия. На этот раз комиссия съезда оказалась в таком составе, что оппортунистические элементы во главе с голландцем Ван-Колем взяли в ней верх. В проект резолюции вставлена была фраза, что конгресс не осуждает в принципе всякой колониальной политики, которая при социалистическом режиме может сыграть цивилизаторскую роль. Меньшинство комиссии (немец Ледебур, польские п

русские с.-д. и многие другие) энергично протестовали против допущения такой мысли. Вопрос вынесен был на съезд, и силы обоих течений оказались настолько близкими по величине, что борьба разгорелась с невиданной страстностью.

Оппортунисты сплотились за Ван-Коля. Бернштейн и Давид от имени большинства немецкой делегации говорили в пользу признания «социалистической колониальной политики» и громили радикалов за бесплодность отрицания, за непонимание значения реформ, за отсутствие практической колониальной программы и т. д. Им возражал, между прочим, Каутский, который был вынужден просить съезд высказаться *против* большинства немецкой делегации. Он справедливо указывал, что нет и речи об отрицании борьбы за реформы: в остальных частях резолюции, не вызвавших никаких споров, об этом говорится с полнейшей определенностью. Речь идет о том, должны ли мы делать уступки современному режиму буржуазного грабежа и насилия. Теперешняя колониальная политика подлежит обсуждению конгресса, а эта политика основана на прямом порабощении дикарей: буржуазия вводит фактически рабство в колониях, подвергает туземцев неслыханным издевательствам и насилиям, «цивилизует» их распространением водки и сифилиса. И при таком положении вещей социалисты будут говорить уклончивые фразы о возможности принципиального признания колониальной политики! Это было бы прямым переходом на буржуазную точку зрения. Это значило бы сделать решительный шаг к подчинению пролетариата буржуазной идеологии, буржуазному империализму, который теперь особенно гордо поднимает голову.

Предложение комиссии было провалено на съезде 128 голосами против 108 при 10 воздержавшихся (Швейцария). Заметим, что при голосовании в Штутгарте первый раз нации получили разные числа голосов от 20 (крупные нации, Россия в том числе) до 2 (Люксембург). Сумма мелких наций, либо не ведущих колониальной политики, либо страдающих от нее, перевесила те государства, которые несколько заразили даже пролетариат страстью к завоеваниям.

Это голосование по колониальному вопросу имеет очень важное значение. Во-первых, особенно наглядно разоб-

лчил здесь себя социалистический оппортунизм, пасующий перед буржуазным оболещением. Во-вторых, здесь сказалась одна отрицательная черта европейского рабочего движения, способная принести не мало вреда делу пролетариата и заслуживающая поэтому серьезного внимания. Маркс неоднократно указывал на одно изречение Сисмонди, имеющее громадное значение. Пролетарии древнего мира, — гласит это изречение, — жили на счет общества. Современное общество живет на счет пролетариев³².

Класс неимущих, но не трудящихся, не способен ниспровергнуть эксплуататоров. Только содержащий все общество класс пролетариев в силах произвести социальную революцию. И вот, широкая колониальная политика привела к тому, что европейский пролетарий *отчасти* попадает в такое положение, что не его трудом содержится все общество, а трудом почти поработанных колониальных туземцев. Английская буржуазия, напр., извлекает больше доходов с десятков и сотен миллионов населения Индии и других ее колоний, чем с английских рабочих. При таких условиях создается в известных странах материальная, экономическая основа заражения пролетариата той или другой страны колониальным шовинизмом. Это может быть, конечно, лишь преходящим явлением, но тем не менее надо ясно сознать зло, понять его причины, чтобы уметь спланировать пролетариат всех стран для борьбы с таким оппортунизмом. И эта борьба неизбежно приведет к победе, ибо «привилегированные» нации составляют все меньшую долю в общем числе капиталистических наций.

Вопрос о женском избирательном праве почти не вызвал споров на конгрессе. Нашлась только одна англичанка из крайне оппортунистического английского «Фабианского общества»³³, которая попробовала защищать допустимость социалистической борьбы за ограниченное избирательное право женщин, т. е. не всеобщее, а цензовое. Фабианка осталась совсем одинокой. Подкладка ее взглядов — простая: английские буржуазные дамы надеются получить для себя избирательные права, не распространяя их на женский пролетариат.

Одновременно с международным социалистическим конгрессом происходила в Штутгарте в том же помещении

первая международная социалистическая конференция женщин. На этой конференции и в комиссии съезда, при обсуждении резолюции, произошли интересные споры между немецкими и австрийскими социал-демократами. Последние, во время своей борьбы за всеобщее избирательное право, отодвинули несколько назад требование уравнять женщин с мужчинами: из практицизма они подчеркивали не всеобщее, а мужское избирательное право, как свое требование. В речах Цеткиной и других немецких с.-д. справедливо было указано австрийцам, что они поступали неправильно, что они ослабляли силу массового движения, не выставляя со всей энергией требования избирательных прав не только для мужчин, но и для женщин. Последние слова штутгартской резолюции («необходимо выставлять требование всеобщего избирательного права одновременно и для мужчин и для женщин») имеют несомненное отношение к этому эпизоду чрезмерного «практицизма» в истории австрийского рабочего движения.

Резолюция об отношении между социалистическими партиями и профессиональными союзами имеет особенно большое значение для нас, русских. Стокгольмский съезд РСДРП высказался за *беспартийные* союзы, встал, таким образом, на точку зрения нейтральности. Эту же точку зрения защищали всегда наши беспартийные демократы, бернштейншманцы и эсеры. Напротив, Лондонский съезд выдвинул иной принцип: сближение союзов с партией вплоть до признания союзов (при известных условиях) партийными. В Штутгарте с.-д. подсекция русской секции (социалисты каждой страны образуют самостоятельные секции на международных конгрессах) раскололась при обсуждении этого вопроса (по остальным вопросам раскола не было). Именно: Плеханов принципиально отстаивал нейтральность. Большевик Воинов³⁴ отстаивал антинейтралистскую точку зрения Лондонского съезда и бельгийской резолюции (напечатанной вместе с докладом де-Брукера в материалах конгресса; доклад этот скоро появится по-русски). Кл. Цеткина справедливо заметила в своей газете «Die Gleichheit»³⁵, что доводы Плеханова в защиту нейтральности были так же неудачны, как и доводы французов. И революция штутгартского съезда, как справедливо отметил Каутский и как убедится всякий из внимательного ознакомления с нею, кла-

дет конец принципиальному признанию «нейтральности». О нейтральности или беспартийности в ней нет ни слова. Напротив, необходимость тесных связей союзов с социалистической партией и упрочения этих связей признана вполне определено.

Лондонская резолюция РСДРП о профессиональных союзах имеет теперь под собой прочный принципиальный базис в виде штутгартской резолюции. Штутгартская постановляет вообще и для всех стран необходимость прочных и тесных связей союзов с социалистической партией; лондонская указывает, что для России формой этой связи должна быть, при благоприятных к тому условиях, партийность союзов и что к этому должна быть направлена деятельность членов партии.

Заметим, что принцип нейтральности обнаружил свои вредные стороны в Штутгарте тем, что половина немецкой делегации, представители профессиональных союзов, стояла всего решительнее на оппортунистической точке зрения. Поэтому, например, в Эссене немцы были против Ван-Коля (в Эссене был съезд только партии, а не профессиональных союзов), а в Штутгарте за Ван-Коля. Проповедь нейтральности *фактически* принесла вредные плоды в Германии, сыграв на руку оппортунизму в социал-демократии. С этим фактом нельзя отныне не считаться и особенно надо считаться в России, где так многочисленны буржуазно-демократические советчики пролетариата, рекомендуящие ему «нейтральность» профессионального движения.

О резолюции об эмиграции и иммиграции мы скажем всего несколько слов. В комиссии и здесь была попытка защищать узко-цеховые взгляды, провести запрещение иммиграции рабочих из отсталых стран (кули — из Китая и т. п.). Это — тот же дух аристократизма среди пролетариев некоторых «цивилизованных» стран, извлекающих известные выгоды из своего привилегированного положения и склонных поэтому забывать требования международной классовой солидарности. На самом конгрессе не нашлось защитников этой цеховой и мещанской узости. Резолюция вполне отвечает требованиям революционной социал-демократии.

Переходим к последней и едва ли не самой важной резолюции конгресса: по вопросу об антимилитаризме.

Пресловутый Эрве, много на шумевший во Франции и в Европе, защищал по этому вопросу полуанархическую точку зрения, наивно предлагая «ответить» на всякую войну стачкой и восстанием. Он не понимал, с одной стороны, того, что война есть необходимый продукт капитализма, и пролетариат не может зарекаться от участия в революционной войне, ибо возможны такие войны и бывали такие войны в капиталистических обществах. Он не понимал, с другой стороны, того, что возможность «ответить» на войну зависит от характера того кризиса, который война вызывает. В зависимости от этих условий стоит выбор средств борьбы, причем эта борьба должна состоять (это — третий пункт недоразумений или недомыслия эрвеизма) не в одной замене войны миром, а в замене капитализма социализмом. Не в том суть, чтобы помешать только возникновению войны, а в том, чтобы использовать порождаемый войной кризис для ускорения свержения буржуазии. Но за всеми полуанархическими нелепостями эрвеизма таилась одна практически верная подкладка: дать толчок социализму в том смысле, чтобы не ограничиваться парламентскими только средствами борьбы, чтобы развить в массах сознание необходимости революционных приемов действия в связи с теми кризисами, которые война несет с собой неизбежно, — в том смысле, наконец, чтобы распространить в массах более живое сознание международной солидарности рабочих и лживости буржуазного патриотизма.

Резолюция Бебеля, которую предложили немцы и которая во всем существенном совпадала с резолюцией Гада, страдала именно тем недостатком, что не содержала в себе никакого указания на активные задачи пролетариата. Это давало возможность читать ортодоксальные положения Бебеля сквозь оппортунистические очки. Фольмар немедленно превратил эту возможность в действительность.

Поэтому Роза Люксембург и русские делегаты с.-д. внесли свои поправки к резолюции Бебеля. В этих поправках 1) говорилось, что милитаризм есть главное орудие классового угнетения; 2) указывалась задача агитации среди молодежи; 3) подчеркивалась задача социал-демократии не только бороться против возникновения войн или за скорейшее прекращение начавшихся уже войн, но и за то, чтобы использовать создаваемый войной кризис для ускорения падения буржуазии.

Все эти поправки подкомиссия (выбранная комиссией по вопросу об антимиитаризме) включила в резолюцию Бебеля. Кроме того Жорес предложил счастливый план: вместо указания средств борьбы (стачка, восстание) указать исторические примеры борьбы пролетариата против войны, начиная с демонстраций в Европе и кончая революцией в России. В результате всей этой переработки вышла резолюция, правда, непомерно длинная, но зато действительно богатая мыслями и точно указывающая задачи пролетариата. В этой резолюции строгость ортодоксального, т. е. единственно научного марксистского анализа соединилась с рекомендацией рабочим партиям самых решительных и революционных мер борьбы. По-фольмаровски нельзя читать этой резолюции, как нельзя и вместить ее в узенькие рамки наивного эрвеизма.

В общем и целом, Штутгартский съезд рельефно сопоставил по целому ряду крупнейших вопросов оппортунистическое и революционное крыло международной социал-демократии и дал решение этих вопросов в духе революционного марксизма. Резолюции этого съезда, освещенные дебатами на съезде, должны стать постоянным спутником всякого пропагандиста и агитатора. Единство тактики и единство революционной борьбы пролетариев всех стран сильно движет вперед дело, сделанное в Штутгарте.

Написано в конце августа — начале сентября 1907 г.

*Напечатано 20 октября 1907 г.
в газете «Пролетарий» № 17*

Печатается по тексту газеты

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ШТУТГАРТЕ

Недавно закончившийся конгресс в Штутгарте был двенадцатым конгрессом пролетарского Интернационала. Первые пять конгрессов относятся к эпохе первого Интернационала (1866—1872 годы), которым руководил Маркс, пытаясь — по удачному выражению Бебеля — сверху создать международное единство борющегося пролетариата. Попытка эта не могла иметь успеха, пока не сплотились и не окрепли национальные социалистические партии, но деятельность первого Интернационала оказала великие услуги рабочему движению всех стран и оставила прочные следы.

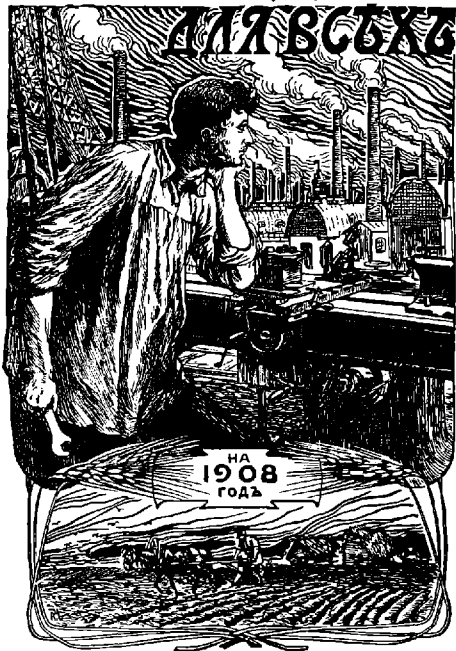
Второй Интернационал открывается Парижским международным социалистическим съездом 1889 года. На последующих съездах в Брюсселе (1891), Цюрихе (1893), Лондоне (1896), Париже (1900) и Амстердаме (1904) этот новый Интернационал, опирающийся на крепкие национальные партии, окончательно упрочился. В Штутгарте было 884 делегата от 25 народов Европы, Азии (Япония и часть из Индии), Америки, Австралии и Африки (один делегат от южной Африки).

Великое значение международного социалистического конгресса в Штутгарте состоит именно в том, что он ознаменовал собой окончательное упрочение второго Интернационала и превращение международных съездов в деловые собрания, которые оказывают самое серьезное влияние на характер и направление социалистической работы во всем мире. Формально решения международных съездов не обязательны для отдельных наций, но моральное значение их таково, что несоблюдение решений

S. L. OULIANOFF

КАЛЕНДАРЬ

ДЛЯ ВСЕХ



Цена 25 коп.

Обложка «Календаря для всех на 1908 год»,
 в которой была напечатана статья Ленина
 «Международный социалистический конгресс в Штутгарте».

Личный экземпляр Ленина

Ульишиено

является на деле исключением, едва ли не более редким, чем несоблюдение отдельными партиями решений своих съездов. Амстердамский съезд добился объединения французских социалистов, и его резолюция против министриализма действительно выразила волю сознательного пролетариата всего мира, определила политику рабочих партий.

Штутгартский съезд сделал крупный шаг вперед в том же направлении, оказавшись по целому ряду важных вопросов верховным учреждением по определению политической линии социализма. Эту линию Штутгартский съезд еще более твердо, чем Амстердамский, определил в смысле революционной социал-демократии против оппортунизма. Редазируемый Кларой Цеткиной орган немецких с.-д. работниц «Die Gleichheit» («Равенство») справедливо говорит по этому поводу: «по всем вопросам различные уклонения отдельных социалистических партий в сторону оппортунизма были исправлены в революционном смысле, благодаря сотрудничеству социалистов всех стран».

При этом замечательным и печальным явлением было то, что германская социал-демократия, до сих пор отстаивавшая всегда революционную точку зрения в марксизме, оказалась неустойчивой или занимающей оппортунистическую позицию. Штутгартский съезд подтвердил одно глубокое замечание Энгельса о немецком рабочем движении. Энгельс писал ветерану первого Интернационала, Зорге, 29 апреля 1886 года: «Это вообще хорошо, что у немцев, в особенности после того, как они послали в рейхстаг такое большое число филистеров (что было однако неизбежно), оспаривается роль руководителей международного социалистического движения. В спокойное время в Германии все становится филистерским; и в такие моменты абсолютно необходимо жало французской конкуренции, в которой недостатка не будет»³⁸.

В жале французской конкуренции не было недостатка в Штутгарте, и жало это действительно оказалось необходимым, ибо филистерства немцы обнаружили немало. Русским социал-демократам особенно важно иметь это в виду, ибо наши либералы (да и не одни только либералы) из кожи лезут, чтобы представить образцом, достойным подражания, именно наименее блестящие стороны немецкой

социал-демократии. Наиболее вдумчивые и выдающиеся вожаки мысли немецких с.-д. сами отметили это обстоятельство и, отбросив всякий ложный стыд, решительно указали на него, как на предостережение. «В Амстердаме, — пишет орган Клары Цеткиной, — революционным лейтмотивом всех дебатов в парламенте всемирного пролетариата была дрезденская резолюция, — в Штутгарте неприятным оппортунистическим диссонансом звучали на конгрессе речи Фольмара в комиссии о милитаризме, Пеплова в комиссии об эмиграции, Давида (а также, добавим от себя, и Бернштейна) в колониальной комиссии. В большинстве комиссий, по большинству вопросов, представители Германии были на этот раз вожаками оппортунизма». А К. Каутский пишет, оценивая Штутгартский съезд: «та руководящая роль, которую до сих пор играла фактически германская социал-демократия во втором Интернационале, на этот раз ни в чем не проявила себя».

Перейдем к рассмотрению отдельных вопросов, обсуждавшихся на конгрессе. В колониальном вопросе разногласий не удалось устранить в комиссии. Спор между оппортунистами и революционерами решил сам съезд и решил его большинством 127 голосов против 108, при 10 воздержавшихся, в пользу революционеров. Отметим кстати здесь то отрадное явление, что социалисты России все голосовали единодушно по всем вопросам в революционном духе. (Россия имеет 20 голосов, из которых 10 было дано РСДРП, кроме поляков, 7 — эсерам и 3 — представителям профессиональных союзов. Затем Польша имеет 10 голосов: 4 польские с.-д. и 6 пепеэсовцы и нерусские части Польши. Наконец, двое представителей Финляндии имели 8 голосов.)

По колониальному вопросу в комиссии составилось оппортунистическое большинство, и в проекте резолюции появилась чудовищная фраза: «конгресс не осуждает в принципе и на все времена всякой колониальной политики, которая может при социалистическом режиме оказать цивилизаторское действие». На деле это положение равносильно было прямому отступлению в сторону буржуазной политики и буржуазного мирозозерцания, оправдывающего колониальные войны и зверства. Это — отступление в сторону Рузвельта, сказал один американский делегат.

Попытки оправдать это отступление задачами «социалистической колониальной политики» и позитивной реформаторской работы в колониях были донельзя неудачны. Никогда не отказывался и не отказывается социализм от защиты реформ и в колониях, но это не имеет и не должно иметь ничего общего с ослаблением нашей принципиальной позиции против завоеваний, подчинения чужих народов, насилия и грабежа, составляющих «колониальную политику». Программа-минимум всех социалистических партий относится и к метрополиям и к колониям. Самое понятие «социалистической колониальной политики» есть бесконечная путаница. Съезд поступил вполне правильно, выбросив из резолюции приведенные выше слова и заменив их еще более резким, чем в прежних резолюциях, осуждением колониальной политики.

Резолюция по вопросу об отношении социалистических партий к профессиональным союзам имеет особенно большое значение для нас, русских. У нас этот вопрос стоит на очереди дня. Стокгольмский съезд решил его в пользу *беспартийных* профессиональных союзов, т. е. подтвердил позицию наших сторонников *нейтральности* с Плехановым во главе их. Лондонский съезд сделал шаг в сторону *партийных* профессиональных союзов *против* нейтральности. Лондонская резолюция вызвала, как известно, большие споры и недовольство в части профессиональных союзов, особенно же в буржуазно-демократической печати.

В Штутгарте вопрос, по существу дела, встал именно так: нейтральность союзов или все более тесное сближение их с партией? И международный социалистический съезд, как читатель может убедиться из его резолюции, высказался за более тесное сближение союзов с партией. Ни о нейтральности, ни о беспартийности профессиональных союзов нет и речи в резолюции. Каутский, который в германской социал-демократии отстаивал сближение союзов с партией, против нейтралитета Бебеля, имел поэтому полное право провозгласить в своем отчете о Штутгартском съезде перед лейпцигскими рабочими («Vorwärts»³⁷, 1907, № 209, Beilage*):

«Резолюция Штутгартского съезда говорит все, что нам нужно. Она кладет конец навсегда *нейтральности*». Клара

* — Приложение. Ред.

Цеткина пишет: «В принципе никто уже не возражал (в Штутгарте) против основной исторической тенденции пролетарской классовой борьбы — связать политическую и экономическую борьбу, связать те и другие организации возможно теснее в одну единую силу социалистического рабочего класса. Только представитель русских с.-д., тов. Плеханов» (надо было сказать: представитель меньшевиков, пославших Плеханова в комиссию, как защитника «нейтральности») «и большинство французской делегации пытались довольно неудачными доводами оправдать некоторое ограничение этого принципа ссылкой на особенности их стран. Подавляющее большинство конгресса встало на сторону решительной политики единения социал-демократии с профессиональными союзами»...

Надо заметить, что неудачный, по справедливому мнению Цеткиной, аргумент Плеханова обошел русские легальные газеты в таком виде. Плеханов сослался в комиссии Штутгартского конгресса на то, что «в России 11 партий революционных»; «с которой же из них должны вступить в единение профессиональные союзы?» (цитируем по «Vorwärts», № 196, 1. Beilage). Эта ссылка Плеханова неверна ни фактически, ни принципиально. Фактически в каждой национальности России не более двух партий борются за влияние на социалистический пролетариат: с.-д. и с.-р., польские с.-д. и п. п. с., латышские с.-д. и латышские эсеры (так наз. «латышский с.-д. союз»), армянские с.-д. и дашнакцутюны и т. п. На два отдела поделилась сразу и российская делегация в Штутгарте. Число 11 совершенно произвольно и вводит рабочих в заблуждение. Принципиально же Плеханов не прав потому, что борьба между пролетарским и мелкобуржуазным социализмом в России неизбежна везде и повсюду, в том числе и в профессиональных союзах. Англичане, например, не думали восставать против резолюции, хотя у них тоже две борющиеся социалистические партии, с.-д. (SDF*) и «независимые» (ILP**).

Что отвергнутая в Штутгарте идея нейтральности успела уже принести немало вреда рабочему движению, это

* — Social-Democratic Federation — Социал-демократическая Федерация. *Ред.*

** — Independent Labour Party — Независимая рабочая партия. *Ред.*

особенно ясно видно на примере Германии. Здесь нейтральность всего шире проповедывалась и всего больше применялась. Результатом оказалось настолько явное уклонение профессиональных союзов в Германии в сторону оппортунизма, что это уклонение открыто признал даже такой осторожный в этом вопросе человек, как Каутский. В своем отчете перед лейпцигскими рабочими он прямо говорит, что «консервативность», обнаруженная немецкой делегацией в Штутгарте, «становится понятной, если посмотреть на состав этой делегации. Половина ее состояла из представителей профессиональных союзов, и таким образом «правое крыло» нашей партии оказалось имеющим больше силы, чем у него есть действительно в партии».

Резолюция Штутгартского съезда, несомненно, должна ускорить решительный разрыв русской социал-демократии с идеей нейтральности, столь излюбленной нашими либералами. Соблюдая необходимую осторожность и постепенность, не делая никаких порывистых и нетактичных шагов, мы должны неуклонно работать в профессиональных союзах в духе все более тесного сближения их с с.-д. партией.

Далее, в вопросе об эмиграции и иммиграции в комиссии Штутгартского конгресса вполне определенно всплыло разногласие между оппортунистами и революционерами. Первые носились с мыслью *ограничить* право переселения отсталых, неразвитых рабочих — особенно японцев и китайцев. Дух узкой, цеховой замкнутости, тред-юнионистской исключительности перевешивал у таких людей сознание социалистических задач: работы над просвещением и организацией невовлеченных еще в рабочее движение слоев пролетариата. Конгресс отклонил все попопозновения в этом духе. Даже в комиссии голоса в пользу ограничения свободы переселения остались совсем одиноки, и резолюция международного съезда проникнута признанием солидарной классовой борьбы рабочих всех стран.

По вопросу об избирательном праве женщин резолюция принята была также единогласно. Только одна англичанка из полубуржуазного «Фабрианского общества» защищала допустимость борьбы не за полное, а за урезанное в пользу имущих избирательное право женщин. Конгресс отверг

это безусловно и высказался за то, чтобы работницы вели борьбу за избирательные права не вместе с буржуазными сторонниками женского равноправия, а вместе с классовыми партиями пролетариата. Конгресс признал, что в кампании за женское избирательное право необходимо полностью отстаивать принципы социализма и равноправие мужчин и женщин, не искажая этих принципов никакими соображениями удобства.

В комиссии возникло интересное разногласие по этому поводу. Австрийцы (Виктор Адлер, Адельгейд Попп) оправдывали свою тактику в борьбе за всеобщее избирательное право мужчин: ради завоевания этого права они сочли удобным не выдвигать в агитации на первый план требование избирательных прав и для женщин. Немецкие с.-д., особенно Цеткина, протестовали против этого еще тогда, когда австрийцы вели свою кампанию за всеобщее избирательное право. Цеткина заявляла в печати, что оставлять в тени требования избирательных прав для женщин ни в каком случае не следовало, что австрийцы оппортунистически жертвовали принципом ради соображений удобства, что они не ослабили, а усилили бы размах агитации и силу народного движения, если бы также энергично отстаивали и избирательное право женщин. В комиссии к Цеткиной вполне присоединилась другая выдающаяся немецкая социал-демократка, Циц. Поправка Адлера, которая косвенно оправдывала австрийскую тактику (в этой поправке говорится только о том, чтобы не было перерыва в борьбе за избирательное право действительно для всех граждан, а не о том, чтобы борьба за избирательное право велась всегда с требованием равенства прав мужчин и женщин), — была *отклонена* 12 голосами против 9. Точка зрения комиссии и конгресса всего точнее может быть выражена следующими словами вышеупомянутой Циц из ее речи на международной конференции социалисток (эта конференция состоялась в Штутгарте одновременно с конгрессом): «Мы должны принципиально требовать всего, что мы считаем правильным, — говорила Циц, — и лишь в том случае, когда недостает силы для борьбы, мы принимаем то, чего можем добиться. Такова всегда была тактика социал-демократии. Чем скромнее будут наши требования, тем скромнее будут и уступки правительства»...

Из этого спора австрийских и германских социал-демократов читатель может видеть, как строго относятся лучшие марксисты к малейшим отступлениям от выдержанной, принципиальной революционной тактики.

Последний день съезда был посвящен наиболее интересовавшему всех вопросу о милитаризме. Пресловутый Эрве защищал весьма несостоятельную позицию, не умея связать войны с капиталистическим режимом вообще и антимилиаристской агитации со всей работой социализма. Проект Эрве — «ответить» на какую бы то ни было войну стачкой и восстанием — обнаружил полное непонимание того, что применение того или иного средства борьбы зависит не от предварительного решения революционеров, а от объективных условий того кризиса, и экономического и политического, который война вызовет.

Но если Эрве, несомненно, проявил легкомыслие, поверхностность и увлечение эффектной фразой, то было бы величайшей близорукостью противопоставлять ему одно только догматическое изложение общих истин социализма. В эту ошибку (от которой не совсем свободны были Бебель и Гэд) впал особенно Фольмар. С необычайным самодовольством человека, влюбленного в шаблонный парламентаризм, разносил он Эрве, не замечая того, что его собственная узость и черствость оппортуниста *заставляют* признать живую струйку в эрвизме, *несмотря* на теоретическую нелепость и вздорность постановки вопроса самим Эрве. Бывает ведь так, что теоретические нелепости прикрывают некоторую практическую истину в новом повороте движения. И эту сторону вопроса, призыв ценить не одни только парламентские способы борьбы, призыв к действию согласно новым условиям будущей войны и будущих кризисов, подчеркнули революционные с.-д., особенно Роза Люксембург в своей речи. Вместе с русскими делегатами с.-д. (Ленин и Мартов, — оба выступали здесь солидарно), Роза Люксембург предложила поправки к резолюции Бебеля, и в этих поправках была подчеркнута необходимость агитации среди молодежи, необходимость использования порожденного войной кризиса в целях ускорения падения буржуазии, необходимость иметь в виду неизбежное изменение приемов и средств борьбы по мере обострения классовой борьбы и изменения политической ситуации. Из догматически-односторонней,

мертвой, допускавшей фольмаровское истолкование, резолюции Бебеля получилась таким образом в конце концов совсем иная резолюция. Все теоретические истины были повторены в ней в поучение эрвеистам, способным забывать о социализме ради антимилитаризма. Но эти истины служат введением не к оправданию парламентского кретинизма, не к освящению одних только мирных средств, не к преклонению перед данной, сравнительно мирной и спокойной, ситуацией, — а к признанию всех средств борьбы, к учету опыта революции в России, к развитию действенной, творческой стороны движения.

В органе Цеткиной, на который мы уже не раз указывали, замечательно верно схвачена именно эта, самая выдающаяся и самая важная черта резолюции конгресса об антимилитаризме. «И здесь, — говорит Цеткина об антимилитаристской резолюции, — победила в конце концов революционная энергия (*Tatkraft*) и мужественная вера рабочего класса в его способность к борьбе, — победила, с одной стороны, пессимистическое евангелие бессилия и заостренное стремление ограничиться старыми, исключительно парламентскими способами борьбы, а, с другой стороны, победила и простоватый антимилитаристский спорт французских полуанархистов вроде Эрве. Резолюция, принятая в конце концов единогласно, и комиссией и почти 900 делегатами всех стран, выражает в энергичных словах гигантский подъем революционного рабочего движения со времени последнего международного съезда; резолюция выдвигает, как принцип пролетарской тактики, ее гибкость, ее способность к развитию, ее *обострение* (*Zuspitzung*) по мере назревания условий для этого».

Эрвезизм отвергнут, но он отвергнут не в пользу оппортунизма, не с точки зрения догматизма и пассивности. Живое стремление к все более решительным и новым приемам борьбы всецело признано международным пролетариатом и поставлено в связь со всем обострением экономических противоречий, со всеми условиями кризисов, порождаемых капитализмом.

Не пустая эрвезистская угроза, — а ясное сознание неизбежности социальной революции, твердая решимость борьбы до конца, готовность к самым революционным средствам борьбы, — вот каково значение резолюции

международного социалистического конгресса в Штутгарте по вопросу о милитаризме.

Армия пролетариата крепнет во всех странах. Ее сознательность, сплоченность и решимость растут не по дням, а по часам. И капитализм успешно заботится об учащении кризисов, которыми воспользуется эта армия для разрушения капитализма.

Написано в сентябре 1907 г.

*Напечатано в октябре 1907 г.
в «Календаре для всех на 1908 г.»
Подпись: Н. Л — ь*

Печатается по тексту календаря

ПРЕДСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ЗА 12 ЛЕТ»³⁸

Предлагаемый читателю сборник статей и брошюр охватывает период с 1895-го по 1905-ый год. Темой соединяемых здесь вместе литературных произведений являются программные, тактические и организационные вопросы русской социал-демократии. Вопросы эти ставятся и разрабатываются все время в борьбе против правого крыла марксистского течения в России.

Сначала эта борьба идет в области чисто теоретической против главного представителя нашего легального марксизма 90-х годов, г-на Струве. Конец 1894-го и начало 1895-го годов были периодом крутого поворота в нашей легальной публицистике. Впервые пробрался в нее марксизм, представленный не только заграничными деятелями группы «Освобождение труда», но и русскими социал-демократами. Оживление в литературе и горячие споры марксистов с старыми главарями народничества, которые до тех пор почти безраздельно господствовали (напр., Н. К. Михайловский) в передовой литературе, было преддверием подъема массового рабочего движения в России. Литературные выступления русских марксистов были непосредственным предшественником выступлений на борьбу пролетариата, знаменитых петербургских стачек 1896-го года, которые открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения, — этого самого могучего фактора всей нашей революции.

Условия тогдашней литературы заставляли социал-демократов говорить эзоповским языком и ограничиваться самыми общими положениями, наиболее далекими от практики и политики. Это обстоятельство особенно облегчило

Вл. Ильинъ.



За 12 лѣтъ

СОБРАНИЕ СТАТЕЙ.

Томъ первый.

**Два направленія
въ русскомъ марксизмѣ
и русской социалдемократіи.**



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Безобразовъ и К^о. Н. О., Большой пр., д. № 61.

1908.

Обложка сборника произведений В. И. Ленина «За 12 летъ».

Уменьшено

союз разнородных элементов марксизма в борьбе с народничеством. Наряду с заграничными и русскими социал-демократами эту борьбу вели такие люди, как гг. Струве, Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев и т. п. Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму.

Теперь история русской революции вообще, история кадетской партии в частности, эволюция г-на Струве (почти до октябризма) в особенности, сделали эту истину самоочевидной, превратили ее в ходячую разменную монету публицистики. Тогда, в 1894—1895 годах, эту истину приходилось доказывать на основании небольших сравнительно уклонений того или иного писателя от марксизма, тогда эту монету приходилось только еще чеканить. И поэтому свою, направленную против г. Струве работу (статья «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» за подписью К. Тулин в сожженном цензурой сборнике «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России», СПб. 1895 г. *) я перепечатаваю теперь целиком в тройках целях. Во-первых, поскольку читающая публика ознакомилась с книгой г. Струве и статьями народников против марксистов в 1894—1895 году, постольку имеет значение и критика точки зрения г. Струве. Во-вторых, предостережение г-ну Струве со стороны революционного социал-демократа, сделанное *одновременно* с нашими общими выступлениями против народников, имеет значение и для ответа тем, кто неоднократно обвинял нас за союз с подобными господами, и для оценки очень знаменательной политической карьеры г-на Струве. В-третьих, старая и во многих отношениях устаревшая полемика со Струве имеет значение поучительного образчика. Образчик этот показывает практически-политическую ценность непримиримой теоретической полемики. За излишнюю склонность к такой полемике и с «экономистами», и с бернштейнцами, и с меньшевиками упрекали революционных социал-демократов бесчисленное число раз. И теперь эти упреки самый ходкий товар у «примиренцев» внутри с.-д. партии,

* См. Сочинения, 4 изд., том 1, стр. 315—484. *Ред.*

у «сочувствующих» полусоциалистов вне ее. У нас очень любят говорить о том, что чрезмерную склонность к полемике и к расколам имеют русские вообще, с.-д. в частности, большевики в особенности. У нас любят также забывать о том, что чрезмерную склонность к перескакиванию от социализма к либерализму порождают условия капиталистических стран вообще, условия буржуазной революции в России в частности, условия жизни и деятельности нашей интеллигенции в особенности. С этой точки зрения очень бесполезно посмотреть на то, что было десять лет тому назад, какие теоретические разногласия со «струвизмом» намечались уже тогда, из каких небольших (на первый взгляд небольших) расхождений произошло полное политическое размежевание партий и беспощадная борьба в парламенте, в целом ряде органов печати, на народных собраниях и т. д.

Я должен заметить еще по поводу статьи против г. Струве, что в основу ее положен реферат, читанный мной осенью 1894-го года в небольшом кружке тогдашних марксистов. От группы с.-д., работавших тогда в Петербурге и создавших, год спустя, Союз борьбы за освобождение рабочего класса, в этом кружке были Ст., Р. и я. Из легальных литераторов-марксистов были П. Б. Струве, А. Н. Потресов и К.³⁹. В этом кружке я читал реферат, озаглавленный: «Отражение марксизма в буржуазной литературе». Как видно из заглавия, полемика со Струве была здесь несравненно более резка и определена (по социал-демократическим выводам), чем в напечатанной весной 1895 года статье. Смягчения были сделаны частью по цензурным соображениям, частью ради «союза» с легальным марксизмом для совместной борьбы против народничества. Что «толчок влево», данный тогда г-ну Струве петербургскими социал-демократами, не остался совсем безрезультатен, это ясно доказывает статья г-на Струве в сожженном сборнике (1895 г.) и некоторые статьи его в «Новом Слове»⁴⁰ (1897 г.).

Кроме того, при чтении статьи 1895 года против г-на Струве, необходимо иметь в виду, что во многих отношениях она является конспектом позднейших экономических работ (особенно «Развития капитализма»). Наконец, следует обратить внимание читателей на последние страницы этой статьи, где подчеркиваются *положительные*,

в глазах марксиста, черты и стороны народничества, как революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции. Это — теоретическая формулировка тех самых положений, которые 12—13 лет спустя получили практически-политическое выражение в «левом блоке» на выборах во II Думу и в «лево-блокнстской» тактике. Та часть меньшевиков, которая боролась против идеи о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и отстаивала абсолютную недопустимость левого блока, изменила в этом отношении очень старой и очень важной традиции революционных социал-демократов, — традиции, усиленно поддерживавшейся «Зарей»⁴¹ и старой «Искрой»⁴². Само собою понятно, что условная и ограниченная допустимость «лево-блокнстской» тактики вытекает неизбежно из тех же основных теоретических взглядов марксизма на народничество.

За статьей против Струве (1894—1895 гг.) идут «Задачи русских социал-демократов»*, написанные в конце 1897 г. на основании опыта работы с.-д. в Петербурге в 1895 году. Те взгляды, которые в других статьях и брошюрах настоящего сборника излагаются в виде полемики с правым крылом социал-демократии, в этой брошюре изложены в положительной форме. Различные предисловия к «Задачам» перепечатываются для того, чтобы указать ту связь, которую имела эта работа с различными периодами в развитии нашей партии (напр., предисловие Аксельрода подчеркивает связь брошюры с борьбой против «экономизма», а предисловие 1902 года подчеркивает эволюцию народолюбцев и народоуправцев).

Статья «Гонители земства и Аннибалы либерализма»** была напечатана в заграничной «Заре» в 1901 г. Эта статья ликвидирует, так сказать, социал-демократические сношения со Струве, как политиком. В 1895 году его предостерегали и от него осторожно отмежевывались, как от союзника. В 1901 году ему объявляется война, как либералу, неспособному отстаивать сколько-нибудь последовательно даже чисто-демократические требования.

* См. Сочинения, 4 изд., том 2, стр. 299—326. Ред.

** См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 19—65. Ред.

В 1895 году, за несколько лет до «бернштейнпады» на Западе и до полного разрыва с марксизмом целого ряда «передовых» литераторов в России, — я указывал на то, что г. Струве марксист ненадежный, от которого социал-демократы должны отгородиться. В 1901 году, за несколько лет до выступления партии кадетов в русской революции и до политического фиаско этой партии в I и во II Думе, я указывал именно те черты буржуазного либерализма в России, которые проявились в 1905 — 1907 годах в массовых политических действиях и выступлениях. Статья «Аннибалы либерализма» критикует ошибочные рассуждения одного либерала, и эта критика оказывается теперь почти целиком применимой к политике крупнейшей либеральной партии в нашей революции. Тем, кто склонен думать, будто мы, большевики, изменили старой социал-демократической политике по отношению к либерализму, когда боролись беспощадно с конституционными иллюзиями и с партией кадетов в 1905 — 1907 годах, — этим людям статья «Аннибалы либерализма» покажет их ошибку. Большевики остались верны традициям революционной социал-демократии и не поддались буржуазному угаду, который поддерживали либералы в эпоху «конституционного зигзага» и который временно затемнил сознание правого крыла нашей партии.

Следующая брошюра: «Что делать?» вышла за границей в самом начале 1902 года*. Она посвящена критике правого крыла уже не в литературных течениях, а в социал-демократической организации. В 1898 году состоялся 1-й съезд с.-д. и положено основание Российской с.-д. рабочей партии. Заграничной организацией партии стал заграничный «Союз русских социал-демократов», включавший и группу «Освобождение труда». Но центральные учреждения партии были разгромлены полицией и не могли быть восстановлены. Фактически единства партии не было: оно осталось лишь идеей, директивой. Увлечение стачечным движением и экономической борьбой породило тогда особую форму социал-демократического оппортунизма, так называемый «экономизм». Когда группа «Искры» в самом конце 1900 года начала свою деятельность за границей, раскол на этой почве был уже фактом. Пле-

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 319—494. Ред.

ханов весной 1900 года вышел из заграничного «Союза русских с.-д.» и образовал особую организацию «Социал-демократ».

«Искра» начала свою работу формально независимо от обеих фракций, по существу — вместе с плехановской группой против «Союза». Попытка слияния (июнь 1901 г., съезд «Союза» и «Социал-демократа» в Цюрихе) не удалась. Брошюра «Что делать?» систематически излагает причины расхождения и характер искровской тактики и организационной деятельности.

Брошюру «Что делать?» часто упоминают теперешние противники большевиков, меньшевики, а также писатели из буржуазно-либерального лагеря (кадеты, «беззаглавцы»⁴³ из газеты «Товарищ» и т. п.). Я перепечатаваю поэтому ее с самыми небольшими сокращениями, опуская лишь подробности организационных отношений или мелкие полемические замечания. По существу содержания этой брошюры необходимо обратить внимание современного читателя на следующее.

Основная ошибка, которую делают люди, в настоящее время полемизирующие с «Что делать?», состоит в том, что это произведение совершенно вырывают из связи определенной исторической обстановки, определенного и теперь давно уже миновавшего периода в развитии нашей партии. Наглядно обнаружил эту ошибку, например, Парвус (не говорю уже о многочисленных меньшевиках), писавший много лет спустя после выхода брошюры об ее неверных или преувеличенных идеях насчет организации профессиональных революционеров.

В настоящее время подобные заявления производят прямо смешное впечатление: как будто люди хотят отмахнуться от целой полосы в развитии нашей партии, от тех завоеваний, которые в свое время стоили борьбы, а теперь давно уже упрочились и сделали свое дело.

В настоящее время рассуждать о преувеличении «Искрой» (в 1901 и 1902 году!) идеи организации профессиональных революционеров, это все равно, как если бы после русско-японской войны стали упрекать японцев за преувеличение русских военных сил, за преувеличенные заботы до войны о борьбе с этими силами. Японцам надо было собрать все силы против максимально-возможных русских сил, чтобы одержать победу. К сожалению, многие судят о нашей

партии со стороны, не зная дела, не видя того, что *теперь* идея организации профессиональных революционеров *уже* одержала полную победу. А победа была невозможна без того, чтобы не выдвигать эту идею на *первый план* в свое время, без того, чтобы «преувеличенно» не втолковать ее людям, которые мешали осуществлению этой идеи.

«Что делать?» есть *сводка* искровской тактики, искровской организационной политики 1901 и 1902 годов. Именно: «сводка», не более и не менее. Кто возьмет на себя труд ознакомиться с «Искрой» 1901 и 1902 годов, тот несомненно убедится в этом*. А кто судит об этой сводке, не зная искровской борьбы с *преобладавшим* тогда экономизмом и не понимая этой борьбы, тот просто роняет слова на ветер. «Искра» боролась за создание организации профессиональных революционеров, боролась особенно энергично в 1901 и 1902 годах, поборолa преобладавший тогда экономизм, *создала* эту организацию в 1903 году окончательно, удержала эту организацию, несмотря на последующий раскол искровцев, несмотря на все тревожения в эпоху бури и натиска, удержала ее в течение всей русской революции, удержала и сохранила ее с 1901—1902 до 1907 года.

И вот теперь, когда борьба за эту организацию давно кончена, когда посев сделан, зерно созрело, жатва окончена, — являются люди и возвещают: «преувеличение идеи организации профессиональных революционеров!». Разве это не смешно?

Возьмите весь *предреволюционный* период и первые 2¹/₂ года революции (1905—1907 гг.) в целом. Сравните за это время яшу с.-д. партию с другими партиями в отношении ее сплоченности, организованности, преемственной цельности. Вы должны будете признать, что *в этом* отношении превосходство нашей партии над *всеми* остальными, и над кадетами, и над эсерами и т. д., *бесспорно*. С.-д. партия до революции выработала себе формально признанную всеми с.-д. программу и, внося в нее изменения, не раскалывалась из-за программы. С.-д. партия, несмотря на раскол, с 1903 по 1907 год (формально с 1905 по 1906 год) дала публике наибольшие сведения о своем

* В 3-м томе настоящего издания будут перечислены важнейшие статьи из «Искры» за эти годы *.

внутреннем положении (протоколы съездов второго общего, III большевистского, IV или Стокгольмского общего). С.-д. партия, несмотря на раскол, раньше всех других партий воспользовалась временным просветом свободы для осуществления идеального демократического строя открытой организации, с выборной системой, с представительством на съездах по числу организованных членов партии. Этого до сих пор нет ни у с.-р., ни у кадетов — этой, почти легальной, наилучше организованной буржуазной партии, которая обладает неизмеримо большими, по сравнению с нами, финансовыми средствами, простором в пользовании прессой и возможностью жить открыто. А выборы во II Думу, в которых участвовали все партии, разве они не доказали наглядно, что организационная сплоченность нашей партии и нашей думской фракции выше, чем у всех других партий?

Спрашивается, кто же реализовал, кто воплотил в жизнь эту наибольшую сплоченность, прочность и устойчивость нашей партии? Это сделала, создававшаяся больше всего при участии «Искры», организация профессиональных революционеров. Кто знает хорошо историю нашей партии, кто переживал сам ее строительство, тому достаточно простого взгляда на состав делегации любой фракции, скажем, Лондонского съезда, чтобы убедиться в этом, чтобы сразу заметить то старое, основное ядро, которое, усерднее других, партию пестовало и партию выпестовало. Конечно, основным условием этого успеха было то, что рабочий класс, цвет которого создавал социал-демократию, отличается в силу объективных экономических причин из всех классов капиталистического общества наибольшей способностью к организации. Без этого условия организация профессиональных революционеров была бы игрушкой, авантюрой, пустой вывеской, и брошюра «Что делать?» многократно подчеркивает, что лишь в связи с «действительно-революционным и стихийно-поднимающимся на борьбу классом» имеет смысл защищаемая в ней организация. Но объективно-максимальная способность пролетариата к объединению в класс реализуется живыми людьми, реализуется не иначе, как в определенных формах организации. И никакая другая организация, кроме искровской, не могла бы в наших исторических условиях, в России 1900—1905 годов, создать такой

социал-демократической рабочей партии, которая теперь создана. Профессиональный революционер сделал свое дело в истории русского пролетарского социализма. И никакие силы не разрушат теперь этого дела, которое давно переросло узкие рамки «кружков» 1902—1905 годов, никакие запоздалые сетования по поводу преувеличения боевых задач теми, кто в свое время только борьбой мог обеспечить правильный приступ к выполнению этих задач, не поколеблют значения сделанных уже завоеваний.

Я упомянул только что об узких рамках кружков времен старой «Искры» (с конца 1903 года, с № 51, «Искра» повернула к меньшевизму и провозгласила: «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть», — слова Троцкого в брошюре, одобренной меньшевистской редакцией «Искры»). Об этой кружковщине современному читателю приходится сказать несколько пояснительных слов. И в брошюре «Что делать?», и в печатаемой дальше брошюре «Шаг вперед, два шага назад»* читатель видит перед собой страстную, подчас озлобленную, истребительную борьбу *заграничных кружков*. Несомненно, что эта борьба имеет много непривлекательных сторон. Несомненно, что эта борьба кружков представляет из себя явление, возможное только при очень еще юном, незрелом состоянии рабочего движения в данной стране. Несомненно, что современные деятели современного рабочего движения в России должны порвать со многими кружковщинскими традициями, должны забыть и отбросить многие мелочи кружковой жизни и кружковой свары, чтобы усиленно выполнить задачи социал-демократии в данную эпоху. Расширение партии *пролетарскими* элементами одно только может, в связи с открытой массовой деятельностью, вытравить все унаследованные от прошлого и не соответствующие задачам настоящего следы кружковщины. И переход к демократической организации рабочей партии, провозглашенный большевиками в «Новой Жизни»⁴⁶ в ноябре 1905 года**, сейчас же, как только создались условия для открытой деятельности, — этот переход был уже, по существу дела, бесповоротным разрывом с тем, что отжило в старой кружковщине...

* См. Сочинения, 4 изд., том 7, стр. 185—392. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 12—21. *Ред.*

Да, «с тем, что отжило», ибо недостаточно осудить кружковщину, надо уметь понять ее значение при своеобразных условиях прежней эпохи. В свое время кружки были необходимы и сыграли положительную роль. В самодержавной стране вообще, — в тех условиях, которые созданы были всей историей *русского* революционного движения в особенности, социалистическая рабочая партия *не могла* развиваться иначе, как из кружков. Кружки, т. е. тесные, замкнутые, почти всегда на личной дружбе основанные, сплочения очень малого числа лиц, были необходимым этапом развития социализма и рабочего движения в России. По мере роста этого движения встала задача объединения этих кружков, создания прочной связи между ними, установления преемственности. Решить эту задачу нельзя было без создания крепкой операционной базы «за пределами досягаемости» самодержавия — *т. е. за границей*. Заграничные кружки возникли, таким образом, в силу необходимости. Между ними не было связи, над ними не было авторитета русской партии, они расходились неизбежно в понимании основных задач движения в данный момент, т. е. в понимании того, *как именно* следует строить ту или иную операционную базу и в каком направлении помогать общепартийному строительству. При таких условиях борьба между этими кружками была неотвратима. Теперь, глядя назад, мы ясно видим, какой кружок действительно в состоянии был выполнить функцию операционной базы. Но тогда, в начале деятельности различных кружков, этого никто не мог сказать, и только борьба могла решить спор. Парвус, помнится, упрекал впоследствии старую «Искру» в истребительной кружковой борьбе и проповедывал задним числом примирительную политику. Но это легко сказать задним числом, и сказать это, значит обнаружить непонимание тогдашних условий. Во-первых, не было никакого критерия силы и *серьезности* тех или иных кружков. Много было дутых, которые теперь забыты, но которые в свое время борьбой хотели доказать свое право на существование. Во-вторых, разногласия между кружками состояли в том, как *направить* новую еще тогда работу. Я отмечал уже и тогда (в «Что делать?»), что разногласия кажутся малыми, но на деле имеют громадное значение, ибо в начале новой работы, в начале социал-демократического движения, определение

общего характера этой работы и этого движения скажется на пропаганде, агитации и организации самым существенным образом. Все позднейшие споры между с.-д. шли о том, как направлять политическую деятельность рабочей партии в тех или иных отдельных случаях. Тогда же речь шла об определении самых общих основ и коренных задач *всякой* социал-демократической политики вообще.

Кружковщина сделала свое дело и теперь, конечно, пережила себя. Но она пережила себя потому и только потому, что борьба кружков самым острым образом поставила краеугольные вопросы социал-демократии, решила их в непримиримом революционном духе и создала тем прочную базу для широкой партийной работы.

Из частных вопросов, возбужденных литературой в связи с брошюрой «Что делать?», отмечу только два следующие. Плеханов в «Искре» 1904 года, вскоре после выхода брошюры «Шаг вперед, два шага назад», провозгласил принципиальное разногласие со мной по вопросу о стихийности и сознательности. Я не отвечал ни на это провозглашение (если не считать одного примечания в женевской газете «Вперед»^{*46}), ни на многочисленные повторения на эту тему в меньшевистской литературе, не отвечал потому, что плехановская критика носила явный характер пустой придирки, основывалась на вырванных из связи фразах, на отдельных выражениях, не вполне ловко или не вполне точно мною сформулированных, причем игнорировалось общее содержание и весь дух брошюры. «Что делать?» вышло в марте 1902 г. Проект партийной программы (плехановский, с поправками редакции «Искры») напечатан в июне или июле 1902 года. Отношение стихийного к сознательному было сформулировано в этом проекте по общему согласию редакции «Искры» (споры о программе между Плехановым и мной велись внутри редакции, но как раз не по этому вопросу, а по вопросам о вытеснении мелкого производства крупным, причем я требовал формулировки более определенной, чем плехановская, и о различии точки зрения пролетариата или трудящихся классов вообще, причем я настаивал на более узком определении чисто пролетарского характера партии).

* См. Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 217. *Ред.*

Следовательно, ни о какой принципиальной разнице между проектом программы и «Что делать?» по этому вопросу не могло быть и речи. На втором съезде (август 1903 г.) Мартынов, тогдашний экономист, стал спорить против наших взглядов на стихийность и сознательность, выраженных в программе. Мартынову возражали все искровцы, как я подчеркиваю в брошюре «Шаг вперед и т. д.». Ясно отсюда, что разногласие по существу было между искровцами и экономистами, которые нападали на то, что было общего в «Что делать?» и в проектах программы. Специально же свои формулировки, данные в «Что делать?», я и на втором съезде не думал возводить в нечто «программное», составляющее особые принципы. Напротив, я употребил выражение, впоследствии часто цитировавшееся, о перегибании палки. В «Что делать?» выгибается палка, искривляемая экономистами, сказал я (см. протоколы второго съезда РСДРП в 1903 г., Женева, 1904 г.), и именно потому, что мы энергично выгибаем искривления, наша «палка» будет всегда наиболее прямая*.

Смысл этих слов ясен: «Что делать?» полемически исправляет экономизм, и рассматривать его содержание вне этой задачи брошюры неправильно. Замечу, что статья Плеханова против «Что делать?» не перепечатана в сборнике новой «Искры» («За два года»), и поэтому я не касаюсь теперь доводов Плеханова, а объясняю только суть дела современному читателю, который может встретить ссылки на этот вопрос в очень многих меньшевистских произведениях.

Другое замечание относится к вопросу об экономической борьбе и о профессиональных союзах. В литературе нередко превратно излагаются мои взгляды по этому вопросу. Необходимо подчеркнуть поэтому, что многие страницы в «Что делать?» посвящены разъяснению громадного значения экономической борьбы и профессиональных союзов. В частности, я высказался тогда за *нейтральность* профессиональных союзов. С тех пор ни в брошюрах, ни в газетных статьях я не высказывался иначе, вопреки многим утверждениям моих оппонентов. Только Лондонский съезд РСДРП и Штутгартский международный социалистический конгресс заставили меня

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 446. Ред.

прийти к выводу, что нейтральность профессиональных союзов *принципально* отстаивать нельзя. Теснейшее сближение союзов с партией — таков единственно верный принцип. Стремление сблизить и связать союзы с партией — такова должна быть наша политика, причем проводить ее необходимо настойчиво и выдержанно во всей нашей пропаганде, агитации, в организационной деятельности, не гоняясь за простыми «признаниями» и не выгоняя несогласномыслящих из профессиональных союзов.

* * *

Брошюра «Шаг вперед, два шага назад» вышла в Женеве летом 1904 года. Она описывает первую стадию раскола между меньшевиками и большевиками, начавшегося на втором съезде (август 1903 года). Из этой брошюры я выкинул около половины, ибо мелкие подробности организационной борьбы, особенно из-за личного состава партийных центров, абсолютно не могут интересовать современного читателя и заслуживают, по существу дела, забвения. Существенным кажется мне здесь анализ борьбы тактических и других взглядов на втором съезде и полемика с организационными взглядами меньшевиков: то и другое необходимо для понимания меньшевизма и большевизма, как течений, наложивших свой отпечаток на всю деятельность рабочей партии в нашей революции.

Из прений на втором съезде с.-д. партии отмечу прения об аграрной программе. События несомненно доказали, что наша тогдашняя программа (возвращение отрезков) была непомерно узка и *недооценивала* силы революционно-демократического крестьянского движения, — об этом я скажу подробнее во втором томе настоящего издания*. Здесь же важно подчеркнуть, что и эта непомерно узкая аграрная программа казалась *слишком широкой* правому крылу с.-д. партии в то время. Мартынов и другие экономисты боролись против нее за то, что она идет будто бы слишком далеко! Отсюда можно видеть, какое серьезное практическое значение имела вся борьба старой «Искры» с экономизмом, борьба против сужения и принижения всего характера социал-демократической политики.

* См. настоящий том, стр. 231—233. Ред.

Разногласия с меньшевиками в то время (первая половина 1904 года) ограничивались организационными вопросами. Я формулировал позицию меньшевиков, как «оппортунизм в организационных вопросах». П. Б. Аксельрод, возражая на это, писал Каутскому: «со своим слабым рассудком я не в состоянии понять, что это за штука такая: «оппортунизм в организационных вопросах», — выдвигаемый на сцену, как нечто самостоятельное, вне органической связи с программными и тактическими взглядами» (письмо от 6 июня 1904 года, перепечатано в сборнике новой «Искры» «За два года», ч. II, стр. 149).

Какова органическая связь оппортунизма в организационных и в тактических взглядах, это достаточно показала вся история меньшевизма в 1905—1907 годах. Что же касается до «непонятной штуки»: «оппортунизм в организационных вопросах», то жизнь подтвердила правильность моей оценки так блестяще, как я не мог и ожидать. Достаточно указать, что *меньшевик* Череванин и тот вынужден признать теперь (см. его брошюру о Лондонском съезде РСДРП 1907 года), что из организационных планов Аксельрода (пресловутый «рабочий съезд» и т. д.) вытекают лишь губящие дело пролетариата расколы. Мало того. Тот же меньшевик Череванин рассказывает там, что Плеханову в Лондоне пришлось бороться внутри меньшевистской фракции против «*организационного анархизма*». Итак, не напрасно боролся я в 1904 году с «оппортунизмом в организационных вопросах», если в 1907 году и Череванину и Плеханову пришлось признать «*организационный анархизм*» влиятельных меньшевиков.

От организационного оппортунизма меньшевики пошли к тактическому. Брошюра «Земская кампания и план «Искры»»* (вышла в Женеве в конце 1904 года, кажется, в ноябре или декабре) отмечает первый шаг их по этому пути. В современной литературе нередко можно встретить места, что разногласия по вопросу о земской кампании были вызваны отрицанием — со стороны большевиков — всякой пользы за демонстрациями перед земцами. Читатель увидит, что это совершенно ошибочный взгляд. Разногласие было вызвано тем, что меньшевики заговорили тогда о невызывании *пачки* у либералов, — а еще более тем,

* См. Сочинения, 4 изд., том 7, стр. 461—482. Ред.

что после ростовской стачки 1902 г., после летних стачек и баррикад 1903 года, накануне 9 января 1905 года меньшевики превозносили демонстрации перед земцами, как *высший тип* демонстраций. В № 1 большевистской газеты «Вперед» (Женева, январь 1905 г.) эта оценка меньшевистского «плана земской кампании» была выражена в заглавии посвященного вопросу фельетона: «Хорошие демонстрации пролетариев и плохие рассуждения интеллигентов»*.

Последняя, перепечатаваемая здесь, брошюра: «Две тактики социал-демократии в демократической революции» вышла в Женеве летом 1905 года**. Здесь излагаются уже систематически *основные* тактические разногласия с меньшевиками; — резолюции весеннего «III съезда РСДРП» в Лондоне (большевистского) и меньшевистской конференции в Женеве вполне оформили эти разногласия и привели их к *коренному* расхождению в оценке всей нашей буржуазной революции с точки зрения задач пролетариата. Большевики указывали пролетариату роль *вождя* в демократической революции. Меньшевики сводили его роль к задачам «крайней оппозиции». Большевики положительно определяли классовый характер и классовое значение революции, говоря: победоносная революция, это — «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Меньшевики понятие буржуазной революции всегда толковали так неправильно, что у них получалось примирение с подчиненной и зависимой от буржуазии ролью пролетариата в революции.

Известно, как отразились на практике эти принципиальные разногласия. Бойкот булыгинской Думы большевиками и колебания меньшевиков. Бойкот виттевской Думы большевиками и колебания меньшевиков, звавших выбирать, но не в Думу. Поддержка кадетского министерства и кадетской политики в I Думе меньшевиками и решительное разоблачение конституционных иллюзий и кадетской контрреволюционности большевиками вместе с пропагандой идеи «исполнительного комитета левых»⁴⁷. Далее, левый блок у большевиков на выборах во II Думу и блоки с кадетами у меньшевиков и т. д., и т. п.

* См. Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 13—18. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 1—119. *Ред.*

Теперь «кадетский период» русской революции (выражение брошюры: «Победа кадетов и задачи рабочей партии», март 1906 года)*, кажется, пришел к концу. Контрреволюционность кадетов разоблачена вполне. Кадеты сами начинают признаваться в том, что все время они боролись против революции, и г. Струве откровенно договаривает заветные мысли кадетского либерализма. Чем внимательнее будет оглядываться теперь сознательный пролетариат на весь этот кадетский период в целом, на весь этот «конституционный зигзаг», — тем очевиднее будет становиться, что большевики оценили заранее и этот период и сущность партии кадетов вполне правильно, что меньшевики, действительно, вели ошибочную политику, объективное значение которой равнялось замене самостоятельной пролетарской политики политикой подчинения пролетариата буржуазному либерализму.

* * *

Бросая общий взгляд на борьбу двух течений в русском марксизме и в русской социал-демократии за 12 лет (1895—1907), нельзя не прийти к выводу, что «легальный марксизм», «экономизм» и «меньшевизм» представляют из себя различные формы проявления одной и той же исторической тенденции. «Легальный марксизм» г. Струве (1894) и ему подобных был *отражением марксизма в буржуазной литературе*. «Экономизм», как особое направление социал-демократической работы в 1897 и следующих годах, фактически осуществил программу *буржуазно-либерального «Средо»*** : рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба. Меньшевизм — не только литературное течение, не только направление с.-д. работы, а сплоченная фракция, которая провела в течение первого периода русской революции (1905—1907 годы) особую политику, *на деле подчинявшую пролетариат буржуазному либерализму****.

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 175—250. *Ред.*

** — символ веры, программа, иложение миросоверщания. *Ред.*

*** Анализ борьбы различных течений и оттенков на втором съезде партии (см. брошюру «Шаг вперед, два шага назад», 1904 г.) доказывает неопровержимо прямую и непосредственную связь «экономизма» 1897 и следующих годов с «меньшевизмом». А связь «экономизма» в социал-демократии с «легальным марксизмом» или «струвизмом» 1895—1897 года я показывал в брошюре «Что делать?» (1902 г.). Легальный марксизм-экономизм-меньшевизм связаны не только идейно, они связаны также прямой исторической преемственностью.

Во всех капиталистических странах пролетариат неизбежно связан тысячами переходных ступеней со своим соседом справа: с мелкой буржуазией. Во всех рабочих партиях неизбежно образование более или менее ярко обрисованного правого крыла, которое в своих взглядах, в своей тактике, в своей организационной «линии» выражает тенденции мелкобуржуазного оппортунизма. В такой мелкобуржуазной стране, как Россия, в эпоху буржуазной революции, в эпоху первых зачатков молодой Рабочей с.-д. партии эти тенденции не могли не проявиться гораздо резче, определеннее, ярче, чем где бы то ни было в Европе. Ознакомление с различными формами проявления этой тенденции в российской социал-демократии в разные периоды ее развития необходимо для укрепления революционного марксизма, для закаления русского рабочего класса в его освободительной борьбе.

Сентябрь 1907 г.

*Напечатано в ноябре 1907 г.
в сборнике: «За 12 лет»,
С.-Петербург
Подпись: В. И. Ленин*

Печатается по тексту сборника

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

В октябре 1905 года Россия переживала наибольший революционный подъем. Пролетариат отбросил с своей дороги булыгинскую Думу и вовлек широкие народные массы в прямую борьбу с самодержавием. В октябре 1907-го года мы переживаем наибольший, повидимому, упадок открытой массовой борьбы. Но период упадка, начавшийся после декабрьского поражения 1905 г., принес с собой не только расцвет конституционных иллюзий, но и полный крах их. Третья Дума, созываемая после разгона двух Дум и государственного переворота 3-го июня, кладет явный конец периоду веры в мирное сожительство самодержавия с народным представительством и открывает новую эпоху в развитии революции.

В такой момент, как переживаемый нами, сравнение революции и контрреволюции в России, периода революционного натиска (1905 г.) и периода контрреволюционной игры в конституцию (1906 и 1907 гг.) напрашивается само собой. Всякое определение политической линии на ближайшее время неизбежно включает в себя такое сравнение. Противопоставление «ошибок революции» или «революционных иллюзий» «положительной конституционной работе» — основной мотив современной политической литературы. Об этом кричат кадеты на предвыборных собраниях. Об этом поет, вопиет и глаголет либеральная пресса. Тут и г. Струве, страстно и злобно вымещающий на революционерах свою досаду по поводу окончательного провала надежды на «компромисс». Тут и Миллюков, которого, несмотря на все его жеманство и пезуитизм, ход событий заставил придти к ясному, точному и — это

главное — правдивому: «враги слева». Тут и публицисты в духе «Товарища», Кускова, Смирнов, Плеханов, Горн, Иорданский, Череванин и пр., порицающие за легкомыслие октябрьско-декабрьскую борьбу и проповедующие, более или менее открыто, «демократическую» коалицию с кадетами. Настоящие кадетские элементы этого мутного потока выражают контрреволюционные интересы буржуазии и безграничное холопство интеллигентского мещанства. У тех же элементов, которые еще не совсем дошли до Струве, преобладающей чертой является непонимание связи между революцией и контрреволюцией в России, неспособность взглянуть на все пережитое нами, как на одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике.

Период революционного натиска показал в действии классовый состав населения России и отношение разных классов к старому самодержавию. События научили теперь всех и каждого, даже совершенно чуждых марксизму людей, вести летосчисление революции с 9 января 1905 г., т. е. с первого сознательно-политического движения масс, принадлежащих к одному определенному классу. Когда социал-демократия из анализа экономической действительности России выводила руководящую роль, гегемонию пролетариата в нашей революции, — это казалось книжным увлечением теоретиков. Революция подтвердила яшую теорию, ибо она единственная действительно революционная теория. Пролетариат на деле шел все время во главе революции. Социал-демократия на деле оказалась идейным передовым отрядом пролетариата. Борьба масс развивалась, под руководством пролетариата, необыкновенно быстро — быстрее, чем ожидали многие революционеры. На протяжении одного года она поднялась до самых решительных, какие только знает история, форм революционного натиска, до массовой стачки и вооруженного восстания. Организация пролетарских масс с поразительной быстротой росла в самом ходе борьбы. Вслед за пролетариатом стали организовываться другие слои населения, составившие боевые кадры революционного народа. Организовывалась полупролетарская масса всякого рода служащих, ватем крестьянская демократия, профессиональная интеллигенция и т. д. Период пролетарских побед был периодом

невиданного в России, гигантского даже с европейской точки зрения, роста массовой организованности вообще. Пролетариат добился в это время целого ряда улучшений в условиях своего труда. Крестьянская масса добилась «сокращения» помещичьего произвола, понижения арендных и продажных цен на землю. Вся Россия добилась значительной свободы собраний, слова и союзов, добилась всенародного отречения самодержавия от старых порядков и признания конституции.

Все, что завоевано донныне освободительным движением в России, завоевано всецело и исключительно революционной борьбой масс с пролетариатом во главе их.

Поворот в развитии борьбы начинается с поражения декабрьского восстания. Контрреволюция шаг за шагом переходит в наступление по мере ослабления массовой борьбы. В эпоху первой Думы эта борьба выразилась еще очень и очень внушительно в усилении крестьянского движения, в широком разгроме гнезд крепостников-помещиков, в целом ряде солдатских восстаний. И реакция наступала тогда медленно, не решаясь сразу произвести государственный переворот. Лишь после подавления Свеаборгского и Кронштадтского восстаний июля 1906 года она делается смелее, водворяет военно-полевой режим, начинает по частям отнимать выборное право (сенатские разъяснения⁴³), наконец, окончательно окружает полицейской осадой вторую Думу и ниспровергает всю пресловутую конституцию. Всякие самочинные, свободные организации масс сменились в это время «легальной борьбой» в рамках полицейской конституции, истолковываемой Дубасовыми и Столыпиными. Главенство социал-демократии сменилось главенством кадетов, которые господствовали в обеих Думах. Период упадка движения масс был периодом высшего расцвета партии кадетов. Она эксплуатировала этот упадок, выступая в качестве «борца» за конституцию. Она поддерживала в народе всеми силами веру в эту конституцию и проповедывала необходимость ограничиться именно «парламентской» борьбой.

Крах «кадетской конституции» есть крах кадетской тактики и кадетской гегемонии в освободительной борьбе. Корыстно-классовый характер всех рассуждений нашего либерализма на тему о «революционных иллюзиях» и об «ошибках революции» выступает с очевидностью при

сравнении обоих периодов революции. Пролетарская массовая борьба дала завоевания всему народу. Либеральное руководство движением не дало ничего кроме поражений. Революционный натиск пролетариата неуклонно поднимал сознание масс и организованность их, ставя перед ними все более высокие задачи, развивая их самостоятельное участие в политической жизни, уча их борьбе. Гегемония либералов в период обеих Дум принижала сознание масс, разлагала их революционную организованность, притупляла сознание демократических задач.

Либеральные вожди I и II Думы великолепно продемонстрировали перед народом коленопреклоненную, легальную «борьбу», которая привела к тому, что самодержавные крепостники росчерком пера смели конституционный *парадиз** либеральных болтунов и надсмеялись над тонкой дипломатией посетителей министерских передних. За либералами нет ни одного завоевания за все время русской революции, ни одного успеха, ни одного сколько-нибудь демократического дела, организующего народные силы в борьбе за свободу.

До октября 1905-го года либералы держали иногда сочувственный нейтралитет по отношению к революционной борьбе масс, но и тогда уже они начали выступать против нее, посылая депутацию с подлыми речами к царю, поддерживая булыгинскую Думу не из-за недомыслия, а из-за прямой вражды к революции. После октября 1905-го года либералы только и делали, что позорно предавали дело народной свободы.

В ноябре 1905 года они подсылали г-на Струве интимно побеседовать с г. Витте. Весной 1906-го года они подрывали революционный бойкот и своим отказом открыто перед Европой высказаться против займа помогали правительству добыть миллиарды на завоевание России. Летом 1906-го года они торговались с заднего крыльца с Треповым о министерских портфелях и боролись с «левыми», т. е. с революцией, в I Думе. В январе 1907 года они опять забегали к полицейским властям (визит Милюкова у Столыпина). Весной 1907 года они *поддерживали* правительство во II Думе. Революция замечательно быстро разоблачила либерализм и показала на деле его контрреволюционную природу.

* — рай. Ред.

В этом отношении период конституционных упований прошел далеко не бесполезно для народа. Опыт первой и второй Думы не только научил понимать все беспредельное убожество той роли, которую играет либерализм в нашей революции. Нет, этот опыт и на деле ликвидировал попытку руководить демократическим движением со стороны партии, которую только политические младенцы или выжившие из ума старцы могут считать действительно конституционно-«демократической».

В 1905-ом и в начале 1906-го годов классовый состав буржуазной демократии в России еще не для всех был ясен. Упования насчет того, что можно соединить самодержавие с действительным представительством скольнибудь широких масс народа, были не только у темных и забитых обитателей разных захолуствий. Этим упованиям не чужды были и правящие сферы самодержавия. Почему избирательный закон и в булыгинскую и в виттевскую Думу давал значительное представительство крестьянству? Потому, что держалась еще вера в монархическое настроение деревни. «Серячок выручит», это восклицание правительственной газеты весной 1906-го года выражало надежду правительства на консервативность крестьянской массы. В те времена кадеты не только не признавали антагонизма между демократизмом крестьян и буржуазным либерализмом, но опасались даже отсталости крестьян и желали одного: чтобы Дума помогла превратить консервативного или равнодушного крестьянина в либерала. Весной 1906-го года г. Струве выражал смелое пожелание, когда писал: «крестьянин в Думе будет кадетом». Летом 1907-го года тот же г. Струве поднял знамя борьбы с трудовыми или левыми партиями, как с главной помехой осуществлению сделки между буржуазным либерализмом и самодержавием. На протяжении полутора года лозунг борьбы за политическое просвещение крестьян сменился у либералов лозунгом борьбы против «чересчур» политически просвещенного и требовательного крестьянина!

Эта смена лозунгов выражает как нельзя более ясно полное банкротство либерализма в русской революции. Классовый антагонизм массы демократического сельского населения и крепостников-помещиков оказался неизмеримо глубже, чем воображали трусливые и тупоумные кадеты. Поэтому и провалилась так быстро и так

бесповоротно их попытка взять на себя гегемонию в борьбе за демократию. Поэтому и потерпела крушение вся их «линия» — помирить мелкобуржуазную демократическую массу народа с октябристскими и черносотенными помещиками. Великое, хотя и отрицательное, завоевание контрреволюционного периода двух Дум состоит в этом банкротстве предательских «борцов» за «народную свободу». Классовая борьба, идущая вниз, выкинула этих героев министерской передней за борт, превратила их из претендентов на руководство в *простых лакеев октябризма*, слегка подкрашенных конституционным лаком.

Кто не видит до сих пор этого банкротства либералов, испытавших на деле свою пригодность в качестве борцов за демократию или, по крайней мере, борцов в рядах демократии, тот ровно ничего не понял в политической истории двух Дум. Бессмысленное повторение заученной формулы о поддержке буржуазной демократии превращается, у таких людей, в контрреволюционное хныканье. Не жалеть о крахе конституционных иллюзий должны социал-демократы. Они должны сказать, как говорил Марко про контрреволюцию в Германии: народ выиграл то, что потерял свои иллюзии⁴⁹. Буржуазная демократия в России выиграла то, что потеряла негодных вождей и дряблых союзников. Тем лучше для политического развития этой демократии.

Партии пролетариата остается позаботиться о том, чтобы богатые политические уроки нашей революции и контрреволюции были глубже продуманы и тверже усвоены широкими массами. Период натиска на самодержавие развернул силы пролетариата и научил его основам революционной тактики, показал условия успеха непосредственной борьбы масс, которая одна только в состоянии завоевать сколько-нибудь серьезные улучшения. Долгий период подготовки сил пролетариата, воспитания и организации его предшествовал тем выступлениям сотен тысяч рабочих, которые нанесли смертельные удары старому самодержавию в России. Долгая, невидная работа руководства всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, работа созидания прочной, выдержанной партии предшествовала взрыву действительно массовой борьбы и обеспечила условия превращения этого взрыва в революцию. И теперь пролетариату, как передовому борцу

народа, надо укрепить свою организацию, соскрести с себя всякую плесень интеллигентского оппортунизма, сплотить свои силы для такой же выдержанной и упорной работы. Задачи, которые поставлены перед русской революцией ходом истории и объективным положением широких масс, не разрешены. Элементы нового, общенародного политического кризиса не только не устранены, а, напротив, еще углубились и расширились. Наступление этого кризиса поставит опять пролетариат во главе общенародного движения. К этой роли должна быть готова рабочая с.-д. партия. И на почве, удобренной событиями 1905-го и последующих годов, посев даст вдесятеро лучший урожай. Если за партией в несколько тысяч сознательных передовиков рабочего класса поднялся в конце 1905-го года миллион пролетариев, то теперь наша партия, насчитывающая десятки тысяч искушенных в революции и теснее в самой борьбе связавших себя с массой рабочих социал-демократов, поведет за собой десяток миллионов и сломит врага.

И социалистические и демократические задачи рабочего движения в России определились несравненно резче, выступили на первый план настоятельнее под влиянием революционных событий. Борьба с буржуазией поднимается на высшую ступень. Капиталисты сплываются в всероссийские союзы, теснее соединяются с правительством, чаще пускают в ход самые крайние средства экономической борьбы вплоть до массовых локаутов, чтобы «обуздать» пролетариат. Но преследования страшны только отживающим классам, а пролетариат увеличивается в числе и сплоченности тем быстрее, чем быстрее успехи господ капиталистов. За непобедимость пролетариата ручается экономическое развитие и России и всего мира. Буржуазия впервые начала в нашей революции складываться в класс, в единую и сознательную политическую силу. Тем успешнее пойдет и организация рабочих по всей России в единый класс. Тем глубже будет пропасть между миром капитала и миром труда, тем яснее будет социалистическое сознание рабочих. Социалистическая агитация среди пролетариата станет определеннее, обогатившись опытами революции. Политическая организация буржуазии — лучший толчок к окончательной формировке социалистической рабочей партии.

Задачи этой партии в борьбе за демократию могут вызывать споры отныне только среди «сочувствующих» интеллигентов, готовящихся уйти к либералам. Для массы рабочих эти задачи стали осязательно-ясны в огне революции. Что основой и единственной основой буржуазной демократии, как исторической силы в России, является крестьянская масса, это пролетариат знает по опыту. Роль вождя этой массы в борьбе против крепостников-помещиков и царского самодержавия уже выполнена пролетариатом в общенациональном масштабе, и никакие силы не совлекут теперь рабочей партии с верного пути. Роль либеральной партии кадетов, под флагом демократизма направлявших крестьянство под крылышко октябризма, сыграна, и социал-демократия вопреки одиночкам-нытикам будет продолжать свое дело выяснения массам этого банкротства либералов, выяснения того, что буржуазная демократия не может выполнить своего дела, не очистившись окончательно от союза с лакеями октябризма.

Никто не сможет сказать теперь, как сложатся дальнейшие судьбы буржуазной демократии в России. Возможно, что банкротство кадетов поведет к образованию крестьянской демократической партии, действительной массовой партии, а не той организации террористов, которую остались социалисты-революционеры. Возможно также, что объективные трудности политического сплочения мелкой буржуазии не дадут образоваться такой партии и оставят надолго крестьянскую демократию в современном состоянии рыхлой, неоформленной, киселеобразной трудовой массы. И в том и в другом случае наша линия одна: ковать демократические силы неумолимой критикой всяких колебаний, непримиримой борьбой против присоединения демократии к доказавшему свою контрреволюционность либерализму.

Чем дальше заходит реакция, тем больше неистовствует черносотенный помещик, чем больше подчиняет он себе самодержавие — тем медленнее будет идти экономическое развитие России и освобождение ее от остатков крепостничества. А это значит: тем сильнее и шире будет развиваться сознательный и боевой демократизм в массах городской и сельской мелкой буржуазии. Тем сильнее будет массовое сопротивление голодовкам, насилиям и надругательству, на которые осуждают крестьянство

октябристы. Социал-демократия позаботится о том, чтобы ко времени неизбежного подъема демократической борьбы шайка либеральных карьеристов, называемая партией кадетов, не могла еще раз разделить ряды демократии и посеять смуту в ее рядах. Либо с народом, либо против народа, — эту альтернативу давно уже ставила социал-демократия всяким претендентам на роль «демократических» вождей в революции. До сих пор не все с.-д. умели последовательно выдержать эту линию; некоторые поддавались и сами посулам либералов, некоторые закрывали глаза на шашни этих либералов с контрреволюцией. Теперь мы просвещены уже опытом обеих первых Дум.

Революция научила пролетариат массовой борьбе. Революция доказала, что он может вести за собой крестьянские массы в борьбе за демократию. Революция сплотила теснее чисто-пролетарскую партию, отбрасывая от нее мелкобуржуазные элементы. Контрреволюция отучила мелкобуржуазную демократию от попыток искать себе вождей и союзников в либерализме, который пуще огня боится массовой борьбы. Опираясь на эти уроки событий, мы смело можем сказать по адресу правительства черносотенных помещиков: продолжайте в том же духе, гг. Столыпины! Мы будем собирать плоды того, что вы сеете!

ТРЕТЬЯ ДУМА

Правительство реализует результаты совершенного им 3-го июня гнусного преступления против народа: уродливый избирательный закон, совершенно извращающий волю не только всего народа, но даже и пользующегося избирательными правами меньшинства в угоду горсти помещиков и капиталистов, дал царизму вожделенные плоды. Из 442 депутатов, подлежащих избранию в Думу, в момент, когда пишется настоящая статья, выбрано 432; подлежит избранию 10, так что общие результаты выборов определились уже в достаточной степени. По приблизительно-верному подсчету оказывается, что социал-демократов выбрано 18, других левых 13, кадетов 46, членов групп к ним близких 55, октябристов 92, членов групп, родственных им по направлению, 21, правых всякого рода 171, в том числе 32 члена союза русского народа, беспартийных 16.

Таким образом, не считая незначительного числа беспартийных, всех остальных депутатов можно разделить на 4 группы: крайнюю левую, составляющую всего несколько более 7-ми проц., левый (кадетский) центр — 23 проц., правый (октябристский) центр — 25,1 проц. и правую — 40 проц.; беспартийные составляют несколько менее 4 проц.

Ни одна из этих групп, взятая в отдельности, не представляет собою абсолютного большинства. Является ли для вдохновителей и составителей нового избирательного закона такой результат вполне соответствующим их желаниям и ожиданиям? Мы думаем, что на этот вопрос надо ответить положительно и что новый русский «парламент»

с точки зрения правящих групп, поддерживающих самодержавный царизм, является в полном смысле слова *chambre introuvable**.

Дело в том, что у нас, как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существует собственно два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое закулисное — придворная камарилья. Эта последняя всегда и везде опирается на самые реакционные слои общества, на феодальное — по нашему черносотенное — дворянство, черпающее свою экономическую силу из крупного землевладения и связанного с ним полукрепостнического хозяйства. Изнеженная, развращенная, выродившаяся — эта общественная группа являет собою яркий образец самого гнусного паразитизма. До какой степени извращенности доходит здесь вырождение, — показывает скандальный процесс Мольтке-Гардена в Берлине, вскрывший грязную клоаку, которую представляла собою влиятельная камарилья при дворе полусамодержавного германского императора Вильгельма II. Ни для кого не секрет, что и у нас в России в соответствующих кругах подобные же гнусности не составляют исключения. Огромная масса «правых» в III Думе будет, по крайней мере, в подавляющем большинстве своем, если не целиком, защищать интересы именно этой общественной плесени и ржавчины, этих «гробов повапленных», завещанных нам темным прошлым. Сохранение крепостнического хозяйства, дворянских привилегий и самодержавно-дворянского режима — вопрос жизни и смерти для этих мастодонтов и ихтиозавров, ибо «зубры» — для них слишком почетное название.

Мастодонты и ихтиозавры обыкновенно выбиваются из всех сил, чтобы, пользуясь своим придворным всемогуществом, захватить в свое полное и безраздельное владение и официальное правительство — кабинет министров. Обыкновенно в значительной своей части кабинет и состоит из их ставленников. Однако, сплошь и рядом большинство кабинета по своему составу не вполне соответствует требованиям камарильи. Конкуренцию допотопному хищнику, хищнику крепостнической эпохи,

* Такая, лучше которой не найпещь: так назвал в 1815 г. Людовик XVIII французскую черносотенную палату депутатов.

составляет в данном случае хищник эпохи первоначального накопления, — тоже грубый, жадный, паразитический, но с некоторым культурным лоском и — главное — с желанием также ухватить добрый кусок казенного пирога в виде гарантий, субсидий, концессий, покровительственных тарифов и т. д. Этот слой землевладельческой и промышленной буржуазии, типичной для эпохи первоначального накопления, находит себе выражение в октябризме и примыкающих к нему течениях. У него много интересов, общих с черносотенцами *sans phrases* *, — хозяйственный паразитизм и привилегии, квасной патриотизм с октябристской точки зрения так же необходимы, как и с черносотенной.

Так составляется черносотенно-октябристское большинство в III Государственной думе: оно доходит до внушительной цифры 284-х человек из 432, т. е. до 65,7 проц., более $\frac{2}{3}$ всего числа депутатов.

Это — твердыня, обеспечивающая правительству возможность в аграрной политике помочь разорившимся помещикам выгодно ликвидировать свои земли, обобрав при этом до нитки малоземельных крестьян, из рабочего законодательства создать орудие самой грубой эксплуатации пролетариата капиталом, в финансовой политике обеспечить сохранение главной тяжести налогов на плечах народных масс. Это — твердыня протекционизма и милитаризма. Контрреволюционный характер октябристско-черносотенного большинства не оспаривается никем.

Но в том-то и дело, что это не единственное большинство, существующее в III Думе. Есть еще другое большинство.

Черносотенцы — надежный союзник октябристов, подобно тому как придворная камарилья союзник кабинета министров в деле защиты царизма. Но как придворная камарилья проявляет органическое влечение не столько к союзу с кабинетом министров, сколько к господству над ним, так и черносотенцы жаждут диктатуры над октябристами, помыкают последними, стремятся подмять их под себя.

Интересы капитализма, хотя бы и грубо хищнического, паразитического, не мирятся с безраздельным господ-

* — без фраз; в данном случае — без прикрас. *Ред.*

ством крепостнического землевладения. Обе родственные между собою социальные группы стремятся отхватить себе кусок пирога побольше и пожирнее, — и отсюда неизбежное расхождение их в вопросах местного самоуправления и центральной организации государственной власти. Для черносотенцев в земстве и городской Думе не нужно ничего другого кроме того, что есть, а в центре — «долой проклятую конституцию». Для октябристов и в земстве и в Думе надо усилить свое влияние, а в центре необходима «конституция», хотя и очень куцая, фиктивная для масс.

Недаром «Русское Знамя»⁵⁰ поносит «октябрей», а «Голос Москвы»⁵¹ в свою очередь находит, что в III Думе правых больше, чем нужно.

И вот объективный ход дела вынуждает октябристов искать союзников в данном отношении. Их можно было бы найти давно в левом (кадетском) центре, который давно уже заявляет о своей неллицемерной преданности конституции, но в том-то и дело, что молодая русская буржуазия эпохи капиталистического накопления, представляемая теперь кадетами, сохранила от прошлого очень неудобных друзей и некоторые неприятные традиции. С традициями в политической сфере, впрочем, оказалось легко расстаться: монархистами кадеты объявили себя давным-давно, еще до первой Думы, от ответственного министерства они молчаливо отказались во второй Думе, кадетские проекты о разных «свободах» содержат в себе так много рогаток, колючих проволочных заграждений и волчьих ям против этих свобод, что есть вся надежда на дальнейший прогресс в этом отношении. К восстанию и забастовке кадеты и прежде относились с укором — сначала ласковым, потом меланхолическим, после декабря 1905 г. укор превратился наполовину в пренебрежение, а после разгона первой Думы в резкое отрицание и порицание. Дипломатия, сделка, торг с властью имущими — вот основа кадетской тактики. А что касается неудобных друзей, то они уже давно именуется просто «соседями», а недавно громогласно объявлены «врагами».

Сговориться, значит, можно, и вот новое, опять-таки контрреволюционное большинство — октябристско-кадетское. Оно, правда, пока несколько меньше половины выбранного числа депутатов — 214 из 432, — но, во-первых,

к нему, несомненно, примкнут если не все беспартийные, то по крайней мере часть их, а во-вторых, есть все данные предполагать, что оно увеличится при дальнейших выборах, так как города и большая часть губернских избирательных собраний, в которых выборы еще не производились, дадут в подавляющем большинстве или октябристов, или кадетов.

Правительство считает себя господином положения. Либеральная буржуазия, повидимому, признает это за действительность. При таких условиях сделка должна нести на себе более, чем когда-либо, печать самого пошлого и предательского компромисса, точнее — сдачи всех носящих хоть какую-либо тень демократизма позиций либерализма. Ясно, что путем такой сделки, без нового массового движения, не может быть осуществлено хоть сколько-нибудь демократическое устройство местного управления и центральных законодательных органов. Октябристско-кадетское большинство этого нам дать не в состоянии. А можно ли ждать от черносотенно-октябристского большинства, от диких помещиков в союзе с капиталистами-хищниками сколько-нибудь сносного решения аграрного вопроса и облегчения положения рабочих? В ответ на этот вопрос можно только посмеяться горьким смехом.

Положение ясно: *осуществить хотя бы в самом уродливом виде объективные задачи революции наша *chambre introuvable* не в состоянии*. Она не может хотя бы отчасти залечить зияющие раны, нанесенные России старым строем, — она может только прикрыть эти раны жалкими, кислыми, фиктивными реформами.

Результаты выборов лишней раз подтверждают наше твердое убеждение: *Россия не может выйти из переживаемого ею кризиса мирным путем*.

При таких условиях являются совершенно ясными те задачи, которые стоят в настоящий момент на ближайшей очереди перед социал-демократией. Ставя своей конечной целью торжество социализма, будучи убеждена, что для достижения этой цели необходима политическая свобода, и имея в виду то обстоятельство, что в настоящее время невозможно осуществить эту свободу мирным путем, без открытых массовых выступлений, — социал-демократия обязана теперь на ближайшую очередь по-

прежнему поставить демократические и революционные задачи, ни на минуту не отказываясь, разумеется, ни от пропаганды социализма, ни от защиты пролетарских классовых интересов в узком смысле слова. Будучи представительницей наиболее передового, наиболее революционного класса современного общества, — пролетариата, на деле доказавшего в русской революции свою способность к роли вождя в массовой борьбе, — социал-демократия обязана всеми мерами содействовать тому, чтобы эта роль осталась за пролетариатом и в той новой стадии революционной борьбы, которая наступает, — в стадии, характеризующейся гораздо большим, чем прежде, перевесом сознательности над стихийностью. С этой целью социал-демократия обязана всеми силами стремиться к гегемонии над демократической массой и к развитию в этой массе революционной энергии.

Такое стремление приводит партию пролетариата к резкому столкновению с другими классовыми политическими организациями, для которых, сообразно интересам представляемых ими групп, демократическая революция является ненавистной и опасной не только сама по себе, но и, особенно ввиду гегемонии в ней пролетариата, чреватой социалистической опасностью.

Совершенно ясно и не подлежит никакому сомнению, что оба думских большинства — черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское — попеременно опираясь на которые намерено балансировать правительство Столыпина, оба эти большинства, каждое по-своему — в разных вопросах — будут контрреволюционными. О борьбе с министерством того или другого большинства или даже отдельных их элементов — борьбе сколько-нибудь систематической и планомерной — и речи быть не может. Возможны только отдельные, временные конфликты. Такие конфликты возможны прежде всего между черносотенным элементом первого большинства и правительством. Но не надо забывать, что они не могут быть сколько-нибудь глубокими, и правительство, нисколько не сходя с контрреволюционной почвы, может с полным удобством и легкостью выйти из этих конфликтов победителем, опираясь на второе большинство. Революционная социал-демократия и вместе с ней все остальные революционно-настроенные элементы III Думы при всем своем желании не могут

использовать эти конфликты в интересах революции иначе, как в чисто агитационных целях; о «поддержке» какой-либо из сталкивающихся сторон здесь не может быть и речи, ибо такая поддержка была бы сама контрреволюционным актом.

Быть может, несколько больше и лучше можно будет использовать возможные конфликты между отдельными элементами второго большинства, — между кадетами с одной стороны и октябристами и правительством — с другой. Но положение и здесь таково, что не только в силу субъективных настроений и намерений, но и вследствие объективных условий конфликты будут и неглубоки и преходящи, явятся лишь средством, облегчающим политическим торгашам заключение сделки на условиях более приличных по внешности, по существу же противоречащих интересам демократии. *Социал-демократия должна, следовательно, не отказываясь от использования даже таких неглубоких и нечастых конфликтов, вести упорную борьбу за демократические и революционные задачи не только с правительством, черной сотней и октябристами, но и с кадетами.*

Таковы основные цели, которые должна поставить себе социал-демократия в третьей Государственной думе. Совершенно очевидно, что эти цели — те же, которые стояли перед партией пролетариата во второй Думе. Они формулированы с полной ясностью в первом пункте резолюции Лондонского съезда о Государственной думе. Пункт этот гласит: «непосредственно политическими задачами социал-демократии в Думе являются: а) выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществить требования пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства; б) выяснение народу невозможности осуществить политическую свободу парламентским путем, пока реальная власть остается в руках царского правительства, и выяснение неизбежности открытой борьбы народных масс с вооруженной силой абсолютизма, борьбы, имеющей целью обеспечение полноты победы — переход власти в руки народных масс и созыв учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования».

В этой резолюции, в особенности в последних ее словах, формулирована и важнейшая *специальная* задача дея-

тельности социал-демократии в третьей Думе, задача, которую социал-демократические депутаты должны выполнить в связи с обличением всей гнусности преступления 3-го июня. Обличать это преступление они должны, конечно, не с либеральной точки зрения формального нарушения конституции, а как наглое и грубое нарушение интересов широких народных масс, как беззастенчивую и возмутительную фальсификацию народного представительства. Отсюда и должно вытекать *выяснение широким народным массам полного несоответствия III Думы интересам и требованиям народа и в связи с этим широкая и энергичная пропаганда идеи полномочного учредительного собрания, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании.*

Та же лондонская резолюция весьма отчетливо определяет характер с.-д. партийной работы в Государственной думе в следующих выражениях: «на первый план должна быть выдвинута критическая, пропагандистская, агитационная и организационная роль с.-д. думской фракции»; «общий характер думской борьбы должен быть подчинен всей внедумской борьбе пролетариата, причем особенно важно использование массовой экономической борьбы и служение ее интересам». Совершенно ясно, в какой тесной, неразрывной связи находится такой характер думской работы с теми целями, которые, как выше указано, должна ставить себе в Думе социал-демократия в настоящий момент. Мирная законодательная работа социал-демократов в третьей Думе при условиях, делающих в высокой степени вероятными массовые движения, явилась бы не только нецелесообразной, не только смешным донкихотством, но и прямой изменой пролетарским интересам. Она неизбежно привела бы социал-демократию к «принижению ее лозунгов, способному лишь дискредитировать в глазах массы социал-демократию и оторвать ее от революционной борьбы пролетариата». Большого преступления представители пролетариата в Думе не могли бы совершить.

Критическая деятельность социал-демократии должна быть развернута во всю ширину и заострена до высшей степени тем более, что в III Думе материал для нее будет в чрезвычайном избытке. Социал-демократы в Думе обязаны до конца разоблачать классовую подкладку как правительственных, так и либеральных мер и предложений,

которые будут проводиться в Думе, причем, в полном согласии с резолюцией съезда, особенное внимание необходимо обратить на те меры и предложения, которые касаются экономических интересов широких народных масс; сюда относятся рабочий и аграрный вопросы, вопрос о бюджете и т. д. Во всех этих вопросах социал-демократия обязана противопоставлять правительственной и либеральной точкам зрения свои социалистические и демократические требования, эти вопросы — самый чувствительный нерв народной жизни и вместе с тем самое больное место правительства и тех социальных групп, на которые опираются оба думских большинства.

Все эти агитационные, пропагандистские и организационные задачи социал-демократы в Думе будут осуществлять, помимо своих речей с думской трибуны, еще внесением законопроектов и запросами правительству. Но здесь есть одно важное затруднение: для внесения законопроекта или предъявления запроса требуется подпись не менее, чем *тридцати* депутатов.

Тридцати социал-демократов в III Думе нет и не будет. Это несомненно. Значит, социал-демократия *одна*, без содействия других групп, не может ни вносить законопроекты, ни делать запросы. Несомненно, это сильно затрудняет и осложняет дело.

Речь идет, конечно, о законопроектах и запросах последовательно-демократического характера. Может ли социал-демократия в этом отношении рассчитывать на содействие конституционно-демократической партии? Конечно, нет. Разве кадеты, вполне уже готовые в настоящее время на ничем не прикрытый компромисс на таких условиях, при которых от их программных требований, как они и без того ни куцы и ни сведены к минимуму разными оговорками и исключениями, не останется ничего, — разве кадеты решатся раздражать правительство демократическими запросами? Все мы помним, что уже во второй Думе речи кадетских ораторов, выступавших при запросах, сильно побледнели и подчас превращались не то в детский лепет, не то в вежливые и даже почтительные вопросы с полупоклонами. А теперь, когда «работоспособность» Думы в деле сплетения сетей для народа покрепче да понадежнее, так чтобы эти сети превратились в цепи, — сделалась притчей во языцех, — их высокопревосходи-

тельства гг. министры могут спать спокойно: их редко будут беспокоить с кадетской стороны — еще бы, ведь, надо законодательствовать! — да и если будут беспокоить, то с соблюдением всех правил учтивости. Недаром Милюков на предвыборных собраниях обещает «беречь огонек». Да и один ли Милюков? Что значит дановское безусловное отрицание лозунга «долой Думу»? Не то же ли бережение огонька? И не в том же ли направлении «учтивости» советует идти социал-демократии Плеханов со своей «поддержкой либеральной буржуазии», «борьба» которой сводится не к чему иному, как к реверансам и глубоким поклонам?

Нечего и говорить о присоединении кадетов к законодательным предложениям социал-демократов: ведь эти законопроекты будут отличаться ярко выраженным агитационным характером, будут выражать во всей полноте последовательно-демократические требования, ну, а это будет возбуждать в кадетской среде, конечно, не меньшее раздражение, чем в октябристской и даже черносотенной.

Итак, кадетов и в этом отношении надо сбросить со счета. В деле предъявления запросов и предложения законопроектов социал-демократия может рассчитывать только на содействие групп левее кадетов. Повидимому, их вместе с социал-демократами наберется до 30-ти человек, и, следовательно, откроется полная техническая возможность проявить инициативу в данном отношении. Речь, разумеется, идет не о каком-либо блоке, а о тех «совместных действиях», которые, по словам резолюции Лондонского съезда, «должны исключать всякую возможность каких бы то ни было отступлений от с.-д. программы и тактики, служа лишь целям общего натиска как против реакции, так и против предательской тактики либеральной буржуазии».

О СТАТЬЕ ПЛЕХАНОВА⁵²

В своей статье в «Товарище» от 20 октября Плеханов продолжает свою кампанию лжи и глумления над дисциплиной с.-д. партии. Вот образчики этой лжи: ««Товарищ» был, как известно, органом левого блока», возражает Плеханов на обвинение в том, что он стал постоянным сотрудником гг. Прокоповича, Кусковой и К^о. Это ложь. Во-1-х, органом левого блока «Товарищ» никогда не был. Левый блок не мог иметь общего органа. Во-2-х, большевики в «Товарище» никогда никакой кампании политической не вели, никогда против сочленов с.-д. партии в такой газете не выступали. В-3-х, большевики, устроив левый блок, *раскололи* «Товарищ», *выгнав* из него (правда, на неделю только) тех, кто стоял за кадетов. А Плеханов *тянет* к лакейству перед кадетами и пролетариат и мелкобуржуазную демократию. Большевики, не участвуя в «Товарище», двинули его влево. Плеханов участвует и тащит вправо. Нечего сказать, удачна его ссылка на левый блок!

Обойдя, таким образом, вопрос о том, что его берут в буржуазную газету за писание приятных для буржуазии вещей, Плеханов доставляет еще больше удовольствия либералам, глумясь над дисциплиной рабочей партии. Я не обязан повиноваться, — восклицает он, — если от меня требуют измены принципам!

Это — пошлая анархическая фраза, почтеннейший, ибо принципы *партии* блюдет от съезда до съезда и истолковывает их Центральный Комитет. Вы вправе отказать в повиновении, если ЦК нарушает волю съезда, устав партии и т. п. Но в данном случае ни единый человек

не пытался даже утверждать, что ЦК нарушил волю съезда своими директивами насчет выборов. Значит, Плеханов просто прикрывает словечком об «измене принципам» свою *измену партии*.

Наконец, Плеханов хочет колгнуть Санкт-Петербургский комитет: на выборах-де во II Думу он сам не повиновался Центральному Комитету. Во-1-х, ответим мы, Санкт-Петербургский комитет отказался исполнить требование разделить организацию, т. е. отверг вмешательство в свою автономию, *обеспеченную уставом партии*. Во-2-х, на выборах во II Думу меньшевики *раскололи* организацию: об этой стороне тогдашнего конфликта Плеханов молчит в буржуазной газете! Своими доводами Плеханов говорит одно: на выборах во II Думу *меки* раскололи петербургскую часть партии, — значит, я теперь вправе расколоть всю партию!! Такова логика Плеханова и таковы поступки Плеханова. Пусть все это хорошенько запомнят: *Плеханов сеет раскол*. Он боится только назвать вещь своим именем.

КОНФЕРЕНЦИЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП⁶³

ИЗ ГАЗЕТНОГО ОТЧЕТА

1

ДОКЛАД О III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Докладчик прежде всего охарактеризовал состав III Думы. Правительство простым эмпирическим путем так скроило избирательный закон 3 июня, что в Думе оказалось *два возможных большинства*: октябристско-черносотенное и октябристско-кадетское. И то и другое — безусловно контрреволюционны. Правительство в своей реакционной политике будет опираться то на одно из них, то на другое. При этом свои самодержавно-крепостнические действия правительство будет прикрывать фразами о бумажных «реформах». При этом кадеты, на деле проводя предательскую политику контрреволюции, будут на словах выставлять себя партией истинно демократической оппозиции.

Сделка кадетов с октябристами в Думе неминуема, и первые шаги к ней, — как доказывает докладчик рядом цитат из партийных газет кадетов и октябристов, рядом фактов из жизни этих партий и сообщениями с последнего съезда кадетской партии, — уже сделаны. Кадетская политика сделки со старым режимом в III Думе обрисовывается еще более ярко, чем до сих пор, и насчет истинного ее характера ни для кого не останется сомнений.

Но ни первое ни второе думское большинство объективно не в состоянии удовлетворить насущные экономические и политические требования сколько-нибудь широких масс пролетариата, крестьянства и городской демократии. Выразителем нужд этих слоев народа будет, как и до сих пор, прежде всего социал-демократия. Состав и деятельность III Думы обещают дать социал-демократии обильный и прекрасный агитационный материал, который должен

быть использован против черносотенного правительства, явных крепостников-помещиков, октябристов и против кадетов. Задачей с.-д. попрежнему остается популяризация в самых широких массах народа идеи всенародного учредительного собрания на основе всеобщего и т. д. избирательного права. О поддержке «левых» октябристов или кадетов в Думе, поэтому, не может быть и речи. С.-д., как ни малочисленны они в III Думе, должны вести самостоятельную социалистическую и последовательно демократическую линию, пользуясь думской трибуной, правом запросов и т. д. Некоторые соглашения допустимы только с группой левых депутатов (особенно ввиду необходимости 30 подписей для внесения запроса), но только такие соглашения, которые не идут вразрез с программой и тактикой с.-д. Для этой цели необходима организация информационного бюро, никого не связывающего, а лишь дающего возможность с.-д. влиять на левых депутатов.

Из с.-д. рядов — заметил далее докладчик — раздаются уже голоса о поддержке «левых» октябристов (напр., при выборах президиума), об организации информационного бюро с кадетами и о так называемом «бережении» нашей думской фракции. Разговоры о поддержке октябристов, идущие со стороны меньшевиков, как нельзя нагляднее свидетельствуют о полном провале меньшевистской тактики. Была Дума кадетская, и меньшевики вопили о поддержке кадетов. Стоило Столыпину изменить избирательный закон в благоприятную для октябристов сторону, и меньшевики готовы поддерживать октябристов. Куда же меньшевики в конце концов пойдут по этому пути?

Информационное бюро с кадетами докладчик считает недопустимым, ибо это значило бы информировать своих явных врагов.

По поводу «бережения» фракции докладчик сказал: беречь фракцию действительно следует. Но для чего? Только для того, чтобы она в Думе высоко держала знамя с.-д., только для того, чтобы она в Думе вела непримиримую борьбу против контрреволюционеров всех видов и оттенков, начиная с союзников и кончая кадетами. Но ни в коем случае не для того, чтобы она поддерживала «левых» октябристов и кадетов. Если бы ее существование

было обусловлено необходимостью поддерживать эти группы, т. е. поддерживать сделку со столыпинским самодержавием, тогда ей лучше с честью вовсе прекратить свое существование, выяснивши всему народу, за что она была изгнана из Думы, если это изгнание последует.

В заключительном слове Ленин остановился, главным образом, на основной ошибке меньшевизма — идее «общенациональной оппозиции». Российская буржуазия в собственном смысле слова никогда не была революционна, и это по вполне понятной причине: в силу того положения рабочего класса в России, которое он занимает, и в силу его роли в революции. Разобравши все остальные доводы меньшевиков, он предложил резолюцию, напечатанную в № 19 «Пролетария».

*«Пролетарий» № 20,
13 ноября 1907 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

2

РЕЗОЛЮЦИЯ О III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Признавая обязательным для с.-д. фракции в III Думе руководиться резолюцией Лондонского съезда о Государственной думе, а также резолюцией о непролетарских партиях, —

Конференция С.-Петербургской организации РСДРП в развитие этих резолюций считает необходимым высказать нижеследующее:

1. В III Думе уже определилось два большинства: черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское. Первое контрреволюционное и отстаивает особенно усиление репрессий и охрану помещичьих привилегий, доходя до стремлений к полному восстановлению самодержавия. Второе большинство тоже безусловно контрреволюционно, но склонно прикрыть борьбу с революцией некоторыми призрачными бюрократическими «реформами».

2. Такое положение в Думе чрезвычайно благоприятствует двойной политической игре и со стороны правительства и со стороны кадетов. Правительство хочет, усиливая репрессии и продолжая военной силой «завоевывать» Россию, изображать из себя сторонника конституционных реформ. Кадеты хотят, голосуя на деле с контрреволюционными октябристами, изображать из себя не только оппозицию, но и представителей демократии. На с.-д. ложится при этих условиях с особенной силой задача беспощадного разоблачения этой игры, разоблачения перед народом как насилий со стороны черносотенных помещиков и правительства, так и контрреволюционной природы кадетов. Прямая или косвенная поддержка кадетов (в форме ли голосования за правых кадетов или

«левых» октябристов в президиум, в форме ли информационного бюро с участием кадетов, координации своих действий с их политикой и т. п.) со стороны с.-д. была бы теперь прямым ущербом делу классового воспитания рабочих масс и делу революции.

3. Отстаивая без всяких урезок свои социалистические цели и критикуя с этой точки зрения все, даже самые демократические и «трудовые» буржуазные партии, с.-д. в своей агитации должны выдвигать на первый план выяснение широким народным массам полного несоответствия III Думы интересам и требованиям народа и в связи с этим [должна вестись] широкая и энергичная пропаганда идеи учредительного собрания, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании.

4. К числу основных задач социал-демократии в III Думе принадлежит разоблачение классовой подоплеки правительственных и либеральных предложений при особенном внимании к вопросам, касающимся экономических интересов широких народных масс (рабочий и аграрный вопросы, бюджет и т. д.), — тем более, что состав III Думы обещает исключительно обильный материал для агитационной деятельности с.-д.

5. В частности, социал-демократии в Думе необходимо использовать право запросов, для чего необходимы совместные действия с другими группами левее кадетов без каких бы то ни было отступлений от программы и тактики с.-д. и без заключения какого бы то ни было блока.

Чтобы не повторять ошибки, сделанной с.-д. во II Думе, с.-д. фракция должна немедленно предложить левым и только левым (т. е. способным к борьбе против кадетов) депутатам Думы образовать информационное бюро, ничем не связывающее его участяиков, но дающее рабочим депутатам возможность систематически влиять на демократию в духе с.-д. политики.

3

ДОКЛАД ОБ УЧАСТИИ С.-Д. В БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ

Второй доклад т. Ленина касался вопроса об участии с.-д. в буржуазной печати. Докладчик изложил точку зрения двух крыльев международной социал-демократии на этот счет и в особенности взгляды ортодоксов и ревизионистов из Германской с.-д. партии. Ортодоксы на Дрезденском партийтаге⁵⁴ согласились на формулу допустимости участия в печати, не враждебной с.-д., мотивируя тем, что практически это равносильно полному запрещению, ибо в нынешнем развитом капиталистическом обществе нет буржуазных газет, не враждебных с.-д.

Докладчик стоит на точке зрения безусловной недопустимости *политического* участия в буржуазной печати, особенно в якобы беспартийной. Такие газеты, как, например, «Товарищ», своей скрыто-лицемерной борьбой против с.-д. приносят ей гораздо больше вреда, нежели явно враждебные с.-д. партийные буржуазные газеты. Лучшей иллюстрацией этому могут служить выступления в «Товарище» Плеханова, Мартова, Горна, Когана и т. п. Все эти выступления направлены против партии, и на деле не тт. с.-д. использовали буржуазную газету «Товарищ», а эта газета использовала названных тт. против ненавистной ей РСДРП. Ни одной статьи с.-д., которая не понравилась бы редакции «Товарища», до сих пор не появлялось.

ЧЕТВЕРТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП («ТРЕТЬЯ ОБЩЕРОССИЙСКАЯ») ⁵⁶

ИЗ ГАЗЕТНОГО ОТЧЕТА

1

ДОКЛАД О ТАКТИКЕ С.-Д. ФРАКЦИИ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Тов. Ленин исходил из предпосылки, что объективные задачи русской революции не разрешены, что период наступившей реакции налагает на пролетариат задачу особенно твердо, в противовес всеобщему шатанию, отстаивать дело демократии и дело революции. Отсюда взгляд, что Дума должна быть использована в целях революции, использована, главным образом, в направлении широкого распространения политических и социалистических взглядов партии, а не в направлении законодательных «реформ», которые во всяком случае будут представлять из себя поддержку контрреволюции и всяческое урезывание демократии.

По словам т. Ленина, «гвоздем» вопроса о Думе должно быть выяснение трех следующих положений: а) каков классовый состав Думы, б) каково должно быть и будет отношение думских центров к революции и демократии и в) каково значение думской деятельности в ходе развития русской революции.

По первому вопросу — на основании анализа состава Думы (по данным о принадлежности депутатов к той или иной партии), т. Ленин подчеркнул, что проведение взглядов пресловутой так называемой «оппозиции» возможно в III Думе лишь при одном условии: при совместном сотрудничестве по меньшей мере 87 октябристов с кадетами и левыми. У кадетов и левых для получения необходимого большинства при вотуме законопроектов не хватает 87 голосов. Значит, фактически законодательная деятельность в Думе осуществима лишь при обязательном участии в ней подавляющего большинства октябристов. Ясно, во что может вылиться такая законодательная деятельность и к какому позорному столбу пригвоздит социал-демократию

совместное шествие с октябристами. Дело здесь не в абстрактном принципе. Абстрактно говоря, можно, а иногда и должно поддерживать представителей крупной буржуазии. Но в данном случае необходимо считаться с конкретными условиями развития русской буржуазно-демократической революции. Русская буржуазия давно уже вступила на путь борьбы с революцией и компромиссов с самодержавием. Последний кадетский съезд окончательно сорвал все фиговые листочки, которыми прикрывались господа Милюковы, и является крупным политическим событием, ибо кадеты с циничной откровенностью заявили, что в октябристско-черносотенную Думу они идут законодательствовать, а с «врагами слева» станут бороться. Таким образом, два возможные в Думе большинства, октябристско-черносотенное и кадетско-октябристское, оба различными путями будут стараться завязывать ту же узел реакции: первое — стремлением к восстановлению самодержавия, второе — сделками с правительством и призрачными реформами, прикрывающими контрреволюционные стремления буржуазии. Таким образом, социал-демократия не может стать на точку зрения поддержки законодательных реформ, что равносильно поддержке *правительственной*, октябристской, партии. Путь «реформ» на данной политической почве и при данном соотношении сил означает не улучшение положения масс, не расширение свободы, а бюрократическую регламентацию несвободы и порабощения масс. Таковы, например, аграрные реформы Столыпина по 87 статье⁵⁶. Они прогрессивны, ибо расчищают дорогу капитализму, но такого прогресса ни один с.-д. не решался поддерживать. Меньшевики затвердили один шаблон: классовые интересы буржуазии *должны* столкнуться с самодержавием! Но в этом вульгарном якобы марксизме нет ни грана исторической правды. Разве Наполеон III и Бисмарк не сумели удовлетворить на время аппетиты крупной буржуазии? Разве своими «реформами» они не затащили на долгие годы петлю на шею трудящихся масс? Какие же основания думать, что русское правительство в своей сделке с буржуазией способно согласиться на иного рода реформы?

2

РЕЗОЛЮЦИЯ О ТАКТИКЕ С.-Д. ФРАКЦИИ
В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Исходя из резолюции Лондонского съезда о Государственной думе и о непролетарских партиях, Всероссийская конференция РСДРП в развитие этих резолюций считает необходимым высказать нижеследующее:

1) В III Думе, являющейся результатом государственно-го переворота 3-го июня, возможны два большинства: черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское. Первое, выражая по преимуществу интересы крепостников-помещиков, контрреволюционно и отстаивает, главным образом, охрану помещичьих интересов и усиление репрессий, доходя до стремления к полному восстановлению самодержавия. Второе большинство, выражая интересы, главным образом, крупной буржуазии, тоже безусловно контрреволюционно, но склонно прикрыть борьбу с революцией некоторыми призрачными бюрократическими реформами;

2) такое положение в Думе чрезвычайно благоприятствует двойной политической игре и со стороны правительства и со стороны кадетов. Правительство хочет, усиливая репрессии и продолжая военной силой «завоевывать» Россию, изображать из себя сторонника конституционных реформ. Кадеты хотят, голосуя на деле с контрреволюционными октябристами, изображать из себя не только оппозицию, но и представителей демократии. На с.-д. ложится при этих условиях с особенной силой задача беспощадного разоблачения этой игры, разоблачения перед народом как насилий со стороны черносотенных помещиков и правительства, так и контрреволюционной политики кадетов. Прямая или косвенная поддержка кадетов — в форме ли информационного бюро с участием кадетов или приспособления своих действий к их политике и т. п. — со стороны с.-д. была бы теперь прямым ущербом делу классового воспитания рабочих масс и делу революции;

3) отстаивая свои социалистические цели и критикуя с этой точки зрения все буржуазные партии, с.-д. в своей агитации должны выдвигать на первый план выяснение широким народным массам полного несоответствия III Думы интересам и требованиям народа и в связи с этим широкую и энергичную пропаганду идеи учредительного собрания, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании;

4) к числу основных задач социал-демократии в III Думе принадлежит разоблачение классовый подкладки правительственных и либеральных предложений и систематическое противопоставление им требований социал-демократической программы-минимум без всяких урезок, при особенном внимании к вопросам, касающимся экономических интересов широких народных масс (рабочий и аграрный вопросы, бюджет и т. д.), — тем более, что состав III Думы обещает исключительно обильный материал для агитационной деятельности с.-д.;

5) с.-д. фракция должна особенно заботиться о том, чтобы те или иные внешние совпадения голосования с.-д. с голосованиями черносотенно-октябристского или октябристско-кадетского блока не могли быть использованы в смысле поддержки того или другого блока;

6) социал-демократам в Думе необходимо вносить законопроекты и использовать право запросов, для чего необходимы совместные действия с другими группами левее кадетов без каких бы то ни было отступлений от программы и тактики с.-д. и без заключения какого бы то ни было блока. С.-д. фракция должна немедленно предложить левым депутатам Думы образовать информационное бюро, ничем не связывающее его участников, но дающее рабочим депутатам возможность систематически влиять на демократию в духе с.-д. политики;

7) из числа первых конкретных шагов с.-д. фракции в Думе конференция считает нужным особенно подчеркнуть необходимость: 1) выступить с особой декларацией, 2) внести запрос по поводу государственного переворота 3-го июня, 3) поднять в Думе в наиболее целесообразной форме вопрос о суде над с.-д. фракцией II Государственной думы.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ «ОТВРАТИТЕЛЬНОЙ ОРГИИ»

Оценивая задачи с.-д. во второй российской Думе и стремления русских либералов, известный немецкий марксист Франц Меринг⁵⁷ писал, что немецкий либерализм уже 60 лет идет жалким и позорным путем, прикрываясь лозунгом: «положительная работа». Когда Национальное собрание в одну ночь лета 1789-го года совершило освобождение французских крестьян, гениально-продажный авантюрист Мирабо, величайший герой конституционной демократии, окрестил это событие крылатым словечком: «отвратительная оргия». А по-нашему (по-социал-демократически), это была положительная работа. Наоборот, освобождение прусских крестьян, тянувшееся черепашным шагом в течение 60 лет, с 1807 по 1865 г., причем было грубо, безжалостно загублено бесчисленное количество крестьянских жизней, с точки зрения наших либералов было «положительной работой», о которой они звонят во все колокола. По-нашему, это была «отвратительная оргия»*.

Так писал Меринг. И нельзя не вспомнить его слов теперь, когда открывается III Дума, — когда октябристы хотят вплотную приняться за отвратительную оргию, — когда кадеты готовы с лакейским усердием участвовать в ней, — когда находятся и среди с.-д. (к стыду нашему) плехановцы, готовые помогать этой оргии. Присмотримся поближе ко всем этим приготовлениям.

Канун третьей Думы ознаменовался усиленными совещаниями разных партий относительно думской тактики. Октябристы выработали на московском совещании проект

* См. Сочинения, 4 изд., том 12, стр. 346. Ред.

программы парламентской фракции союза 17 октября, а их оратор, г. Плевако, поднял на банкете в Москве «знамя русской либерально-конституционной партии». Кадеты в три или четыре дня закончили свой так называемый «партийный» V съезд. Левые кадеты разбиты наголову и совершенно изгнаны из ЦК кадетов (а ЦК состоит у них из 38 человек, всецело ворочающих «партией»). Правые кадеты получили полную свободу действия — в духе «доклада о тактике в III Думе», этого замечательного, «исторического» оправдания «отвратительной оргии». Социал-демократы начали обсуждать тактику в III Думе в ЦК и на конференции Санкт-Петербургской организации РСДРП.

Парламентская программа октябристов отличается откровенным признанием той контрреволюционной политики, которую в сущности вели и кадеты во II Думе, прикрываясь всяческими фразами и отговорками. Напр., октябристы откровенно заявляют, что пересмотр основных законов и избирательного закона «несвоевременен»: пусть-де сначала «рядом неотложных реформ» будет внесено «успокоение и устранена борьба страстей и классовых интересов». Кадеты этого не говорили, но действовали они во II Думе именно так, а не иначе. Еще пример. Октябристы стоят «за привлечение к участию в самоуправлении возможно широкого круга лиц», но вместе с тем за «обеспечение соответствующего представительства» дворянству. Эта откровенная контрреволюционность правдивее кадетской политики: сулить всеобщее, прямое, равное, тайное, а на деле отчаянно бороться и в I и во II Думе против такого выбора местных земельных комитетов и предлагать такие комитеты из крестьян и помещиков поровну, т. е. то же самое «обеспечение представительства дворянству». Еще пример. Октябристы открыто отвергают принудительное отчуждение помещичьей земли. Кадеты его «признают», признают так, что голосуют во II Думе вместе с правыми против трудовиков и с.-д. по вопросу о заключении аграрных прений общей формулой с признанием принудительного отчуждения.

На условии упрочения «побед» контрреволюции октябристы готовы обещать какие угодно либеральные реформы. Тут и «расширение бюджетных прав Думы» (не шутите!), и «расширение ее прав надзора над закономерностью действий власти», и обеспечение самостоятель-

ности суда, и «прекращение стеснений рабочих хозяйственных организаций и экономических стачек» («не угрожающих государственным и общественным интересам»), и «укрепление начал правомерной гражданской свободы», и прочее и тому подобное. Правительственная партия «октябррей» так же щедро отпускает «либеральные» фразы, как само правительство г. Столыпина.

Как же поставили на своем съезде кадеты вопрос об отношении к октябристам? Горстка левых кадетов оказалась состоящей из крикунов, не сумевших даже толком поставить вопроса. А масса правых рыцарей переодетого октябризма крепко сплотилась для самого подлого замазывания правды. Беспомощность левых кадетов выражена всего рельефнее в их проекте резолюции: первый пункт ее предлагает кадетам «стоять на резко оппозиционной почве, не идя на сближения с чуждыми ей (партии к.-д.) по духу и программе октябристами». Второй же пункт призывает «не отказываться от поддержки законопроектов, ведущих страну по пути к освобождению и к демократическим реформам, откуда бы таковые ни исходили». Это комизм, ибо ниоткуда больше, кроме как от октябристов, *не могут* в III Думе исходить законопроекты, способные собрать большинство! Гг. левые кадеты вполне заслужили свое поражение, ибо они вели себя как жалкие трусы или глупцы, не умеющие ясно и прямо сказать, что в подобной Думе неприлично собираться законодательствовать, что голосование с октябристами есть поддержка контрреволюции. Единичные лица из левых к.-д., видимо, понимали дело, но в качестве салонных демократов струсили на съезде. По крайней мере, г. Жилкин передает в «Товарище» такую *приватную* речь кадета Сафонова: «Кадетская фракция должна теперь, по-моему, занять положение Трудовой группы I Думы. Оппозиция, сильные речи — и больше ничего. *А они законодательствовать собираются.* Каким же это образом? Дружба, союз с октябристами? Странное тяготение вправо. Вся страна левая, мы вправо» («Товарищ» № 407). Очевидно, у г. Сафонова бывают светлые промежутки стыда и совести... но только приватно!

Зато г. Милюков и его шайка проявили во всем блеске свои давние качества бесстыдных и бессовестных карьеристов. В принятой резолюции суть дела замазали, чтобы

надуть широкую публику, как всегда надували народ либеральные герои парламентской проституции. В резолюции съезда («тезисы») *нет ни единого слова об октябристах!!* Это невероятно, но это факт. Весь гвоздь кадетского съезда — вопрос о голосовании к.-д. с октябристами. Все прения вертелись около этого. Но все искусство буржуазных политиканов в том и состоит, чтобы *обманывать* массы, чтобы *скрывать* свои парламентские проделки. «Тезисы о тактике», принятые 26 октября съездом к.-д., представляют из себя классический документ, показывающий, во-1-х, как кадеты сливаются с октябристами, и, во-2-х, как пишутся резолюции, предназначенные для обмана масс либералами. Документ этот надо сравнивать с «парламентской программой» союза 17 октября. Документ этот надо сопоставить с «докладом о тактике», прочтенным Милюковым на съезде к.-д. («Речь» № 255). Вот самые важные места этого доклада:

«Поставленная в положение оппозиции, партия, однако» (именно: однако!) «не будет играть роли безответственного меньшинства, в том смысле, в каком она сама употребляла этот термин для характеристики поведения в Думе крайних левых» (в переводе с парламентского на простой и прямой язык: смилостивьтесь, дайте нам местечко, гг. октябристы, ведь мы только для звания оппозиция!). «На Думу она не будет смотреть как на средство для подготовки введумских выступлений, но как на высший государственный орган, обладающий точно определенной в законе долей верховной власти» (не честнее ли октябристы, которые говорят прямо: пересмотр основных законов несвоевременен?). «В III Думу, как и в первые две, партия идет с твердым намерением принять активное участие в ее законодательной работе. Этого рода деятельность партия всегда считала главной и основной, одинаково противопоставляя ее и агитационным целям левых и конспиративной деятельности правых». Ну, насчет «конспирации» вы тоже лжете, господа, ибо в *обеих* Думах вы *конспирировали* с министрами или лакеями министров! А отречение от агитации есть полное и бесповоротное отречение от *демократии*.

Чтобы законодательствовать в III Думе, надо так или иначе, прямо или косвенно, соединиться с октябристами и встать всецело на почву контрреволюции и охраны ее

побед. Кадеты стараются умолчать об этой очевидной вещи. Они проговариваются, однако, в другом месте доклада: «Пользование законодательной инициативой должно быть поставлено в зависимость от предварительного выяснения *практической проводимости* партийных проектов». Практическая проводимость зависит от октябристов. Выяснить проводимость — значит с заднего крыльца забежать к октябристам. Поставить свою инициативу в зависимость от этого выяснения — значит *в угоду* октябристам урезать свои проекты, значит поставить свою политику в зависимость от «октябрей».

Середины нет, господа. Либо партия действительной оппозиции, и тогда — безответственное меньшинство. Либо партия активного контрреволюционного законодательства, и тогда — лакейство перед октябристами. Кадеты выбрали второе, и в награду за это черносотенная Дума проводит, говорят, правого кадеты Маклакова в президиум! Маклаков заслужил это.

Но как же могли найтись с.-д., способные даже теперь говорить о поддержке кадетов? Таких с.-д. породило мещанство интеллигенции, мещанство всей русской жизни. Таких с.-д. воспитало плехановское опошление марксизма. На конференции Санкт-Петербургской с.-д. организации выяснилось, что меньшевики вслед за правой Думой идут еще дальше вправо. Они готовы поддерживать октябристов, т. е. *правительственную* партию! Почему же не голосовать всдекам за Хомякова, который лучше Бобринского? Это вопрос целесообразности! Почему не голосовать за Бобринского, если выбор есть только между ним и Пуришкевичем? Почему не поддерживать октябристов против черносотенцев, когда Маркс учил поддерживать буржуазию против феодалов⁵⁸?

Да, стыдно сознаться, да грех утаить, что Плеханов довел своих меньшевиков до бесконечного опозорения социал-демократии. Как истый человек в футляре, твердил он заученные слова о «поддержке буржуазии» и своей *долбней* засорил всякое понимание особых задач и особых условий борьбы пролетариата в революции и борьбы с контрреволюцией. У Маркса весь анализ революционных эпох вращается около борьбы истинной демократии и особенно пролетариата с конституционными иллюзиями, с предательством либерализма, с контрреволюцией.

Плеханов признает Маркса, — подделанного под Струве. Пусть жнет теперь Плеханов то, что посеял!

Контрреволюционный характер либерализма в русской революции доказан всем ходом событий перед 17 октября и, особенно, после 17-го октября. Третья Дума заставит и слепых прозреть. Сближение кадетов с октябристами есть политический факт. Никакие отговорки и увертки не могут затушевать его. Пусть газета тупоумных бернштейнианцев, «Товарищ», ограничивается беспомощным хныканьем по этому поводу, перемешивая это хныканье с подталкиваньем кадетов к октябристам, с политическим сводничеством. Социал-демократия должна понять классовые причины контрреволюционности российского либерализма. Социал-демократия должна беспощадно разоблачать в Думе все подходы кадетов к октябристам, всю низость якобы демократического либерализма. Рабочая партия отбросит с презрением всякие соображения о «бережении огонька» и развернет знамя социализма и знамя революции!

«Пролетарий» № 19,
5 ноября 1907 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

А СУДЬИ КТО?

В буржуазной печати злорадное хихиканье по поводу раскола между меньшевиками и большевиками в РСДРП вообще и по поводу резкой борьбы на Лондонском съезде в частности стало постоянным явлением. Никто не помышляет об изучении разногласий, об анализе двух тенденций, об ознакомлении читающей публики с историей раскола и со всем характером расхождения меньшевиков и большевиков. Публицисты «Речи» и «Товарища», гг. Вергежские, Е. К., Переяславские и прочие penny-a-liner'ы (писачки из-за почасовой платы) просто ловят на лету всякие слухи, подбирают «пикантные» для пресыщенных салонных болтунов подробности «скандалов» и всячески стараются засорить мозги шелухой анекдотцев насчет нашей борьбы.

В этот жанр пошлого зубоскальства впадают и социалисты-революционеры. Передовая в № 6 «Знамени Труда»⁵⁹ вытаскивает рассказ Череванина о случае истерики на Лондонском съезде, хихикает по поводу затраты «десятков тысяч», смакует «недурную картину внутреннего состояния русской социал-демократии в настоящий момент». Для либералов подобные введения служат переходом к возвеличению оппортунистов à la* Плеханов, для эсеров — к грозному разному их (с.-р. повторяют *теперь* доводы революционных с.-д. против рабочего съезда! спохватились!). Но злорадство по поводу тяжелой борьбы внутри с.-д. у тех и других одинаково.

* — вроде. Ред.

Скажем несколько слов о либеральных героях этого похода и остановимся подробно на эсерских героях «борьбы с оппортунизмом».

Либералы хихикают над борьбой внутри с.-д., чтобы прикрыть свое систематическое *обманывание* публики насчет партии кадетов. Обман у них сплошной, внутренняя борьба самих к.-д. и переговоры их с властями скрываются систематически. Все знают, что левые к.-д. журят правых, все знают, что гг. Милюковы, Струве и К^о ездили по передним гг. Стольпиных. Но точные факты скрыты. Разногласия замазаны, о спорах господ Струве с левыми к.-д. не сообщено ни слова. Протоколов кадетских съездов нет. Числа членов своей партии ни в итоге, ни по организациям либералы не сообщают. Направление разных комитетов не известно. Сплошные потемки, сплошная официальная ложь «Речи», сплошное надувание демократии министерскими собеседниками, вот что такое партия к.-д. Адвокаты и профессора, делающие себе карьеру на парламентаризме, фарисейски осуждая подполье, восхваляют открытую деятельность партий, а на деле издеваются над демократическим принципом гласности и скрывают от публики различные политические тенденции в своей партии. Нужна вся близорукость коленопреклоненного перед Милюковым Плеханова, чтобы не видеть этого грубого, грязного, подкрашенного лаком культурности обмана демократии кадетами.

Ну, а эсеры? Исполняют ли они долг честных *демократов* (о социалистах мы не говорим, когда речь идет об с.-р.) — давать народу *ясное и правдивое* изложение борьбы разных политических тенденций в среде тех, кто хочет вести за собой народ?

Посмотрим на факты.

Декабрьский съезд партии с.-р. в 1905 г. Первый и единственный, опубликовавший протоколы. Г. Тучкин, делегат ЦО, восклицает: «Когда-то с.-д., повидимому, совершенно искренно были убеждены, что наступление политических свобод будет политической смертью нашей партии... Эпоха свобод доказала иное» (стр. 28 добавления к протоколам). Полно, так ли, г. Тучкин? То ли доказала эпоха свобод? То ли доказала действительная политика партии с.-р. в 1905 г.? в 1906 г.? в 1907 г.?

Посмотрим на факты!

В протоколах съезда с.-р. (декабрь 1905 г., опубликовано в 1906 г.!) читаем, что одна литераторская группа, имевшая совещательный голос на этом съезде, после 17 окт. «настаивала перед ЦК с.-р. на организации открытой партии» (с. 49 протоколов; дальнейшие цитаты отсюда же). Центральному комитету с.-р. «было предложено создать не открытую организацию партии с.-р., а особую параллельную ей народно-социалистическую партию» (51). ЦК отказался и вынес вопрос на съезд. Съезд отверг предложение энесов большинством всех против 1 при 7 воздержавшихся (66). «Разве мыслимо быть рядом в двух партиях?» восклицал, бия себя в грудь, г. Тучкин (с. 61). А г. Шевич намекнул на близость народных социалистов к либералам, так что *хладнокровие стало покидать* (с. 59) энеса г. Рождественского, уверявшего, что «никто не имеет права» называть их «полулибералами» (59)*.

Таковы факты. В 1905 г. эсеры порвали с «полулибералами» энесами. Порвали ли?

Крупнейшим средством открытого воздействия партии на массы была в 1905 г. печать. В октябрьские «дни свобод» эсеры вели газету в блоке с народными социалистами, правда, до декабрьского съезда. Формально эсеры тут правы. По существу дела, они в период самых больших свобод, самого открытого воздействия на массы *скрыли* от публики две различные тенденции внутри партии. Разногласия были не меньше, чем внутри с.-д., но с.-д. заботились об их выяснении, а с.-р. об их дипломатическом скрывании. Таковы факты 1905-го года.

Берем 1906-ой год. Перводумский период «маленьких свобод». Возрождаются социалистические газеты. Эсеры опять в блоке с народными социалистами, газета у них общая. Разрыв с «полулибералами» на съезде недаром был дипломатический: хотите, разрыв; хотите, никакого разрыва! Предложение отклонили, высмеяли мысль «быть рядом в двух партиях» и... и продолжали сидеть рядом в двух партиях, благоговейно восклицая: благодарим тебя, господи, что мы не похожи на дерущихся друг с другом эседек! Таковы факты. Оба периода свободной печати в России ознаменовались тем, что эсеры шли в блоке

* Г. Шевич немножечко отступил перед этой обидой потерпевшего хладнокровие энеса и «поправился», — стр. 63 — сказав «в виде личного (!) объяснения»: «причислить оратора к либеральной партии я не собирался».

с народными социалистами, обманом («дипломатией») скрывая от демократии две глубоко различные и внутри их партии проявившие себя тенденции.

Берем 1907-ой год. После первой Думы энесы формально образовали свою партию. Это было неизбежно, ибо в I Думе, в первом выступлении партий перед выборами от крестьян по *всей* России н.-с. и с.-р. выступили с *разными* аграрными проектами (104-х и 33-х). Энесы *победили* эсеров перед депутатами-трудовиками, собрав более чем втрое больше подписей под своим проектом, под своей аграрной программой. А эта программа, по признанию с.-р. Вихляева («Наша мысль», сборник № 1. Спб. 1907, статья: «Народно-социалистическая партия и аграрный вопрос»), *«одинаково»* с законом 9 ноября 1906 г. «приходит к отрицанию коренного начала общинного землепользования». Эта программа узаконяет *«проявления своекорыстного индивидуализма»* (стр. 89 статьи г. Вихляева), *«загрязняет широкий идейный поток индивидуалистической мутью»* (стр. 91 той же статьи), *«встает на «путь поощрения индивидуалистических и эгоистических течений в народных массах»* (стр. 93 там же).

Кажется, ясно? Крестьянские депутаты в *подавляющем* большинстве проявили буржуазный индивидуализм. Первое выступление эсеров перед крестьянскими выборными всей России подтвердило блестяще теорию с.-д., фактически превратив эсеров в крайнее левое крыло мелкобуржуазной демократии.

Но, может быть, эсеры хоть после того, как энесы отошли от них и провели свою программу в Трудовой группе, отмежевывались от них с полной определенностью? Нет. Выборы во II Думу в Петербурге доказали обратное. Блоки с кадетами были тогда крупнейшим проявлением социалистического оппортунизма. Черносотенная опасность была фикцией, которая *прикрывала* политику подчинения либералам. Кадетская печать особенно ясно вскрыла это, подчеркивая «умеренность» меньшевиков и энесов. Как держали себя эсеры? Наши «революционеры» шли в блоке с энесами и трудовиками; условия этого блока от публики скрывались. *«Наши революционеры тащились за кадетами, совсем как меньшевики»*. Представители с.-р. предлагали кадетам блок (совещание 18 января 1907 г. Ср. брошюру Н. Ленина «Услышишь суд

глушца», Спб. 15 января 1907 г.*, в которой констатируется, что эсеры вели себя *политически нечестно* в вопросе о соглашениях, ведя переговоры одновременно и с с.-д., объявившими 7 января 1907 г. войну кадетам, и с *кадетами*). В левый блок эсеры попали *вопреки* своей воле, в силу отказа кадетов.

Итак, после полного разрыва с энесами эсеры *на деле* ведут политику энесов и меньшевиков, т. е. оппортунистов. «Преимущество» их состоит в том, что они скрывают от глаз света мотивы этой политики и свои течения внутри партии.

Экстренный съезд партии эсеров в феврале 1907 г. не только не поднял этого вопроса о блоках с к.-д., не только не оценил значения подобной политики, а, напротив, *подтвердил* ее! Напомним речь Г. А. Гершуни на этом съезде, своевременно расхваленную «Речью» совершенно так же, как хвалит она всегда Плеханова. Гершуни говорил, что остается «при старом мнении: кадеты пока не наши враги» (стр. 11 брошюры: «Речь Г. А. Гершуни на экстр. съезде п. с.-р.», 1907 г., с. 1—15, с партийным девизом с.-р.: «в борьбе обретишь ты право свое»). Гершуни предостерегал от взаимной борьбы внутри оппозиции: «не разуверится ли народ в самой возможности управления посредством народного представительства» (там же). Очевидно, что в духе этого кадетолюбца съезд с.-р. принял резолюцию, в которой, между прочим, говорится:

«Съезд находит, что резкая партийная группировка внутри Думы при изолированном выступлении каждой отдельной группы и острой междуфракционной борьбе могла бы совершенно парализовать деятельность оппозиционного большинства и тем дискредитировать в глазах трудящихся классов самую идею народного представительства» (№ 6 «Партийных Известий» п. с.-р., 8 марта 1907 г.).

Это уже чистейший оппортунизм, хуже нашего меньшевизма. Гершуни немного более аляповато заставил съезд с.-р. повторить *плехановщину*. И вся деятельность думской фракции с.-р. отразила этот дух кадетской тактики попечения о единстве национальной оппозиции. Разница между с.-д. Плехановым и эсером Гершуни *только* та, что первый — член партии, которая не прикрывает

* См. Сочинения, 4 изд., том 11, стр. 416—432. Ред.

подобного декадентства, а разоблачает его и борется с ним, второй же — член партии, в которой все тактические принципы и теоретические воззрения спутаны и закрыты от глаз публики плотной занавесью кружковой дипломатии. «Сора из избы не выносить», это гг. эсеры умеют. Но его и *нельзя* им вынести, ибо кроме сора ничего нет! Им нельзя было сказать всей правды об их отношениях к энесам в 1905, 1906 и 1907 годах. Им нельзя раскрыть того, как может *партия...* партия, а не кружок... сегодня 67 голосами против 1 принимать архипортунистическую резолюцию, а завтра истекать в «революционных» выкриках.

Да, господа «судьи», мы не завидуем вашему формальному праву ликования по поводу резкой борьбы и расколов внутри с.-д. Много дурного в этой борьбе, слов нет. Много губельного в этих расколах для дела социализма, бесспорно. И все же ни на одну минуту не пожелали бы мы променять этой тяжелой правды на вашу «легонькую» ложь. Тяжелая болезнь нашей партии — болезнь роста *массовой* партии. Ибо не может быть массовой партии, партии класса без полной ясности существенных оттенков, без открытой борьбы между разными тенденциями, без ознакомления *масс* с тем, какие деятели партии, какие организации партии ведут ту или иную линию. Без этого нельзя сложить партии, достойной этого слова, и мы *складываем* ее. Мы добились того, что взгляды наших обоих течений стоят перед всеми правдиво, ясно, отчетливо. Личная резкость, фракционная склока и свара, скандалы и расколы, — все это мелочь по сравнению с тем, что на опыте *двух тактик* учатся действительно пролетарские массы, учатся действительно все, способные сознательно относиться к политике. Наши драки и расколы позабудутся. Наши тактические принципы, отточенные и закаленные, войдут в историю рабочего движения и социализма России, как краеугольные камни. Пройдут годы, — может быть, даже десятилетия, и на сотне разнообразных практических вопросов будут прослеживать влияние того или иного направления. И рабочий класс России и весь народ *знают*, с кем имеют они дело в лице большевизма или меньшевизма.

Знают ли они кадетов? Вся история партии к.-д. есть сплошное политическое жонглирование с умолчанием о самом

главном, с одной вечной заботой: скрыть во что бы то ни стало правду.

Знают ли они эсеров? Пойдут ли с.-р. завтра опять в блок с социал-кадетами? Не идут ли с.-р. в нем теперь? Отделяют ли они себя от «индивидуалистической мути» трудовиков или наполняют все больше свою партию этой мутью? Стоят ли они попрежнему на почве теории единства национальной оппозиции? Приняли ли они эту теорию только вчера? Бросят ли они ее на несколько недель завтра? Этого никто не знает, этого сами гг. эсеры не знают, ибо вся история их партии есть сплошное, систематическое, непрерывное затушевыванье, запутыванье, замазывание разногласий словами, фразами и фразами.

Отчего это так? Не оттого, что эсеры — буржуазные карьеристы, как кадеты. Нет, в их искренности, как кружка, *нельзя* сомневаться. Беда их — невозможность создать массовую партию, невозможность стать партией *класса*. Объективное положение таково, что приходится быть только *крылом* крестьянской демократии, несамостоятельным, неравным придатком, «группой при» трудовиках, а не самодовлеющим целым. Период бури и натиска не помог эсерам выпрямиться во весь рост, — этот период бросил их в цепкие объятия энесов, такие цепкие, что даже раскол не разрывает их. Период контрреволюционной войны не закалил их связь с определенными общественными слоями — он вызвал только новые (усиленно скрываемые теперь эсерами) шатания и колебания насчет социалистичности мужика. И когда читаешь теперь обильные пафосом статьи «Знамени Труда» о героях эсеровского террора, — то невольно говоришь себе: ваш терроризм, господа, не есть следствие вашей революционности. Ваша революционность ограничивается терроризмом.

Нет, далеко таким судьям до того, чтобы судить социал-демократию!

ПРЕДИСЛОВИЕ
К БРОШЮРЕ ВОИНОВА (А. В. ЛУНАЧАРСКОГО)
ОБ ОТНОШЕНИИ ПАРТИИ
К ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СОЮЗАМ ⁶⁰

Работа т. Воинова по вопросу об отношении социалистической партии пролетариата к профессиональным союзам в состоянии возбудить много кривотолков. Происходит это по двум причинам: во-первых, увлекаясь борьбой с узким и неверным пониманием марксизма, с нежеланием принять во внимание новые запросы рабочего движения и взглянуть на предмет шире и глубже, автор нередко выражается чересчур обобщенно. Он нападает на ортодоксию, — правда, на ортодоксию в кавычках, т. е. на лже-ортодоксию, — или на немецкую социал-демократию вообще там, где в сущности нападки его относятся только к вульгаризаторам ортодоксии, только к оппортунистическому крылу социал-демократии. Во-вторых, автор пишет для русской публики, совсем мало считаясь с разными оттенками в постановке разбираемых им вопросов на русской почве. Точка зрения т. Воинова — бесконечно далека от взглядов русских синдикалистов, меньшевиков, социалистов-революционеров. Но невнимательный или недобросовестный читатель легко может прицепиться к отдельным фразам или мыслям Воинова, пользуясь тем, что автор непосредственно имел у себя перед глазами главным образом французов и итальянцев, не ставя себе задачи отмежеваться от всяких российских путаников.

В качестве примера этих последних укажем, например, социалистов-революционеров. В № 5 «Знамени Труда» они с обычной развязностью заявляют: «социалистический Интернационал одобрил точку зрения на профессиональное движение, которую мы (1) всегда (1) проводили». Берем «Сборник статей» № 1 (1907 г.), издательство «Наша

мысль». Г. Виктор Чернов разносит Каутского, *умалчивая* и о маннгеймской резолюции и о борьбе Каутского против оппортунистических нейтраллистов! Статья Каутского, на которую наскакивает эсеровский наездник, писана накануне Маннгейма⁶¹. В Маннгейме Каутский боролся с нейтраллистами. Маннгеймская резолюция «наносит значительную брешь нейтральности профессиональных союзов» (выражение Каутского в статье о Маннгеймском съезде, в «Neue Zeit»⁶², от 6 октября 1906 г.). И вот является в 1907 году критик, который корчит из себя революционера, называя Каутского «великим догматиком и инквизитором марксизма», обвиняя его — совсем в унисон с оппортунистическими нейтраллистами! — в тенденциозном умалении роли профессиональных союзов, в стремлении «подчинить» их партии и т. п. Если мы добавим к этому, что эсеры всегда стояли за беспартийность профессиональных союзов, что еще в № 2 «Знамени Труда» (12 июля 1907) мы читаем в передовой: «партийная пропаганда имеет свое место *вне* союза», то для нас вырисуется весь облик революционизма эсеров.

Когда Каутский вел борьбу против оппортунистического нейтрализма и развивал дальше, глубже теорию марксизма, двигая профессиональные союзы влево, тогда эти господа разносили в пух и прах Каутского, повторяя словечки оппортунистов и продолжая под шумок защищать беспартийность союзов. Когда *тот же Каутский* еще двинул влево профессиональные союзы, исправив в Штутгарте резолюцию Беера, подчеркнув в этой резолюции социалистические задачи тред-юнионов, тогда господа с.-р. закричали: социалистический Интернационал одобрил нашу точку зрения!

Спрашивается, достойны ли такие приемы членов социалистического Интернационала? Не свидетельствует ли такая критика о беспринципности и развязности?

Среди с.-д. образчиком развязности является глубоко уважаемый либералами бывший революционер Плеханов. В предисловии к брошюре «Мы и они» он заявляет с бесподобным, несравненным самодовольством: Штутгартская резолюция (о профессиональных союзах) с *моей поправкой* лишает значения резолюцию лондонскую (Лондонского съезда РСДРП). Вероятно, многие читатели, прочитав это заявление нашего великодушного Нарциса, поверят, что борьба в Штутгарте шла именно из-за поправки

Плеханова и что вообще эта поправка имела какое-нибудь серьезное значение.

На деле эта поправка («надо всегда иметь в виду единство экономической борьбы») никакого серьезного значения не имела, она даже вовсе не относилась к сути *спорных* вопросов в Штутгарте, к сути разногласий в международном социализме.

На деле восторги Плеханова по поводу «его» поправки имеют очень вульгарное значение: *ввести в заблуждение читателей посредством отвлечения их внимания в сторону от действительно спорных вопросов профессионального движения, прикрыть поражение идеи нейтрализма в Штутгарте.*

Стокгольмский съезд РСДРП (1906), на котором победили меньшевики, стоял на точке зрения нейтральности профессиональных союзов. Лондонский съезд РСДРП занял другую позицию, провозгласив необходимость стремиться к партийности союзов. Штутгартский международный конгресс принял резолюцию, которая *«кладет навсегда конец нейтральности»*, как справедливо выразился К. Каутский*. В комиссию Штутгартского съезда Плеханов отправился защищать нейтральность, как об этом подробно рассказывает Воинов. А Клара Цеткина в органе женского рабочего движения Германии «Die Gleichheit» пипет, что *«Плеханов пытался довольно неудачными доводами оправдать некоторое ограничение этого принципа»*** (т. е. принципа теснейшего сближения союзов с партией).

Итак, защищавшийся Плехановым принцип нейтральности потерпел фиаско. Его доводы немецкие революционные с.-д. признали «неудачными». А он, любуясь собой, заявляет: приняли «мою» поправку, резолюция лондонская теряет значение...

Да, да, зато ноздревская развязность уважаемого либералами социалиста, видимо, не теряет нисколько своего значения.

* «Vorwärts», 1907, № 209, Beilage («Вперед», 1907, № 209, Приложение. Ред.), отчет Каутского перед лейпцигскими рабочими о конгрессе в Штутгарте. См. «Календарь для всех» на 1908 г., изд. «Зерна», стр. 173 в моей статье о международном социалистическом конгрессе в Штутгарте. (См. настоящий том, стр. 71—72. Ред.)

** См. тот же «Календарь для всех», стр. 173, а также сборник «Зарницы» (СПБ. 1907), где переведена полностью эта статья из «Die Gleichheit» («Равенство». Ред.).

Тов. Воинов неправ, по моему мнению, когда он говорит, что немецкие ортодоксы признают идею штурма вредной, что ортодоксия «приняла было весь дух нового экономизма». Про Каутского этого нельзя сказать, и сам тов. Воинов признает правильность воззрений Каутского. Сам тов. Воинов, упрекая немцев, что они «слишком мало говорили о роли профессиональных союзов, как организаторов социалистического производства», напоминает в другом месте мнение Либкнехта-отца, признавшего эту роль в самых рельефных выражениях. Напрасно также поверил т. Воинов Плеханову, будто Бебель нарочно умолчал о русской революции в своей приветственной речи, будто Бебель не хочет говорить о России. Эти слова Плеханова были просто грубым шутовством глубоко уважаемого либералами социалиста, и брать их всерьез не следовало ни на минуту, не следовало даже допускать возможности того, что в этих словах есть хотя бы частичка правды. Я, с своей стороны, могу засвидетельствовать, что во время речи Бебеля сидевший около меня в бюро Ван-Коль, представитель правого крыла социалистов, следил именно за тем, упомянет ли Бебель про Россию. И как только Бебель кончил, Ван-Коль обратился ко мне с выражением своего удивления; он не сомневался (как не сомневался и ни один серьезный член конгресса), что Бебель вабыл о России случайно. Промахи бывают с самыми лучшими и опытными ораторами. Назвать «характерным» вабывчивость старого Бебеля со стороны тов. Воинова, по-моему, до последней степени несправедливо. Точно также глубоко несправедливо говорить вообще о «теперешнем» оппортунистическом Бебеле. Для такого обобщения данных нет.

Но, чтобы не порождать недоразумений, я скажу тут же, что если бы кто-нибудь попытался использовать эти выражения т. Воинова против революционных немецких с.-д., то это было бы недобросовестным выдергиванием отдельных словечек. Т. Воинов достаточно доказал всей своей брошюрой, что он стоит на стороне немецких революционных марксистов (как Каутский), что он вместе с ними работает над устранением старых предрассудков, оппортунистических шаблонов и близорукого самодовольства. Вот почему я и в Штутгарте был солидарен во всем существенном с тов. Воиновым и теперь солидарен с ним во

всем характере его революционной критики. Он тысячу раз прав, когда говорит, что нам надо учиться теперь не только у немцев, но и *на* немцах. Только невежественные люди, которые ничему не научились еще у немцев и не знают поэтому азбуки, могут выводить отсюда «расхождение» внутри революционных с.-д. Критиковать ошибки немецких вожakov мы должны безбоязненно и открыто, если хотим быть верны духу Маркса и помогать русским социалистам стать на высоте современных задач рабочего движения. Бебель, несомненно, ошибался и в Эссене, когда защищал Носке, когда отстаивал разделение оборонительной и наступательной войны, когда напал на *способ* борьбы «радикалов» против Ван-Коля, когда отрицал (вместе с Зингером) неудачу и неверность тактики немецкой делегации в Штутгарте. Не скрывать эти ошибки должны мы, а показывать на их примере, что русские с.-д. должны учиться избегать их, должны удовлетворять более строгим требованиям революционного марксизма. И пусть не пробуют российские анархистики и синдикалисты, либералы и эсеры злорадствовать по поводу нашей критики Бебеля. Мы скажем этим господам: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда как орлы не подняться!

Два с лишком года тому назад г. Струве, защищавший тогда революцию, писавший тогда о необходимости открытых революционных действий, уверявший тогда, что революция должна стать властью, — этот г. Струве писал в № 71 заграничного «Освобождения»⁶³: «в сравнении с революционизмом гг. Ленина и товарищей революционизм западно-европейской социал-демократии Бебеля и даже Каутского является оппортунизмом». Я отвечал тогда г-ну Струве: «где и когда претендовал я на создание какого-то бы ни было особого направления в международной социал-демократии, не тождественного с направлением Бебеля и Каутского?» («Две тактики», стр. 50 русского издания)*.

Летом 1907-го года мне пришлось указывать, в брошюре по вопросу о бойкоте третьей Думы, что в корне неверно

* См. Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 49. Ред.

с организационными формами настоящего. Но я несколько не боюсь перспективы тов. Воинова: «подчинение политических организаций классовой социальной организации»... *«лишь тогда* (я продолжаю цитировать тов. Воинова, подчеркивая существенные слова), *когда... все профессионалы будут социалистами*». Классовый инстинкт пролетарской массы уже теперь начал проявлять себя с полной силой в России. Уже теперь этот инстинкт класса дает громадные гарантии и против мелкобуржуазной расплывчатости эсеров и против низкопоклонства перед кадетами меньшевиков. Уже теперь мы смело можем сказать, что массовая рабочая организация в России (если бы она создалась и поскольку она на минуту создается хотя бы выборами, стачками, демонстрациями и пр.) *навверняка* всего ближе будет к большевизму, к революционной социал-демократии.

К аванюре «рабочего съезда» тов. Воинов справедливо относится, как к предприятию «несерьезному». Будем усиленно работать в профессиональных союзах, будем работать на *всех* поприщах над распространением революционной теории марксизма в пролетариате и над созданием «твердыни» классовой организации. Все остальное — приложится.

Написано в ноябре 1907 г.

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXV*

Печатается по рукописи

**АГРАРНЫЙ ВОПРОС
И «КРИТИКИ МАРКСА»⁶⁴**

Написано осенью 1907 г.

*Впервые напечатано в 1908 г.:
главы X—XI в сборнике: В.А. Пльшль,
«Аграрный вопрос», часть I, СПб.,
и глава XII в сборнике
«Текущая жизнь», СПб.*

Печатается по тексту сборников

X

«ТРУД» НЕМЕЦКОГО БУЛГАКОВА, Э. ДАВИДА

Книга Эд. Давида «Социализм и сельское хозяйство» представляет из себя особенно неуклюжую и громоздкую сводку тех ошибочных приемов и рассуждений, которые мы видели у гг. Булгакова, Герца, Чернова. Мы могли бы, поэтому, совершенно обойти молчанием Давида. Но так как его «труд» в настоящее время, несомненно, является главным трудом ревизионизма в аграрном вопросе, то мы считаем необходимым охарактеризовать еще раз, как пишут ученые работы господ ревизионисты.

Вопросу о машинах в сельском хозяйстве Давид уделяет целиком IV главу своей книги (стр. 115—193 русск. перевода), помимо многочисленных частных указаний на ту же тему в других главах. Автор подробнейшим образом рассматривает сотни *технических* подробностей и топчет в них политико-экономическую суть дела. В земледелии машины не играют такой роли, как в промышленности; в земледелии нет центрального мотора; большинство машин находится в деле только временно; часть машин не дает сбережения в издержках производства и т. д. и т. д. Подобные выводы (ср. стр. 190—193, резюме по вопросу о машинах) Давид считает опровергающими марксистскую теорию! Но ведь это одно засорение, а не выяснение вопроса. Отсталость земледелия по сравнению с обрабатывающей промышленностью не подлежит ни малейшему сомнению. Эту отсталость нечего и доказывать. Перечисляя по пунктам, в чем проявляется эта отсталость, громоздя примеры на примеры и казусы на казусы, Давид только отодвигает настоящий предмет исследования: капиталистический ли характер имеет употребление машин? связан

ли рост употребления машины с ростом капиталистического земледелия?

Давид совершенно не понимает самой постановки вопроса, необходимой для марксиста. В сущности, точка зрения Давида есть точка зрения мелкого буржуа, который утешает себя медленным сравнительно прогрессом капитализма, боясь взглянуть на всю общественную эволюцию в ее целом. Например, Давид цитирует по вопросу о с.-х. машинах Бензинга, цитирует бесконечное число раз⁶⁵ (стр. 125, 135, 180, 182, 184, 186, 189, 506 и др. русского перевода). Читателя прямо, можно сказать, изводит наш Давид, переходя от частности к частности, без обработки материала, без связи, без осмысленной постановки вопроса, без цели. Поэтому, никакого *итога* выводам Бензинга Давид не подводит. То, что было мной сказано в 1901 г. против г. Булгакова, целиком относится и к Давиду*. Во-1-х, итог выводов Бензинга показывает неоспоримое преимущество употребляющих машины хозяйств над неупотребляющими. Никакие «поправки» к Бензингу в мелочах, которыми напичкал Давид свою книгу, не меняют вывода. *Давид умалчивает об этом общем выводе совершенно так же, как и г. Булгаков!* Во-2-х, цитируя Бензинга без конца, без смысла, без связи, Давид тоже, подобно г. Булгакову, *не заметил* буржуазных взглядов Бензинга на машины и в индустрии, и в земледелии. Одним словом, общественно-экономической стороны вопроса Давид даже не понимает. Фактические данные, свидетельствующие о превосходстве крупного хозяйства над мелким, он не умеет обобщить и связать. В результате не остается ничего, кроме реакционной lamentации мещанина, возлагающего свои надежды на отсталость техники, на медленность развития капитализма. Правый кадет и «христианский» ренегат г. Булгаков теоретически вполне равен оппортунисту с.-д. Давиду.

Общественно-экономической стороны дела Давид не понимает и в других вопросах, не понимает безнадежно. Возьмите его основное положение, его любимую мысль, «гвоздь» всего труда: жизнеспособность *мелкого производства* в земледелии и превосходство над крупным. Спросите Давида, что такое мелкое производство?

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 117. Ред.

На стр. 29, примеч., вы находите аккуратный ответ: «Во всех тех случаях, где мы говорим о мелком производстве, мы разумеем хозяйственную категорию, функционирующую без постоянной чужой помощи и без побочного промысла». Это неуклюже выражено и безграмотно переведено г. Гроссманом, но это все же сколько-нибудь ясно. Вы вправе ожидать после этого, что Давид проследит условия мелкого (*по величине площади*) земледелия с точки зрения употребления наемного труда или продажи его земледельцем.

Ничего подобного.

Ни в чем так рельефно не обнаруживается буржуазность Давида, как в полнейшем игнорировании вопроса об употреблении наемного труда «мелкими» земледельцами и о превращении этих последних в наемных рабочих. Полнейшее игнорирование, это — буквально верно. Статистические данные об этом есть в немецкой статистике; их приводит вкратце Каутский в своем «Аграрном вопросе» (у меня эти данные приведены подробно*). Давид знает эту статистику и не анализирует этих данных. Давид приводит кучу ссылок на отдельные монографии и игнорирует *всецело* их данные по этому вопросу. Одним словом, это сплошное замалчивание мелким буржуа вопроса о «рабочниках» у хозяйственного мужика.

Вот примеры.

На стр. 109-й читаем: «В общем, в огородничестве точно так же, как и в сельском хозяйстве, процветает мелкое производство».

Вы ждете доказательств. Вам дают следующее *и только* следующее:

«По данным промышленной** статистики 1895 г. из 32 540 садоводств и огородничеств 13 247 = 40% были величиной менее 20 аров; 8 257 = 25% были от 20 до 50 аров; 5 707 = 14% от 50 аров до 1 гектара; 3 397 = 10% были величиной от 1 до 2 гект. и только у 1 932 = 6% площадь занятой земли была в 2 гект. и выше».

Это все. Это должно доказывать процветание мелкого производства в огородничестве. Это должно быть

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 176—177. *Ред.*

** Это, очевидно, г. Гроссман, редактор перевода, перевел так: Betriebsstatistik. Беда с русскими переводами! Надо сказать: «статистика сельскохозяйственных предприятий».

рассматриваемо, как ученая работа начитанного в агрономии Давида. Если так, то мы отказываемся понимать, что называется шарлатанством в науке.

Только 6% имеют по 2 и более га, говорит Давид. Рядом, в той же статистике, из которой он берет эти цифры, стоят данные о количестве земли у этих 6%. Давид эти данные замалчивает. А замалчивает он их потому, что они разрушают его теорию. «В руках 1932 хозяев, т. е. 5,94% всех огородников» писал я по поводу именно этих данных* «сосредоточено больше половины, 51,39%» всей земли, находящейся под торговыми огородами. Из этих 1932 огородников 1441 имеют 2—5 га огородов; у них в среднем приходится по 2,76 га огородной земли и по 109,6 га всей земли. Пять и более гектаров огорода имеет 491 хозяин, владея в среднем 16,54 га огорода и 134,7 га всей земли (там же).

Итак, только 6% огородников концентрируют 51,39% всей огородной земли. Это — крупные капиталисты, у которых огороды являются дополнением капиталистического земледелия (хозяйства в 100—135 гектаров). Торговое огородничество, следовательно, громадно сконцентрировано капиталистически. А Давид имеет... смелость утверждать, что «процветает мелкое производство», т. е. производство без наемного труда. О том, какие размеры хозяйства в торговом огородничестве требуют помощи наемных рабочих, он не дает сведений.

Так обращается ученый Давид со статистикой. Пример его обращения с монографиями — тот же пресловутый Гехт⁶⁶, на которого ссылались гг. Булгаков, Герц, Чернов**. В своем «труде» Давид пересказывает Гехта на двух страницах (стр. 394—395). И как пересказывает? Ни звука о наемном труде. Ни звука о том, что Гехт прикрашивает «оседлость» фабричного рабочего с клочком земли, смешивая рабочих вместе с зажиточным крестьянством. Ни звука о том, что, при «процветании» небольшого числа зажиточных крестьян, масса находится в таком положении, что приходится даже, продавая молоко, заменять его более дешевым маргарином.

Давид не только молчит об этом, но заявляет даже, что «Гехт приводит чрезвычайно интересные данные о высо-

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 196. Ред.

** См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 146—150. Ред.

ких жизненных потребностях этих крестьян» (стр. 395). Более грубый буржуазный апологетизм трудно себе представить.

Кстати, по поводу этого указания Гехта на продажу молока крестьянами для покупки более дешевого маргарина. Казалось бы, это — самый общеизвестный факт для экономиста. Маркс еще в 1847 году в «Нищете философии» указывал на это ухудшение народного питания капитализмом⁶⁷. В России еще со времен Энгельгардта⁶⁸ (70-ые годы) много, много раз отмечали это явление все, сколько-нибудь добросовестно изучавшие прогресс капитализма в молочном хозяйстве. «Ученый» Давид этого не заметил. Он даже хихикает над такими указаниями социалистов.

На стр. 427—428 книги Давида мы читаем насмешки над Каутским, который говорит, что сборные молочные, развивая продажу молока крестьянами, ухудшают их питание. Чтобы читатель мог оценить по достоинству немецкого народника Давида, мы приведем его подлинные слова:

...«Все прочие люди имеют привычку в случае, если получают больший доход, употребить из него кое-что и в пользу своего желудка. Такова уж, так сказать, природа человека, что он очень охотно ест что-нибудь лучшее, если только он имеет для этого небольшие деньги. И вот, в высшей степени странно, что один лишь крестьянин, получавший, благодаря товариществу, по общему признанию, больше денег, нежели раньше, за свое молоко и своих свиней, поступает совсем не так, как остальные смертные» и т. д., и т. д., и т. д.

На это шутовство реакционного мещанина отвечать не стоит, конечно. Достаточно показать его читающей публике, достаточно вытащить его на свет божий из-под груды бессвязных агрономических цитат, разбросанных по 550 страницам. Достаточно отметить, что *цитируемый Давидом* буржуазный апологет Гехт и тот признает ухудшение питания как факт вследствие замены продаваемого молока дешевым маргарином. Это относится к южной Германии, к области преобладающего мелкокрестьянского хозяйства. Из другой области — Восточной Пруссии — мы имеем совершенно аналогичное указание Klawki*, что мелкие крестьяне «очень мало употребляют масла и цельного молока».

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 158—159. *Ред.*

Буржуазный апологетизм Давида можно проследить решительно по всем затрагиваемым им вопросам. Он воспеваает, например, молочные товарищества Германии и Дании на десятках страниц (413—435 и др.). Он приводит и статистику... только по вопросу о возрастании числа товариществ! Данные немецкой статистики о концентрации «товарищеского» молочного производства в руках капиталистических крупных хозяйств* он *не приводит*. Давиды не замечают таких данных в той статистике, которой они пользуются!

«Организованные в товарищества датские крестьяне — говорит Давид — превзошли даже частновладельческие фермы крупных земельных собственников». Следует пример: цитата из 46-го доклада испытательной лаборатории о том, что масло товариществ лучшего качества, чем помещика. И Давид продолжает:

«Таких результатов достигли крестьяне, некогда в своих маленьких хозяйствах приготовлявшие лишь низшего качества масло, за которое они выручали едва половину цены, получаемой крупными владельцами. Притом *здесь, в сущности, идет речь о средних и мелких крестьянах* (курсив Давида). В 1898 г. в Дании было 179 740 коровников; из этого числа только 7 544, т. е. 4%, имели по 30 и более коров; 49 371, т. е. 27,82%, имели каждый от 10 до 29 коров. Меньше 10 голов скота имели 122 589, т. е. 68,97% коровников. Большая половина последних, а именно 70 218 коровников, — что составляет 39,85% всего числа — заключали лишь 1—3 головы, т. е. принадлежали мелким хозяйствам. Что из числа мелких крестьянских хозяйств значительное большинство участвует в товарищеских организациях, доказывается тем фактом, что в 1900 году, при общем числе около 1 110 000 молочных коров в Дании, молоко 900 000 коров приблизительно сдавалось в товарищеские молочные» (424 стр.).

Так аргументирует ученый Давид. Точных данных о распределении числа коров в хозяйствах разных групп он избегает, ему неприятно приводить их. Но уже из тех отрывочных цифр, которые он привел, видно полное извращение им действительности. Сравнивая общее число коров с распределением коровников по числу штук скота в них, мы получаем такую — *правда приблизительною***, но несо-

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 197. *Ред.*

** Приблизительны эти цифры, во-1-х, потому, что число коров дано за 1900 г., а число хозяйств за 1898; во-2-х, потому, что число коров по группам хозяйств пришлось определить приблизительно, ибо точных цифр нет у Давида. Долю крупного хозяйства мы взяли меньше действительности: 7 544 хозяйства имеют по 30 и более коров каждый. Это дает, даже если взять *minimum*,

мненно, в общем и целом, соответствующую действительности — картину:

Д а н и я	Число хозяйств тысяч	Число коров у них тысяч	На 1 хозяйство коров
Хозяйств с 1—3 коровами	70	100	1,43
» » 4—9 »	52	250	4,81
» » 10—29 »	49	550	11,22
» » 30 и более »	8	200	25,00
<i>Всего</i>	179	1 100	6,14

Из этих цифр видно, во-1-х, что концентрация молочного скотоводства в Дании *очень велика*. 750 тысяч коров из 1100, т. е. *свыше двух третей общего числа*, принадлежит *крупным хозяйствам*, 57 тысячам из 179, т. е. *менее чем трети общего числа хозяев*. Такие хозяйства не обходятся, наверное, без наемного труда, раз они имеют по 10 и более коров. Следовательно, Давид «не заметил», что размер скотоводческого хозяйства здесь *вовсе не мелкий*; по количеству земли нельзя судить о датских хозяевах. Давид «не заметил», что громадное число мелких хозяйств имеет здесь, как везде и всегда в капиталистическом земледелии, ничтожную долю общего производства. Мелких хозяев 70 тыс., т. е. почти 40%, а у них $\frac{1}{11}$ общего числа коров.

Во-вторых, приведенные цифры показывают, что *благами товарищества* и в Дании, как в Германии, пользуются *главным образом капиталисты*. Если из 1100 тыс. коров молоко от 900 тыс. сдается в молочные, значит 200 тыс. коров остаются *вне «благ» товарищеского сбыта*. Это по преимуществу коровы самых мелких хозяев, ибо мы видели по данным относительно Германии, что в хозяйствах до 2 га только 0,3% всех хозяйств участвуют в молочных товариществах, а в хозяйствах с 100 и более га — 35,1%. Следовательно, все заставляет предположить, что мелкие хозяева (70 тысяч хозяйств с 100 тысяч коров) *наименее пользуются выгодами товарищеского сбыта*.

т. е. по 30 коров на хозяйство, $7\ 544 \times 30 = 226\ 320$ коров. Мы взяли *меньшую цифру*, ибо иначе размеры мелких хозяйств бесчелур приближаются к *миллиональным*, а не *максимальным* пределам группы.

Пример Дании побивает Давида всецело, доказывая преобладание именно не мелких и не средних, а крупных хозяйств в производстве молочных продуктов.

Чтобы несколько оживить эти мертвые цифры и таблицы, чтобы показать классовый характер буржуазного земледелия (совершенно игнорируемый тупым мещанином Давидом), приведем выдающийся факт из истории рабочего движения в Дании. В 1902 году датские судовладельцы понизили плату кочегарам. Те ответили стачкой. Союз всех портовых рабочих поддержал их, тоже прекратив работы. Но... стачку не удалось сделать всеобщей, распространить на все порты Дании. «Порт Эсбьерг (на западном берегу Дании, важен в торговле с Англией), имеющий такое громадное значение в вывозе датских сельскохозяйственных продуктов, не удалось вовлечь в стачку, так как датские сельскохозяйственные товарищества заявили, что они немедленно пошлют потребное количество своих членов для работы по нагрузке судов; датские крестьяне не позволят приостанавливать вывоз своих продуктов»*.

Итак, датские товарищества встали на сторону хозяев-судовладельцев против рабочих и погубили стачку. Вполне понятно, конечно, что капиталисты-фермеры, имеющие по 10 и более коров, поддержали капиталистов же против рабочих. Непонятно только, что называют себя социалистами писатели, вроде Давида, затушевывающие классовую борьбу.

По вопросу о соединении сельских хозяйств с техническими производствами (сахароварение, винокурение и т. д.), Давид делает совершенно ту же ошибку, что и г. Булгаков. Подобно российскому профессору, немецкий «ученый» оппортунист просто списал таблички из немецкой анкеты, не подумав, к чему эти таблички относятся! Каутский утверждает, что сахарное производство есть образец сельскохозяйственной крупной индустрии. Давид в опровержение этого приводит, подобно Булгакову, цифры, показывающие, что мелких хозяйств, соединенных с техническими производствами, больше, чем крупных (стр. 406, 407, 410 у Давида). О том, что вообще мелких

* Emil Helms. «Die socialdemokratische und gewerkschaftliche Bewegung in Dänemark». Lpz. 1907. S. 138 (Эмиль Гельмс. «Социал-демократическое и профессиональное движение в Дании». Лейпциг, 1907, стр. 138. Ред.).

хозяйств больше, чем крупных, ученый статистик забыл. Вместо определения процента соединенных с техническими производствами хозяйств ко всему числу хозяйств данной группы, он списал табличку, дающую процент таких хозяйств по группам к общему их итогу. Я уже подробно показал эту ошибку г. Булгакова выше*. Остается только заметить, что столь же научно-добросовестный Э. Давид не потрудился равным образом взглянуть на данные о доле земли под свекловичными посевами, находящейся в руках капиталистов.

До каких комичных пределов доходит тождество душ немецкого оппортуниста и русского либерального профессора, видно из того, что они не только одинаково небрежно и неумело пользуются статистикой, но и одинаково небрежно цитируют Маркса. Давид, подобно Булгакову, признает «закон убывающего плодородия почвы». Правда, он пытается изложить его с особыми ограничениями, обставить особыми условиями, но дело от этого нисколько не становится лучше. Например, на стр. 476-ой Давид говорит, что «закон этот вообще не касается вопроса о колебании продуктивности при переходе с одной научно-технической ступени на другую. Закон занят исключительно колебанием продуктивности на одной и той же научно-технической ступени». Это как раз то *ограничение* пресловутого закона, которое я указал против г. Булгакова**, причем я добавил тогда же, что это будет «закон» «настолько относительный, что ни о каком законе и даже ни о какой кардинальной особенности земледелия не может быть и речи».

Между тем Давид продолжает возводить этот закон в особенность земледелия. Получается невообразимая путаница, ибо при неизменности «научно-технических» условий и в промышленности крайне ограничены добавочные вложения капитала.

«Отсталость сельского хозяйства — говорит Давид в заключительной главе — объясняется, во-1-х, консервативностью органических сил природы, что выражается в законе понижающихся урожаев» (501). В этом выводе уже выброшено за борт только что выставленное положение,

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 191—192. Ред.

** См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 92—93. Ред.

что «закон» не относится к переходам на высшую техническую ступень! «Консервативность сил природы» есть просто словесная увертка реакционного мешанства, неспособного понять *общественные условия*, тормозящие особенно развитие сельского хозяйства. Давид обнаруживает непонимание того, что к этим *общественным условиям* принадлежат: во-первых, остатки феодализма в земледелии, неравноправность батраков и т. д. и т. п., а во-вторых, *поземельная рента*, которая вздувает цены и *закрепляет* высокие ренты в цене земли.

«Мы думаем, — пишет Давид, — что в настоящее время германское земледелие не могло бы производить необходимого количества хлеба с тою продуктивностью, которая, благодаря заокеанскому производству, считается нормальной с точки зрения мирового хозяйства. Закон понижающихся урожаев не позволяет без понижения продуктивности неограниченно увеличивать количество продуктов на ограниченной площади земли» (519) — последняя фраза у Давида подчеркнута.

Не угодно ли посмотреть на этого экономиста! Он заявляет, что «закон» понижающихся урожаев занят *исключительно* колебанием продуктивности на одной и той же научно-технической ступени (476). А вывод гласит: «закон не позволяет «неограниченно» увеличивать количество продуктов» (519)! Откуда же следует, что германское земледелие *не могло бы быть поднято* на следующую «научно-техническую ступень», если бы не мешала частная собственность на землю, если бы не мешала вздутая рента, если бы не мешало бесправие, забитость и приниженность батрака, если бы не мешали дикие средневековые привилегии юнкерства??

Буржуазный апологет, естественно, стремится игнорировать общественные и исторические причины отсталости земледелия, сваливая вину на «консервативность сил природы» и на «закон убывающего плодородия». Ничего кроме апологетики и тупоумия не содержится в этом пресловутом законе.

А чтобы прикрыть свое позорное отступление к старым предрассудкам буржуазной экономики, Давид совершенно так же, как и Булгаков, преподносит нам облыжную ссылку на Маркса. Давид цитирует *ту же страницу* III тома «Капитала» (III. В., II. Theil, S. 277), которую

приводил и г. Булгаков! (Смотри стр. 481 у Давида и выше разбор г. Булгакова*.)

То, что сказано мной о *научной добросовестности* г. Булгакова, *всецело* относится и к Давиду. Г-н Булгаков искажил цитату из Маркса. Давид ограничился приведением первых слов той же цитаты: «О понижающейся производительности почвы при последовательных приложениях капитала смотри у Либиха» («Das Kapital», III. B., II. Theil, S. 277**) ⁶⁹. Подобно Булгакову, Давид извратил Маркса, представив читателю дело так, будто это — единственное указание Маркса. На деле, повторяем, всякий, читавший III том «Капитала» (и вторую часть второго тома «Theorien über den Mehrwert»⁷⁰), знает обратное. Маркс *десять раз* показывает, что случай *понижения* производительности добавочных вложений капитала он считает вполне равноправным, одинаково возможным, как и случай *повышения* производительности добавочных вложений капитала.

В примечании на стр. 481-ой Давид обещает в будущем рассмотреть связь этого закона с рентой, а также «критически рассмотреть попытку Маркса развить и расширить теорию ренты, отвергнув основания, данные Мальтусом и Рикардо».

Беремся предсказать, что критическое рассмотрение Давида будет повторением буржуазных предрассудков à la г. Булгаков или... à la товарищ Маслов.

Перейдем к разбору еще одного в корне неверного положения Давида. Опровергать его апологетику или извращения статистики очень уже неблагодарная работа. По тому вопросу, к которому мы переходим, мы имеем некоторые новые данные, позволяющие противопоставить *фактическую* картину действительности теориям современного мещанства.

XI

СКОТОВОДСТВО В МЕЛКОМ И КРУПНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

«Критики» или бернштейншанцы в аграрном вопросе, защищая мелкое производство, ссылаются особенно часто на следующее обстоятельство. Мелкие земледельцы на данную единицу земельной площади держат несравненно

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 100—102. Ред.

** — «Капитал», т. III, часть II, стр. 277. Ред.

больше скота, чем крупные. Следовательно, — говорят, — мелкие земледельцы лучше удобряют почву. Их хозяйство стоит выше в техническом отношении, ибо удобрение играет решающую роль в современной земледелии, а удобрение, получаемое от скота, содержимого в хозяйстве, во много раз перевешивает все и всякие искусственные удобрения.

Эд. Давид в своей книге: «Социализм и сельское хозяйство» придает этому доводу решающее значение (стр. 326, 526, 527 русск. перевода). Он пишет курсивом: «навоз — душа земледелия» (стр. 308) и делает из этой истины главную основу своей защиты мелкого земледелия. Он приводит немецкую статистику, которая показывает, что в мелких хозяйствах на единицу площади содержится гораздо больше скота, чем в крупных. Давид убежден, что эти данные окончательно решают в его пользу вопрос о преимуществах крупного и мелкого производства в земледелии.

Присмотримся поближе к этой теории и навозной душе сельского хозяйства.

Главный довод Давида и его многочисленных сторонников из буржуазных экономистов — статистический. Сравняется количество скота (на единицу площади) в хозяйствах различного размера. При этом молчаливо предполагается, что сравниваются величины однородные, т. е. что одинаковое количество скота одного определенного вида представляет из себя и в крупных и в мелких хозяйствах равную, так сказать, сельскохозяйственную ценность. Предполагается, что равное количество скота дает равное количество навоза, что скот отличается более или менее одинаковыми качествами в хозяйствах крупных и мелких и т. п.

Очевидно, что от правильности этого обычного молчаливого предположения зависит всецело доказательное значение разбираемого довода. Правильно ли это положение? Если от голой и грубой огульной статистики перейти к анализу общественно-хозяйственных условий мелкого и крупного земледельческого производства в целом, то мы увидим сразу, что как раз подлежащее доказательству принимается этим положением за доказанное. Марксизм утверждает, что в мелком производстве условия содержания скота (а также, как мы видели, условия ухода

за землей и содержания работника-земледелца) хуже этих условий в крупном хозяйстве. Буржуазная политическая экономия, а за ней бернштейнианцы утверждают обратное: в силу *прилежания* мелкого земледельца условия содержания скота гораздо лучше в мелком хозяйстве, чем в крупном. Чтобы найти статистические данные, проливающие свет на *этот* вопрос, нужна совсем не та статистика, с которой оперирует Давид. Нужно статистическое исследование не о количестве скота в хозяйствах разных размеров, а о качестве его. В немецкой экономической литературе есть такое исследование, может быть, даже не одно. И в высшей степени характерно, что Давид, который заполнил свою книгу бездной не идущих к делу цитат из всевозможных агрономических сочинений, обошел как раз полным молчанием имеющиеся в литературе попытки вскрыть внутренние условия хозяйства мелкого и крупного, на основании детальных обследований. С одной из этих незаслуженно обойденных Давидом работы и познакомим читателя.

Известный немецкий писатель по вопросам сельского хозяйства, Дрекслер, напечатал результаты одного монографического «сельскохозяйственного статистического обследования», про которое он справедливо выразился, что «по точности результатов оно едва ли имеет себе равное». В провинции Ганновер были обследованы 25 поселений (22 деревни и три помещичьих экономии), причем по каждому хозяйству отдельно собирались данные не только о количестве земли и количестве скота, *но и о качестве скота*. Для определения качества скота был употреблен особенно точный прием: устанавливался *живой вес** каждой штуки скота в килограммах «на основании возможно точной оценки отдельных штук скота, — оценки, производившейся сведущими людьми». Получались данные о живом весе каждого сорта животных в хозяйствах различного размера. При этом обследование было повторное: первое в 1875 году, второе в 1884. Данные напечатаны

* Давид прекрасно знает этот прием агрономов — определять живой вес отдельных штук скота. На стр. 367 он подробно рассказывает, каков живой вес разных пород мясного, молочного, рабочего рогатого скота и т. д. Он списывает эти данные у агрономов. Ему и в голову не приходит, что экономисту вообще, социалисту в особенности, важно не различие пород скота, а различие условий его содержания в мелком и крупном, в «крестьянском» и капиталистическом хозяйстве.

Дрекслером* в сыром виде, по каждому из трех имений и по трем группам деревень, причем крестьянские хозяйства в деревнях разделены на семь групп по количеству земли (свыше 50 гектаров, 25—50, 12,5—25, 7,5—12,5, 2,5—7,5, 1,25—2,5 и до 1,25 гектара). Если принять во внимание, что данные Дрекслера относятся к 11 различным видам скота, то читателю ясна станет сложность всех этих таблиц. Чтобы получить сводные данные, позволяющие обозреть общие и основные выводы, мы разделим все хозяйства на пять главных групп: а) крупные имения; б) крестьянские хозяйства, имеющие свыше 25 га (гектаров) земли; в) от 7,5 до 25 га; г) 2,5—7,5 га, и д) менее 2,5 га.

Число хозяйств в этих группах и количество земли у них было в 1875 и 1884 годах следующее:

	В 1875 году			В 1884 году		
	Число хозяйств	Земли у них	Земли на 1 хоз.	Число хозяйств	Земли у них	Земли на 1 хоз.
	(В гектарах = га)					
а) Имения	3	689	229	3	766	255
б) Хоз. с 25 и более га	51	1 949	38	58	2 449	42
в) » » 7,5—25 га	274	3 540	13	248	3 135	12
г) » » 2,5—7,5 »	442	1 895	4,3	407	1 774	4,3
д) » до 2,5 »	1 449	1 279	0,88	1 109	1 027	0,92
<i>Всего</i>	2 219	9 352	4,2	1 825	9 151	5,0

Чтобы пояснить эти цифры, остановимся прежде всего на экономическом типе хозяйств различных размеров. Дрекслер считает, что все хозяйства с 7¹/₂ и более гектаров земли не обходятся без наемного труда. Получается (в 1875 г.) 325 крестьянских хозяйств, нанимающих рабочих. Все хозяйства, имеющие до 2¹/₂ га, должны нани-

* За 1875 в «Schriften des Vereins für Sozialpolitik», Band XXIV, S. 112 («Bauerliche Zustände», B. III), а за 1884 год в «Thiel's landwirtschaftliche Jahrbücher», Band XV (1886) («Труды Союза социальной политики», том XXIV, стр. 112 («Положение крестьян», том III), а за 1884 год в «Сельскохозяйственных ежегодниках Тиля», том XV (1886). Red.).

маться сами. Из хозяйств, имеющих от 2,5 до 7,5 га (средний размер = 4,3 га), половина, по расчету Дрекслера, обходится без работы по найму, другая же половина должна отпускать наемных рабочих. Следовательно, всего из крестьянских хозяйств 325 капиталистических, 221 мелкое «трудовое» (как сказали бы наши народники), не нанимающее и не нанимающееся, и 1 670 полупролетарских, нанимающихся.

К сожалению, группировка Дрекслера расходится с группировкой общей германской статистики, которая средним крестьянством считает хозяев с 5—20 га. Но все же остается несомненным факт, что большинство этих средних крестьян не обходится без найма рабочих. «Средние» крестьяне в Германии — мелкие капиталисты. Крестьяне же, не нанимающие и не нанимающиеся, составляют ничтожное меньшинство: 221 из 2 216, т. е. одну десятую часть.

Итак, взятые у нас группы хозяйств по их экономическому типу характеризуются следующим образом: а) крупные капиталистические хозяйства; б) средние капиталистические («гроссбуауэры»); в) мелкие капиталистические; г) мелкокрестьянские и д) полупролетарские.

Общее число хозяйств и общее количество земли у них уменьшилось с 1875 по 1884 год. Уменьшение это приходится главным образом на мелкие хозяйства: имеющие до $2\frac{1}{2}$ га сократились в числе с 1 449 до 1 109, т. е. на 340 хозяйств, почти на четверть. Наоборот, число крупнейших хозяйств (свыше 25 га) возросло с 54 до 61, а количество земли у них с 2 638 га до 3 215 га, т. е. на 577 гектаров. Следовательно, общее улучшение хозяйства и повышение культуры в данной местности, которым восторгается Дрекслер, означает сосредоточение сельского хозяйства в руках *уменьшающегося* числа собственников. «Прогресс» вытолкнул из земледелия почти 400 хозяев из 2 219 (к 1884 г. осталось 1 825) и у оставшихся повысил среднее количество земли на хозяйство с 4,2 гектаров до 5. В одной местности капитализм концентрирует данную отрасль земледелия и выталкивает в пролетариат ряд мелких хозяев. В другой местности рост торгового земледелия создает ряд новых мелких хозяйств (например, молочное хозяйство в пригородных деревнях и в целых странах, поставляющих продукты за границу, вроде Дании). В третьих

местностях дробление средних хозяйств увеличивает число мелких. Огульная статистика прикрывает все эти процессы, для изучения которых необходимы детальные исследования.

Прогресс сельского хозяйства в описываемой местности выразился особенно в улучшении скотоводства. При этом общее число штук скота уменьшилось. В 1875 году было 7 208 штук скота (в переводе на крупный), в 1884—6 993. Для огульной статистики это уменьшение количества скота служило бы признаком упадка скотоводства. На деле улучшилось качество скота, так что, если взять не число штук скота, а общий «живой вес» их, то получим 2 556 872 килограмма в 1875 г. и 2 696 107 кг. в 1884 году.

Капиталистический прогресс скотоводства сказывается не только, иногда даже не столько, в увеличении числа, сколько в улучшении качества, в замене худшего скота лучшим, в увеличении корма и т. д.

Среднее число штук скота на одно хозяйство составляло:

	В 1875 году			В 1884 году		
	Крупного скота	Мелкого	Всего	Крупного скота	Мелкого	Всего
	(В переводе на крупный)					
а) Именья	105	69	174	110	41	151
б) Хоз. с 25 и более га	13,2	11,0	24,2	13,7	10,5	24,2
в) » » 7,5 — 25 га	5,4	3,8	9,2	4,9	4,2	9,1
г) » » 2,5 — 7,5 »	2,2	1,4	3,6	2,2	1,8	4,0
д) » до 2,5 »	0,3	0,6	0,9	0,4	0,7	1,1
<i>Всего</i>	1,7	1,5	3,2	2,0	1,8	3,8

В крупнейших хозяйствах количество скота уменьшилось. В самых мелких возросло и возросло тем быстрее, чем мельче хозяйство. Казалось бы, прогресс мелкого производства и регресс крупного? то есть подтверждение теории Давида?

Но стоит взять данные о *среднем весе* скота, и иллюзия рассеивается.

	Средний вес (в килограммах) штуки скота					
	В 1875 году			В 1884 году		
	Крупного	Мелкого*	Всего	Крупного	Мелкого	Всего
а) Именья	562	499	537	617	624	619
б) Хов. с 25 и более ha	439	300	376	486	349	427
в) » » 7,5 — 25 ha	409	281	356	432	322	382
г) » » 2,5 — 7,5 »	379	270	337	404	287	352
д) » до 2,5 »	350	243	280	373	261	301
<i>Среднее</i>	412	256	354	446	316	385

Первый вывод из этих данных состоит в том, что качество скота тем лучше, чем крупнее размеры хозяйства. Разница в этом отношении между хозяйствами капиталистическими и мелкокрестьянскими или полупролетарскими оказывается громадной. Например, в 1884 году эта разница между хозяйствами наибольшего и наименьшего размера превышает *сто процентов*: средний вес средней штуки скота в крупнокапиталистических хозяйствах 619 килограммов, а в полупролетарских — 301, т. е. более чем в два раза меньше! Можно судить поэтому, как поверхностно рассуждает Давид и его единомышленники, когда они предполагают одинаковость качества скота в крупном и мелком хозяйстве.

Выше мы уже указывали, что содержание скота вообще хуже в мелком хозяйстве. Теперь мы имеем фактическое подтверждение этого. Данные о живом весе скота дают самое точное представление обо *всех* условиях содержания скота: корм, помещение, работа, уход — все это суммируется, так сказать, в результатах, которые в монографии Дрекслера получили статистическое выражение. Оказывается, что все «прилежание» мелкого крестьянина в уходе

* Различный мелкий скот переводят на крупный по обычным нормам. За один год по одному из 11 видов скота число штук определено приблизительно: данные есть только о весе, а не о числе штук.

за скотом — прилежание, воспетое нашим г. В. В.⁷¹ и немецким Давидом, — не в состоянии даже приблизительно уравновесить выгоды крупного производства, дающего продукт вдвое лучшего качества. Капитализм осуждает мелкого крестьянина на вечную маету, на бесполезное расхищение труда, — ибо тщательнейший уход за скотом при недостатке средств, при недостатке корма, при худом качестве скота, при худом помещении и проч. равносильен бесполезному расхищению труда. Буржуазная политическая экономия в своей оценке выдвигает на первый план не это разорение и угнетение крестьянина капитализмом, а «прилежание» трудящегося (трудящегося *на капитал* при самых худших условиях эксплуатации).

Второй вывод из приведенных данных состоит в том, что качество скота за указанное десятилетие улучшилось в среднем, улучшилось также во всех разрядах хозяйства. Но в результате этого общего улучшения различие условий скотоводства в крупном и мелком хозяйстве стало не менее, а *более* значительным. Общее улучшение не сравняло крупные и мелкие хозяйства, а углубило пропасть между ними, — ибо крупное хозяйство обгоняет мелкое в этом процессе улучшения. Вот сравнение среднего веса средней штуки скота по группам в 1875 и в 1884 годах.

	Средний вес средней штуки скота в килограммах		Увеличе- ние на	Увеличе- ние в про- центах
	1875	1884		
а) Имена	537	619	+ 82	+ 15,2
б) Хоз. с 25 и более ha	376	427	+ 51	+ 13,6
в) » » 7,5 — 25 ha	356	382	+ 26	+ 7,3
г) » » 2,5 — 7,5 »	337	352	+ 15	+ 4,4
д) » до 2,5 »	280	301	+ 21	+ 7,5
<i>Среднее</i>	354	385	+ 31	+ 8,7

Улучшение наибольшее в крупнокапиталистических, затем среднекапиталистических хозяйствах, совсем ничтожное в мелкокрестьянских и очень незначительное в остальных. Дрекслер, как и подавляющее большинство агрономов, пишущих по вопросам сельскохозяйственной

экономии, заметил одну только техническую сторону дела. В своем пятом выводе из сравнения 1875 и 1884 годов он говорит: «Наблюдается весьма значительный прогресс в скотоводстве*: уменьшение числа голов скота и улучшение качества; средний живой вес штуки скота значительно повысился в каждой из трех групп деревень**. Это означает, что *более или менее повсюду* (*ziemlich allgemein*) произошло существенное улучшение в выращивании скота, в корме и в уходе за скотом».

Подчеркнутые нами слова: «более или менее повсюду» свидетельствуют как раз об игнорировании автором общественно-экономической стороны вопроса; «более» относится к крупным хозяйствам, «менее» к мелким. Дрекслер не заметил этого, ибо обратил внимание только на данные о группах деревень, а не о группах хозяйств разного типа.

Перейдем теперь к данным о рабочем скоте, которые проливают свет на условия хозяйства в тесном смысле слова земледельческого. По количеству рабочего скота рассматриваемые нами хозяйства характеризуются такими цифрами:

	Штук рабочего скота в среднем на 1 хозяйство	
	1875	1884
а) Именья	27	44
б) Хозяйств с 25 и более ha	4,7	5,5
в) » » 7,5 — 25 ha	2,1	2,4
г) » » 2,5 — 7,5 »	1,3	1,5
д) » » до 2,5 »	0,07	0,16
<i>Среднее</i>	0,7	1,0

Следовательно, хозяйства полупролетарские (до 2,5 ha — таких хозяйств в 1884 г. было 1 109 из 1 825) в громадном большинстве своем совершенно лишены рабочего скота.

* Дрекслер говорит здесь обо всем скоте, кроме рабочего (так наз. Nutzvieh). Мы приведем ниже данные о рабочем скоте отдельно. Общий вывод остается тот же, какие бы виды скота или какие бы группы видов скота мы ни брали.

** Дрекслер делит 22 деревни на три группы по географическому положению и др. условиям хозяйства. Мы брали только сводные данные, чтобы не загромождать статьи цифрами. Выводы не изменяются, какие бы группы деревень мы ни брали.

Эти хозяйства нельзя и считать земельными хозяйствами в настоящем значении слова. Во всяком случае, по условиям применения рабочего скота нельзя сравнивать с крупными хозяйствами такие, которые в 93% или в 84% вовсе не употребляют рабочего скота. Если же мы сравним в этом отношении крупные капиталистические хозяйства и мелкокрестьянские, то увидим, что в первых (группа а) 132 штуки рабочего скота приходится на 766 га земли, в последних (группа г) 632 штуки на 1774 га (1884 г.), т. е. в первых 1 штука рабочего скота приходится на *шесть* приблизительно гектаров, в последних — на *три* приблизительно гектара. Ясно, что мелкие хозяйства несут *вдвое* больший расход на содержание рабочего скота. Мелкое производство означает раздробление технических средств хозяйства и расхищение труда в силу этого раздробления.

Отчасти причиной этого раздробления является то, что мелким хозяйствам приходится прибегать к употреблению рабочего скота *худшего качества*, именно к употреблению коров в качестве рабочего скота. В общем числе штук *рабочего скота* был следующий процент коров:

	В 1875 г.	В 1884 г.
а) Имена	—	—
б) Хозяйств с 25 и более га	—	2,5%
в) » » 7,5 — 25 га	6,3%	11,4%
г) » » 2,5 — 7,5 »	60,7%	64,9%
д) » » до 2,5 »	67,7%	77,9%
<i>Среднее</i>	27,0%	33,4%

Отсюда ясно видно, что употребление коров для полевых работ возрастает и что в полупролетарских и мелкокрестьянских хозяйствах главным рабочим скотом являются коровы. Давид склонен считать это прогрессом, — совершенно так же, как стоящий всецело на буржуазной точке зрения Дрекслер, который пишет в своих выводах: «Большое число мелких хозяйств перешло к *более целесообразному для них* употреблению коров в виде рабочего скота». «Целесообразнее» это для мелких хозяев потому,

что дешевле. А дешевле потому, что лучший рабочий скот заменяется худшим. Восхищающий Дрекслеров и Давидов прогресс мелких крестьян всецело равняется прогрессу исчезающих ручных ткачей, которые переходят к все более и более худшим материалам, к отбросам фабричного производства.

Средний вес рабочих коров составлял в 1884 г. 381 килограмм*, тогда как рабочих лошадей — 482 kg, а рабочих волов — 553 kg. Этот последний вид рабочего скота, наиболее сильный, составлял в 1884 г. более половины во всем составе рабочего скота крупных капиталистических хозяйств; — около одной четверти у средних и мелких капиталистов; — менее одной пятой у мелких крестьян и менее десятой доли у полупролетарских хозяйств. След., чем крупнее хозяйство, тем выше качество рабочего скота. Средний вес средней штуки рабочего скота таков:

	В 1875 г.	В 1884 г.
а) Имена	554	598
б) Хозяйств с 25 и более ha	542	537
в) » » 7,5 — 25 ha	488	482
г) » » 2,5 — 7,5 »	404	409
д) » » до 2,5 »	377	378
<i>Среднее</i>	464	460

В общем и целом, следовательно, рабочий скот *ухудшился*. На деле, в крупных капиталистических хозяйствах мы видим значительное улучшение, во всех остальных застой или ухудшение. По качеству рабочего скота разница между крупным и мелким производством тоже *возросла* с 1875 по 1884-ый год. Переход мелких хозяйств к употреблению коров в качестве рабочего скота есть общее явление в Германии**. И наши данные доказывают

* Средний вес коров, не употребляемых для полевых работ, — 421 kg.

** См. об этом выше, главу VIII: «Общие данные германской с.-х. статистики». (См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 175—186. *Ред.*)

с документальной точностью, что этот переход означает ухудшение условий с.-х. производства, означает увеличение нужды крестьянства.

Чтобы закончить обзор данных монографии Дрекслера, приведем еще расчет количества и веса всего скота на единицу земельной площади, т. е. тот расчет, который Давид делает по данным германской с.-х. статистики вообще:

	На 1 га земли приходится			
	Штук скота всего (в переводе на крупный)		Веса всего скота в килограммах	
	1875	1884	1875	1884
а) Именья	0,77	0,59	408	367
б) Хозяйств с 25 и более га	0,63	0,57	238	244
в) » » 7,5 — 25 га	0,71	0,72	254	277
г) » » 2,5 — 7,5 »	0,85	0,94	288	328
д) » » до 2,5 »	1,02	1,18	286	355
<i>Среднее</i>	0,77	0,76	273	294

Данные о числе штук скота на 1 гектар земли, это — те данные, которыми ограничивается Давид. В нашем примере, как и в германском сельском хозяйстве в его целом, эти данные показывают *уменьшение* количества скота на единицу площади в крупных хозяйствах. В 1884 г., например, в полупролетарских хозяйствах приходится ровно вдвое больше скота на 1 га, чем в крупнокапиталистических (1,18 против 0,59). Но мы знаем уже теперь, что в таком расчете сравниваются несравнимые вещи. Данные о весе скота показывают действительное соотношение хозяйств: крупное производство оказывается лучше поставленным и в этом отношении, имея *maximum* скота по весу на единицу площади, а следовательно, и *maximum* удобрения. Таким образом вывод Давида, что удобрения лучше обеспечены, в общем и целом, мелкие хозяйства, прямо противоположен действительности. И при этом надо

иметь в виду, что наши данные, во-первых, не касаются искусственных удобрений, покупка которых под силу только состоятельным хозяевам, а во-вторых, сравнение количества скота по весу приравнивает крупный и мелкий скот, приравнивает, например, 45 625 kg — вес 68 голов в крупном хозяйстве — и 45 097 kg — вес 1 786 *коз* в мелких хозяйствах (1884 г.). На деле перевес крупных хозяйств в обеспечении навозным удобрением значительно больше, чем показывают наши цифры*.

Итог: посредством фразы «навоз — душа сельского хозяйства» Давид обошел общественно-экономические отношения в специально скотоводческом хозяйстве и представил дело в совершенно извращенном виде.

Крупное производство в капиталистическом земледелии имеет громадный перевес над мелким по качеству скота вообще, по качеству рабочего скота в частности, по условиям содержания скота, улучшения его и утилизации для удобрения.

XII

«ИДЕАЛЬНАЯ СТРАНА» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОТИВНИКОВ МАРКСИЗМА В АГРАРНОМ ВОПРОСЕ**

Земледельческие отношения и порядки в Дании представляют особенно много интереса для экономиста. Мы видели уже***, как главный представитель ревизионизма в современной литературе по аграрному вопросу, Эд. Давид, усиленно использует пример датских сельскохозяйственных союзов и датской «мелкой крестьянской» (якобы) культуры. Генрих Пудор, работой которого пользуется Э. Давид, называет Данию «идеальной страной с.-х. товариществ»****.

* Напомним вышеприведенные (гл. VI) (см. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 154. *Ред.*) указания Кlawki: «производство навоза у мелких хозяев хуже: солома у их хлебов дороже, большая часть соломы идет на корм скоту (значит, опять-таки ухудшение качества корма), а на подстилку скоту употребляется меньше соломы».

** Статья эта представляет одну главу (XII) из работы автора «Аграрный вопрос и «критики Маркса» — вошедшую в его недавно появившуюся книгу «Аграрный вопрос», ч. I (СПб. 1908). Лишь случайное замедление в доставке этой главы не позволило дать ей место в указанной книге. Почему и все ссылки в печатаемом ныне отрывке относятся к этой работе.

*** Вл. Ильин, «Аграрный вопрос», ч. I, статья «Аграрный вопрос и «критики Маркса», главы X и XI. (См. настоящий том, стр. 151—173. *Ред.*)

**** Dr. Heinrich Pudor. «Das landwirtschaftliche Genossenschaftswesen im Auslande», I, В. Lpz. 1904, S. V (Доктор Генрих Пудор. «Сельскохозяйственные товарищества за границей», I том, Лейпциг, 1904, стр. V. *Ред.*). Пудор — ярый враг марксизма.

И у нас в России представители либерально-народнических взглядов не менее часто «kozyряют» Данией против марксизма, в пользу теорий о жизнеспособности мелкого хозяйства в земледелии, — укажем, хотя бы, речь либерала Герценштейна в I Думе и народника Караваева во II Думе.

Сравнительно с другими европейскими странами, в Дании мы видим действительно наибольшую распространенность «мелкого крестьянского» хозяйства и наибольшее процветание земледелия, сумевшего приспособиться к новым требованиям и условиям рынка. Если возможно «процветание» мелкого земледелия в странах с товарным производством, то, конечно, Дания из всех европейских стран находится в наилучшем положении в этом отношении. Поэтому подробное ознакомление с аграрным строем Дании представляет двойной интерес. Мы увидим на примере целой страны, каковы приемы ревизионизма в аграрном вопросе и каковы действительные основные черты капиталистических аграрных порядков в «идеальной» капиталистической стране.

Сельскохозяйственная статистика Дании организована по образцу других европейских стран. Но в некоторых отношениях она дает более подробные сведения и лучше разработанные цифры, позволяющие учесть такие стороны вопроса, которые обычно остаются в тени. Начнем с общих данных о распределении хозяйств на группы по размерам земельной площади. Обычную в Дании меру земли «гарткорн» мы будем переводить на гектары (га), считая — на основании указаний датской с.-х. статистики — по 10 гектаров на 1 гарткорн*.

Датская с.-х. статистика дает сведения о распределении хозяйств за 1873, 1885 и 1895 годы, при чем все хозяйства делятся на 11 групп: без земли, до 0,3 га (точнее: до $\frac{1}{32}$ гарткорна), 0,3—2,5 га, 2,5—10 га, 10—20, 20—40, 40—80, 80—120, 120—200, 200—300, 300 и сверх того. Чтобы не слишком раздроблять внимание читателя, мы соединим эти группы в 6 более крупных групп.

* «Danmarks Statistik. Statistik Aarbog» 8-de aargang, 1903, p. 31 («Статистика Дании. Статистический ежегодник». 8 год издания, 1903, стр. 31. Ред.), примечание. Все нижеприводимые данные относятся к Дании в собственном смысле слова, т. е. без Борнхольма.

	1873				1885				1895			
	Число хозяйств	%	Земли на	%	Число хозяйств	%	Земли на	%	Число хозяйств	%	Земли на	%
Без земли	31 253	13,3	—	—	35 329	13,6	—	—	32 946	12,4	—	—
До — 2,5 га	65 490	27,9	54 340	1,5	82 487	31,8	62 260	1,7	92 656	34,8	63 490	1,8
2,5 — 10 »	65 672	27,9	333 760	9,1	67 773	26,2	345 060	9,5	66 491	25,0	341 020	9,4
10 — 40 »	41 671	17,7	928 310	25,5	43 740	16,9	966 850	26,5	44 557	16,8	981 070	26,8
40 — 120 »	29 288	12,5	1 809 590	49,6	27 938	10,8	1 722 820	47,1	27 301	10,3	1 691 950	46,4
120 и свыше	1 856	0,7	522 410	14,3	1 953	0,7	551 530	15,2	2 031	0,7	568 220	15,6
<i>Всего</i>	235 230	100,0	3 648 410	100,0	259 220	100,0	3 648 520	100,0	265 982	100,0	3 645 750	100,0

Прежде всего из этих данных вытекает тот основной вывод, который упускает постоянно из виду буржуазная политическая экономия и идущие по ее стопам ревизионисты. Это — тот вывод, что громадное большинство земель в Дании находится в руках капиталистически хозяйничающих земледельцев. Не может подлежать сомнению, что не только хозяйства, имеющие по 120 и более того гектаров земли, ведут хозяйство при помощи наемного труда, но также и хозяйства с 40 и более гектарами земли. Эти две высшие группы составляли в 1895 году всего 11% общего числа хозяйств, но в их руках сосредоточено 62% всего количества земли, т. е. более трех пятых. В основе датского сельского хозяйства лежит крупное и среднее *капиталистическое* земледелие. Разговоры о «крестьянской стране» и о «мелкой культуре» — сплошная буржуазная апологетика, извращение фактов разными титулованными и нетитулованными идеологами капитала.

Необходимо заметить при этом, что в Дании, как и в других европейских странах с вполне установившимся капиталистическим строем сельского хозяйства, доля высших, капиталистических групп в общей сумме национального хозяйства изменяется во времени довольно слабо. В 1873 г. у 13,2% капиталистических ферм было 63,9% всей земли; в 1885 г. у 11,5% ферм — 62,3% земли. Эту устойчивость крупного земледелия надо всегда иметь в виду, когда заходит речь о сравнении данных за разные годы, ибо в литературе очень часто можно наблюдать, как посредством таких сравнений, касающихся изменений *в деталях*, затушевывают основные черты данного общественно-экономического уклада.

Масса мелких хозяйств в Дании, как и в других европейских странах, играет ничтожную роль в общей сумме сельскохозяйственного производства. Общее число хозяйств с количеством земли до 10 га составляло в 1895 г. 72,2% всего числа хозяйств, земли же у них только 11,2%. Это соотношение остается тоже постоянным в своей основе и в 1885 и в 1873 гг. Мелкие хозяйства принадлежат зачатую полупролетариям, — немецкая статистика доказала это, как мы видели, по отношению к хозяйствам до 2 га безусловно, а отчасти и по отношению к хозяйствам до 5 га. Ниже, приводя данные о количестве скота в хозяйствах разных групп, мы увидим, что о действительно самостоятельном и сколько-нибудь прочном земледелии не может быть и речи по отношению к массе этих пресловутых

представителей «мелкой культуры». 47,2% хозяйств, т. е. почти половина — пролетарии и полупролетарии (без земли и до 2,5 га); 25%, т. е. еще четверть хозяйств (2,5—10 га) нуждающихся мелких крестьян, — такова *основа* «процветания» сельскохозяйственного капитализма в Дании. Конечно, по данным, относящимся к количеству земли, можно только в самых общих чертах, в валовых итогах судить о стране с сильно развитым торговым скотоводством. Но данные о скотоводстве, подробно разбираемые нами ниже, только *усиливают*, как увидит читатель, сделанные выводы.

Теперь посмотрим, как изменялось с 1873 по 1895 год распределение земли в Дании между крупными и мелкими хозяйствами. Здесь нам сразу бросится в глаза типично-капиталистическое усиление крайностей и ослабление средних хозяйств. Процентная доля числа земледельческих хозяйств (т. е. не считая хозяйств без земли) *увеличивается* у мельчайших хозяйств до 2,5 га: 27,9% в 1873 г., 31,8% в 1885 г. и 34,8% в 1895 г. Эта доля *уменьшается* далее во *всех* средних группах и остается неизменной (0,7%) *только* у самой высшей группы, с 120 и более га. Процентная доля всей земли *увеличивается* в крупнейшем хозяйстве, 120 и более га: 14,3% — 15,2% — 15,6% за три указанные года, затем *увеличивается* менее значительно в среднем крестьянском хозяйстве (от 10 до 40 га: 25,5% — 26,5% — 26,8%), при уменьшении доли всего числа хозяйств в этой группе; затем *неправильно возрастает* в хозяйстве с 2,5—10 га (9,1% — 9,5% — 9,4%) и *непрерывно увеличивается* в мельчайшем хозяйстве (1,5—1,7—1,8). В результате — самая явственная тенденция к росту крупнейших и мельчайших хозяйств. Чтобы яснее представить это явление, надо взять средние размеры хозяйств по группам за разные годы. Вот данные этого рода:

		Средние размеры хозяйств (в гектарах)		
		1873	1885	1895
Хозяйства	до 2,5 га	0,83	0,75	0,68
»	2,5 — 10 »	5,08	5,09	5,13
»	10 — 40 »	22,28	22,08	22,01
»	40 — 120 »	61,00	61,66	61,97
»	120 и более »	281,40	282,30	279,80
В среднем		15,50	14,07	13,70

Из этих данных мы видим, что размеры хозяйств в большинстве групп чрезвычайно устойчивы. Колебания ничтожны: 1—2% (например, 279,8—282,3 га или 22,01—22,28 га и т. д.). Исключением являются *только* мельчайшие хозяйства, которые, несомненно, *дробятся*: уменьшение среднего размера таких хозяйств (до 2,5 га) с 1873 по 1885 г. на 10% (с 0,83 до 0,75 га), тоже с 1885 по 1895 г. Общий прирост всего числа хозяйств идет в Дании при почти неизменном количестве всей земли (с 1885 по 1895 г. даже небольшое уменьшение общего количества земли). При этом большая часть прироста падает на мельчайшие хозяйства. Так, с 1873 по 1895 год все число хозяйств возросло на 30 752 хозяйства; число же хозяйств до 2,5 га возросло на 27 166 хозяйств. Понятно, что при таком условии уменьшение среднего размера всех вообще хозяйств в Дании (15,5 га в 1873 г., 14,1 в 1885 г. и 13,7 га в 1895 г.) означает на деле *исключительно дробление мельчайших хозяйств*.

Еще более наглядным становится отмеченное нами явление, если взять более мелкое разделение групп. В предисловии к сельскохозяйственной статистике Дании за 1895 год («Danmarks Statistik etc. Danmarks Jordbrug». 4-de Raekke, Nr. 9, litra C*) составители дают такой расчет изменения в числе хозяйств по группам:

	% увеличения или уменьшения	
	с 1885 по 1895 г.	с 1873 по 1885 г.
Хозяйства с 300 и более га	+ 4,2	+ 5,0
» 200 — 300 »	0	+ 6,1
» 120 — 200 »	+ 5,2	+ 5,1
» 80 — 120 »	— 1,5	— 2,1
» 40 — 80 »	— 2,4	— 5,0
» 20 — 40 »	+ 1,0	+ 3,6
» 10 — 20 »	+ 2,8	+ 6,5
» 2,5 — 10 »	— 1,9	+ 3,2
» 0,3 — 2,5 »	+ 2,1	+ 17,8
» 0 — 0,3 »	+ 25,1	+ 37,9

* — «Статистика Дании и т. д. Земледелие Дании». 4 серия, № 9, литера С. Ред.

Увеличиваются, следовательно, такие карликовые хозяйства, которые либо посвящены специальным культурам, либо означают «хозяйства» *наемных рабочих*.

Этот вывод стоит отметить, потому что апологетическая профессорская «наука» склонна заключать из уменьшения среднего размера всех хозяйств вообще о побивании крупного производства мелким в земледелии. На деле мы видим прогресс самого крупного земледелия, устойчивость размеров хозяйства во всех группах, кроме самой мелкой, и *дробление* хозяйств в этой последней. Это дробление приходится приписать упадку и обнищанию мелкого земледелия: другое возможное объяснение, переход от агрикультуры в тесном смысле к скотоводству, не может быть принято относительно всех мельчайших хозяйств, ибо переход этот происходит во *всех* группах, как сейчас увидим. В такой стране, как Дания, для суждения о размерах хозяйства земледельцев гораздо важнее данные о скотоводстве, чем о площади земли, ибо на одной и той же площади возможны хозяйства разных размеров, когда скотоводство и молочное хозяйство развиваются особенно быстро.

Именно это явление и наблюдается, как известно, в Дании. «Процветание» датского сельского хозяйства зависит главным образом от быстрых успехов торгового скотоводства с вывозом молочных продуктов, мяса, яиц и т. д. в Англию. Здесь мы встречаемся с торжественным заявлением Пудора, что Дания *обязана колоссальным подъемом своего молочного хозяйства именно децентрализации своего скотоводства и скотоводческого хозяйства* (1. с. *, стр. 48, курсив Пудора). Неудивительно, что такое искажение фактов позволяет себе Пудор, чистейший торгаш по всей системе своих взглядов, абсолютно чуждый всякого понимания капиталистических противоречий. Но в высшей степени характерно, что за Пудором без критики плетется и мещанин Давид, по недоразумению числящийся в социалистах!

На деле именно Дания показывает нам особенно наглядно *концентрацию* скотоводства в капиталистической стране. Пудор мог придти к обратному выводу только благодаря своему крайнему невежеству и извращению тех *обрывков* статистики, которые он приводит в своей книжонке. Пудор приводит — а Давид рабски повторяет —

* — loco citato — в цитированном месте. *Ред.*

цифры, показывающие распределение всего числа скотоводческих хозяйств Дании по количеству скота. Выходит по Пудору, что 39,85% всего числа *имеющих скот* хозяйств имеют только по 1—3 штуки, ватем 29,12% по 4—9 штук и т. д. Следовательно, включает Пудор, большинство хозяйств — «мелкие»; «децентрализация» и т. д.

Во-первых, Пудор приводит *неверные* цифры. Это приходится отметить, ибо сей Пудор хвастливо заявляет, что в его труде можно найти все «новейшие» статистические данные, а ревизионисты «опровергают марксизм», ссылаясь на невежественных буржуазных кропателей. Во-вторых, и это главное, — *прием* аргументации Пудоров и Давидов слишком часто повторяется нашими кадетами и народниками, чтобы не остановиться на нем. По *такому* приему рассуждения неизбежно придется заключить о «децентрализации» промышленности в самых передовых капиталистических странах, ибо *везде и всегда* процент мельчайших и мелких заведений наибольший, а процент крупных — ничтожный. Пудоры и Давиды забывают «мелочь»: сосредоточение преобладающей части всего производства в небольшой доле крупных предприятий.

Действительное распределение всего рогатого скота в Дании по последней переписи 15 июля 1898 г. было таково*:

		Хозяйств	%	Голов рог. скота	%
С	1 шт. рогатого скота	18 376	10,2	18 376	1,0
•	2 „ „ „	27 394	15,2	54 788	3,1
•	3 „ „ „	22 522	12,5	67 566	3,9
•	4 — 5 „ „ „	27 561	15,2	121 721	7,0
•	6 — 9 „ „ „	26 022	14,4	188 533	10,8
•	10 — 14 „ „ „	20 375	11,3	242 690	13,9
•	15 — 29 „ „ „	30 460	16,9	615 507	35,3
•	30 — 49 „ „ „	5 650	3,1	202 683	11,6
•	50 — 99 „ „ „	1 498	0,8	99 131	5,7
•	100 — 199 „ „ „	588	0,3	81 417	4,7
•	200 и больше „ „ „	195	0,1	52 385	3,0
Всего		180 641	100,0	1 744 797	100,0

* «Danmarks Statistik. Statistik Tabelvaerk». Femte Raekke, litra С, № 2. Kreaturholdet d. 15 juli 1898. København, 1901 («Статистика Дании. Статистические таблицы». 5 серия, литера С, № 2. Животноводство на 15 июля 1898. Копенгаген, 1901. Ред.).

Отсюда мы видим, какую роль в общем скотоводческом хозяйстве Дании играют многочисленные мелкие и немногочисленные крупные хозяйства, какова пресловутая «децентрализация» производства в «идеальной стране». Мелких хозяйств, с 1—3 штуками рогатого скота, 68 292, т. е. 37,9% общего числа; у них 140 730 штук рогатого скота, т. е. всего 8% общей суммы. Почти столько же, 133 802 штуки, т. е. 7,7%, имеют 783 крупнейшие хозяева, 0,4% общего числа хозяев. Первые имеют в среднем по 2 с небольшим штуки рогатого скота, т. е. явно недостаточное количество, при котором вести торговое скотоводство, сбывать молочные и мясные продукты можно только в ущерб собственному питанию (вспомним известные факты: масло продают, а себе покупают более дешевый маргарин и т. п.). Вторые имеют в среднем по 171 штуке рогатого скота. Это — крупнейшие капиталистические фермеры, «фабриканты» молока и мяса, «вожди» технического прогресса и всевозможных сельскохозяйственных союзов, которыми восторгаются мещанские поклонники «социального мира».

Если мы соединим вместе мелких и средних хозяев, то получим общее число владельцев до 9 штук рогатого скота — 121 875 хозяев, т. е. две трети общего числа хозяев (67,5%). У них 450 984 штуки рогатого скота, т. е. четверть общей суммы (25,8%). Почти столько же, именно 435 616 штук (25%) имеют хозяева, владеющие 30 и более штуками, причем число этих хозяев 7 931, т. е. 4,3% всего числа хозяев. Хороша «децентрализация».

Сводя вышеприведенные мелкие деления датской статистики в три крупные группы, получаем:

	Число хозяйств	%	Голов рог. скота	%	Среднес на 1 хов.
Хозяйства с 1—3 гол. рог. ск.	68 292	37,9	140 730	8,0	2,1
» » 4—9 » »	53 583	29,6	310 254	17,8	5,8
» » 10 и более »	58 766	32,5	1 293 813	74,2	22,0
<i>Всего</i>	180 641	100,0	1 744 797	100,0	9,7

Итак, *три четверти* всего скотоводческого хозяйства Дании сосредоточено в руках 58 766 хозяев, т. е. менее чем *трети* общего числа хозяев. Эта третья часть хозяев и извлекает львиную долю выгод из всего «продвигания» капитализма в сельском хозяйстве Дании. При этом необходимо иметь в виду, что такой высокий процент зажиточных крестьян и богатых капиталистов (32,5%, т. е. почти треть) получается благодаря искусственному приему расчета, удаляющему *всех бескотных хозяев*. На деле этот процент гораздо ниже. Все число сельских хозяев Дании перепись 1895 года определила, как мы видели, в 265 982, а перепись скота 15 июля 1898 года считает общее число хозяев в 278 673. По отношению к этому действительному итогу всего числа сельских хозяев 58 766 зажиточных и богатых составят всего 21,1%, т. е. *всего пятую часть*. Если безземельные «хозяева» составляют 12,4% всего числа сельских хозяев Дании (1895 г.: 32 946 из 265 982), то бескотные*

Земледелие и скотоводство в Дании

Группы хозяйств	Число хозяйств	%	Земля га	%	Лошадей	%
Без земли	13 435	4,8	—	—	1 970	0,5
С неизвестным количеством земли	45 896	16,5	?	?	28 909	6,4
До 2,5 га	80 582	28,9	55 272	1,5	24 540	5,5
2,5 — 10 "	63 420	22,8	323 430	8,9	54 900	12,2
10 — 40 "	45 519	16,3	984 983	27,0	133 793	29,8
40 — 120 "	27 620	9,9	1 692 285	46,4	168 410	37,5
120 и свыше "	2 201	0,8	588 318	16,2	36 807	8,1
Всего	278 673	100,0	3 644 288	100,0	449 329	100,0

Примечание. Данные 1898 года расходятся с данными 1895 года относительно во времени и от несколько различных приемов собирания сведений. По общему, кроме 3 645 750 га распределенной земли, еще 45 860 га нераспределенных своей к низшим группам, о чем свидетельствует количество скота.

* Точнее хозяева без рогатого скота, ибо датская статистика не дает, к сожалению, числа хозяев, не имеющих никакого скота. Мы узнаем из этой стати-

хозяева составляют 35,1% всего числа сельских хозяйств Дании, т. е. более трети (1898 г. — 98 032 из 278 673). Можно судить поэтому, какого сорта «социализм» господ Давидов, не замечающих, что капиталистическое процветание датского сельского хозяйства базируется на массовой пролетаризации сельского населения, на лишении средств производства массы «сельских хозяев».

Перейдем теперь к данным, рисующим в целом и земледельческое и все скотоводческое хозяйство Дании. Перепись 15 июля 1898 года дает подробные сведения о количестве скота в разных группах сельских хозяйств, владеющих тем или иным количеством земли. Число этих групп в датской статистике особенно велико (14 групп: без земли, до $\frac{1}{32}$ гарткорна, $\frac{1}{32}$ — $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{16}$ — $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{2}$ —1, 1—2, 2—4, 4—8, 8—12, 12—20, 20—30, 30 и свыше), и мы сводим данные в шесть принятых уже нами крупных групп.

по переписи 15 июля 1898 года

Коров	%	Всего рогат. скота	%	Овец	%	Свиней	%	Домашней птицы	%
3 707	0,3	4 633	0,3	8 943	0,8	8 865	0,8	220 147	2,5
28 072	2,6	42 150	2,4	42 987	4,0	42 699	3,7	780 585	8,9
66 171	6,2	88 720	5,1	99 705	9,3	94 656	8,1	1 649 452	18,8
175 182	16,4	247 618	14,2	187 460	17,5	191 291	16,4	1 871 242	21,4
303 244	28,5	515 832	29,6	383 950	35,7	308 863	26,4	1 957 726	22,3
361 669	33,9	639 563	36,6	310 686	28,9	409 294	35,0	1 998 595	22,8
129 220	12,1	206 281	11,8	40 682	3,8	112 825	9,6	289 155	3,3
1 067 265	100,0	1 744 797	100,0	1 074 413	100,0	1 168 493	100,0	8 766 902	100,0

распределения хозяйств по количеству земли. Это может зависеть и от изменений соотношения между группами остаются те же самые. Перепись 1895 года сч. Группа хозяйств «с неизвестным количеством земли» (1898 г.) относится в массе

стии только число владельцев каждого отдельного вида скота. Но рогатый скот является, несомненно, главной основой всего скотоводческого хозяйства Дании.

Из этих данных мы видим прежде всего, как велика концентрация *всего* скотоводства в Дании. Крупные капиталистические хозяйства, имеющие свыше 40 га земли, составляют всего *десятую* долю общего числа хозяйств (10,7%), концентрируя в то же время *свыше трех пятых* всей земли (62,6%) и *почти половину* всего скота: 45,6% всего числа лошадей, 48,4% всего количества рогатого скота, 32,7% всего числа овец, 44,6% всего числа свиней.

Если прибавить к этим капиталистическим хозяйствам зажиточное крестьянство, т. е. владельцев 10—40 гектаров земли, то получим немного более четверти общего числа хозяйств (27,0%), сосредоточивающих девять десятых всей земли, три четверти всего числа лошадей, четыре пятых всей суммы рогатого скота, семь десятых всего числа свиней, почти половину всего количества домашних птиц. Громадная масса «сельских хозяйств», почти три четверти (73%), владеет менее чем по 10 гектаров земли, составляет в общем и целом пролетаризированную и полупролетаризированную массу, играет ничтожную роль в общей сумме земледельческого и скотоводческого хозяйства всей страны.

Затем, что касается распределения разных видов скота, то в этом отношении особенно заслуживают внимания овцеводство и свиноводство. Первое принадлежит к падающим отраслям скотоводства, невыгодным в данное время для большинства европейских стран вследствие рыночных условий, конкуренции заокеанских стран. Условия международного рынка требуют замены овцеводства другими видами скотоводства. Наоборот, разведение свиней принадлежит к особенно выгодным и быстро развивающимся отраслям мясного скотоводства в Европе. Статистика показывает нам, что и в Дании овцеводство падает, разведение свиней особенно быстро увеличивается. С 1861 по 1898 год число овец в Дании уменьшилось с 1,7 миллиона штук до 1,1 миллиона. Число голов рогатого скота возросло с 1,1 миллиона до 1,7 млн. Число свиней возросло с 0,3 млн. до 1,2 млн., т. е. увеличилось почти в четыре раза.

И вот, сравнивая распределение овец и свиней в мелких и крупных хозяйствах, мы ясно видим наибольшую рутинность первого, наименьшую приспособляемость его к требованиям рынка, медленность переустройства хозяйства соответственно новым условиям. Крупные капиталистические хозяйства (40—120 га, 120 и более га) сократили

невыгодное овцеводство всего значительнее (28,9% и 3,8% овец против 33—37% и 8—12% других видов скота). Мелкие хозяйства менее приспособились: они держат все еще больше овец; напр., хозяйства до 2,5 га имеют 9,3% всего числа овец против 6—5% других видов скота. Свиной у них 8,1% — меньшая доля, чем овец. У капиталистов — 35% и 9,6%, т. е. большая доля, чем овец. Капиталистическое земледелие гораздо лучше может приспособиться к требованиям международного рынка. Про крестьянина же и теперь приходится сказать словами Маркса: крестьянин становится купцом и промышленником без тех условий, при которых можно стать настоящим купцом и промышленником⁷². Рынок *требует* от всякого хозяина, как безусловной необходимости, подчинения новым условиям и быстрого приспособления к ним. Но без *капитала* это быстрое приспособление невозможно. Мелкое хозяйство неизбежно осуждено, таким образом, при капитализме на наибольшую рутинность, отсталость, наименьшую приспособленность к рынку.

Чтобы конкретнее представить себе настоящий хозяйственный облик этой нуждающейся массы и небольшого состоятельного меньшинства, приведем данные о среднем количестве земли и скота в хозяйствах разных групп. Для буржуазной политической экономии (и для господ ревизионистов) естественно затушевывать капиталистические противоречия; социалистическая политическая экономия должна выяснять различие *типов* хозяйства и уровня жизни у процветающих капиталистических и у нуждающихся мелких хозяев.

Группы хозяйств	Приходится на 1 хозяйство в среднем						Домашней птицы
	Земли га	Лошадей	Коров	Всего рогатого скота	Овец	Свиной	
Вся земли	—	0,1	0,3	0,3	0,7	0,7	16,4
С неизвестным количеством земли	?	0,6	0,6	0,9	0,9	0,9	17,0
До 2,5 га	0,6	0,3	0,8	1,1	1,2	1,2	20,4
» 2,5 — 10 »	5,1	0,9	2,7	3,9	2,9	3,0	29,5
» 10 — 40 »	21,6	2,9	6,6	11,3	8,4	6,8	43,0
» 40 — 120 »	61,3	6,1	13,8	23,1	11,2	14,9	72,4
120 и больше »	267,3	16,7	58,7	93,7	18,5	51,2	131,3
В среднем	13,1	1,6	3,8	6,3	3,9	4,2	31,5

Эти данные с очевидностью показывают, что все три низшие группы, составляющие половину всего числа хозяйств — *беднота*. Преобладают безлошадные и бескоровные «хозяева». Только в группе с землей до 2,5 га приходится по одной *целой* штуке рогатого скота, овец и свиней. Ясно, что об извлечении выгод из молочного и мясного скотоводства у этой *половины* всего числа хозяйств не может быть и речи. Процветание датского сельского хозяйства означает для этой половины зависимость от крупных хозяев, необходимость искать «побочных заработков», т. е. так или иначе продавать свою рабочую силу, вечную нужду и полуразоренное хозяйство.

Разумеется, этот вывод правилен только относительно всей *массы* этих беднейших хозяйств. Мы уже указывали по данным германской, французской, русской сельскохозяйственной статистики, что и среди мелких по количеству земли хозяйств есть крупные скотовладельцы, табакководы и т. п. Дифференциация идет глубже, чем мы можем представить по данным датской статистики. Но эта дифференциация, выделяя в каждой группе ничтожное меньшинство хозяйств со специальными культурами, только *усиливает* нищету и нужду *большинства* хозяев в беднейших группах.

Далее, из приведенных данных видно также, что и группа мелких крестьян, имеющих от 2½ до 10 гектаров, не может считаться сколько-нибудь обеспеченной и прочно в экономическом отношении обставленной. Напомним, что в этой группе — 63 тыс. хозяйств, т. е. 22,8% общего числа. И в этой группе приходится в среднем на хозяйство 0,9 лошади. Безлошадные, вероятно, употребляют для упряжки коров, ухудшая этим условия и земледельческого хозяйства (менее глубокая вспашка), и скотоводческого (ослабление рогатого скота). Коров приходится в среднем на хозяйство 2,7. Если же сокращать потребление молочных и мясных продуктов в собственной семье, а такое сокращение есть уже прямой признак самой горькой нужды, то от такого количества коров можно сбывать на продажу только самые незначительные суммы продуктов. Участие подобных хозяйств, с 2,7 коровами и 3,0 свиньями в среднем на двор, в «процветании» «национального» сбыта молока и мяса в Англию *не может не быть* самым ничтожным. Торговое земледелие и скотоводство, при таких размерах хозяйства, означают частью отчуждение

необходимого для семьи, ухудшение питания, обострение нужды, частью отчуждение по мелочам, т. е. при самых невыгодных условиях, и невозможность иметь денежный фонд на случай неизбежных экстренных расходов. А натуральное хозяйство мелкого крестьянина, в обстановке современных капиталистических стран, может только прозябать и умирать мучительной смертью, никак уже не процветать. Весь «фокус» буржуазной и ревизионистской политической экономии состоит в том, что не исследуются особо условия именно такого типа мелких хозяйств, стоящих ниже «среднего» (у «среднего» датского хозяина — 1,6 лошади и 3,8 коровы) и составляющих *огромное большинство* всего числа хозяев. Не только не исследуется особо этот тип хозяйства, а затушевывается посредством ссылок исключительно на «средние» данные, на общий рост «производства» и «сбыта», с умалчиванием о том, что выгодно сбывать *могут* только зажиточные хозяйства, составляющие небольшое меньшинство.

Только у хозяев с 10—40 га мы видим такие количества скота, которые означают *возможность* «процветания». Но таких хозяйств всего 16 % общего числа. И обходятся ли они вполне без наемного труда, имея в среднем по 21,6 гектаров земли, это еще вопрос. При высокой интенсивности земледелия в Дании, предприятие подобных размеров, вероятно, невозможно без участия батраков или поденщиков. К сожалению, и датская статистика, и большинство пишущих о датском земледелии писателей стоят всецело на буржуазной точке зрения, не исследуя вопроса о наемном труде, о размерах хозяйства, требующих его применения и т. д. Из переписи занятий в Дании 1901 г. мы узнаем только, что в группе «поденщиков» и проч. числится 60 тысяч мужчин и 56 тыс. женщин, т. е. 116 тыс. из 972 тыс. распределенных по положению в производстве сельских жителей. Заняты ли эти десятки тысяч паемных рабочих (а кроме них работают по найму в виде «подсобной работы» и мелкие крестьяне) исключительно 30-ю тысячами капиталистических крупных хозяев (27 620 от 40 до 120 га и 2 201 свыше 120 га), или также отчасти зажиточным крестьянством, владеющим от 10 до 40 гектаров, — об этом мы не имеем сведений.

О двух высших группах, о верхних «30-ти тысячах» датского сельского хозяйства, не приходится много

говорить: капиталистический характер их земледелия и скотоводства обрисован вначале наглядно приведенными цифрами.

Наконец, последние, представляющие общий интерес, данные, которые затронуты и частью разработаны в датской сельскохозяйственной статистике, относятся к вопросу о том, происходит ли децентрализация или концентрация скотоводства по мере развития этой главной основы «процветания» нашей «идеальной страны». Цитированная уже нами статистика 1898 года дает чрезвычайно интересные данные сравнительно с 1893 годом, а для одного вида скота, правда, самого главного, именно всего рогатого скота, мы можем также произвести сравнение данных 1876 и 1898 годов.

В период времени с 1893 по 1898 год всего сильнее прогрессировало в Дании из всех отраслей скотоводства свиноводство. Количество свиней возросло за это время с 829 тыс. до 1 168 тыс., т. е. на 40 проц., тогда как число лошадей увеличилось всего с 410 тыс. до 449 тыс., число голов рогатого скота с 1 696 тыс. до 1 744 тыс., а число овец даже уменьшилось. Кто же воспользовался главным образом этим колоссальным прогрессом датских, объединенных в бесчисленные товарищества, хозяйств? Составители статистики 1898 года дают ответ на это, сравнивая данные 1893 и 1898 годов. Все владельцы свиней делятся на четыре группы: крупные владения с 50 и более штук; средне-крупные с 15—49; средне-мелкие с 4—14 шт. и мелкие с 1—3 штуками. По этим четырем группам составители статистики дают такие сведения:

Группы хозяйств	1893		1898		Увеличение в % или уменьшение числа		Процентное распределение числа свиней	
	Число		Число					
	Хозяйств	Свиней	Хозяйств	Свиней	Хоз.	Свин.	1893	1898
С 50 и более шт.	844	79 230	1 487	135 999	76,2	71,7	9,6	11,8
» 15 — 49 »	20 602	350 277	30 852	554 979	48,2	58,4	42,3	47,5
» 4 — 14 »	38 357	211 868	50 668	282 642	32,1	33,4	25,5	24,2
» 1 — 3 »	108 820	187 756	108 544	194 873	0,3	3,8	22,6	16,7
<i>Всего</i>	168 623	829 131	191 551	1 168 493	13,6	40,9	100,0	100,0

Эти данные ясно показывают нам, что происходит быстрая *концентрация* скотоводства. Чем крупнее хозяйства, тем больше выиграли они от «прогресса» скотоводства. Крупные хозяйства увеличили количество скота на 71,7 проц., средне-крупные на 58,4 проц., средне-мелкие на 33,4 проц., а мелкие всего на 3,8 проц. Увеличение богатства приходится главным образом на небольшое меньшинство «верхов». Весь прирост числа свиней за пять лет составляет 339 тыс.; из них 261 тыс., т. е. *более трех четвертей*, приходится на крупные и средне-крупные хозяйства, числом 32 тысячи (из всего числа 266—277 тысяч хозяйств!). Мелкое производство в скотоводстве данного вида *вытесняется* крупным: за пять лет *возросла* доля крупного хозяйства (с 9,6 проц. до 11,6 проц.) и средне-крупного (с 42,3 проц. до 47,5 проц.), *уменьшилась* доля средне-мелкого (с 25,5 проц. до 24,2 проц.) и еще более мелкого (с 22,6 проц. до 16,7 проц.).

Если бы вместо грубой статистики *площадей* можно было получить статистику земледельческого хозяйства, так же точно выражающую размеры самого производства, как число голов скота выражает* размеры скотоводческого хозяйства, то нет сомнения, что мы и здесь увидали бы процесс *концентрации*, отрицаемый буржуазными профессорами и оппортунистами.

Еще интереснее соответственные данные относительно всего количества рогатого скота, причем сравнение 1893 и 1898 годов, производимое составителями статистики 1898 года, мы можем дополнить сравнением с данными переписи 17 июля 1876 г. («Danmarks Statistik. Statistik Tabelvaerk», 4-de Raekke, Itra C. Nr. 1. Kreaturholdet d. 17 juli 1876. Kobenhavn, 1878**). Вот соответствующие данные за эти три года.

* Мы понавали выше, по данным Дренслера, что в крупных хозяйствах снот крупнее. Значит, и здесь валовая статистика преуменьшает *концентрацию*.

** «Статистика Дании. Статистические таблицы». 4 серия, литера С, № 1. Животноводство на 17 июля 1876 г. Копенгаген, 1878. Ред.

Группы хозяйств	1876		1893		1898		Увеличение в % или уменьшение				Процентное распределение числа голов рогатого скота		
	Число		Число		Число		С 1876 по 1893 г.		С 1893 по 1898 г.				
							Числа		Числа				
	Хозяйств	Голов рогатого скота	Хозяйств	Голов рогатого скота	Хозяйств	Голов рогатого скота	Хозяйств	Голов рогатого скота	Хозяйств	Голов рогатого скота	1876	1893	1898
С 50 и более шт.	1 634	156 728	2 209	221 667	2 281	232 933	35,2	41,4	3,3	5,1	11,8	13,0	13,4
» 15 — 49 »	24 096	514 678	35 200	793 474	36 110	818 190	46,1	54,1	2,6	3,1	39,0	46,8	46,8
» 4 — 14 »	64 110	504 193	72 173	539 301	73 958	552 944	12,5	6,9	2,5	2,5	38,2	31,8	31,7
» 1 — 3 »	78 156	144 930	70 218	141 748	68 292	140 730	10,2	2,2	2,7	0,7	11,0	8,4	8,1
<i>Всего</i>	167 996	1 320 529	179 800	1 696 190	180 641	1 744 797	7,0	28,4	0,5	2,9	100,0	100,0	100,0

Эти данные на протяжении более обширного периода времени и по отношению к более важному виду скота показывают нам столь же наглядно, как и вышеприведенные, процесс *капиталистической концентрации*. Рост скотоводческого хозяйства Дании, рост скотоводства есть прогресс *почти исключительно* крупного капиталистического хозяйства. Весь прирост скота с 1876 по 1898 год составляет 424 тыс. голов. Из этого прироста 76 тысяч приходится на хозяйства с 50 и более шт., и 303 тысячи на хозяйства с 15—49 шт., т. е. всего на эти верхние 38 тысяч хозяйств приходится 379 тыс. прироста, *почти $\frac{9}{10}$ всего прироста*. Более рельефной картины капиталистической концентрации нельзя себе и представить.

Все число владеющих рогатым скотом хозяйств увеличилось с 1876 по 1898 год на 12 645 хозяйств (180 641—167 996), т. е. на 7,5%. Все же население Дании возросло с 1880 по 1901 год (т. е. за несколько меньший даже период времени) с 1 969 039 до 2 449 540 чел.*, т. е. на 24,4%. Ясно, что относительное количество «имущих», т. е. владеющих скотом, *сократилось*. *Меньшая* доля населения принадлежит к числу собственников. Число самых мелких владельцев (1—3 штуки) все время абсолютно уменьшается. Число средне-мелких (4—14 штуки) в высшей степени медленно возрастает (+12,5% с 1876 по 1893 год, +2,5% с 1893 по 1898 год), отставая от роста населения. Действительный и быстрый рост наблюдается только в крупном капиталистическом скотоводстве, причем с 1876 по 1893 год средне-крупные хозяйства возрастают быстрее крупных, а с 1893 по 1898 год самые крупные хозяйства возрастают всего быстрее.

Если мы возьмем, по данным 1876 и 1898 годов крупнейший разряд хозяйств, владельцев 200 и более штук рогатого скота, то увидим, что в 1876 г. их было 79 (0,05% всего числа скотовладельцев) с 18 970 головами рогатого скота (1,4% всего количества рогатого скота), а в 1898 г. — более чем вдвое больше — 195 (0,1% итога) с 52 385 шт. рогатого скота (3,0% всей суммы). Самые крупные хозяева более чем удвоились в числе и почти утроили свое производство.

* Процент городского населения был в 1880 г. — 28%, в 1901 г. — 38%.

Вытеснение мелкого производства крупным с 1876 по 1898 год идет непрерывно. Доля мелкого хозяйства в общей сумме уменьшается непрерывно: с 11,0% в 1876 г. до 8,4% в 1893 г. и до 8,1% в 1898 г. Доля среднего хозяйства также непрерывно уменьшается, хотя несколько более медленно (38,2%—31,8%—31,7%). Средне-крупное хозяйство увеличило свою долю с 1876 по 1893 год с 39,0% до 46,8%, а с 1893 по 1898 год осталось на том же уровне. Только самое крупное хозяйство возрастало непрерывно, оттесняя все остальные разряды (11,8%—13,0%—13,4%).

Чем благоприятнее складываются условия для скотоводческого хозяйства, тем быстрее развитие торгового скотоводства и прогресс его, тем сильнее также процесс капиталистической концентрации. Например, в округе Копенгагена, насчитывавшего 234 тыс. жителей в 1880 г. и 378 тыс. в 1901 г., сбыт для молочных и мясных продуктов был, разумеется, самый обеспеченный. Сельские хозяева этого округа были богаче рогатым скотом, чем остальные хозяева Дании, и в 1876 и 1898 году, имея в среднем по 8,5 голов и по 11,6 голов против 7,9 и 9,7 для всей страны. И в этом округе, с наиболее благоприятными условиями для развития скотоводства, мы видим наиболее сильный процесс концентрации.

Вот данные за 1876 и 1898 годы об этом округе по приятным выше группам:

	1876		1898	
	Число		Число	
	Хозяйств	Голов рог. скота	Хозяйств	Голов рог. скота
С 50 и более шт.	44	4 488	86	9 059
» 15 — 49 шт.	1 045	22 119	1 545	35 579
» 4 — 14 »	2 011	16 896	1 900	14 559
» 1 — 3 »	2 514	4 468	1 890	3 767
<i>Всего</i>	5 614	47 971	5 421	62 964

Здесь уменьшилось даже абсолютное число собственников за 22 года! Богатство скотом сосредоточилось у мень-

шего количества хозяев. И мелкие и средние хозяева оказались через 22 года в *меньшем* числе и с *меньшим* количеством скота. Средне-крупные увеличили свое владение в полтора раза (22 тыс. и 35 тыс.). Крупные — *более чем вдвое*. Крупнейших хозяев с 200 и более штук рогатого скота в 1876 году было *двое* с 437 шт. рогатого скота, а в 1898 году — 10 с 2 896 шт. рогатого скота.

Хлопоты всяческих Пудоров, Давидов и прочих, вольных и невольных, слуг капитала об улучшении условий сбыта, о развитии союзного объединения хозяев и о техническом прогрессе скотоводства и земледелия могут иметь только одно значение: приближать во всей стране и во всех отраслях сельского хозяйства наступление таких же порядков, как и в округе Копенгагена, т. е. особенно быструю концентрацию производства в руках капиталистов и экспроприацию, пролетаризацию населения, уменьшение доли собственников в общей сумме населения, увеличение доли тех, кого капитализм выталкивает из деревни в город и т. д.

Итог: «идеальная страна» с точки зрения противников марксизма в аграрном вопросе показывает нам (несмотря на низкий еще уровень и неразработанность социально-экономической статистики) с полнейшей ясностью капиталистический аграрный строй, резко выраженные капиталистические противоречия в земледелии и скотоводстве, растущую концентрацию сельскохозяйственного производства, вытеснение мелкого производства крупным, пролетаризацию и нужду громадного большинства сельского населения.

**АГРАРНАЯ ПРОГРАММА
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ
В ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
1905—1907 ГОДОВ⁷³**

Написано в ноябре — декабре 1907 г.

*Впервые напечатано в 1908 г.
(конфисковано); в 1917 г. напечатано
отдельной книгой в издании
«Жизнь и Знание»*

*Печатается по рукописи,
сверенной с текстом издания 1917 г.*

Два года революции, с осени 1905 г. до осени 1907 года, дали громадный исторический опыт относительно крестьянского движения в России, характера и значения крестьянской борьбы за землю. Десятилетия так называемой «мирной» эволюции (т. е. такой, когда миллионы людей мирно позволяют себя стричь верхним десяти тысячам) никогда не могут дать столь богатого материала для освещения внутреннего механизма нашего общественного строя, какой дали эти два года и в смысле непосредственной борьбы крестьянских масс против помещиков, и в смысле хоть сколько-нибудь свободного выражения крестьянских требований в собраниях народных представителей. Поэтому пересмотр аграрной программы русских с.-д. с точки зрения этого двухлетнего опыта представляется безусловно необходимым, особенно ввиду того, что теперешняя аграрная программа РСДРП принята на Стокгольмском съезде в апреле 1906-го года, т. е. накануне первого открытого выступления представителей крестьянства всей России с крестьянской аграрной программой в противовес программе правительства и программе либеральной буржуазии.

В основу пересмотра с.-д. аграрной программы необходимо положить новейшие данные о землевладении в России, чтобы возможно точнее установить, какова собственно экономическая подкладка всех аграрных программ нашей эпохи, из-за чего собственно идет великая историческая борьба. С этой экономической основой действительной борьбы надо сопоставить идейно-политическое отражение ее в программах, заявлениях, требованиях, теориях

представителей разных классов. Таким и только таким путем должен идти марксист в отличие от мелкобуржуазного социалиста, который исходит из «абстрактной» справедливости, из теории «трудового начала» и т. п., а также в отличие от либерального бюрократа, который прикрывает рассуждениями о практической осуществимости реформы и о «государственной» точке зрения защиту интересов эксплуататоров при всяком преобразовании.

ГЛАВА I

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И СУЩНОСТЬ АГРАРНОГО ПЕРЕВОРОТА В РОССИИ

1. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Изданная центральным статистическим комитетом в 1907 году «Статистика землевладения 1905 года» дает возможность по отношению к 50 губерниям Европейской России точно представить величину крестьянского и помещичьего землевладения. Но сначала приведем общие данные. Все пространство Европейской России (50 губерний) определяется (см. перепись 28 января 1897 г.) в 4 230,5 тыс. квадратных верст, т. е. в 440,8 миллионов десятин. Статистика землевладения 1905-го года учитывает 395,2 млн. дес., распадающиеся на три следующие крупные рубрики:

	Миллионов десятин
А) земли в частной собственности	101,7
Б) наделной земли	138,8
В) земли казенной, церковной и учреждений	154,7
<hr/>	
<i>Всего земли в Европ. России</i>	395,2

Из этой общей цифры надо выкинуть прежде всего казенные земли, лежащие на дальнем севере и состоящие частью из тундр, частью из таких лесов, рассчитывать на сельскохозяйственную утилизацию которых в ближайшем будущем нельзя. Таких земель в «северном районе» (губернии Архангельская, Олонецкая и Вологодская) — 107,9 млн. дес. Разумеется, выкидывая все эти земли,

мы значительно преувеличиваем количество неудобных для земледелия земель. Достаточно указать, что такой осторожный статистик, как г. А. А. Кауфман, считает в Вологодской и Олонецкой губ. 25,7 млн. десятин леса, которые могли бы пойти (как избыток сверх 25% лесистости) в дополнительное наделение крестьянам*. Но, так как мы берем общие данные о количестве земли, не выделяя данных о лесе, то правильнее будет пригодный для сельского хозяйства земельный фонд определить осторожнее. За вычетом 107,9 млн. дес. остается 287,3 млн. дес., и для округления мы возьмем цифру 280 млн. дес., отбрасывая часть городских земель (всего их 2,0 млн. дес.) и часть казенных земель Вятской и Пермской губерний (всего в обеих этих губерниях казенных земель 16,3 млн. дес.).

Получается такое *валовое* распределение пригодного для земледелия количества земли в Европ. России:

А) частновладельческой .	101,7 млн. дес.
Б) наделной	138,8 » »
В) казенной и учреждений	39,5 » »
<hr/>	
<i>Всего в Европ. России</i>	280,0 млн. дес.

Теперь необходимо выделить данные о мелком и крупном (и особенно самом крупном) землевладении, чтобы конкретно представить обстановку крестьянской борьбы за землю в русской революции. Но данные этого рода неполны. Из 138,8 млн. дес. наделной земли распределены по размерам землевладения 136,9 млн. дес. Из 101,7 млн. дес. частновладельческой земли — 85,9 млн. дес.; остальные 15,8 млн. дес. принадлежат «обществам и товариществам». Присматриваясь к составу этих последних земель, мы видим, что 11,3 млн. дес. из них принадлежит крестьянским обществам и товариществам; значит, это — в общем и целом, мелкое землевладение, не распределенное, к сожалению, по размерам. Далее, 3,7 млн. дес. принадлежат «торгово-промышленным, фабричным и пр.» товариществам, числом 1042. Из них 272 товарищества имеют свыше 1000 дес. каждое, а все 272 — 3,6 млн. дес. Это — очевидно, помещичьи латифундии. Главная масса таких земель

* «Аграрный вопрос», изд. Долгорунова и Петрункевича. Том II. Сборник статей. М. 1907. Стр. 305.

сосредоточена в Пермской губернии: здесь *девяти* таким товариществам принадлежит 1448 902 десятины! Известно, что уральские заводы имеют десятки тысяч десятин земли, — прямой пережиток крепостнических, сенъериальных латифундий в буржуазной России.

Мы выделяем, следовательно, 3,6 млн. дес. из земли обществ и товариществ, как самое крупное землевладение. Остальное не распределено, но в общем мелкое.

Из 39,5 млн. дес. казенной и пр. земли поддаются выделению по размерам только удельные земли (5,1 млн. дес.). Это — тоже полусредневековое, крупнейшее землевладение. Получаем такой итог земель, распределенных и нераспределенных по размерам землевладения:

	Земли распределенные по размерам землевладения	Земли нераспределенные
А) частновладельческие	89,5* млн. дес.	12,2 млн. дес.
Б) наделные	136,9 » »	1,9 » »
В) казенные и учреждений	5,1 » »	34,4 » »
<i>Всего</i>	231,5 » »	48,5 » »
<i>Итого</i>	280,0	

Перейдем к распределению наделных земель по размерам землевладения. Сводя данные нашего источника в несколько более крупные группы, получаем:

Группы дворов	Наделная земля		В среднем на 1 двор десятин
	Дворов	Земли дес.	
До 5 дес. включительно	2 857 650	9 030 333	3,1 } 6,5 }
5—8 »	3 317 601	21 706 550	
<i>всего до 8 дес. включительно</i>	<i>6 175 251</i>	<i>30 736 883</i>	<i>4,9</i>
8—15 »	3 932 485	42 182 923	10,7
15—30 »	1 551 904	31 271 922	20,1
свыше 30 »	617 715	32 695 510	52,9
<i>Всего в Европ. России</i>	<i>12 277 355</i>	<i>136 887 238</i>	<i>11,1</i>

* 85,9 млн. дес. частновладельческой земли плюс 3,6 млн. дес. латифундий у фабрично-заводских и торгово-промышленных обществ и товариществ.

Из этих данных видно, что больше половины дворов (6,2 млн. из 12,3) имеет до 8 дес. на двор, т. е. количество земли, в общем и среднем, безусловно недостаточное для содержания семьи. До 15-ти десятин имеет всего 10,1 млн. дворов (у них 72,9 млн. дес.), — т. е. свыше четырех пятых общего числа дворов стоят, при данной высоте крестьянской земледельческой техники, на границе полуголодного существования. Средние и зажиточные — по количеству собственной земли — дворы составляют всего 2,2 млн. из 12,3, причем у них 63,9 млн. дес. из 136,9 млн. дес. Богатыми можно назвать лишь имеющих свыше 30 дес., — таковых всего 0,6 млн. дворов — т. е. двадцатая часть общего числа дворов. Земли у них почти $\frac{1}{4}$ общего количества: 32,7 млн. дес. из 136,9. Чтобы судить о том, из каких рядов крестьян составляется эта богатая землевладением группа дворов, укажем, что на первом месте здесь стоят казаки. В группе имеющих свыше 30 дес. на двор их 266 929 дворов с 14 426 403 дес., т. е. подавляющее большинство всего числа казаков (по Европ. России — 278 650 дворов с 14 689 498 дес. земли, т. е. в среднем по 52,7 дес. на двор).

Чтобы судить о том, как приблизительно распределяются все крестьянские дворы по размерам хозяйства, а не по надельному землевладению, мы имеем относительно всей России только данные о лошадности. По последним военноконским переписям 1888—1891 годов распределение крестьянских дворов в 48 губ. Европ. России таково:

Беднота	{	Белошадных	2 765 970 дворов
		С 1 лошастью	2 885 192 »
Средние дворы	{	» 2 »	2 240 574 »
		» 3 »	1 070 250 »
Зажиточные	{	» 4 и более	1 154 674 »
		<i>Всего</i>	10 116 660 »

В общем и целом это значит: свыше половины бедноты (5,6 млн. из 10,1), около трети средних дворов (3,3 млн. с 2—3 лош.) и немного более десятой части зажиточных (1,1 млн. из 10,1).

Посмотрим теперь на распределение частной личной земельной собственности. Статистика недостаточно ясно выделяет здесь самое мелкое землевладение, но зато дает подробнейшие сведения о крупнейших латифундиях.

Частная личная поземельная собственность
в Европ. России

Группы владений	Владений	Земли дес.	В среднем на 1 вла- дение Десятин
10 дес. и менее	409 864	1 625 226	3,9
10 — 50 дес. включительно	209 119	4 891 031	23,4
50 — 500 » »	106 065	17 326 495	163,3
{ 500 — 2 000 » »	21 748	20 590 708	947
{ 2 000 — 10 000 » »	5 386	20 602 109	3 825
{ свыше 10 000 »	699	20 798 504	29 754
<hr/>			
<i>Всего свыше 500 дес.</i>	27 833	61 991 321	2 227
<hr/>			
<i>Итого в Европ. России</i>	752 881	85 834 073	114

Мы видим здесь, во-первых, громадное преобладание крупного землевладения: 619 тыс. мелких землевладельцев (до 50 дес.) имеют всего $6\frac{1}{2}$ млн. дес. Во-вторых, мы видим необъятно большие латифундии: 699 собственников имеют почти по 30 000 десятин каждый! Двадцать восемь тысяч собственников концентрируют 62 млн. дес., т. е. по 2 227 дес. ва одного. Подавляющее большинство этих латифундий принадлежит дворянам, именно 18 102 владения (из 27 833) и 44 471 994 дес. земли, т. е. свыше 70% всей площади под латифундиями. Средневековое землевладение крепостников помещиков обрисовывается этими данными с полной наглядностью.

2. ИЗ-ЗА ЧЕГО ИДЕТ БОРЬБА?

У десяти миллионов крестьянских дворов 73 млн. дес. земли. У двадцати восьми тысяч благородных и чумых лендлордов — 62 млн. десятин. Таков основной фон того поля, на котором разворачивается крестьянская борьба за землю. На этом основном фоне неизбежна поразительная отсталость техники, заброшенное состояние земледелия, придавленность и забитость крестьянской массы, бесконечно разнообразные формы крепостнической, барщинной эксплуатации. Чтобы не уклониться в сторону от своей темы, мы должны здесь ограничиться самым кратким указанием на эти общеизвестные факты, подробнейшим образом описанные в громадной литературе о крестьянском хозяйстве. Размеры земельных владений, очерченные нами, ни в каком случае не соответствуют размерам

хозяйств. Крупное капиталистическое земледелие стоит в чисто русских губерниях безусловно на заднем плане. Преобладает мелкая культура на крупных латифундиях: различные формы крепостнически-кабальной аренды, отработочного (барщинного) хозяйства, «зимней наемки», кабалы за potravу, кабалы за отрезки и так далее без конца. Задавленная крепостнической эксплуатацией крестьянская масса разоряется и частью сама сдает в аренду свои наделы «исправным» хозяевам. Небольшое меньшинство зажиточных крестьян вырабатывается в крестьянскую буржуазию, арендует землю для капиталистического хозяйства, эксплуатирует сотни тысяч батраков и поденщиков.

Приняв во внимание эти, вполне установленные русской экономической наукой, факты, мы должны в вопросе о современной крестьянской борьбе за землю различать *четыре основные группы* земельных владений. 1) Масса крестьянских хозяйств, придавленных крепостническими латифундиями и непосредственно заинтересованных в их экспроприации, непосредственно и всего более выигрывающих от такой экспроприации. 2) Небольшое меньшинство среднего крестьянства, обладающего уже теперь приблизительно средним, допускающим сносное хозяйничанье, количеством земли. 3) Небольшое меньшинство зажиточного крестьянства, превращающегося в крестьянскую буржуазию и рядом постепенных переходов связанного с капиталистически хозяйничающим землевладением. 4) Крепостнические латифундии, далеко превышающие своими размерами капиталистические экономии данной эпохи в России и всего более извлекающие доход из кабальной и отработочной эксплуатации крестьянства.

Само собою разумеется, что по данным о землевладении эти основные группы можно выделить лишь очень приблизительно, примерно, схематически. Но мы во всяком случае обязаны выделить эти группы, ибо иначе нельзя дать цельной картины борьбы за землю в русской революции. И заранее можно сказать с полной уверенностью, что частичные исправления цифр, частичные передвижения пределов той или иной группы *не могут* изменять сколько-нибудь существенно общей картины. Важны не эти частичные исправления, важно то, чтобы было ясно сопоставлено мелкое землевладение, добывающееся земли,

и крепостнические латифундии, монополизирующие массу земли. Основная фальшь и правительственной (стольпинской) и либеральной (кадетской) экономии состоит в скрывании или затушевывании этого ясного сопоставления.

Предположим следующие размеры землевладения для указанных четырех групп: 1) до 15 дес.; 2) 15—20 дес.; 3) 20—500 дес. и 4) свыше 500 дес. на владение. Чтобы представить борьбу за землю, как нечто цельное, мы, разумеется, должны соединить вместе в каждой из этих групп надельное и частное землевладение. Последнее в нашем источнике разделено на группы: до 10 дес. и от 10 до 20, так что выделить группу до 15 дес. приходится приблизительно. Неточность, которая может получиться от этого приблизительного расчета и от производимого нами округления цифр, совершенно ничтожна (читатель сейчас убедится в этом) и не в состоянии изменить выводы.

Вот современное распределение земли в Европ. России по взятым нами группам:

	Число владений	Число десяти земли	Среднее на 1 владение десяти
	(в миллионах)		
а) Разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией	10,5	75,0	7,0
б) Среднее крестьянство	1,0	15,0	15,0
в) Крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение	1,5	70,0	46,7
г) Крепостнические латифундии	0,03	70,0	2 333,0
<i>Всего</i>	13,03	230,0	17,6
Не распределено по владениям	—	50	—
<i>Всего *</i>	13,03	280,0	21,4

* Цифры этой таблицы, как уже сказано, округлены. Вот точные цифры. Надельная земля: а) 10,1 млн. владений и 72,9 млн. дес.; б) 874 тыс. владений и 15,0 млн. дес. Частное землевладение до 10 дес. — 410 тыс. влад. и 1,6 млн. дес.; 10—20 дес. — 106 тыс. влад. и 1,6 млн. десяти. Сумма а + б обоих видов: 11,5 млн. влад. и 91,2 млн. десяти. Для группы в) точная цифра: 1,5 млн. влад. и 69,5 млн. дес. земли. Для группы г) — 27 833 владения и 61,99 млн. дес. земли. К последним добавлено, как указано выше, 5,1 млн. дес. удельной земли и 3,6 млн. дес. у крупнейших фабрично-заводских и торгово-промышленных товариществ. Точная цифра нераспределенных по владениям земель приведена выше — 48,5 млн. десяти. Читатель может видеть отсюда, что все наши округления и приблизительные расчеты касаются совершенно ничтожных численных именованных и не могут и на волос поколебать выводов.

Таковы отношения, порождающие крестьянскую борьбу за землю. Таков *исходный* пункт борьбы крестьян (7—15 дес. на двор плюс кабальная аренда и т. д.) против крупнейших помещиков (2 333 дес. на экономию). Какова объективная тенденция *конечного* пункта этой борьбы? Очевидно, что эта тенденция состоит в уничтожении крупно-помещичьего крепостнического землевладения, в переходе его (на тех или иных началах) к крестьянам. Эта объективная тенденция совершенно неизбежно вытекает из факта преобладания мелкой *культуры*, закабаляемой крепостническими латифундиями. Чтобы выразить эту тенденцию в такой же наглядной схеме, которую мы привели для изображения исходного пункта борьбы, т. е. теперешнего положения вещей, следует взять *лучший мыслимый* случай, т. е. все земли крепостнических латифундий и все нераспределенные по владениям земли предположить перешедшими в руки разоренного крестьянства. Это — тот лучший случай, который более или менее отчетливо рисуется *всем* участникам современной аграрной борьбы: и правительство говорит о «наделении» «нуждающихся», и либеральный чиновник (кадет тож) говорит о дополнительном наделении малоземельных, и трудовик-крестьянин толкует об увеличении землевладения до «потребительной» или «трудовой» нормы, и социал-демократ, расходясь в вопросе о формах землепользования, принимает в общем народнические предположения о наделении беднейших крестьян (Церетели во II Думе в 47-м засед., 26 мая 1907 г., принял цифры народника Караваева о 57 млн. отчуждаемых земель за 6½ миллиардов, из них на долю беднейших, имеющих до 5 дес., 2½ миллиарда, см. стр. 1 221 стеногр. отчета). Одним словом, как бы различно ни смотрели помещики, чиновники, буржуазия, крестьянство и пролетариат на задачи и условия преобразования, все намечают ту же тенденцию: переход крупно-помещичьих земель наиболее нуждающемуся крестьянству. О том, каковы коренные различия между классами во взглядах на размеры и условия такого перехода, мы будем говорить в своем месте особо. Теперь же дополним нашу схему исходного пункта борьбы такой же схемой возможного конечного ее пункта. Мы показали выше, что есть *теперь*. Покажем, что может быть *тогда*. Предположим, что 0,03 млн. помещиков сохраняют по 100 дес., т. е.

3 млн. дес., остальные 67 млн. и 50 млн. нераспределенных земель переходят к 10,5 млн. дворов бедноты. Получаем:

	Теперь			Тогда		
	Владе- ний (в млн. десятин)	Десятин земли (десятин)	Среднее на 1 вла- дение десятин	Владе- ний (в млн. десятин)	Десятин земли (десятин)	Среднее на 1 вла- дение десятин
а) Мелкое раз- решенное крестья- нство	10,5	75	7,0	—	—	—
б) Среднее крестья- нство	1,0	15	15,0	11,5	207	18,0
в) Богатое крестья- нство и бур- жуазия	1,5	70	46,7	1,53	73	47,7
г) Крепостники- помещики	0,03	70	2 333,0	—	—	—
<i>Всего</i>	13,03	230	17,6	13,03	280	21,4
Нераспределенные земли	—	50	—	—	—	—
<i>Всего</i>	13,03	280	21,4	—	—	—

Такова экономическая основа борьбы за землю в русской революции. Таков исходный пункт этой борьбы и ее тенденция, т. е. ее конечный пункт, ее результат в лучшем, с точки зрения борющихся, случае.

Прежде чем переходить к рассмотрению этой экономической основы и ее идейного (и идейно-политического) облачения, остановимся еще на возможных недоразумениях и возражениях.

Первое. Могут сказать, что в моей картине предположен *раздел* земель, тогда как вопроса о муниципализации, разделе, национализации, социализации я еще не рассматривал.

Это было бы недоразумением. В моей картине *условия* землевладения совершенно оставлены в стороне, *условия* перехода земли к крестьянам совершенно не затронуты (в собственность ли, в пользование ли того или иного типа). У меня взят только *переход земли вообще* к мелкому крестьянству, — а в такой тенденции нашей аграрной борьбы сомневаться непозволительно. Борется мелкое крестьянство, борется за переход земли *к нему*. Борется мелкая (буржуазная) культура против крупного (крепост-

нического) землевладения*. Иного результата переворота в лучшем случае, чем нарисованного у меня, быть не может.

Второе. Могут сказать, что я не имел права предположить переход всех конфискованных земель (или экспроприированных, ибо пока еще нет речи в моем изложении об условиях экспроприации) к наиболее малоземельному крестьянству. Могут сказать, что земли *должны* перейти в силу экономической необходимости к более богатым крестьянам. — Но такое возражение было бы недоразумением. Чтобы доказать буржуазный характер переворота, я должен взять *лучший* случай с точки зрения народничества, я должен *допустить* достижение той цели, которую ставят себе борющиеся. Я должен взять момент, наиболее близкий к так называемому «черному переделу», а не дальнейшие последствия аграрного переворота. Если масса победит в борьбе, то себе же она и возьмет плоды победы. Иной вопрос, кому эти плоды достанутся впоследствии.

Третье. Могут сказать, что необыкновенно благоприятный результат для бедного крестьянства (превращение всей массы его в средних крестьян с землей до 18 дес. на двор) получился у меня вследствие *преувеличения* свободного земельного фонда. Могут сказать, что надо было вычесть *леса*, которые не могут-де идти в надел крестьянам. — Такие возражения возможны и даже неизбежны со стороны экономистов правительственного и кадетского лагеря, но они неверны. Во-первых, надо быть чиновником, который всю жизнь гнет спину перед крепостником-помещиком, чтобы воображать, будто крестьянин не сумеет правильно хозяйничать с лесами и извлекать из них доход в *свою* пользу, а не в пользу помещиков. Точка зрения полицейского чиновника и русского либерала: как обеспечить мужика наделом? Точка зрения сознательного рабочего: как освободить мужика от крепостнического крупного землевладения? как разбить крепостнические латифундии? Во-вторых, я исключил *весь* северный район (Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии), а также часть губерний Вятской и Пермской, т. е. такие местности, в которых

* То, что сказано мною в скобках, не сознается или отрицается мелкобуржуазной идеологией народничества. Об этом речь будет после.

трудно представить себе в ближайшем будущем сельскохозяйственную эксплуатацию покрытых лесом площадей. В-третьих, особый учет лесных площадей, необыкновенно усложнив расчет, мало изменил бы результаты. Напр., г. Кауфман, кадет — следовательно, достаточно *осторожно* относящийся к помещичьим землям — считает, что избыток сверх 25% лесистости может идти на покрытие недостатка в земле, и таким образом получает фонд в 101,7 млн. дес. по 44 губерниям. У меня по 47 губерниям фонд определен приблизительно в 101 млн. дес., именно 67 млн. дес. из 70 млн. крепостнических латифундий и 34 млн. дес. земли казенной и разных учреждений. Если предположить экспроприацию всех земель свыше 100 десятин, то этот фонд увеличится еще на 9—10 миллионов десятин*.

3. ЗАТУШЕВЫВАНИЕ СУЩНОСТИ БОРЬБЫ КАДЕТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

Приведенные данные о роли крупнейших помещичьих хозяйств в борьбе за землю в России должны быть дополнены в одном отношении. Характерным признаком аграрных программ нашей буржуазии и мелкой буржуазии является засорение соображениями о «нормах» вопроса о том, *какой класс является самым могучим противником крестьянства, какие владения составляют главную массу подлежащего экспроприации фонда.* Говорят (и кадеты и трудовики) преимущественно о том, сколько земли требуется для крестьян по той или иной «норме», — вместо того, чтобы говорить о гораздо более конкретном и живом деле: сколько *есть* земель, которые *могут быть* экспропрированы. Первая постановка вопроса затушевывает классовую борьбу, вслоняет *суть* дела пустой претен-

* Предел отчуждения — 500 дес. — взял у меня в теисте чисто предположительно. Если мы возьмем этот предел в 100 дес. — тоже чисто предположительно, то картина переворота будет такова:

теперь				тогда			
а) 10,5 млн. хозяйств	75 млн. дес.	з) —	—	б) 11,5	217 млн. дес. по 18,8 дес. на двор	в) 1,53	63
б) 1,0	15	г) —	—	—	—	—	—
в) 1,4	50						
г) 0,13	90						
13,03	230			13,03	280		21,4
	+ 50						

Основные выводы о характере и сущности переворота одинаковы в обоих случаях.

зией на «государственную» точку зрения. Вторая постановка весь центр тяжести вопроса переносит на классовую борьбу, на классовые интересы определенного землевладельческого слоя, всего более представляющего крепостнические тенденции.

Мы в другом месте остановимся еще на этом вопросе о «нормах». Здесь же отметим одно «счастливое» исключение из трудовиков и одного типично-кадетского писателя.

Во второй Думе народный социалист Деларов затронул вопрос о том, какой процент владельцев затронут будет отчуждением (47 засед., 26 мая 1907 г.). Оратор говорил именно об *отчуждении* (принудительном), не ставя вопроса о конфискации, и принял, повидимому, *ту самую норму* отчуждения, которую я предположительно взял в своей таблице, именно: 500 дес. К сожалению, в стенографических отчетах II Думы соответственное место речи Деларова (стр. 1217) искажено, — или сам г. Деларов сделал ошибку. В отчете значится, что принудительное отчуждение затронет 32% частных владений и 96% всей их земельной площади, — у остальных же, дескать, 68% владельцев — только 4% земли частной собственности. На деле вместо 32% должно быть 3,7%, ибо 27 833 владельца из 752 881 составляют 3,7%, а земли у них 62 млн. из 85,8 млн., т. е. 72,3%. Остается неизвестным, обмолвился ли г. Деларов или взял неверные цифры. Во всяком случае он один, если мы не ошибаемся, из многочисленных думских ораторов, подошел к вопросу о том, из-за чего идет борьба в самом непосредственном, конкретном смысле.

Кадетский писатель, «труды» которого нельзя не упомянуть при изложении данного вопроса, — г. С. Прокопович. Правда, он, собственно говоря, «беззаглавец», выступающий — подобно большинству писателей буржуазной газеты «Товарищ» — то в качестве кадета, то в качестве меньшевика социал-демократа. Это — типичный представитель той кучки последовательных бернштейнцев в среде русской буржуазной интеллигенции, которая качается между к.-д. и с.-д., не входит (большей частью) ни в какую партию и систематически тянет в либеральной прессе ноту чуточку правее Плеханова. Г-н Прокопович должен быть отмечен здесь, потому что он один из первых привел в печати цифры из статистики землевладения

1905 года, причем встал фактически на почву *кадетской* аграрной реформы. В двух статьях в газете «Говарищ» (1907 г., № 214 от 13 марта и № 238 от 10 апреля) г. Прокопович полемизирует с составителем официальной статистики, генералом Золотаревым, который доказывает, что правительство вполне может без всякого принудительного отчуждения сладить с земельной реформой и что для ведения хозяйства крестьянину вполне достаточно 5 десятин на двор! Г-н Прокопович *либеральнее*: он берет *по 8 дес. на двор*. Он оговаривается и не один раз, что такое обеспечение «совершенно недостаточно», что такой расчет «самый скромный» и т. д., но все же для определения «размеров земельной нужды» (заглавие первой из вышеназванных статей г. Прокоповича) он берет именно эту цифру. Он объясняет, что берет ее, «*чтобы избежать излишних споров*»... должно быть, «*излишних споров*» с гг. Золотаревыми? Исчисляя таким образом число «явно малоземельных» крестьянских дворов в половину общего числа, г. Прокопович правильно рассчитывает, что для донаделения их до 8 дес. требуется 18,6 млн. дес., а так как у правительства есть фонд всего, будто бы, в 9 млн. дес., то — «без принудительного отчуждения не обойдешься».

И своими расчетами и своими рассуждениями г. меньшевистствующий кадет или кадетствующий меньшевик прекрасно выразил дух и смысл либеральной аграрной программы. Вопрос собственно о крепостнических латифундиях и о латифундиях вообще совершенно смазан. Г-н Прокопович привел данные только о всем частном землевладении выше 50 десятин. Таким образом то, из-за чего настоящим образом идет борьба, оказалось ватушеванным. Классовые интересы горстки — буквально горстки лендлордов закрыты флером. Вместо их разоблачения перед нами «государственная точка зрения»: «*не обойдешься*» с казенными землями. Если бы можно было обойтись с ними, то г. Прокопович — так выходит из его рассуждения — ничего не имел бы против крепостнических латифундий...

Размер крестьянского надела (8 дес.) берется голодный. Размер «принудительного отчуждения» у помещиков берется ничтожный (18 — 9 = 9 млн. десятин из 62 млн. свыше 500 дес.!). Чтобы произвести *такое* «принудительное»

отчуждение», надо, чтобы помещики принудили крестьян, — как это было в 1861 году!

Вольно или невольно, сознательно или бессознательно, но г. Прокопович верно выразил помещичью суть кадетской аграрной программы. Кадеты только осторожны и хитры: они предпочитают *вовсе умалчивать* о том, сколько именно земель у помещиков склонны они экспроприровать.

4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ АГРАРНОГО ПЕРЕВОРОТА И ЕГО ИДЕЙНЫЕ ОБЛАЧЕНИЯ

Мы видели, что сущность происходящего переворота сводится к уничтожению крепостнических латифундий и к созданию свободного и (насколько возможно при данных условиях) зажиточного земледельческого крестьянства, способного не прозябать, не маяться на земле, а развивать производительные силы, двигать вперед сельскохозяйственную культуру. Мелкого *хозяйничанья* в земледелии, господства *рынка* над производителем, а следовательно, и господства *товарного производства* этот переворот совершенно не затрагивает и не может затрагивать, ибо борьба за *перераспределение* земли не в состоянии изменить производственные отношения в хозяйстве на этой земле. А мы видели, что особенность данной борьбы — сильное развитие мелкой культуры на землях крепостнических латифундий.

Идеологическим облачением происходящей борьбы являются теории народничества. Открытое выступление крестьянских представителей всей России в I и II Думах с аграрными программами окончательно подтвердило, что народнические теории и программы являются действительно идейным облачением крестьянской борьбы за землю.

Мы показали, что основой, главной составной частью того земельного фонда, из-за которого крестьяне борются, являются крупные крепостнические поместья. Норму экспроприации мы приняли очень высокую — 500 дес. Но легко убедиться, что сделанный нами вывод остается в полной силе и при любом понижении этой нормы, — скажем, до 100 или до 50 десятин. Разделим группу в) — 20—500 дес. на три подразделения: аа) 20—50 дес.; бб) 50—100 и вв) 100—500, и посмотрим, каковы размеры

надельного и частного землевладения по этим подразделениям:

Надельная земля

Подразделения	Число владельцев	Количество земли десяти	Среднее на 1 владение
20 — 50 дес.	1 062 504	30 898 147	29,1
50 — 100 »	191 898	12 259 171	63,9
100 — 500 »	40 658	5 762 276	141,7

Частная земля

Всего в Европ. России

Число владельцев	Количество земли десяти	Среднее на 1 владение десяти	Число владельцев	Количество земли десяти	Среднее на 1 владение десяти
103 237	3 301 004	32,0	1 165 741	34 199 151	29,3
44 877	3 229 858	71,9	236 775	15 489 029	65,4
61 188	14 096 637	230,4	101 846	19 858 913	194,9

Отсюда видно, во-первых, что конфискация земель свыше 100 дес. увеличит земельный фонд, как уже отмечено выше, на 9—10 млн. дес., а конфискация земель свыше 50 десяти, предложенная депутатом I Государственной думы Чижевским, увеличит земельный фонд на 18½ млн. дес. Следовательно, основой земельного фонда и в этом случае останутся крепостнические латифундии. В них «гвоадь» современного аграрного вопроса. Известна также связь этого крупного землевладения с высшей бюрократией: Г. А. Алексинский приводил во II Думе данные г. Рубакина относительно того, как велики имения высших чиновников на Руси. Во-вторых, из этих данных видно, что и за вычетом наделов и имений свыше 100 дес. остаются крупные различия между высшими наделами (и мелкими имениями). Переворот застаёт крестьянство уже дифференцированным и по величине землевладения и, еще более, по величине капитала, количеству скота, количеству и качеству мертвого инвентаря и т. д. Что дифференциация в области вненадельного, так сказать, имущества крестьян гораздо значительнее, чем в области надельного землевладения, это достаточно доказано в нашей экономической литературе.

Какое же значение имеют народнические теории, отражающие более или менее верно взгляды крестьян на их борьбу за землю? Два «принципа» составляют сущность этих народнических теорий: «трудовое начало» и «уравнительность». Мелкобуржуазный характер этих принципов настолько ясен и так часто, так обстоятельно был доказываем в марксистской литературе, что об этом незачем еще говорить здесь. Важно отметить ту черту этих «принципов», которую не оценили до сих пор по достоинству русские с.-д. В туманной форме эти принципы *действительно* выражают нечто реальное и *прогрессивное* в данный исторический момент. Именно: они выражают истребительную борьбу против крепостнических латифундий.

Взгляните на вышеприведенную схему эволюции нашего аграрного строя от теперешнего положения к «конечной цели» современного, буржуазного переворота. Вы увидите ясно, что будущее «тогда» отличается от настоящего «теперь» несравненно большей «уравнительностью» землевладения, несравненно большим соответствием *нового* распределения земли «трудовому началу». И это не случайно. Это не может быть иначе в крестьянской стране, буржуазное развитие которой высвобождает ее из крепостничества. Уничтожение крепостнических латифундий безусловно является в такой стране требованием капиталистического развития. А это уничтожение, при господстве мелкой культуры, неминуемо означает большую «уравнительность» землевладения. Разбивая средневековые латифундии, капитализм *начинает* с более «уравнительного» землевладения, создавая уже *из него* новое крупное земледелие, — создавая его на базисе наемного труда, машин и высокой агрикультурной техники, а не на базисе отработков и кабалы.

Ошибка всех народников состоит в том, что, ограничиваясь узким кругозором мелкого хозяина, они не видят буржуазности тех общественных отношений, в которые вступает крестьянин из оков крепостничества. Они превращают «трудовое начало» *мелкобуржуазного* земледелия и «уравнительность», как лозунг разгрома *крепостнических* латифундий, в нечто абсолютное, самодовлеющее, означающее особый, не буржуазный, строй.

Ошибка некоторых марксистов состоит в том, что, критикуя *теорию* народников, просматривают ее исторически-реальное и исторически-правомерное *содержание* в борьбе с *крепостничеством*. Критикуют и справедливо критикуют «трудовое начало» и «уравнительность», как отсталый, реакционный, мелкобуржуазный *социализм*, и забывают, что эти теории выражают передовой, революционный мелкобуржуазный *демократизм*, что эти теории служат знаменем самой решительной борьбы против старой, крепостнической России. Идея равенства — самая революционная идея в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще — и с старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности. Идея *равенства* законна и прогрессивна у мелкого буржуа-крестьянина, поскольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим. Идея «уравнительности» землевладения законна и прогрессивна, поскольку она выражает стремление 10-ти миллионов сидящих на семидесятинном наделе и разоренных помещиками крестьян к *разделу** крепостнических латифундий по 2300 десятин. А в данный исторический момент идея эта *действительно* выражает такое стремление, она толкает к последовательной *буржуазной* революции, ошибочно облекая это туманной, *квази-социалистической* фразеологией. И плох был бы тот марксист, который, критикуя фальшь социалистического прикрытия буржуазных лозунгов, не сумел бы оценить исторически-прогрессивного значения их, как самых решительных *буржуазных* лозунгов в борьбе *против крепостничества*. Реальное содержание того переворота, который кажется народнику «социализацией», будет состоять из самого последовательного расчищения пути для капитализма, из самого решительного искоренения крепостничества. Та схема, которая приведена мною выше, показывает именно *пути* в устранении крепостничества и *пути* достигаемой при этом «уравнительности». Народник воображает, что эта «уравнительность» устраняет буржуазность, тогда как на деле она *выражает* стремления наиболее радикальной буржуазии. А все, что есть в «уравнитель-

* Речь идет здесь не о разделе в собственность, а о разделе в хозяйственное пользование. Такой раздел возможен — а при господстве мелкой культуры неизбежен на известное время — и при муниципализации и при национализации.

ности» сверх сего, есть идеологический *дым*, иллюзия мелкого буржуа.

Близорукое и неисторичное суждение некоторых русских марксистов о значении народнических теорий в русской буржуазной революции объясняется тем, что они не вдумались в значение защищаемой ими «конфискации» помещичьего землевладения. Стоит ясно представить себе экономическую основу такого переворота в данных условиях нашего землевладения — и мы пойдем не только иллюзорность теорий народничества, но и ограниченную определенной исторической задачей правду борьбы, правду борьбы с крепостничеством, составляющую реальное содержание этих иллюзорных теорий.

5. ДВА ТИПА БУРЖУАЗНОЙ АГРАРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Пойдем далее. Мы показали, что народнические теории, будучи нелепы и реакционны с точки зрения борьбы за социализм против буржуазии, оказываются «разумными» (в смысле особой исторической задачи) и прогрессивными в буржуазной борьбе против крепостничества. Спрашивается теперь, следует ли понимать неизбежность отмирания крепостничества в русском землевладении и во всем общественном строе России, неизбежность буржуазно-демократического аграрного переворота в том смысле, что он может произойти только в одной определенной форме? или он возможен в различных формах?

Этот вопрос имеет кардинальное значение для выработки правильных взглядов на нашу революцию и на с.-д. аграрную программу. И решить этот вопрос мы должны, исходя из тех данных об экономической основе революции, которые приведены выше.

Гвоздем борьбы являются крепостнические латифундии, как самое выдающееся воплощение и самая крепкая опора остатков крепостничества в России. Развитие товарного хозяйства и капитализма с абсолютной неизбежностью кладет конец этим остаткам. В этом отношении перед Россией *только один* путь буржуазного развития.

Но формы этого развития могут быть двойки. Остатки крепостничества могут отпадать и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т. е. путем реформы и путем революции.

Буржуазное развитие может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплуатации буржуазными, — оно может идти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарос» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства.

Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа. В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбуаэров» («крупных крестьян»). Во втором случае помещичье хозяйство нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. Крестьянин преобладает в таком случае, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера. В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов — помещиков — юнкеров. Во втором случае основной фон — перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера.

В экономической истории России совершенно явственно обнаруживаются оба эти типа эволюции. Возьмите эпоху падения крепостного права. Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения. Само собою разумеется, что при

втором исходе развитие капитализма и развитие производительных сил было бы шире и *быстрее*, чем при помещичьем исходе крестьянской реформы*. Только карикатурные марксисты, как их старались размазывать борющиеся с марксизмом народники, могли бы считать обезземеление крестьян в 1861-ом году залогом капиталистического развития. Напротив, оно было бы залогом — и оно оказалось на деле залогом *кабальной*, т. е. полукрепостной аренды и отработочного, т. е. барщинного, хозяйства, необыкновенно задержавшего развитие капитализма и рост производительных сил в русском земледелии. Борьба крестьянских и помещичьих интересов не была борьбой «народного производства» или «трудового начала» против буржуазии (как воображали и воображают наши народники), — она была борьбой за американский тип буржуазного развития против прусского типа буржуазного-же развития.

И в тех местностях России, где не было крепостного права, где за земледелие брался всецело или главным образом свободный крестьянин (напр., в заселявшихся после реформы степях Заволжья, Новороссии, Северного Кавказа), развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре**.

Но если земледельческий центр России и ее земледельческие окраины показывают нам, так сказать, пространственное или географическое распределение местностей,

* В журнале «Научное Обозрение» (1900 год, май — июнь) я писал по этому поводу: ...чем больше земли получали бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее получали, тем быстрее, шире и свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем выше был бы жизненный уровень населения, тем шире был бы внутренний рынок, тем быстрее шло бы применение машин к производству, тем больше, одним словом, походило бы эконоическое развитие России на экономическое развитие Америки. Ограничусь указанием двух обстоятельств, подтверждающих, на мой взгляд, правильность этого последнего мнения: 1) на почве малоземелья и тяжести податей у нас в очень значительном районе развилась отработочная система частновладельческого хозяйства, т. е. прямое переживание крепостничества, а вовсе не капитализм; 2) именно на наших окраинах, где крепостное право либо вовсе не известно, либо было всего слабее, где крестьяне всего менее страдают от малоземелья, отработочных, тяжести податей, там всего больше развился капитализм в земледелии». (См. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 552. *Ред.*)

** О значении окраин в России, как колонизационного фонда при развитии капитализма, я говорил подробно в «Развитии капитализма». (СПб. 1899, с. 185, 444 и мн. др.) (См. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 217—218, 493, 519—523, *Ред.*) Об их значении в вопросе о с.-д. аграрной программе будет речь ниже особо.

в которых преобладает аграрная эволюция того или другого типа, то основные черты той и другой эволюции явственно видны также во *всех* местностях, где существует рядом помещичье и крестьянское хозяйство. Одна из коренных ошибок народнической экономии состояла в том, что источником аграрного капитализма считали исключительно помещичье хозяйство, крестьянское же рассматривали под углом «народного производства» и «трудового начала» (так поступают и теперь трудовики, «народные социалисты» и социалисты-революционеры). Мы знаем, что это не верно. Помещичье хозяйство эволюционирует капиталистически, заменяя постепенно отработки «вольнорабочим трудом», трехполье — интенсивной культурой и крестьянский стародедовский инвентарь усовершенствованными орудиями владельческой экономии. Крестьянское хозяйство *тоже эволюционирует капиталистически*, выделяя сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Чем лучше положение «общины», чем выше благосостояние крестьянства вообще, тем *быстрее* идет это разложение крестьянства на антагонистические классы капиталистического сельского хозяйства. Две струи аграрной эволюции имеются, следовательно, налицо повсюду. Борьба крестьянских и помещичьих интересов, которая проходит красной нитью через всю пореформенную историю России и составляет важнейшую экономическую основу нашей революции, есть борьба за тот или другой тип буржуазной аграрной эволюции.

Только поняв ясно различие этих типов и буржуазный характер *обоих*, мы можем правильно объяснить земельный вопрос в русской революции и понять классовое значение различных аграрных программ, выставленных разными партиями*. Повторяем: гвоздь борьбы — крепостни-

* Какая путаница господствует подчас в головах русских с.-д. по вопросу о двух путях буржуазной аграрной эволюции в России, показывает пример П. Маслова. В «Образовании» (1907, № 3) он намечает два пути: 1) «развивающийся капитализм»; 2) «бесполовая борьба с экономическим развитием». «Первый путь», — видите ли, — «ведет рабочий класс, а с ним и все общество к социализму; второй путь толкает (!) рабочий класс в руки (!) буржуазии, в борьбу между крупными и мелкими собственниками, борьбу, из которой рабочий класс ничего не вынесет, кроме поражений» (стр. 92). Во-1-х, «второй путь» есть пустая фраза, мечта, а не путь; это — фальшивая идеология, а не действительная возможность развития. Во-2-х, Маслов не замечает, что Столыпин и буржуазия ведут крестьянство тоже по капиталистическому пути, — значит, реальная борьба идет не из-за капитализма, а из-за типа капиталистического развития. В-3-х, это чистый выдор, будто возможен в России какой-

ческие латифундии. Капиталистическая эволюция их стоит вне всякого спора, но она возможна в двойном виде: в виде революционного устранения, уничтожения их крестьянами-фермерами, и в виде постепенного перехода их в юнкерские хозяйства (с соответствующим превращением закабаленного мужика в закабаленного кнехта).

6. ДВЕ ЛИНИИ АГРАРНЫХ ПРОГРАММ В РЕВОЛЮЦИИ

Если мы теперь с вышеочерченной экономической основой сопоставим аграрные программы, выдвинутые различными классами в революции, то мы сразу увидим две линии этих программ, сообразно двум указанным типам аграрной эволюции.

Возьмем программу Столыпина, разделяемую правыми помещиками и октябристами. Это — откровенно помещичья программа. Но можно ли сказать, что она реакционна в экономическом смысле, т. е. что она исключает или стремится исключить развитие капитализма? не допустить буржуазной аграрной эволюции? Ни в каком случае. Напротив, знаменитое аграрное законодательство Столыпина по 87-ой статье насквозь проникнуто чисто буржуазным духом. Оно, вне всякого сомнения, идет по линии капиталистической эволюции, облегчает, толкает вперед эту эволюцию, ускоряет экспроприацию крестьянства, распадение общины, создание крестьянской буржуазии. Это законодательство, несомненно, прогрессивно в научно-экономическом смысле.

Значит ли это, что с.-д. должны «поддерживать» его? Нет. Так мог бы рассуждать только вульгарный марксизм, семена которого так усиленно сеют Плеханов и меньшевики, поющие, вопиющие, зывающие и глаголющие: надо поддерживать буржуазию в ее борьбе со старым порядком. Нет. Во имя интересов развития производительных сил (этого высшего критерия общественного прогресса) мы должны поддерживать не буржуазную эволюцию помещичьего типа, а буржуазную эволюцию крестьянского

нибудь путь, не «толкаящий» рабочий класс под господство буржуазии... В-4-х, такой же вздор, будто на каком-нибудь «пути» может не быть борьбы между мелкими и крупными собственниками. В-5-х, Маслов ватушевывает посредством общеевропейских категорий (мелкие и крупные собственники) историческую особенность России, играющую крупнейшее значение в данную революцию: борьбу мелких буржуазных и крупных феодальных собственников.

типа. Первая означает наибольшее сохранение кабалы и крепостничества (передываемого на буржуазный лад), наименее быстрое развитие производительных сил и замедленное развитие капитализма, означает неизмеримо большие бедствия и мучения, эксплуатацию и угнетение широких масс крестьянства, а следовательно, и пролетариата. Вторая означает наиболее быстрое развитие производительных сил и наилучшие (какие только возможны вообще в обстановке товарного производства) условия существования крестьянской массы. Тактика социал-демократии в русской буржуазной революции определяется не задачей поддержки либеральной буржуазии, как думают оппортунисты, а задачей поддержки борющегося крестьянства.

Возьмем программу либеральной буржуазии, т. е. кадетскую. Верные девизу: «чего изволите?» (т. е. чего изволят господа помещики), они в первой Думе выдвинули одну, во второй — другую программу. Смена программ — для них такое же легкое и незаметное дело, как для всех европейских беспринципных карьеристов буржуазии. В первой Думе казалась сильной революция, — либеральная программа заимствовала у нее кусочек национализации («общегосударственный земельный фонд»). Во второй Думе казалась сильной контрреволюция, — либеральная программа выбросила за борт государственный земельный фонд, повернула к столыпинской идее прочной крестьянской собственности, усилила и расширила случаи изъятия из общего правила принудительного отчуждения помещичьей земли. Но это двуличие либералов мы отмечаем здесь мимоходом. Важно отметить здесь другое: ту принципиальную основу, которая *обща обоим «ликам»* либеральной аграрной программы. Эта принципиальная общая их основа — 1) выкуп; 2) сохранение помещичьих хозяйств; 3) сохранение помещичьих привилегий при проведении реформы.

Выкуп есть дань, возлагаемая на общественное развитие, дань владельцам крепостнических латифундий. Выкуп есть бюрократически, полицейски обеспеченная реализация крепостнических приемов эксплуатации в виде буржуазного «всеобщего эквивалента». Далее, сохранение помещичьих хозяйств в той или иной мере видно в обеих программах к.-д., как ни стараются буржуазные поли-

тиканы скрыть от народа этот факт. Третье — помещичьи привилегии при проведении реформы — выражено с полной определенностью в кадетском отношении к выбору местных земельных комитетов на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Мы не можем здесь входить в подробности*, относящиеся к другому месту нашего изложения. Здесь нам надо определить лишь *линию* аграрной программы кадетов. И в этом отношении необходимо отметить, что вопрос о составе местных земельных комитетов имеет *кардинальное* значение. Только политические младенцы могли бы обольщать себя звуком кадетского лозунга: «*принудительное* отчуждение». Вопрос в том, кто кого принудит: помещики крестьян (платить втридорога за песочки) или крестьяне помещиков. Кадетские речи «о равномерном представительстве сталкивающихся интересов» и о нежелательности «одностороннего насилия» яснее ясного показывают суть дела, именно, что в кадетском принудительном отчуждении помещики принуждают крестьян!

Кадетская аграрная программа идет по линии столыпинского, т. е. помещичьего буржуазного прогресса. Это факт. Непонимание этого факта есть коренная ошибка тех с.-д., которые, подобно некоторым меньшевикам, способны считать кадетскую аграрную политику более прогрессивную, чем народническую.

У представителей крестьянства, т. е. у трудовиков, социал-народников и частью у эсеров, мы видим в обеих

* См. протоколы I Думы, 14-ое засед., 24 мая 1906 г., где кадеты Кокошкин и Котляревский руна об руку с октябристом (тогдашним) Гейденом самыми подлыми софизмами опровергают идею местных земельных комитетов. Во II Думе: влияние кадета Савельева (16 засед., 26 марта 1907) и откровенная борьба с идеей местных комитетов кадета Татарина (24 засед., 9 апреля 1907, с. 1783 стенограф. отчета). В газете «Речь» замечательная передовица № 82 за 1906 г., 25 мая, перепечатанная у Миллюкова («Год борьбы», № 117, стр. 457—459). Вот решающее место у этого передовицы октябриста: «Мы полагаем, что составить эти комитеты путем всеобщего голосования значило бы готовить их не для мирного разрешения на местах земельного вопроса, а для чего-то совершенно другого. Руководство общим направлением реформы должно быть оставлено в руках государства... В местных комиссиях должны быть представлены, по возможности равномерно (sic!) (— так! Ред.), те сталкивающиеся интересы сторон, которые могут быть примирены без нарушения государственного значения предпринимаемой реформы и без обращения ее в акт одностороннего насилия...» (с. 459). Во втором томе кадетского «Аграрного вопроса» г. Кутлер печатает свой законопроект, обеспечивающий помещикам плюс чиновники преобладание над крестьянами во всех земельных комиссиях и комитетах, главных, губернских и уездных (стр. 640—641), а г. А. Чупров — «либерал» — принципиально защищает тот же подлый помещичий план обьегоривания крестьян (стр. 33).

Думах, *несмотря* на многочисленные колебания и шатания, совершенно ясную линию защиты интересов крестьянства *против* помещиков. Есть, например, колебания по вопросу о выкупе, допускаемом в программе трудовиков, но, во-1-х, его толкуют нередко в смысле общественного призрения неработоспособных помещиков*; во-2-х, вы можете встретить в протоколах II Думы целый ряд крайне характерных *крестьянских* речей, *отвергающих* выкуп и провозглашающих лозунг: вся земля всему народу**. По вопросу о местных земельных комитетах, — этому важнейшему вопросу о том, кто кого принудит, — крестьянские депутаты являются родоначальниками и сторонниками идеи выбора их всеобщим голосованием.

Мы не касаемся пока вопроса о содержании аграрной программы трудовиков и социалистов-революционеров, с одной стороны, — социал-демократов, с другой. Мы должны констатировать прежде всего тот неоспоримый факт, что аграрные программы *всех* партий и классов, открыто выступивших в русской революции, явственно делятся на *два* основных типа, соответственно двум типам буржуазной аграрной эволюции. Разделительная линия «правых» и «левых» аграрных программ идет не между октябристами и кадетами, как часто предполагают совершенно ошибочно меньшевики (давая оглушить себя звонком «конституционно-демократических» слов и заменяя анализом названия партий классовый анализ). Разделительная линия проходит между кадетами и трудовиками. Определяют эту линию *интересы двух основных классов* русского общества, борющихся из-за земли: помещиков и крестьянства. Кадеты сохраняют помещичье землевладение и отстаивают культурную, европейскую, во *помещичью* буржуазную эволюцию земледелия. Трудовики (и с.-д. рабочие депутаты), т. е. представители крестьянства

* Сравни «Сборник «Известий Крестьянских Депутатов» и «Трудовой России». СПб., 1906 — собрание газетных статей первоудумских трудовиков, напр., статья: «Вознаграждение, а не выкуп» (с. 44—49) и мн. др.

** Ср. во II Думе-речь *правого* крестьянина Петроченко (22 засед., 5 апреля 1907): Кутлер предлагал-де хорошие условия... «Конечно, он, как человек богатый, дорого сказал, и мы, крестьяне бедные, столько не можем заплатить» (с. 1616). *Правый* крестьянин *левее* буржуазного политика, играющего в либерализм. Сравни также речь *беспартийного* крестьянина Семенова (12 апреля 1907), дышащую духом стихийно-революционной крестьянской борьбы, и мн. др.

и представители пролетариата, отстаивают *крестьянскую* буржуазную эволюцию земледелия.

Надо строго отличать идейные облачения аграрных программ, различные политические детали их и т. п. от экономической основы этих программ. Не в том трудность теперь, чтобы понять буржуазный характер и помещичьих и *крестьянских* земельных требований и программ: эта работа сделана уже марксистами до революции, и революция подтвердила ее. Трудность в том, чтобы дать себе полный отчет в основе борьбы двух классов *на почве* буржуазного общества и буржуазной эволюции. Эту борьбу нельзя понять, как закономерное общественное явление, если не свести ее к объективным тенденциям экономического развития капиталистической России.

Теперь, показав связь двух типов аграрных программ в русской революции с двумя типами буржуазной аграрной эволюции, мы должны перейти к рассмотрению новой, крайне важной, стороны вопроса.

7. ЗЕМЕЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ РОССИИ. ВОПРОС О КОЛОНИЗАЦИИ

Выше мы отметили, что экономический анализ заставляет различать в вопросе о капитализме в России земельный центр, с обильными остатками крепостничества, — и окраины, с отсутствием или слабостью этих остатков, с чертами свободно-крестьянской капиталистической эволюции.

Что же следует понимать под окраинами? — Очевидно, незаселенные, или не вполне заселенные, не вполне вовлеченные в земледельческую культуру земли. И мы должны теперь перейти от Европейской России ко всей Российской империи, чтобы точно представить себе, каковы эти «окраины» и каково их экономическое значение.

В брошюре гг. Прокоповича и Мертваго: «Сколько в России земли и как мы ею пользуемся» (М. 1907) последний из названных авторов делает попытку свести все имеющиеся в литературе статистические данные о количестве земли во *всей* России и о хозяйственном употреблении известного нам количества земель. Приводим сопоставление г. Мертваго для наглядности в табличной форме, присоединяя данные о населении по переписи 1897 года.

	Земельная площадь всей России								Население по переписи 1897 г.	
	Всего земли		В том числе		В том числе угодий				Всего (тысяч)	На 1 кв. версту
	Кв. верст тысяч	Десятин млн.	Земли, о которых нет ника- ких све- дений	Земли на учете	Пашни	Покоса	Леса	Итого		
									Миллионов десятин	Миллионов десятин
10 губ. Царства Польского	111,6	11,6	—	11,6	7,4	0,9	2,5	10,8	9 402,2	84,3
38 губ. на запад от Волги	1 755,6	183,0	—	183,0	93,6	18,7	34,0	146,3	—	—
12 губ. на север и восток от Волги	2 474,9	258,0	—	258,0	22,3	7,1	132,0	161,4	—	—
Итого 50 губ. Европ. России	4 230,5	441,0	—	441,0	115,9	25,8	166,0	307,7	93 442,9	22,1
Кавказ	411,7	42,9	22,1	20,8	6,5	2,2	2,5	11,2	9 289,4	22,6
Сибирь	10 966,1	1 142,6	639,7	502,9	4,3	3,9	121,0	129,2	5 758,8	0,5
Средняя Азия	3 141,6	327,3	157,4	169,9	0,9	1,6	8,0	10,5	7 746,7	2,5
Итого Азиатская Россия	14 519,4	1 512,8	819,2	693,6	11,7	7,7	131,5	150,9	—	—
Всего Росс. империя*	18 861,5	1 965,4	819,2	1 146,2	135,0	34,4	300,0	469,4	125 640,0	6,7

* Без Финляндии.

Эти цифры наглядно показывают, какое необъятное количество земель имеется в России и как мало мы еще знаем об окраинных землях и об их хозяйственном значении. Разумеется, было бы в корне ошибочно считать эти земли в настоящее время и в настоящем их виде пригодными для удовлетворения земельной нужды русского крестьянства. Все расчеты подобного рода, нередко делаемые реакционными писателями*, не имеют никакой научной ценности. В этом отношении вполне прав г. А. А. Кауфман, который высмеивает поиски свободных земель для переселения на основании данных о числе квадратных верст. Вполне прав также он, несомненно, когда указывает, как мало годных для переселения земель имеется в настоящее время на окраинах России, как неправильно мнение, будто переселениями можно вылечить малоземелье русского крестьянства**.

Но эти верные рассуждения либерального г-на Кауфмана включают в себе тем не менее одну крайне существенную ошибку. Г. Кауфман рассуждает так: «При данном подборе переселенцев, при данной степени их благосостояния, при данном их культурном уровне» (названное сочинение, с. 129) — земель для удовлетворения нужды русских крестьян переселением безусловно недостаточно. Следовательно, — заключает он в защиту кадетской аграрной программы — необходимо принудительное отчуждение частновладельческих земель в Европейской России.

Это обычное либеральное и либерально-народническое рассуждение наших экономистов. Строится оно так, что из него получается вывод: будь достаточное количество пригодных для переселения земель, можно бы было и не трогать крепостнических латифундий! У гг. кадетов и им подобных политиков, насквозь проникнутых точкой зрения благожелательного чиновника, есть претензия встать над классами, подняться выше классовой борьбы. Не потому надо уничтожить крепостнические латифундии,

* И реакционными депутатами. Во II Думе октябрист Тетеревинов приводил цифры из обследования Щербины о 65 млн. дес. земли в Степном крае и цифры количества земли в Алтае — 39 млн. дес. — в доказательство неважности принудительного отчуждения в Европ. России. Образчик буржуа приспособляющегося к крепостнику-помещику для совместного «прогресса» в столыпинском духе (стенограф. отчеты II Думы, засед. 39-ое, 16 мая 1907 г., страницы 658—661).

** «Аграрный вопрос», издание Долгорукова и Петруневича, т. I, статья г. Кауфмана: «Переселение и его роль в аграрной программе». Ср. также книгу того же автора: «Переселение и колонизация», СПб. 1905.

что они означают крепостническую эксплуатацию миллионов местного населения, кабалу его и задержку в развитии производительных сил, а потому, что нельзя сейчас сплать миллионы семей куда-нибудь в Сибирь или Туркестан! Не на крепостнически классовый характер русских латифундий переносится центр тяжести, а на возможность примирения классов, удовлетворения мужика без обиды помещика, одним словом, на возможность пресловутого «социального мира».

Рассуждение г-на Кауфмана и его бесчисленных единомышленников среди российской интеллигенции надо перевернуть, чтобы оно стало правильным. *Так как* русский крестьянин придавлен крепостническими латифундиями, — *поэтому* невероятно тормозится и свободное расселение населения по территории России и рациональная хозяйственная утилизация массы окраинных земель России. *Так как* крепостнические латифундии держат русское крестьянство в забитом состоянии и увековечивают посредством отработков и кабалы самые отсталые приемы и методы хозяйства на земле, — *поэтому* затрудняется и технический прогресс и умственный подъем крестьянской массы, подъем ее самостоятельности, образованности, инициативы, необходимый для хозяйственного использования несравненно большей массы земель из российского запаса, чем используется нами сейчас. Ибо крепостнические латифундии и господство кабалы в земледелии означают и соответственную политическую надстройку, господство черносотенного помещика в государстве, бесправие населения, распространенность гурко-лидвалевских методов в администрации⁷⁴ и т. д. и прочее и тому подобное.

Что крепостнические латифундии в земледельческом центре России оказывают самое губительное влияние на весь социальный строй, на все общественное развитие, на все состояние земледелия и на весь уровень жизни крестьянских масс, это общеизвестно. Я могу ограничиться здесь ссылкой на ту громадную русскую экономическую литературу, которая доказала господство отработков, кабалы, кабальной аренды, «зимней наемки» и прочих средневековых прелестей в центральной России*.

* Сравни «Развитие капитализма», гл. III, о переходе от барщинного к капиталистическому хозяйству и о распространенности отработочной системы. (См. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 157—212. *Ред.*)

Падение крепостного права создало такие условия, при которых (как я показал подробно в «Развитии капитализма») население бежало во все стороны из этого насиженного местечка крепостников-последышей. Из центральной земледельческой полосы население бежало и в промышленные губернии, и в столицы, и на южные и восточные окраины Европ. России, заселяя дотопе неситаемые земли. Г-н Мертваго в названной мной брошюре замечает, между прочим, очень верно, что понятия о непригодных для земледелия землях способны быстро изменяться:

«Таврические степи» — пишет он — «по своему климату и недостатку в воде *всегда* будут принадлежать к самым беднейшим и неудобовозделываемым местностям». Так говорили в 1845 году такие авторитетные наблюдатели природы, как академики Бэр и Гельмерсен. В то время население Таврической губернии, вдвое меньшее, чем теперь, производило 1,8 млн. четвертей всяких хлебов... Прошло 60 лет, и удвоившееся население производит в 1903 г. 17,6 млн. четвертей, т. е. почти в 10 раз более» (с. 24).

Это верно не только про Таврическую губернию, но и про целый ряд губерний южной и восточной окраин Европ. России. Южные степные, а также заволжские губернии, которые в 60-х и 70-х годах отставали от среднечерноземных по размерам хлебного производства, в 80-х годах *обогнали* эти губернии («Развитие капитализма», с. 186)*. Население всей Европейской России с 1863 г. увеличилось по 1897 г. на 53%, в том числе сельское на 48%, городское на 97%, — тогда как в новороссийских, нижневолжских и восточных губерниях население возросло за то же время на 92%, в том числе сельское на 87%, городское на 134% (там же, стр. 446)**.

«Мы не сомневаемся, — продолжает г. Мертваго — что и современная чиновничья оценка хозяйственного значения нашего земельного запаса не менее ошибочна, чем оценка Бэра и Гельмерсена Таврической губернии в 1845 году» (там же).

Это справедливо. Но г. Мертваго не замечает *источника* ошибок Бэра, ошибок всех чиновничьих оценок. Источник этих ошибок — тот, что, принимая во внимание данный уровень техники и культуры, не считаются с прогрессом

* См. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 218. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 495. *Ред.*

этого уровня. Бэр и Гельмерсен не предвидели изменений в технике, которые стали возможны *после падения крепостного права*. И в настоящее время не может подлежать никакому сомнению, что громадный подъем производительных сил, громадное повышение уровня техники и культуры произойдет неизбежно *вслед за падением крепостнических латифундий в Европ. России*.

Эту сторону дела ошибочно упускают из виду многие, судящие об аграрном вопросе в России. Условием широкой утилизации громадного колонизационного фонда России является создание действительно свободного, вполне освобожденного от гнета крепостнических отношений, крестьянства в Европейской России. Непригодным в значительной своей части этот фонд является в настоящее время не столько в силу *природных* свойств тех или иных окраинных земель, сколько вследствие *общественных* свойств хозяйства в коренной Руси, свойств, обрекающих технику на застой, население на бесправие, забитость, невежество, беспомощность.

Вот эту, крайне важную, сторону дела упускает из виду г. Кауфман, когда он заявляет: «Заранее говорю: я не знаю, можно ли переселить миллион, три или десять миллионов» (с. 128 назв. соч.). Он указывает на относительность понятия негодности земли. «Солонцы не только не безусловно безнадежны, но при употреблении известных технических приемов могут быть сделаны очень плодородными» (129). В Туркестане, населенном по 3,6 человека на 1 кв. версту, «необъятные пространства остаются ненаселенными» (137). «Почва многих из «голодных пустынь» Туркестана — знаменитый средне-азиатский лёсс, отличающийся, при достаточном орошении, высоким плодородием... Вопросы о наличии земель, годных для орошения, не стоит даже ставить: достаточно пересечь край в любом направлении, чтобы видеть развалины множества заброшенных сотни лет тому назад селений и городов, окруженных нередко на десятки квадратных верст сетями когда-то действовавших оросительных каналов и канавок, и общая площадь лёссовых пустынь, ожидающих искусственного орошения, исчисляется, несомненно, многими миллионами десятин» (с. 137 назв. соч.).

Эти многие миллионы десятин и в Туркестане и во многих других местах России «ожидает» не только ороше-

ния и всякого рода мелиораций, они «ожидают» также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве.

Гадать о том, какое именно количество земель могло бы быть превращено в России из «негодных» в годные, бесполезно. Но необходимо отчетливо сознать тот факт, который доказывается всей хозяйственной историей России и который составляет крупную особенность русского буржуазного переворота. Россия обладает гигантским колониальным фондом, который будет становиться доступным населению и доступным культуре не только с каждым шагом вперед земледельческой техники вообще, но и с каждым шагом вперед в деле освобождения русского крестьянства от крепостнического гнета.

Это обстоятельство представляет из себя экономическую основу буржуазной эволюции российского земледелия по американскому образцу. В государствах Западной Европы, которые так часто привлекаются нашими марксистами для неосмысленных шаблонных сравнений, — в эпоху буржуазно-демократического переворота вся территория была уже занята. Каждый шаг вперед земледельческой техники создавал только то новое, что являлась возможность вкладывать новые количества труда и капитала в землю. В России буржуазно-демократический переворот происходит при таких условиях, когда каждый шаг вперед в земледельческой технике и каждый шаг в развитии действительной свободы населения создает не только возможность добавочных вложений труда и капитала в старые земли, но и возможность утилизации «необъятных» количеств рядом лежащих новых земель.

8. РЕЗЮМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫВОДОВ I ГЛАВЫ

Резюмируем те экономические выводы, которые должны послужить нам введением в пересмотр вопроса об аграрной программе с.-д.

Мы видели, что «гвоздем» аграрной борьбы в нашей революции являются крепостнические латифундии. Крестьянская борьба за землю есть прежде всего и больше всего борьба за уничтожение этих латифундий. Уничтожение их и полный переход в руки крестьянства лежит, несомненно, по линии капиталистической эволюции

русского сельского хозяйства. Такой путь этой эволюции означал бы наиболее быстрое развитие производительных сил, наилучшие условия труда для массы населения, наиболее быстрое развитие капитализма при превращении свободного крестьянства в фермерство. Но возможен и другой путь буржуазной эволюции земледелия: сохранение помещичьих хозяйств и латифундий при медленном перерастании их из крепостнически-кабальных в юнкерские хозяйства. В основе двух типов аграрных программ, с которыми выступили разные классы в русской революции, лежат именно эти два типа возможной буржуазной эволюции. При этом особенность России, являющаяся одной из экономических основ возможности «американской» эволюции, состоит в наличии громадного колониационного фонда. Будучи совершенно непригоден для избавления русского крестьянства от крепостнического гнета в Европ. России, этот фонд будет становиться тем шире и тем доступнее, чем свободнее будет крестьянство в коренной России и чем больший простор получит развитие производительных сил.

ГЛАВА II

АГРАРНЫЕ ПРОГРАММЫ РСДРП И ИХ ПРОВЕРКА ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Перейдем к рассмотрению социал-демократической аграрной программы. Главные исторические моменты в развитии взглядов русских с.-д. на аграрный вопрос отмечены у меня в параграфе 1-ом брошюры: «Пересмотр аграрной программы рабочей партии»*. Несколько подробнее мы должны остановиться на выяснении того, в чем состояла ошибка прежних аграрных программ русской социал-демократии, т. е. программ 1885 и 1903 годов.

1. В ЧЕМ ОШИБКА ПРЕЖНИХ АГРАРНЫХ ПРОГРАММ РУССКИХ С.-Д.?

В том проекте группы «Освобождение труда», который вышел в свет в 1885 году, аграрная программа изложена следующим образом: «Радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа зем-

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 147—152. Ред.

ли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.».

Это все. Ошибка этой программы состоит не в том, чтобы в ней были ошибочные принципы или ошибочные частные требования. Нет. Принципы ее верны, а единственное частное требование, выставленное ею (право отказа от надела), настолько бесспорно, что оно оказалось в настоящее время выполнено своеобразным столыпинским законодательством. Ошибочность этой программы — ее абстрактность, отсутствие всякого конкретного взгляда на предмет. Это, собственно, не программа, а самое общее марксистское заявление. Разумеется, было бы нелепо ставить эту ошибку в вину составителям программы, впервые излагавшим известные принципы задолго до образования рабочей партии. Напротив, надо особенно подчеркнуть, что в этой программе за двадцать лет до русской революции признана неизбежность «радикального пересмотра» дела крестьянской реформы.

Развитие этой программы должно было заключаться теоретически — в выяснении того, каковы экономические основы нашей аграрной программы, на что может и должно опираться требование *радикального* пересмотра в отличие от не-радикального, реформаторского, и наконец, в конкретном определении содержания этого пересмотра с точки зрения пролетариата (отличной по самому существу ее от точки зрения радикальной вообще). Практически — развитие программы должно было учесть *опыт* крестьянского движения. Без опыта массового — даже более того: общенационального крестьянского движения, программа социал-демократической рабочей партии *не могла* стать конкретной, ибо вопрос о том, насколько разложилось уже капиталистически наше крестьянство, насколько способно оно к революционно-демократическому перевороту, слишком трудно или невозможно было бы решить на основании одних теоретических соображений.

В 1903-м году, когда II съезд нашей партии принял первую аграрную программу РСДРП, такого опыта относительно характера, размера и глубины крестьянского движения у нас тоже не было. Весенние крестьянские восстания

на юге России в 1902 году остались отдельным взрывом. Понятна поэтому сдержанность социал-демократов при выработке аграрной программы: «сочинять» таковую для буржуазного общества совсем не дело пролетариата, а насколько именно способно развиваться движение крестьянства против остатков крепостничества, движение, заслуживающее поддержки пролетариата, это оставалось неизвестным.

Программа 1903 года делает попытку конкретного определения содержания и условий того «пересмотра», о котором в 1885 году социал-демократы говорили в общей форме. Эта попытка — в главном пункте программы: об «отрезках» — основывалась на примерном отделении земель, служащих для крепостническо-кабальной эксплуатации («отрезанные у крестьян в 1861 году»), и земель, эксплуатируемых капиталистически. Такое примерное отделение было совершенно ошибочно, ибо на практике движение крестьянских масс не могло направляться против особых разрядов помещичьих земель, а только против помещичьего землевладения вообще. Программа 1903-го года ставит вопрос, не поставленный еще в 1885-ом году, именно: вопрос о борьбе крестьянских и помещичьих интересов в момент того пересмотра аграрных отношений, который всеми социал-демократами признавался за неизбежный. Но решает этот вопрос программа 1903-го года неверно, ибо вместо того, чтобы противопоставить последовательно-крестьянский и последовательно-юнкерский способ осуществления буржуазного переворота, программа искусственно конструирует нечто среднее. Правда, и здесь надо принять во внимание, что отсутствие открытого массового движения не позволяло тогда решить вопроса на основании точных данных, а не на основе фраз или невинных пожеланий или мещанских утопий, как решали его эсеры. Никто не мог с уверенностью сказать наперед, насколько расслоилось крестьянство под влиянием частичного перехода помещиков от обработков к наемному труду. Никто не мог учесть, как велик слой сельскохозяйственных рабочих, создавшийся после реформы 1861-го года, насколько обособились их интересы от интересов разоренной крестьянской массы.

Основной ошибкой аграрной программы 1903-го года было во всяком случае отсутствие точного представления

о том, из-за чего может и должна развернуться аграрная борьба в процессе буржуазной российской революции, — каковы те *типы* капиталистической аграрной эволюции, которые объективно возможны при победе тех или иных общественных сил в этой борьбе.

2. ТЕПЕРЕШНЯЯ АГРАРНАЯ ПРОГРАММА РСДРП

Принятая на Стокгольмском съезде теперешняя аграрная программа с.-д. партии в одном важном вопросе делает крупный шаг вперед по сравнению с предшествующей. Именно: признавая конфискацию помещичьих* земель, с.-д. партия встала таким образом решительно на путь признания *крестьянской* аграрной революции. Слова программы: «поддерживая революционные выступления крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель»... вполне определенно выражают эту мысль. В прениях на Стокгольмском съезде один из докладчиков, Плеханов, проводший, вместе с Джоном⁷⁵, настоящую программу, прямо говорил о необходимости перестать бояться «*крестьянской аграрной революции*» (см. доклад Плеханова в Протоколах Стокгольмского съезда, М. 1907, стр. 42).

Это признание того, что наша буржуазная революция в области земельных отношений должна быть рассматриваема, как «*крестьянская аграрная революция*», казалось бы, должно положить конец крупнейшим разногласиям среди с.-д. по вопросу об аграрной программе. На деле, однако, разногласия всплыли по вопросу о том, должны ли с.-д. поддерживать раздел помещичьих земель в собственность крестьян, муниципализацию ли помещичьих земель или национализацию всех земель. И мы должны, следовательно, прежде всего установить то, необыкновенно часто забываемое социал-демократами, положение, что эти вопросы могут быть правильно решены исключительно с точки зрения *крестьянской* аграрной революции в России. Не в том дело, конечно, чтобы социал-демократия отказалась от самостоятельного определения интересов пролетариата, как особого класса, в этой крестьянской революции.

* В тексте программы (п. 4) говорится о *частновладельческих* землях. В приложенной к программе революции (2-ая часть аграрной программы) говорится о конфискации *помещичьих* земель.

Нет. Дело в том, чтобы отчетливо представить себе характер и значение именно крестьянской аграрной революции, как одного из видов буржуазной революции вообще. Мы не можем «выдумать» какой-нибудь особый «проект» реформы. Мы должны изучить объективные условия крестьянского аграрного переворота в капиталистически развивающейся России, отделить на основании этого объективного анализа ошибочную идеологию тех или иных классов от реального содержания экономических перемен — и определить, чего требуют на почве этих реальных экономических перемен интересы развития производительных сил и интересы классовой борьбы пролетариата.

В теперешней аграрной программе РСДРП признана (в особой форме) общественная собственность на конфискуемые земли (национализация лесов, вод и переселенческого фонда, муниципализация частновладельческих земель) — по крайней мере на случай «победоносного развития революции». На случай «неблагоприятных условий» признан *раздел* помещичьих земель в собственность крестьян. Во всех случаях признана собственность крестьян и мелких землевладельцев вообще на их теперешние земли. Следовательно, в программе проводится *двойное* земельное устройство в обновленной буржуазной России: частная собственность на землю и (по крайней мере на случай победоносного развития революции) общественная собственность в форме муниципализации и национализации.

Чем объясняли авторы программы эту двойственность? Прежде всего и больше всего интересами и требованиями крестьянства, боязнию разойтись с крестьянством, восстановить крестьянство против пролетариата и против революции. Выставляя *такой* довод, авторы и сторонники программы становились тем самым на почву признания *крестьянской* аграрной революции, на почву поддержки пролетариатом определенных крестьянских требований. И выставляли этот довод самые влиятельные сторонники программы, с т. Джоном во главе! Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на протоколы Стокгольмского съезда.

Т. Джон в своем докладе прямо и решительно выдвинул этот довод. «Если бы революция — говорил он — привела

к попытке национализировать крестьянские наделенные земли или национализировать конфискованные помещичьи земли, как предлагает т. Ленин, то такая мера повела бы к контрреволюционному движению не только на окраинах, но и в центре. Мы имели бы не одну Вандею, а всеобщее восстание крестьянства против попытки вмешательства государства в распоряжение *собственными* (курсив Джона) крестьянскими наделенными землями, против попытки их национализировать» (стр. 40 протоколов Стокгольмского съезда).

Кажется, это ясно? Национализация *собственных* крестьянских земель повела бы к всеобщему восстанию крестьянства! Вот где причина того, почему первоначальный муниципализаторский проект Икса, предлагавший передать земствам *не только* частновладельческие, но, «если возможно», все земли (цитировано мною в брошюре: «Пересмотр аграрной программы рабочей партии»*), был заменен муниципализаторским проектом Маслова, *исключавшего* крестьянские земли. Действительно, как же не считаться с этим, открытым после 1903 года, фактом о неизбежности крестьянского восстания против попыток полной национализации! Как не встать тогда на точку зрения другого видного меньшевика Кострова⁷⁶, восклицавшего в Стокгольме:

«Идти к крестьянам с нею (национализацией) значит оттолкнуть их от себя. Крестьянское движение пойдет помимо или против нас, и мы очутимся за бортом революции. Национализация обессиливает социал-демократию, отрезывает ее от крестьянства и обессиливает таким образом и революцию» (стр. 88).

Невозможно отказать этой аргументации в убедительности. В крестьянской аграрной революции пытаться национализировать против воли крестьянства *собственные* его земли! Неудивительно, что Стокгольмский съезд отверг эту идею, раз он поверил Джону и Кострову.

Но не напрасно ли поверил он им?

Об этом, ввиду важности вопроса о всероссийской Вандее⁷⁷ против национализации, не мешает привести маленькую историческую справку.

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 150. Ред.

3. ПРОВЕРКА ЖИЗНЬЮ ГЛАВНОГО ДОВОДА МУНИЦИПАЛИСТОВ

Приведенные мною решительные заявления Джона и Кострова относятся к апрелю 1906 года, т. е. к кануну первой Думы. Я доказывал (см. мою брошюру о «Пересмотре»*), что крестьянство стоит за национализацию. Мне возражали, что постановления съездов Крестьянского союза⁷⁸ недоказательны, что они навеяны идеологами эсеровщины, что крестьянская масса никогда не пойдет за такими требованиями.

С тех пор первая и вторая Дума документально решили этот вопрос. Представители крестьянства со всех концов России выступали в первой, и особенно во II Думе. Только разве публицисты «России»⁷⁹ или «Нового Времени» могли бы отрицать, что политические и экономические требования крестьянских масс нашли себе выражение в обеих этих Думах. Казалось бы, идея национализации крестьянских земель должна быть окончательно похоронена теперь, после самостоятельных выступлений крестьянских депутатов перед другими партиями? Казалось бы, сторонникам Джона и Кострова ничего не стоило поднять в Думе вопль крестьянских депутатов о недопустимости национализации? Казалось бы, социал-демократия, руководимая меньшевиками, должна бы была действительно «отрезать» от революции сторонников национализации, поднимающих контрреволюционную всероссийскую Вавдею?

На деле оказалось нечто иное. В первой Думе заботу о *собственных* (курсив Джона) крестьянских землях проявили Стишинский и Гурко. В обеих Думах крайние правые защищали частную собственность на землю, вместе с представителями правительства, отвергая всякую форму общественной собственности на землю, и муниципализацию и национализацию и социализацию одинаково. В обеих Думах крестьянские депутаты со всех концов России высказались — за *национализацию*.

Т. Маслов в 1905-м году писал: «Национализацию земли, как средство для решения (?) аграрного вопроса, в настоящее время в России нельзя признать прежде всего» (заметьте это «прежде всего») «потому, что она безнадежно

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 143—172. Ред.

утопична. Национализация земли предполагает передачу *всех* земель в руки государства. Но разве крестьяне согласятся передать свои земли кому-либо добровольно, особенно крестьяне-подворники?» (П. Маслов: «Критика аграрных программ», М. 1905, стр. 20).

Итак, в 1905 году — национализация «прежде всего» безнадежно утопична, потому что не согласятся крестьяне.

В 1907-ом году, в марте, тот же Маслов писал: «Все народнические группы (трудовики, народные социалисты и социалисты-революционеры) высказываются за национализацию земли в той или другой форме» («Образование», 1907, № 3, стр. 100).

Вот вам и новая Вандея! Вот вам и всероссийское восстание крестьян против национализации!

Но вместо того, чтобы подумать о том смешном положении, в какое попали люди, говорившие и писавшие о крестьянской Вандее против национализации, после опыта двух Дум, — вместо того, чтобы поискать объяснения своей ошибки, сделанной в 1905 году, П. Маслов поступил, как Иван Непомнящий. Он предпочел *забыть* и цитированные мной слова и речи на Стокгольмском съезде! Мало того. С такой же легкостью, с которой он в 1905 году утверждал, что *крестьяне не согласятся*, — теперь он стал утверждать *обратное*. Слушайте:

...«Народники, отражающие интересы и надежды мелких собственников (слушайте!), должны были высказаться за национализацию» («Образование», там же).

Вот вам образчик научной добросовестности напих муниципализаторов! Решая трудный вопрос *перед* политическими выступлениями выборных от крестьянства по всей России, они утверждали *за* мелких собственников одно, — а *после* этого выступления в двух Думах утверждают *за* тех же «мелких собственников» прямо противоположное.

Как особый курьез, надо упомянуть о том, что эту склонность русских крестьян к национализации Маслов объясняет не особыми условиями крестьянской аграрной революции, а *общими свойствами* мелкого собственника в капиталистическом обществе. Это невероятно, но это факт:

«Мелкий собственник — вещает Маслов — больше всего боится конкуренции и господства крупного собственника, господства капитала»... Путаете, г. Маслов! Ставить рядом крупного (*крепостнического*) собственника на землю и

собственника капитала значит повторять предрассудки мещанства. Крестьянин потому и борется так энергично против крепостнических латифундий, что он является в настоящий исторический момент представителем свободной капиталистической эволюции земледелия.

...«Не будучи в состоянии бороться с капиталом на экономической почве, мелкий собственник полагает надежды на правительственную власть, которая должна придти на помощь мелкому собственнику против крупного... Если русский крестьянин в течение веков надеялся на защиту центральной власти против помещиков и чиновников, если во Франции Наполеон, опираясь на крестьян, задушил республику, то сделал это благодаря надеждам крестьянства на поддержку центральной власти» («Образование», стр. 100).

Великолепно рассуждает Петр Маслов! Во-первых, если русский крестьянин в данный исторический момент проявляет те же свойства, что французский крестьянин при Наполеоне, то при чем же тут национализация земли? Французский крестьянин никогда не стоял при Наполеоне за национализацию и не мог стоять. Бессвязно ведь у вас выходит, г. Маслов!

Во-вторых, при чем тут борьба с капиталом? Речь идет о сравнении крестьянской собственности на землю с национализацией всей земли, крестьянской в том числе. Французский крестьянин фанатически держался при Наполеоне за мелкую собственность, видя в ней ограду против капитала, а русский... Еще раз, где же у вас связь между началом и концом, почтеннейший?

В-третьих, говоря о надежде на правительственную власть, Маслов представляет дело так, будто крестьяне не понимают вреда бюрократии, не понимают значения самоуправления, а вот он, передовой Петр Маслов, ценит это. Уж очень это упрощенная критика народников! Достаточно справиться с известным земельным проектом трудовиков (проект 104-х), внесенным и в первую и во II Думу, чтобы увидеть фальшь рассуждения (или намека?) Маслова. *Напротив*, факты говорят, что в проекте трудовиков начала самоуправления и вражда к бюрократическому решению земельного вопроса выражены яснее, чем в программе с.-д., написанной по Маслову! Именно, в нашей программе говорится только о «демократических началах» выбора местных органов, а в проекте трудовиков (§ 16) говорится точно и прямо о выборе местных само-

управлений «всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием». Мало того. В том же проекте выдвинуты, поддержанные, как известно, социал-демократами, местные земельные комитеты, которые должны быть таким же голосованием выбраны и которые должны (§§ 17—20) организовать обсуждение земельной реформы и подготовить ее. Бюрократический способ проведения аграрной реформы защищали *кадеты*, а не трудовики, либеральные буржуа, а не крестьяне. Зачем могло понадобиться Маслову исказить эти общеизвестные факты?

В-четвертых, в своем замечательном «объяснении» того, почему мелкие собственники «должны были высказаться за национализацию», Маслов подчеркивает надежду мужика на защиту *центральной* власти. Это — пункт отличия муниципализации от национализации; здесь — местные власти, там — центральная власть. Это — излюбленная идея Маслова, которую мы по существу ее экономического и политического значения разберем подробно ниже. Здесь же отметим, что Маслов *увертывается* от вопроса, который задан ему историей нашей революции, именно от вопроса о том, почему крестьяне *не боятся* национализации *своих* земель. В этом гвоздь вопроса!

Но это еще не все. Особенно пикантно в этой масловской попытке объяснить классовые корни трудовической национализации в отличие от муниципализации следующее обстоятельство. Маслов *скрывает от читателя*, что вопрос о непосредственном распоряжении землями народники решили *тоже в пользу местных самоуправлений!* Рассуждения Маслова на тему о «надежде» мужика на *центральную* власть, — просто-напросто интеллигентская сплетня о мужике. Прочтите § 16-ый земельного проекта трудовиков, внесенного в обе Думы. Вот текст этого параграфа:

«Заведывание общенародным земельным фондом должно быть возложено на местные самоуправления, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно».

Сравните с этим соответствующее требование нашей программы: «...РСДРП требует:... 4) конфискации частновладельческих земель, кроме мелкого землевладения, и передачи их в распоряжение выбранных на демократических

началах крупных органов местного самоуправления (объединяющих — п. 3 — городские и сельские округа)»...

Какая тут разница с точки зрения прав центральной и местной власти? Чем отличается «заведывание» от «распоряжения»?

Почему Маслову пришлось, говоря об отношении трудящихся к национализации, скрыть от читателей — а, может быть, и от самого себя? — содержание этого § 16-го? Потому, что он разбивает *целиком* всю его нелепую «муниципализацию».

Посмотрите на доводы Маслова в пользу этой муниципализации перед Стокгольмским съездом, прочитайте протоколы этого съезда, — вы встретите бездну ссылок на невозможность подавлять национальности, угнетать окраины, обходить различие местных интересов и проч. и т. п. Я еще до Стокгольмского съезда указывал Маслову (см. выше «Пересмотр», стр. 18*), что *все* доводы подобного рода «сплошное недоразумение», ибо нашей программой — говорил я — признано уже и право национальностей на самоопределение и *широкое* местное и *областное* самоуправление. Следовательно, с *этой* стороны никаких добавочных «обеспечений» против излишней централизации, бюрократизации и регламентации придумывать не к чему и нельзя, ибо это будет либо бессодержательно, либо истолковываемо в антипролетарском, федералистском, духе.

Трудящиеся доказали муниципалистам, что я был прав.

Маслов должен признать теперь, что *все* группы, выражающие интересы и точку зрения крестьянства, высказались за национализацию *в такой форме*, что права и полномочия местных самоуправлений ограждены у них не менее, чем у Маслова! Закон о пределах прав местных самоуправлений должен быть издан центральным парламентом, — Маслов этого не говорит, но никакое прятанье головы под крыло здесь не поможет, ибо иного порядка нельзя себе и представить.

Слова: «передать в распоряжение» — вносят сугубую путаницу. Неизвестно, кто же *собственник*** конфискован-

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 160. Ред.

** Меншевики *отключили* на Стокгольмском съезде поправку, предлагавшую слова: «в распоряжение» заменить словами: «в собственность» (стр. 152 протоколов). Только в *тактической резолюции* сказано: «во владение», на случай «победоносного развития революции», совершенно не определенного более точным образом.

ных помещичьих земель! А при неизвестности этого собственником может быть *только* Государство. В чем должно состоять «распоряжение», каковы его пределы, формы и условия, — опять-таки должен определить *центральный* парламент. Это ясно само собой, а в программе нашей партии, кроме того, выделяются особо и «леса, имеющие общегосударственное значение», и «переселенческий фонд». Понятно, что только центральная государственная власть в состоянии *выделить* из общей массы лесов леса, «имеющие общегосударственное значение», и из общей массы земель «переселенческий фонд».

Одним словом, масловская программа, ставшая теперь в особо искаженном виде программой нашей партии, *совершенно нелепа* при сравнении ее с программой трудовиков. Неудивительно, что Маслову пришлось заговорить по поводу национализации даже о наполеоновском крестьянине, лишь бы скрыть от публики, в какое нелепое положение поставили мы себя путаной «муниципализацией» перед представителями буржуазной демократии!

Единственное отличие, вполне реальное и безусловное, — отношение к крестьянским надельным землям. Эти земли Маслов выделял только потому, что боялся «Вандей». И оказалось, что крестьянские депутаты, посланные и в I и во II Думу, надсмеялись над страхами хвостистов-социал-демократов, высказавшись за национализацию *своих* земель!

Муниципалисты должны теперь идти *против* трудовиков-крестьян, *доказывая* им, что они не должны национализировать *своих* земель. Ирония истории обрушила доводы Маслова, Джона, Кострова и К^о на их собственную голову.

4. АГРАРНАЯ ПРОГРАММА КРЕСТЬЯНСТВА

Попытаемся разобраться в том вопросе (почему все политические группы, отражающие интересы и надежды мелких собственников, должны были высказаться за национализацию), перед которым так беспомощно барахтался П. Маслов.

Прежде всего разберем, насколько действительно выражает земельный проект 104-х, т. е. перводумских и втородумских трудовиков, требования всероссийского

крестьянства. Об этом свидетельствует характер представительства в обеих Думах и характер политической борьбы, развернувшейся на «парламентской» арене по земельному вопросу между выразителями интересов разных классов. Идея поземельной собственности вообще, крестьянской собственности особенно, не только не была оттеснена на задний план в Думе, а, напротив, постоянно выдвигалась на первый план известными партиями. И правительство, в лице гг. Стишинского, Гурко, всех министров и всей казенной печати, отстаивало эту идею, специально обращаясь к крестьянским депутатам. И правые политические партии, начиная с «знаменитого» Святополка-Мирского в II Думе, постоянно твердили крестьянам о благах крестьянской собственности на землю. Фактическое распределение сил по этому вопросу обрисовалось на таких широких данных, что сомневаться в его правильности (с точки зрения классовых интересов) нет никакой возможности. Партия к.-д. в I Думе, когда либералы считали революционный народ силой и заигрывали с ним, двинута была всеобщим потоком тоже в сторону национализации земли. Как известно, в перводумском земельном проекте кадетов фигурирует «государственный земельный запас», в который поступают все отчуждаемые земли и из которого они передаются в долгосрочное пользование. Конечно, не из принципа какого-либо выставили кадеты в I Думе это требование — смешно говорить о принципиальности кадетской партии — нет, это требование появилось у либералов, как слабый отголосок требований крестьянской массы. Крестьянские депутаты уже в первой Думе стали сразу отделяться в особую политическую группу, и земельный проект «104-х» явился главной и основной платформой всего русского крестьянства, выступающего как сознательная общественная сила. Речи крестьянских депутатов в I и II Думе, статьи «трудовических» газет («Известия Крестьянских Депутатов», «Трудовая Россия») показали, что проект 104-х верно выражает крестьянские интересы и надежды. На этом проекте следует поэтому остановиться несколько подробнее.

Интересно, между прочим, посмотреть на состав депутатов, подписавших его. В I Думе мы видим здесь 70 трудовиков, 17 беспартийных, 8 крестьян, не давших никаких сведений о своем политическом направлении,

пятерых кадетов*, трех социал-демократов** и одного литовца-автономиста. Во II Думе под проектом «104-х» есть 99 подписей, а за вычетом повторений — 91; из них 79 трудовиков, 4 народных социалиста, 2 с.-р., 2 из казачьей группы, 2 беспартийных, 1 левее кадетов (Петерсон) и 1 кадет (Однокозов, крестьянин). Крестьяне преобладают в числе подписавшихся (не менее 54 из 91 во II Думе, не менее 52 из 104 — в I). Интересно при этом, что *особенные* ожидания П. Маслова насчет крестьян-подворников (цитировано выше***), которые не могут согласиться на национализацию, тоже всецело опровергнуты крестьянским представительством в обеих Думах. Например, в Подольской губернии почти все крестьяне — земледельцы-подворники (в 1905 г. дворов крестьян-подворников 457 134, общинников всего 1 630). Под земельным проектом «104-х» подписалось 13 подолян (большой частью крестьяне-земледельцы) в I Думе и 10 во второй! Из других губерний с подворным землевладением отметим Виленскую, Ковенскую, Киевскую, Полтавскую, Бессарабскую, Волинскую, депутаты от которых подписались под проектом 104-х. Различие между общинниками и подворниками с точки зрения национализации земли может казаться важным и существенным только сторонникам народнических предрассудков, — а эти предрассудки, кстати сказать, вообще получили сильнейший удар от первого выступления крестьянских депутатов всей России с земельной программой. На деле требование национализации земли вызывается вовсе не особой формой землевладения, не «общинными навыками и инстинктами» крестьян, а общими условиями всего мелкого крестьянского землевладения (и общинного и подворного), задавленного крепостническими латифундиями.

В числе депутатов I и II Думы, выступивших с национализаторским проектом 104-х, мы видим представителей всех местностей России, не только земледельческого центра и промышленных, нечерноземных губерний, не только северных (Архангельской, Вологодской — во II Думе), восточных и южных окраин (Астраханская,

* Гавр. Зубченко, Т. Волков, И. Герасимов — все трое крестьяне; врач С. Лонкин и священник Афанасьев.

** Антонов, рабочий Пермской губ., Ершов, рабочий Каванской губ. и В. Чурюков, рабочий Московской губ.

*** См. настоящий том, стр. 236—237. Ред.

Бессарабская, Донская, Екатеринославская, Кубанская, Таврическая, Ставропольская губернии и области), но также и губерний малороссийских, юго-западных, северо-западных, Польши (Сувальская губ.) и Сибири (Тобольская губ.). Очевидно, придавленность мелкого крестьянина крепостническим помещичьим землевладением, выраженная всего сильнее и непосредственнее в чисто-русском земледельческом центре, дает себя знать по всей России, вызывая у мелких земледельцев повсюду поддержку борьбы за национализацию земли.

Характер этой борьбы носит явные черты мелкобуржуазного индивидуализма. В этом отношении необходимо особенно подчеркнуть тот факт, который слишком часто игнорируют в нашей социалистической печати, именно: что «социализм» социалистов-революционеров потерпел самый сильный удар при первом же выступлении крестьян на открытую всероссийскую политическую арену с самостоятельной земельной программой. За эсеровский проект социализации земли (проект «33-х» в I Думе) высказалось *меньшинство* передовых крестьянских депутатов. Громадное *большинство* оказалось на стороне *104-х*, проекта *энесов*, о программе которых эсеры сами говорят, как об *индивидуалистической*.

В эсеровском «Сборнике статей» (книгоиздательство «Наша мысль», СПб. 1907, № 1) находим, например, статью г. П. Вихляева: «Народно-социалистическая партия и аграрный вопрос». Автор критикует энеса, н. с., народного социалиста, Пешехонова и сам приводит его слова, что «в проекте 104-х отразилась наша (энесов) точка зрения на то, каким путем можно взять землю» (стр. 81 назв. «Сборника»). Социалисты-революционеры прямо говорят, что проект 104-х «приходит к отрицанию коренного начала общинного землепользования», — *«одинаково»* (sic!) с аграрным законодательством Столыпина, с законом 9 ноября 1906 года (стр. 86, там же; мы покажем в дальнейшем изложении, как предрассудки эсеров помешали им оценить реальное экономическое различие того и другого пути: столыпинского и трудовического). Социалисты-революционеры усматривают в программных взглядах Пешехонова «проявления своекорыстного индивидуализма» (с. 89), «загрязнение широкого идейного потока индивидуалистической мутой» (91 стр.), «поощрение индиви-

дуалистических и эгоистических течений в народных массах» (93 стр., там же).

Все это справедливо. Напрасно только думают эсеры «сильными» словами затушевать тот факт, что суть дела вовсе не в оппортунизме господ Пешехоновых и К⁰, а в индивидуализме *мелкого земледельца*. Не в том дело, что Пешехоновы загрязняют идейный поток эсерства, а в том, что *большинство передовых крестьянских депутатов* обнаружило истинное экономическое содержание народничества, истинные стремления мелких земледельцев. Крах эсерства при выступлении перед широким, действительно всероссийским, представительством крестьянских масс — вот что показали нам земельные проекты 104-х в I и во II Думе*.

Высказываясь за национализацию земли, трудовики в своем проекте обнаруживают очень ясно «эгоистические и индивидуалистические» стремления мелких земледельцев. Надельные и мелкие частновладельческие земли они оставляют в руках теперешних владельцев (§ 3 земельного проекта 104-х) с тем лишь, чтобы были приняты законодательные меры, обеспечивающие «постепенный переход их в общенародную собственность». Это значит, в переводе на язык действительных экономических отношений, вот что: мы исходим из интересов действительных *хозяев*, действительных, а не номинальных только, земледельцев, но мы хотим, чтобы их хозяйственная деятельность вполне свободно развернулась на национализированной** земле. Параграф 9-ый проекта, говорящий, что

* Из стенографических отчетов второй Думы видно, что с.-р. Мушешко внес земельный проект за подписью 105-ти депутатов. К сожалению, мне не удалось достать этого проекта. Из думских материалов в моем распоряжении был только внесенный и во вторую Думу трудовический проект 104-х. Эсерский проект 105-ти, при наличии этих двух (I и II Думы) трудовических проектов 104-х, в лучшем случае показывает, следовательно, лишь колебание некоторых крестьян между н.-с. и с.-р., но не опровергает сказанного мной в тексте.

** Между прочим. А. Финн-Енотаевский, оспаривая серьезность и сознательность национализаторских стремлений Крестьянского союза и крестьянства вообще, цитировал показание г. В. Громана, что делегаты крестьянских съездов «не предвидят никакой платы за землю» и не представляют себе, что дифференциальная рента должна поступить коллективному целому («Аграрный вопрос и социал-демократия», А. Финна, стр. 69). Параграфы 7 и 14-ый проекта 104-х показывают, что этот взгляд ошибочен. В этих §§ предусмотрены трудовиками и плата за землю (налог на землю, повышающийся с размером надела) и переход к государству дифференциальной ренты («ограничение права на прирост ценности» земли, «поскольку он зависит не от их, владельцев, труда и капитала, — это NDI (Nota Bene — заместьте. Ред.) Трудовики не против капитала! — а от общественных условий»). Правда, относительно город-

«в очереди отдается преимущество местному населению перед пришлым и земледельческому перед неземледельческим», показывает еще раз, что интересы мелких хозяйчиков стоят на первом плане у трудовиков. «Равное право на землю», это — фраза; государственные ссуды и пособия «лицам, не имеющим достаточных средств для обустройства всем необходимым для хозяйства» (§ 15 земельного проекта 104-х), это — невинные пожелания, а на деле неизбежно и неминуемо выигрывают те, кто сейчас *может стать* крепким хозяином, может превратиться из земледельца закабаленного в земледельца свободного и зажиточного. Разумеется, интересы пролетариата требуют поддержки таких мер, которые бы всего более содействовали переходу земледелия в России из рук крепостников-помещиков и закабаленных, задавленных темнотой, нуждой и рутинной земледельцев в руки фермеров. И проект «104-х» есть не что иное, как платформа борьбы за превращение состоятельной части закабаленного крестьянства в свободное фермерство.

Б. СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Спрашивается теперь, есть ли в экономических условиях русского аграрного буржуазно-демократического переворота материальные основания, заставляющие мелких собственников требовать национализации земли, или это требование тоже только фраза, только невинное пожелание серого мужика, пустое мечтание патриархального земледельца?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сначала конкретнее представить себе условия всякого буржуазно-демократического переворота в земледелии, а затем сопоставить с этими условиями те *два пути* капиталистической аграрной эволюции, которые возможны для России, как мы указали выше.

Об условиях буржуазного переворота в земледелии, с точки зрения отношений землевладения, говорит очень рельефно Маркс в последнем томе «Теорий прибавочной

ских и прочих земель сказано в § 7: «до перехода этих имуществ в общенародную собственность» права владельцев и т. д. должны быть ограничены. Но это, вероятно, обмолвка: иначе выходит, что трудовики отбирают ренту у собственников, но возвращают ренту владельцам, арендаторам общенародной земли!

стоимости) («Theorien über den Mehrwert», II. Band, 2. Teil, Stuttgart, 1905).

Разобрав взгляды Родбертуса, показав всю ограниченность теории этого померанского помещика, перечислив детально каждое отдельное проявление его тупоумия (II, 1. Teil, S. 256—258, erster Blödsinn — sechster Blödsinn des Herrn Rodbertus*), Маркс переходит к теории ренты Рикардо (II, 2. Teil, § 3 b) «Исторические условия теории Рикардо»⁸⁰.

«Оба — говорит Маркс про Рикардо и Андерсона — оба исходят из воззрения, кажущегося очень странным на континенте, именно, что 1) не существует вовсе поземельной собственности, как помехи любому применению капитала к земле; 2) что земледельцы переходят от лучших земель к худшим. У Рикардо эта предпосылка имеет абсолютное значение, если не считать перерывов в развитии, проистекающих от вмешательства науки и индустрии; у Андерсона эта предпосылка — относительна, ибо худшая почва снова превращается в лучшую; 3) что всегда есть в наличности капитал, есть достаточная масса капитала, чтобы быть примененной к земледелию.

Что касается 1 и 2-ого пунктов, то жителям континента неизбежно должно казаться крайне странным, что в такой стране, в которой, по их представлению, всего сильнее сохранилась феодальная поземельная собственность, экономисты — и Рикардо и Андерсон — исходят из предположения о несуществовании собственности на землю. Это обстоятельство объясняется:

во-первых, из особенности английского «law of enclosure» (закона об оградах, т. е. об оградах общинной земли), не имеющего решительно ничего общего с континентальным разделом общих земель;

во-вторых, нигде на свете капиталистическое производство, начиная с эпохи Генриха VII, не расправлялось так беспощадно с традиционными земледельческими порядками, нигде оно не создавало для себя таких совершенных (адекватных = идеально соответствующих) условий, нигде не подчиняло себе этих условий до такой степени. Англия в этом отношении — самая революционная

* — том II, часть I, стр. 256—258, первая бессмыслица — шестая бессмыслица господина Родбертуса. Ред.

страна в мире. Все исторически унаследованные распорядки, там, где они противоречили условиям капиталистического производства в земледелии или не соответствовали этим условиям, были беспощадно сметены: не только изменено расположение сельских поселений, но сметены сами эти поселения; не только сметены жилища и места поселения сельскохозяйственного населения, но и само это население; не только сметены исконные центры хозяйства, но и само это хозяйство. У немцев, например, экономические распорядки оказались определены традиционными отношениями общинных земель (Feldmarken), расположением хозяйственных центров, известными местами скопления населения. У англичан исторические распорядки земледелия оказались постепенно созданы капиталом, начиная с XV века. Обычное в Соединенном Королевстве техническое выражение «clearing of estates» (буквально = чистка поместий или чистка земель) не встречается ни в одной континентальной стране. А что означает это «clearing of estates»? Оно означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением, — его выгоняли, — ни с существующими деревнями — их сравнивали с землей, — ни с хозяйственными постройками — их отдавали на слом, — ни с данными видами сельского хозяйства — их меняли одним ударом, превращая, например, пахотные поля в выгон для скота, — одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически *создавали* эти условия в такой форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного применения капитала. Постольку, следовательно, действительно *не существует собственности на землю*, ибо эта собственность предоставляет капиталу — фермеру — хозяйничать свободно, интересуясь исключительно получением денежного дохода. Какой-нибудь померанский помещик, у которого в голове только и есть, что стародедовские (angestamnten) общинные земли, центры хозяйства, коллегия земледелия и т. п., может поэтому в ужасе всплескивать руками по поводу «неисторического» воззрения Рикардо на развитие земледельческих распорядков. Но этим он показывает только, что он наивно смешивает померанские и английские условия. С другой стороны, отнюдь нельзя сказать, что Рикардо, исходящий в данном случае из английских условий,

столь же ограничен, как и померанский помещик, мыслящий в пределах померанских отношений. Ибо английские условия — единственные условия, в которых адекватно (с идеальным совершенством) развилась современная собственность на землю, т. е. собственность на землю, *видоизмененная* капиталистическим производством. Английская теория является в этом пункте классической для современного, т. е. капиталистического способа производства. Померанская же теория, наоборот, обсуждает развитые условия с точки зрения исторически более низкой, еще не вполне сложившейся (не адекватной) формы отношений» (Seiten* 5—7).

Это — замечательно глубокое рассуждение Маркса. Размышляли ли над ним когда-нибудь наши «муниципалитеты»?

Маркс еще в III томе «Капитала» (2. Teil, S. 156) указывал, что та форма поземельной собственности, которую застает в истории начинающий развиваться капиталистический способ производства, *не соответствует* капитализму. Капитализм *сам создает* себе соответствующие формы земельных отношений из старых форм — из феодального помещичьего, из крестьянски-общинного, кланового землевладения и т. д.⁸¹ В приведенном месте Маркс сопоставляет *разные способы* создания капиталом соответствующих ему форм землевладения. В Германии пересоздание средневековых форм землевладения шло, так сказать, реформаторски, приспособляясь к рутине, к традиции, к крепостническим поместьям, медленно превращающимся в юнкерские хозяйства, к рутинным участкам крестьян-лежебок**, переживающих трудный переход от барщины к клятву и грессбауэру. В Англии это пересоздание шло революционно, насильственно, но насилия производились в пользу помещиков, насилия производились над крестьянскими массами, которые изнурялись поборами, выгонялись из деревень, выселялись, вымирали и эмигрировали. В Америке это пересоздание шло насильственно по отношению к рабовладельческим экономиям южных Штатов. Здесь насилие было применено против

* — страницы. Ред.

** Сравни «Theorien über den Mehrwert», II. Band, 1. Teil, Seite 280: условие капиталистического способа производства в земледелии — «замена крестьянина-лежебки промышленником» (Geschäftsmann)⁸².

крепостников-помещиков. Их земли были разбиты, поземельная собственность из крупной феодальной стала превращаться в мелкую буржуазную. А по отношению к массе «свободных» американских земель эту роль создания новых земельных распоряжков для нового способа производства (т. е. для капитализма) сыграл «американский черный передел», движение 40-х годов против ренты (Anti-Rent-Bewegung), законодательство о гомстедах⁸³ и т. д. Когда немецкий коммунист Герман Криге, в 1846 году проповедывал уравнилельный земельный передел в Америке, Маркс высмеял эсеровские предрассудки и мещанскую теорию этого квази-социализма, но оценил историческое значение американского движения *против поземельной собственности**, как движения, прогрессивно выражающего интересы развития производительных сил, интересы капитализма, в Америке.

6. ПОЧЕМУ МЕЛКИЕ СОБСТВЕННИКИ В РОССИИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ВЫСКАЗАТЬСЯ ЗА НАЦИОНАЛИЗАЦИЮ?

Взгляните с указанной точки зрения на аграрную эволюцию России со второй половины XIX века.

Что такое наша «великая» крестьянская реформа, отрезка земли у крестьян, переселения крестьян на «песочки», введение при помощи военной силы, расстрелов и экзекуций новых земельных распоряжков? Это — первое массовое насилие над крестьянством в интересах рождающегося капитализма в земледелии. Это — помещичья «чистка земель» для капитализма.

Что такое столыпинское аграрное законодательство по 87 статье, это поощрение грабежа общин кулаками,

* «Вперед», 1905, № 15 (Женева, 7/20 апреля), статья: «Маркс об американском «черном переделе»» (см. Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 294—300. Ред.) (второй том мериноговского Собрания сочинений Маркса и Энгельса). «Мы вполне признаем, — писал Маркс в 1846 году, — движение американских национал-реформистов в его исторической правомерности. Мы знаем, что это движение стремится к достижению такого результата, который, правда, в данную минуту дал бы толчок развитию индустриализма современного буржуазного общества, но который, будучи плодом пролетарского движения, неизбежно должен в качестве нападения на земельную собственность вообще и в особенности при существующих в настоящее время в Америке условиях повести дальше, благодаря его собственным последствиям, к коммунизму. Криге, принявший вместе с немецкими коммунистами в Нью-Йорке к движению против ренты (Anti-Rent-Bewegung), облекает этот простой факт в напыщенные фразы, не вдаваясь в рассмотрение самого содержания движения»⁸⁴.

эта ломка старых поземельных отношений в пользу горстки зажиточных хозяев ценою быстрого разорения массы? Это — второй крупный шаг массового насилия над крестьянством в интересах капитализма. Это — вторая *помещичья «чистка земель»* для капитализма.

А что такое трудовическая национализация земли в русской революции?

Это — *крестьянская «чистка земель» для капитализма.*

В том-то и состоит основной источник всех благоглупостей у наших муниципалистов, что они не понимают *хозяйственной* основы буржуазного аграрного переворота в России в двух возможных видах этого переворота, помещичьи-буржуазного и крестьянски-буржуазного. Без «чистки» средневековых поземельных отношений и распорядков, частью феодальных, частью азиатских, *не может* произойти буржуазный переворот в земледелии, ибо капитал *должен*, — в смысле экономической необходимости должен, — создать себе *новые* поземельные распорядки, приспособленные к новым условиям свободного торгового земледелия. Эта «чистка» средневекового хлама в области аграрных отношений вообще и старого земле-владения в первую голову должна коснуться главным образом земель помещичьих и надельных крестьянских, ибо то и другое земле-владение теперь, в данном своем виде, приноровлено к отработкам, к наследию барщины, к кабале, а не к свободному капиталистически развивающемуся хозяйству. Столыпинская «чистка» лежит, несомненно, по линии прогрессивного капиталистического развития России, но только приспособлена эта чистка всецело к интересам помещиков: пусть богатые крестьяне втридорога заплатят «крестьянскому» (читай: помещичьему) банку, — мы за то дадим им свободу грабить общину, насильственно экспроприировать массу, округлять свои участки, выселять крестьянскую бедноту, подрывать самые основы жизни целых сел, создавать во что бы то ни стало, несмотря ни на что, пренебрегая хозяйством и жизнью какого угодно числа «исконных» надельных земледельцев, создавать новые отрубные участки, основу нового капиталистического земледелия. В этой линии есть безусловный хозяйственный смысл, она *верно* выражает *действительный* ход развития, каким он должен быть *при господстве* помещиков, превращающихся в юнкеров.

Какова же другая, крестьянская, линия? Либо она экономически невозможна — и тогда все разговоры о конфискации крестьянами помещичьей земли, о крестьянской аграрной революции и прочее — одно шарлатанство или пустое мечтание. Либо она экономически возможна, при условии победы одного элемента буржуазного общества над другим элементом буржуазного общества, — и тогда мы должны ясно представить себе и ясно показать народу конкретные условия этого развития, условия крестьянского пересоздания старых землевладельческих отношений по-новому, по-капиталистическому.

Тут естественно является мысль: эта крестьянская линия и есть *раздел* помещичьих земель в собственность крестьянства. Отлично. Но чтобы этот раздел в собственность соответствовал действительно новым, капиталистическим условиям земледелия, — нужно, чтобы раздел произошел по-новому, а не по-старому. Основой раздела должна быть не старая надельная земля, распределенная между крестьянами сотню лет тому назад по воле помещичьих бурмистров или чиновников азиатской деспотии, — основой должны быть требования свободного, торгового земледелия. Раздел, чтобы удовлетворять требованиям капитализма, должен быть разделом между *фермерами*, а не разделом между крестьянами-«лежебоками», из которых подавляющее большинство хозяйничает по рутине, по традиции, применительно к условиям патриархальным, а не капиталистическим. Раздел по старым нормам, т. е. применительно к старому, надельному, землевладению, будет не *чисткой* старого землевладения, а *увекочечением* его, не освобождением пути для капитализма, а *обременением* его массой неприспособленных и неприспособляемых «лежебок», которые не могут стать фермерами. Раздел, чтобы стать прогрессивным, должен основываться на *новой* разборке между крестьянами-земледельцами, на разборке, отделяющей фермеров от негодного хлама. А эта новая разборка и есть национализация земли, т. е. полное уничтожение частной собственности на землю, полная свобода хозяйства на земле, свобода образования фермеров из старого крестьянства.

Представьте себе современное крестьянское хозяйство и характер надельного, т. е. старого крестьянского землевладения. «Будучи объединены общиной в крохотные

административно-фискальные и землевладельческие союзы, крестьяне раздроблены массой разнообразных делений их на разряды, на категории по величине надела, по размерам платежей и пр. Берем хоть земско-статистический сборник по Саратовской губернии; крестьянство делится здесь на следующие разряды: дарственники, собственники, полные собственники, государственные, государственные с общинным владением, государственные с четвертным владением, государственные из помещичьих, удельные, арендаторы казенных участков, безземельные, собственники бывшие помещичьи, на выкупной усадьбе, собственники бывшие удельные, поселяне-собственники, переселенцы, дарственные бывшие помещичьи, собственники бывшие государственные, вольноотпущенники, безоброчные, свободные хлебопашцы, временно-обязанные, бывшие фабричные и т. д., а затем еще крестьяне приписные, пришлые и пр. Все эти разряды отличаются историей аграрных отношений, величиной наделов и платежей и пр., и пр. И внутри разрядов подобных же различий масса: иногда даже крестьяне одной и той же деревни разделены на две совершенно отличные категории: «бывших господина N.N.» и «бывших госпожи M.M.». Вся эта пестрота была естественна и необходима в средние века*. Если бы *новый* раздел помещичьих земель произошел применительно к этому феодальному землевладению — все равно, в смысле ли дополнения до единой нормы, т. е. раздел поровну, или в смысле какой-нибудь пропорциональности между новым и старым, или как-нибудь иначе, — этот раздел не только не гарантировал бы соответствия разделенных участков требованиям капиталистической агрикультуры, а, напротив, *закрепил* бы заведомое *несоответствие*. Такой раздел *затруднил* бы общественную эволюцию, привязал бы новое к старому, вместо того, чтобы освободить новое *от* старого. Действительным освобождением является *только* национализация земли, позволяющая *вырабатываться* фермерам, *складываться* фермерскому хозяйству вне связи со старым, без всякого отношения к средневековому наделному землевладению.

* «Равнение капитализма», гл. V, IX: «Несколько замечаний о докапиталистической виноделии нашей деревни», стр. 293. (См. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 332. Ред.)

Капиталистическая эволюция на средневековых наделных землях крестьянства шла в пореформенной России таким образом, что прогрессивные хозяйственные элементы *высвобождались* из-под определяющего влияния надела. С одной стороны, высвобождались пролетарии, сдавая наделы, бросая их, запуская земли. С другой стороны, высвобождались *хозяева*, высвобождались посредством покупки и аренды земли, строя *новое* хозяйство из *разных кусочков* старого, средневекового землевладения. Земля, на которой хозяйничает современный русский сколько-нибудь состоятельный крестьянин, т. е. такой, который действительно способен превратиться при благоприятном исходе революции в свободного фермера, — эта земля состоит частью из его собственного надела, частью из арендованного надела соседа-общинника, частью, может быть, из долгосрочной аренды у казны, из погодной аренды у помещика, из земли, купленной у банка, и т. д. Капитализм требует того, чтобы *все* эти различия разрядов отпали, чтобы всякое хозяйство на земле построено было исключительно соответственно новым условиям и требованиям рынка, требованиям агрикультуры. Национализация земли выполняет это требование революционно-крестьянским методом, *стригая* с народа сразу и целиком *всю* гнилую ветвь *всех* форм средневекового землевладения. Не должно быть ни помещичьего, ни *надельного* землевладения, должно быть только новое, свободное землевладение, — таков лозунг радикального крестьянина. И этот лозунг выражает самым верным, самым последовательным и решительным образом интересы капитализма (от которого радикальный крестьянин ограждает себя по наивности крестным знаменем), интересы наибольшего развития производительных сил земли при товарном производстве.

Можно судить по этому об остроумии Петра Маслова, у которого *все* отличие аграрной программы от трудовической крестьянской сводилось к *закреплению* старого, средневекового, надельного землевладения! Крестьянская надельная земля, это — гетто, в котором задыхается и из которого рвется крестьянство к свободной* земле. А Петр

* «Социалист-революционер» г. Мушенко, всего цельнее и вразумительнее в II Думе владыки своей партии, провозгласил прямо: «Мы поднимаем знамя освобождения земли» (41 заседание, 26 мая 1907, стр. 1174). Надо быть слепым,

Маслов, вопреки крестьянским требованиям свободной, т. е. национализированной, земли, увековечивает это гетто, закрепляет старое, подчиняет лучшие земли, конфискуемые у помещиков и передаваемые в общественное пользование, условиям старого землевладения и старого хозяйства. Крестьянин-трудовик — на деле самый решительный буржуазный революционер, на словах — мещанский утопист, воображающий, что «черный передел» есть исходный пункт гармонии и братства*, а не капиталистического фермерства. Петр Маслов на деле — реакционер, закрепляющий из страха перед Вандеей будущей контрреволюции теперешние антиреволюционные элементы старого землевладения, увековечивающий крестьянское гетто, на словах же у него непродуманные, бессмысленно заученные словески о буржуазном прогрессе. Действительных условий действительно свободно-буржуазного, а не столыпински-буржуазного прогресса русского земледелия Маслов и К^о абсолютно не поняли.

Отличие вульгарного марксизма Петра Маслова и тех приемов исследования, которые действительно применял Маркс, всего яснее можно видеть на отношении к мелко-буржуазным утопиям народников (и эсеров в том числе). В 1846 году Маркс беспощадно разоблачил мещанство американского эсера Германа Крите, который предлагал настоящий черный передел для Америки, называя этот передел «коммунизмом». Диалектическая и революционная критика Маркса отметала шелуху мещанской доктрины и выделяла здоровое ядро «нападений на земельную собственность» и «движения против ренты». Наши же вульгарные марксисты, критикуя «уравнительный передел», «социализацию земли», «равное право на землю», ограничиваются опровержением доктрины и сами обнаруживают этим свое тупое доктринерство, не видящее живой жизни крестьянской революции под мертвой доктриной народнической теории. Маслов и меньшевики довели это тупое доктринерство, выраженное в нашей «муниципализаторской»

чтобы не видеть не только капиталистического реального характера этого янобы «социалистического» знамени (это видит и Петр Маслов), но и экономической прогрессивности такой аграрной революции по сравнению со столыпинско-надетской (этого не видит Петр Маслов).

* Сравни наивное выражение этой буржуазно-революционной точки зрения в речи «народного социалиста» Волна-Карачевского о «равенстве, братстве, свободе» (II Дума, 16 заседание, 26 марта 1907 г., стр. 1077—1080).

программе закрепления самой отсталой средневековой собственности на землю, до того, что от имени с.-д. партии во второй Думе могли говориться такие поистине позорные вещи: ...«Если в вопросе о способе отчуждения земли мы (социал-демократы) к этим (народническим) фракциям стоим гораздо ближе, чем к фракции народной свободы, то в вопросе о формах землепользования мы от них стоим дальше» (47 засед., 26 мая 1907 г., стр. 1230 стенографического отчета).

Действительно, в крестьянской аграрной революции меньшевики стоят дальше от революционной крестьянской национализации и ближе к либерально-помещичьему сохранению надельной (да и не одной надельной) собственности. Сохранение надельной собственности есть сохранение забитости, отсталости, кабалы. Естественно, что либеральный помещик, мечтая о выкупе, распинается за надельную собственность *... рядом с сохранением доброй доли помещичьей собственности! А социал-демократ, сбитый с толку «муниципализаторами», не понимает того, что звук слов исчезает, а дело остается. Звук слов об уравнительности, социализации и т. п. исчезает, ибо *не может* быть уравнительности в товарном производстве. Но *дело* останется, т. е. останется **наибольший**, возможный при капитализме, разрыв с феодальной стариной, с средневековым надельным землевладением, со всей и всяческой рутинной и традицией. Когда говорят: «из уравнительного передела ничего не выйдет», то марксист должен понимать, что это «ничего» относится *исключительно* к социалистическим задачам, исключительно к тому, что капитализма это не устранил. Но из попыток такого передела, даже из идеи такого передела *очень многое* выйдет на пользу буржуазно-демократического переворота.

Ибо этот переворот может произойти либо с преобладанием помещиков над крестьянами — а это требует сохра-

* Между прочим. Меньшевики (и в том числе т. Церетели, речь которого я цитировал) глубоко заблуждаются, думая, что кадеты сколько-нибудь последовательно отстаивают *свободную* собственность крестьян. Это *неправда*. От имени партии кадетов г. Кутлер во второй Думе высказался за собственность (в отличие от первоначального проекта кадетов относительно государственного земельного запаса), но в то же время сновал: «партия *полагает* ограничить их (крестьян) только (!) в праве отчуждения и в праве залога, т. е. предотвратить в будущем широкое развитие нулли-продажи земель» (12 засед., 19 марта 1907, стр. 740 стенографического отчета). Это — *артиреакционная* программа бюрократа, передетого либералом.

нения старой собственности и столыпинского реформирования ее, исключительно силою рубля. Либо он произойдет путем победы крестьянства над помещиками — а это невозможно, в силу объективных условий капиталистической экономики, без уничтожения всей средневековой собственности на землю, и помещичьей и крестьянской. Либо столыпинская аграрная реформа, либо крестьянски-революционная национализация. *Только* эти решения экономически реальны. Все же среднее, начиная от меньшевистской муниципализации и кончая кадетским выкупом, есть мещанская ограниченность, тупое искажение доктрины, плохая выдумка.

7. КРЕСТЬЯНЕ И НАРОДНИКИ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ НАДЕЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ

Что отмена собственности на надельные земли является условием создания свободного, соответствующего новым капиталистическим условиям, крестьянского хозяйства, это сознают вполне отчетливо сами крестьяне. Г-н Громан, подробно и точно описывающий прения на крестьянских съездах *, приводит следующее замечательное мнение крестьянина:

«При обсуждении вопроса о выкупе один делегат, не встретив возражений по существу, сказал: «говорили, что без выкупа страдают многие из крестьян, которые купили землю на трудовые деньги. Таких мало, не много и земли у них, *они все равно получают землю при разверстке*». Вот где источник готовности отказаться от права собственности и на надельную и на купчие земли.

И несколько дальше (стр. 20) г. Громан повторяет это, как общее мнение крестьян.

«Все равно, получают при разверстке!» Разве не ясно, какая хозяйственная необходимость продиктовала этот довод? Новая разверстка всей земли, и помещичьей и надельной, не может уменьшить землевладения девяти десятых (а вернее, девяносто девяти сотых) крестьянства; бояться ее нечего. А нужна она потому, что даст возможность настоящим, заправским хозяевам составить свое землепользование соответственно новым условиям, соответственно

* «Материалы к крестьянскому вопросу» (Отчет о заседаниях делегатского съезда Всероссийского крестьянского союза 6—10 ноября 1905 г. С вступительной статьей В. Громана. Изд-во «Новый Мир», СПб. 1905, стр. 12).

требованиям капитализма («велениям рынка» для отдельных производителей), не подчиняясь тем средневековым отношениям, которые определили величину, расположение, распределение именно надельной собственности.

Г. Пешехонов, практичный и трезвый «народный социалист» (читай: социал-кадет), сумевший, как мы видели, приспособиться к требованиям всероссийской массы мелких хозяев, выражает эту точку зрения еще более определенно.

«Надельные земли, — пишет он, — эта важнейшая в производственном отношении часть территории, закреплены за сословием, хуже того: за мелкими его группами, за отдельными дворами и селениями. Благодаря этому, в пределах даже надельной площади крестьянство, взятое в его массе, свободно расселиться не может... Неправильное, не отвечающее требованиям рынка (это заметьте!) размещение населения... Нужно снять запрет с земель казенных, нужно освободить от пут собственности надельные, нужно разгородить частновладельческие. Нужно вернуть русскому народу его землю, и тогда он разместится на ней, как того требуют его хозяйственные потребности» (А. В. Пешехонов: «Аграрная проблема в связи с крестьянским движением», СПб. 1906, стр. 83, 86, 88—89. Курсив наш).

Неужели не ясно, что устами этого «народного социалиста» говорит фермер, желающий встать на свои собственные ноги? Неужели не ясно, что «освобождение надельных земель от пут собственности» действительно необходимо ему для нового размещения, для нового образования земельных участков, «отвечающего требованиям рынка», т. е. требованиям капиталистического земледелия? Ведь г. Пешехонов — напомним еще раз — настолько трезв, что отвергает всякую социализацию, отвергает всякое приспособление к общинному праву — недаром его проклинаят, как индивидуалиста, социалисты-революционеры! — отвергает всякое запрещение наемного труда в крестьянском хозяйстве.

Реакционность поддержки надельной крестьянской собственности при такого рода национализаторских стремлениях крестьянства становится вполне очевидной. А. Финн, приведший в своей брошюре некоторые из приведенных нами рассуждений г. Пешехонова, критикует его, как народника, доказывает ему неизбежность развития капитализма из крестьянского хозяйства и внутри крестьянского хозяйства (стр. 14 и след. в цитированной брошюре). Это — критика неудовлетворительная, ибо за общим во-

просом о развитии капитализма А. Финн просмотрел конкретный вопрос об условиях более свободного развития капиталистического земледелия на *надельных* землях! А. Финн ограничивается только постановкой вопроса о капитализме *вообще* и одерживает легкую победу над давно побежденным народничеством. Но речь идет о более конкретном* вопросе: о помещичьем и крестьянском типе «разгораживания» (выражение г. Пешехонова), «чистки» земли для капитализма.

Во второй Думе официальный оратор партии с.-р. г. Мушенко, говоривший заключительную речь по аграрному вопросу, с такой же определенностью, как г. Пешехонов, выразил *капиталистическую* сущность той национализации земли, которую мещанским социалистам угодно называть «социализацией», установлением «равного права на землю» и т. п.

«Правильное расселение — сказал г. Мушенко — возможно лишь тогда, когда земля будет разгорожена, когда будут сняты все перегородки, наложенные на нее принципом частной собственности на землю» (47 засед., 26 мая 1907, стр. 1172 стенографического отчета). Именно так! «Правильное» расселение есть то, которого требует рынок, капитализм. «Правильному» расселению «правильных» хозяев мешает и помещичье и *надельное* землевладение.

Еще одно наблюдение над заявлениями делегатов Крестьянского союза заслуживает нашего внимания. Г. Громан пишет в названной брошюре:

«Пресловутый вопрос об «общине» — этот краеугольный камень старо- и ново-народничества — совсем не поднимался и молча решен отрицательно: земля должна быть в пользовании лиц и товариществ, гласят резолюции и первого и второго съезда» (стр. 12).

* К чему в конце концов может повести это пешехоновское трудовое хозяйство? — спрашивает А. Финн и отвечает совершенно справедливо: «к капитализму» (стр. 19 наив. брошюры). От этой несомненной истины, которую действительно необходимо было разъяснить для народника, следовало пойти дальше, и выяснению особых форм проявления требований капитализма в обстановке крестьянской аграрной революции. Вместо этого А. Финн пошел назад: «Спрашивается, — пишет он, — зачем же нам возвращаться назад, крутиться по каким-то самобытным путям, чтобы в конце концов опять выйти на ту дорогу, по которой мы уже идем? Бесполезный это труд, г. Пешехонов!» (там же). Нет, не бесполезный труд и не «в конце концов» выводящий к капитализму, а *всегда прежде, свободнее, быстрее идущий по пути капитализма*. А. Финн не продумал сравнительных особенностей столыпинской капиталистической эволюции земледелия в России и крестьянско-революционной капиталистической эволюции земледелия в России.

Итак, крестьяне ясно и решительно высказались против старой общины за вольные товарищества и за землепользование отдельных лиц. В том, что это действительно голос всего крестьянства, не может быть сомнения, ибо и проект Трудовой группы (104-х) тоже *не заикается об общине*. А община есть союз по владению надельной землей!

Столыпин уничтожает эту общину насильственно в пользу кучки богатеев. Крестьянство хочет уничтожить ее, заменив свободными *товариществами* и землепользованием «отдельных лиц» на *национализированной* надельной земле. А Маслов и Ко во имя буржуазного прогресса идут наперекор основному требованию этого именно прогресса и отстаивают средневековое землевладение. Избави нас боже от такого «марксизма»!

8. ОШИБКА М. ШАНИНА И ДРУГИХ СТОРОННИКОВ РАЗДЕЛА

М. Шанин, подошедший к вопросу в своей брошюре* несколько с иной стороны, против своей воли дал еще одно подтверждение столь ненавидимой им национализации. Примером Ирландии, анализом условий буржуазного *реформаторства* в области земледелия М. Шанин доказал только одно: несовместимость начал земельной собственности с общественным или государственным владением землей (но эту несовместимость надо доказать и общим теоретическим анализом, о котором даже не вспомнил Шанин), — затем он доказал разве еще необходимость признания собственности для всякой государственно-реформаторской деятельности в области капиталистически развивающегося земледелия. Но все эти доказательства Шанина бьют всецело мимо цели: конечно, в условиях буржуазного реформаторства мыслима *только* частная собственность на землю; конечно, сохранение частной собственности на главную массу земель Соединенного Королевства не оставляло иного пути для его части, как путь частной собственности. Но какое это имеет отношение к «крестьянской аграрной революции» в России? Правильный путь, если хотите, указал М. Шанин, но он указал правильный путь столыпинской аграрной реформе, а

* «Муниципализация или раздел в собственность». М. Шанина, Вильна, 1907 г.

не крестьянской аграрной революции*. У М. Шанина нет ни искорки сознания различия между тем и другим, — а без выяснения этого различия смешно и говорить о с.-д. аграрной программе в русской революции. И когда М. Шанин, следуя, разумеется, самым лучшим побуждениям, защищает против выкупа конфискацию, то у него пропадает всякая историческая перспектива. Он забывает, что в буржуазном обществе конфискация, т. е. экспроприация без выкупа, так же абсолютно несовместима с *реформаторством*, как и национализация земли. Говорить о конфискации и допускать реформаторское, а не революционное решение аграрного вопроса, это все равно что подавать прошение Столыпину об уничтожении помещичьего землевладения.

Другая сторона брошюры Шанина — усиленное подчеркивание *агркультурного* характера нашего земельного кризиса, безусловной необходимости перехода к высшим формам хозяйства, к поднятию техники земледелия, невероятно низкой в России, и т. д. Эти верные положения Шанин развил до такой степени невероятно-односторонне, он до такой степени обошел молчанием уничтожение крепостнических латифундий и изменение отношений землевладения, как условие этого технического переворота, что перспектива получилась в корне фальшивая. Ибо к техническому подъему земледелия идет также, и правильно с точки зрения помещичьих интересов идет, столыпинская аграрная реформа. Насильственное раздробление общины законами 9 ноября 1906 г. и т. п., насаждение хуторов и субсидирование отрубного хозяйства, — это вовсе не мираж, как иногда говорят легкомысленные болтуны демократической журналистики, это —

* И ссылка Шанина на пример Ирландии, доказывающий перевес частной собственности над арендой (а не над национализацией всей земли), не нова. «Либеральный» профессор г. А. И. Чупров совершенно так же аргументирует примером Ирландии предпочтительность крестьянской собственности на землю («Аграрный вопрос», т. II, стр. 11). А какова истинная натура этого «либерала» и даже «конституционного-демократа», видно из стр. 33 его статьи. Здесь, с невероятным бесстыдством, только в России возможным либеральным бесстыдством, г. Чупров предлагает во всех землеустроительных комиссиях подчинить крестьян *большинству из помещиков!!* Пять членов от крестьян и 5 от помещиков, а председатель «назначается земским собранием», т. е. *собранием помещиков*. В I Думе на пример Ирландии ссылался *правый князь Друцкий-Людский* в доказательство необходимости частной собственности на землю и против надельного проекта (заседание 24 мая 1906 г., стр. 626 стенографического отчета).

реальность экономического прогресса на почве сохранения помещичьей власти и помещичьих интересов. Это путь невероятно медленный и невероятно мучительный для самых широких масс крестьянства и для пролетариата, но этот путь есть единственно возможный путь для капиталистической России, *если* не победит крестьянская аграрная революция.

Взгляните на поставленный Шаниным вопрос с точки зрения *такой* революции. Новая земледельческая техника требует пересоздания *всех* условий старореволюционного, заско-рузлого, дикого, невежественного, нищенского крестьянского хозяйства на наделной земле. Должно быть выброшено за борт и трехполье, и первобытные орудия труда, и патриархальное безденежье земледельца, и рутинное скотоводство, и наивное, медвежье незнание условий и требований рынка. Что же? Возможно это революционизирование хозяйства при консервировании землевладения? А раздел между теперешними наделными собственниками есть консервирование наполовину* средневекового землевладения. Раздел мог бы быть прогрессивен, если бы он закреплял *новое* хозяйство, *новую* агрикультуру, выкидывая за борт старое. Но раздел не может выполнить роли импульса к новой агрикультуре, если он базируется на старом наделном землевладении. Тов. Борисов⁸⁵, сторонник раздела, говорил в Стокгольме: «Наша аграрная программа есть программа для периода развивающейся революции, периода ломки старого порядка и организации нового социально-политического строя. В этом ее основная мысль. Социал-демократия не должна связывать себя решениями, обязывающими ее поддерживать какую-либо форму хозяйства. В этой борьбе новых общественных сил против основ старого строя нужно разрубить запутавшийся узел решительным ударом» (стр. 125 протоколов). Все это вполне верно и превосходно выражено. И все это говорит за национализацию, ибо только она действительно «ломает» все старое средневековое землевладение, только она действительно разрушает запутавшийся узел, предоставляя новым хозяйствам полную свободу складываться на национализированной земле.

* Выше я показал, что из 280 млн. дес. земельного фонда Европ. России половине — 138,8 млн. дес. — составляет наделное землевладение. (См. настоящий том, стр. 199. *Ред.*)

Спрашивается, где же критерий того, сложилось ли уже настолько новое земледелие, чтобы *к нему* приспособить раздел земли, — а не закреплять разделом старые помежи новому хозяйству? Критерий этого может быть один — практика. Никакая статистика в мире не может учесть того, насколько именно «отвердели» элементы крестьянской буржуазии в данной стране, чтобы подогнать землевладение к хозяйству на земле. Это могут учесть *только* сами хозяева в своей массе. И невозможность такого учета в данный момент *доказана* выступлением крестьянской массы в нашей революции с программой национализации земли. Мелкий земледелец до такой степени срастается всегда и во всем мире со своим хозяйством (если это только действительно *его* хозяйство, а не кусочек отработочного помещичьего хозяйства, как это часто бывает в России), — что «фанатическое» отстаивание земельной собственности является у него в известный исторический период и на известное время неизбежным. Если в массе русских крестьян *в данную эпоху* вместо фанатизма собственников — фанатизма, насаждаемого всеми правящими классами, всеми либерально-буржуазными политиками, — распространилось и утвердилось требование национализации земли, то было бы ребячеством или тупоумным педантством объяснять это влиянием публицистов «Русского Богатства»⁸⁶ или брошюрок г. Чернова. Это объясняется тем, что реальные условия жизни мелкого земледельца, мелкого хозяина в деревне ставят перед ним экономическую задачу не закрепления сложившейся уже новой агрикультуры разделом земель в собственность, а *расчистки* почвы для образования (из наличных элементов) новой агрикультуры на «свободной», т. е. национализированной, земле. Фанатизм собственника может и должен в свое время явиться, как требование обеспечить свое хозяйство со стороны *вылупившегося* уже из лйца фермера. Национализация земли должна была в русской революции стать требованием крестьянских масс, как лозунг фермеров, *желающих разбить* средневековую скорлупу. Поэтому *проповедь* раздела социал-демократами, обращенная к национализаторски настроенной крестьянской массе, которая как раз только начинает входить в условия окончательной «разборки», долженствующей выделить фермеров, способных создать капиталистическую

агрикультуру, такая проповедь есть вопиющая историческая бестактность, неумение учесть конкретный исторический момент.

Наши социал-демократы-«разделисты», гг. Финн, Борисов, Шанин, свободны от того теоретического дуализма, в который впадают «муниципалисты» вплоть до их пошлой критики теории ренты Маркса (об этом ниже), но они делают ошибку другого рода, ошибку исторической перспективы. Стоя в теоретическом отношении на общей правильной позиции (и отличаясь этим от «муниципалистов»), они повторяют ошибку нашей «отрезочной» программы 1903-го года. Источником этой последней ошибки было то, что, верно определяя *направление* развития, мы неверно определили *момент* развития. Мы предположили, что элементы капиталистического земледелия уже вполне сложились в России, сложились и в помещичьем хозяйстве (минус кабальные «отрезки» — отсюда требование отрезков), сложились и в крестьянском хозяйстве, которое казалось выделившим крепкую крестьянскую буржуазию и неспособным поэтому к «крестьянской аграрной революции». Не «боязнь» крестьянской аграрной революции породила ошибочную программу, а *переоценка степени* капиталистического развития в русском земледелии. Остатки крепостного права казались нам тогда мелкой частностью, — капиталистическое хозяйство на надельной и на помещичьей земле — вполне созревшим и окрепшим явлением.

Революция разоблачила эту ошибку. Направление развития, определенное нами, она подтвердила. Марксистский анализ классов русского общества так блестяще подтвержден всем ходом событий вообще и первыми двумя Думами в частности, что немарксистский социализм подорван окончательно. Но остатки крепостничества в деревне оказались гораздо сильнее, чем мы думали, они вызвали общенациональное движение крестьянства, они сделали из *этого* движения оселок всей буржуазной революции. Роль гегемона, всегда указывавшаяся революционной социал-демократией пролетариату в буржуазном освободительном движении, пришлось определить точнее, как роль вождя, ведущего за собой *крестьянство*. Ведущего из чего? На буржуазную революцию в самом последовательном и решительном виде. Исправление ошибки

состояло в том, что вместо частной задачи борьбы с *остатками старого* в земледельческом строе мы должны были поставить задачи борьбы *со всем старым земледельческим строем*. Вместо очистки помещичьего хозяйства поставили *уничтожение* его.

Но это исправление, сделанное под влиянием внушительного хода событий, не заставило многих из нас продумать до конца наше новое определение степени капиталистического развития в русском земледелии. Если требование конфискации всех помещичьих земель оказалось исторически правильным, — а оно, несомненно, оказалось таковым, — то это означало, что широкое развитие капитализма требует новых отношений землевладения, что зачатки капитализма в помещичьем хозяйстве могут и должны быть принесены в жертву широкому и свободному развитию капитализма на почве обновленного мелкого хозяйства. Принять требование конфискации помещичьих земель значит признать возможность и необходимость обновления мелкого земледельческого хозяйства при капитализме.

Допустимо ли это? Не авантюра ли поддержка мелкого хозяйства при капитализме? Не пустая ли мечта это *обновление* мелкой культуры? Не демагогическое ли это «уловление крестьян», *Wauernfang*? Так, несомненно так, думали многие товарищи. Но они ошибались. Обновление мелкого хозяйства возможно и при капитализме, если историческая задача состоит в борьбе с докапиталистическим строем. Так обновила мелкое хозяйство Америка, революционно разбившая рабовладельческие латифундии и создавшая условия наиболее быстрого, наиболее свободного развития капитализма. В русской революции борьба за землю есть не что иное, как борьба за обновленный путь капиталистического развития. Последовательный лозунг такого обновления — национализация земли. Исключать из нее надельные земли — экономически реакционно (мы будем говорить о политической реакционности такого исключения особо). «Разделисты» же *перескакивают* через историческую задачу данной революции, предполагают решенным то, из-за чего только еще начала идти массовая крестьянская борьба. Вместо того, чтобы толкать вперед процесс обновления, — вместо того, чтобы выяснять крестьянству условия последовательного обновления,

они уже кроют халат для успокоенного обновившегося фермера*.

«Всякому овощу свое время». От поддержки раздела социал-демократия не может зарекаться. В иной исторический момент, на другой ступени аграрной эволюции раздел может оказаться неизбежным. Но задачи буржуазно-демократической революции в России 1907-го года раздел выражает совершенно неправильно.

Г Л А В А III

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ И МУНИЦИПАЛИЗАЦИИ

Крупный недостаток почти всей социал-демократической прессы по вопросу об аграрной программе вообще и в частности недостаток прений на Стокгольмском съезде состоит в том, что преобладают практические соображения над теоретическими, политические над экономическими**.

* Странники раздела часто цитируют слова Маркса: «Свободная собственность крестьянина, который сам обрабатывает землю, представляя из себя, очевидно, самую нормальную форму повзельной собственности для мелкого производства... Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства» («Das Kapital», III, 2, 341)*7. Из этого вытекает только то, что полное торжество свободной крестьянской культуры может потребовать частной собственности. Но теперешняя мелкая культура не свободна. Казенное землевладение — инструмент скорее в руках помещика, чем крестьянина, орудие являющегося обработков более, чем орудие свободного труда для крестьянина». Разгром всех форм феодального землевладения и свободное расселение необходимо для создания свободной мелкой культуры.

** В моей брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», которую я отстаивал в Стокгольме, есть вполне определенные (только краткие, как и кратка и вся брошюра) указания на *теоретические* посылки марксистской аграрной программы. Я указывал там, что «голое отрицание национализации» было бы «теоретическим искажением марксизма» (стр. 16 старого издания, стр. 41 настоящего). (См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 158. *Ред.*) Сравни также «Доклад» мой о Стокгольмском съезде, стр. 27—28 старого издания (стр. 63 настоящего). (См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 316. *Ред.*) «И с точки зрения строго научной, с точки зрения условий развития капитализма вообще, мы безусловно должны сказать, если мы не хотим разойтись с 3-м томом «Капитала», что национализация земли возможна в буржуазном обществе, что она содействует экономическому развитию, облегчает конкуренцию и прилив капитала в земледелие, понижает цену на хлеб и пр.» Затем тот же доклад, с. 59 (см. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 347. *Ред.*): «Оно (правое крыло с.-д.), вопреки своему обещанию, не доводит как раз до «логического» конца буржуазно-демократического переворота в земледелии, ибо таковым «логическим» (и экономическим) концом при капитализме является только национализация земли, как уничтожение абсолютной ренты».

Извинением большинству из нас служат, конечно, те условия напряженной партийной работы, при которых мы обсуждали аграрный вопрос в революции: сначала после 9 января 1905 г., за несколько месяцев до взрыва (весенний «3-й съезд РСДРП» большевиков в Лондоне 1905 г. и одновременная конференция меньшинства в Женеве), затем на другой день после декабрьского восстания⁸⁸ и накануне первой Думы в Стокгольме. Но этот недостаток во всяком случае должен быть исправлен теперь, и в частности разбор теоретической стороны вопроса о национализации и муниципализации особенно необходим.

1. ЧТО ТАКОЕ НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ?

Выше мы привели ходячую формулировку общепризнанного теперь положения: «все народнические группы высказываются за национализацию земли». Но на самом деле эта ходячая формулировка очень неточна, и «общепризнанного» в ней, если иметь в виду действительную одинаковость представления об этой «национализации» у представителей разных политических направлений, очень немного. Крестьянская масса требует земли стихийно, будучи угнетаема крепостническими латифундиями и не связывая никаких сколько-нибудь точных экономических представлений с переходом земли к народу. У крестьянина есть только вполне назревшее, выстраданное, так сказать, и закаленное долгими годами угнетения, требование обновить, укрепить, упрочить, расширить мелкое земледелие, сделать его господствующим, и только. Крестьянину рисуется только переход помещичьих латифундий в его руки; крестьянин облекает смутную идею единства всех крестьян, как массы, в этой борьбе словами о народной собственности на землю. Крестьянином руководит инстинкт хозяина, которому мещает бесконечное раздробление современных форм средневекового землевладения и невозможность построить обработку земли вполне соответственно «хозяйским» требованиям, если вся эта средневековая пестрота землевладения сохранится. Экономическая необходимость уничтожить помещичье землевладение, *уничтожить также «путь» наделъного землевладения*, — вот какие отрицательные

понятия исчерпывают *крестьянскую* идею национализации. Какие формы землевладения окажутся необходимыми впоследствии для обновленного мелкого хозяйства, переварившего, так сказать, помещичьи латифундии, об этом крестьянин не думает.

И в народнической идеологии, выражающей требования и надежды крестьянства, отрицательные стороны в понятии (или в смутной идее) национализации безусловно преобладают. Устранить старые помехи, убрать вон помещика, «разгородить» земли, сорвать путы надельного землевладения, укрепить мелкое хозяйство, заменить «неравенство» (помещичьи латифундии) «равенством, братством, свободой» — вот чем исчерпывается, на девять десятых, народническая идеология. Равное право на землю, уравнительное землепользование, социализация, — все это лишь разные формы выражения тех же идей и все это преимущественно отрицательные понятия, ибо новых порядков, как известного уклада общественно-экономических отношений, народник себе не представляет. Для народника переживаемый аграрный переворот есть переход от крепостничества, неравенства, угнетения вообще к равенству и свободе, и только. Это — типичная ограниченность буржуазного революционера, невидящего капиталистических свойств создаваемого им нового общества.

Марксизм, в противоположность наивному воззрению народничества, исследует складывающийся новый строй. При самой полной свободе крестьянского хозяйства, при самом полном равенстве мелких хозяев, сидящих на общенародной или ничьей или «божьей» земле, — мы имеем перед собой строй товарного производства. Мелких производителей связывает и подчиняет себе рынок. Из обмена продуктов складывается власть денег, за превращением в деньги земледельческого продукта следует превращение в деньги рабочей силы. Товарное производство становится капиталистическим производством. И эта теория не есть догмат, а простое описание, обобщение того, что происходит и в русском крестьянском хозяйстве. Чем свободнее это хозяйство от земельной тесноты, от помещичьего гнета, от давления средневековых отношений и порядков землевладения, от кабалы и произвола, — тем сильнее развиваются капиталистические отношения внутри самого крестьянского хозяйства. Это факт, о котором с полной

шей несомненностью свидетельствует вся пореформенная история России.

Следовательно, понятие национализации земли, сведенное на почву *экономической действительности*, есть категория товарного и капиталистического общества. Реально в этом понятии не то, что крестьяне думают или народники говорят, а то, что вытекает из экономических отношений данного общества. Национализация земли при капиталистических отношениях есть передача ренты государству, не более и не менее. А что такое рента в капиталистическом обществе? Это вовсе не доход с земли вообще. Это — та часть прибавочной стоимости, которая остается за вычетом средней прибыли на капитал. Значит, рента предполагает наемный труд в земледелии, превращение земледельца в фермера, предпринимателя. Национализация (в чистом виде) предполагает получение ренты государством с предпринимателей в земледелии, выплачивающих заработную плату наемным рабочим и получающих среднюю прибыль на свой капитал, — среднюю по отношению ко всем, и земледельческим и неземледельческим, предприятиям данной страны или комплекса стран.

Таким образом теоретическое понятие о национализации неразрывно связано с теорией ренты, т. е. именно капиталистической ренты, как особого вида дохода особого класса (землевладельческого) в капиталистическом обществе.

Теория Маркса различает ренту двойного вида: дифференциальную и абсолютную. Первая есть результат ограниченности земли, занятости ее капиталистическими хозяйствами совершенно независимо от того, существует ли собственность на землю и какова форма землевладения. Между отдельными хозяйствами на земле неизбежны различия, проистекающие от различий в плодородии земли, в местоположении участков по отношению к рынку, в производительности добавочных вложений капитала в землю. Для краткости можно суммировать эти различия (не забывая, однако, неодинаковости источников тех или иных различий), как различия лучших и худших земель. Далее. Цену производства земледельческого продукта определяют условия производства не на средних, а на худших землях, так как продукт одних лучших земель недостаточен для покрытия спроса. Разница между индивидуальной

ценой производства и высшей ценой производства и составляет дифференциальную ренту. (Напомним, что ценой производства Маркс называет издержки капитала на производство продукта плюс среднюю прибыль на капитал.)

Дифференциальная рента неизбежно образуется при капиталистическом земледелии, хотя бы при полной отмене частной собственности на землю. При существовании поземельной собственности эту ренту получит землевладелец, ибо конкуренция капиталов заставит фермера (арендатора) удовлетвориться средней прибылью на капитал. При отмене частной собственности на землю эту ренту получает государство. Уничтожение *этой* ренты невозможно, пока существует капиталистический способ производства.

Абсолютная рента происходит из частной собственности на землю. В этой ренте есть элемент монополии, элемент монопольной цены*. Частная собственность на землю мешает свободной конкуренции, мешает выравниванию прибыли, образованию средней прибыли в земледельческих и неземледельческих предприятиях. А так как в земледелии техника ниже, строение капитала отличается большей долей переменного капитала по сравнению с постоянным, чем в промышленности, то *индивидуальная стоимость* земледельческого продукта выше средней. Поэтому частная собственность на землю, задерживая свободное выравнивание прибыли в земледельческих предприятиях наравне с неземледельческими, дает возможность продавать земледельческий продукт не по высшей цене производства, а по еще более высокой индивидуальной стоимости продукта (ибо цена производства определяется средней прибылью на капитал, а абсолютная рента не дает образоваться этой «средней», монопольно закрепляя более высокую, чем средняя, индивидуальную стоимость).

Таким образом дифференциальная рента неизбежно присуща всякому капиталистическому земледелию. Абсолютная — не всякому, а лишь при условии частной собствен-

* Во второй части второго тома «Теорий прибавочной стоимости» Маркс вскрывает «сущность различных теорий ренты»: теорию монопольной цены земледельческого продукта и теорию дифференциальной ренты. Он показывает, что есть верного в той и другой теории, *поскольку* есть элемент монополии в абсолютной ренте. Ср. стр. 125 по поводу теории Адама Смита: «совершенно верно», что рента есть монопольная цена, *поскольку* частная собственность на землю мешает выравниванию прибыли, закрепляя более высокую прибыль, чем средняя».

сти на землю, лишь при исторически* создавшейся отсталости земледелия, отсталости, закрепляемой монополией.

Каутский противопоставляет оба вида ренты, между прочим в их отношении специально к национализации земли, в следующих положениях:

«Поскольку поземельная рента есть дифференциальная рента, она происходит от конкуренции. Поскольку она есть абсолютная рента, — из монополии... На практике поземельная рента выступает перед нами не разделенная на части; нельзя узнать, какая часть из нее — дифференциальная рента, какая — абсолютная. Кроме того к ней примешивается обыкновенно процент на капитал за сделанные землевладельцем затраты. Там, где землевладелец является в то же время и сельским хозяином, поземельная рента соединяется вместе с сельскохозяйственной прибылью.

Тем не менее различие обоих видов ренты имеет самое важное значение.

Дифференциальная рента происходит из капиталистического характера производства, а не из частной собственности на землю.

Эта рента сохранилась бы и при национализации земли, требующей (в Германии) сторонниками земельной реформы, сохраняющими капиталистическое ведение сельского хозяйства. Только доставалась бы тогда эта рента не частным лицам, а государству.

Абсолютная рента происходит из частной собственности на землю, из противоположности интересов землевладельца и остального общества. *Национализация земли дала бы возможность уничтожить эту ренту и понизить на сумму этой ренты цены сельскохозяйственных продуктов* (курсив наш).

Далее, второе различие между дифференциальной и абсолютной рентой состоит в том, что первая не влияет, как составная часть, на цену сельскохозяйственных продуктов, а вторая влияет. Первая происходит из цены производства, вторая — из превышения рыночных цен над ценами производства. Первая проистекает из избытка, из сверхприбыли, доставляемой трудом более производительным на лучшей земле или при лучшем местоположении. Вторая проистекает не из добавочного дохода некоторых видов земледельческого труда; она возможна лишь как *вычет* из наличного количества стоимостей в пользу землевладельца, вычет из массы прибавочной стоимости, — следовательно, либо понижение прибыли, либо вычет из заработной платы. Если цены на хлеб повышаются и повышается также заработная плата, то понижается прибыль на капитал. Если хлебные цены повышаются без повышения заработной платы, то ущерб несут рабочие. Наконец, может случиться так, — и это следует даже считать общим правилом, — что ущерб, причиняемый абсолютной рентой, несут и рабочие и капиталисты вместе**.

* Сравни «Теорию прибавочной стоимости», II том, 1 часть (немецкий оригинал), стр. 259: «В земледелии ручной труд еще преобладает, а буржуазному способу производства свойственно равнать индустрию быстрее, чем земледелие. Это, впрочем, различие историческое, которое может исчезнуть». (Там же стр. 275 и II том, 2 часть, стр. 15) ⁰⁰.

** «Аграрный вопрос», немецкий оригинал, Seiten (страницы. Ред.) 79—80.

Итак, вопрос о национализации земли в капиталистическом обществе распадается на две, существенно различные, части: на вопрос о дифференциальной и об абсолютной ренте. Национализация меняет владельца первой и подрывает самое существование второй. Национализация есть, следовательно, с одной стороны, частная реформа в пределах капитализма (перемена владельца одной части прибавочной стоимости), — а с другой стороны, отмена монополии, стесняющей все развитие капитализма вообще.

Не различая этих двух сторон, т. е. национализации дифференциальной и абсолютной ренты, нельзя понять всего экономического значения вопроса о национализации в России. Но тут мы встречаемся с отрицанием теории абсолютной ренты у П. Маслова.

2. ПЕТР МАСЛОВ ИСПРАВЛЯЕТ ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ КАРЛА МАРКСА *1

В 1901-м году, в заграничной «Заре» мне случилось уже указывать на неправильное понимание теории ренты Масловым по поводу его статей в журнале «Жизнь»*.

Дебаты перед Стокгольмом и в Стокгольме концентрировались, как я уже указал, в совершенно непомерной степени, на политической стороне вопроса. Но после Стокгольма М. Оленов в статье «О теоретических основах муниципализации земли» («Образование», 1907. № 1) разобрал книгу Маслова об аграрном вопросе в России и подчеркнул в особенности неправильность *экономической теории* Маслова, отрицающего вообще абсолютную ренту.

Маслов отвечал Оленову статьей в №№ 2 и 3 «Образования». Он упрекал своего оппонента в «беспардонности», «слихих наездах», «развязности» и т. п. На самом деле, в области *марксистской теории* именно Петр Маслов является беспардонным и тупым наездником, ибо трудно представить себе нечто более невежественное, чем самодовольная «критика» Маркса Масловым, настаивающим на своих старых ошибках.

* См. «Аграрный вопрос», часть I, СПб., 1908, статью «Аграрный вопрос и «критика Маркса», примечание на стр. 178—179. (См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 111. *Ред.*)

«Противоречие теории абсолютной ренты всей теории распределения, изложенной в III томе, — пишет г. Маслов, — настолько резко бросается в глаза, что его можно объяснить лишь тем, что III том — посмертное издание, куда вошли и черновые наброски автора» («Аграрный вопрос», 3 изд., стр. 108, примечание).

Писать такую вещь мог вообще только человек, ничего не понявший в теории ренты Маркса. Но снисходительное пренебрежение великолепного Петра Маслова к автору черновых набросков поистине бесподобно! Этот «марксист» выше того, чтобы считать необходимым для поучения других людей *ознакомиться* с Марксом, проштудировать хотя бы вышедшие в 1905 году «Теории прибавочной стоимости», где теория ренты разжевана, можно сказать, даже для Масловых!

Вот доводы Маслова против Маркса:

«Абсолютная рента получается будто бы благодаря низкому строению земледельческого капитала... Так как строение капитала не влияет ни на цену продукта, ни на норму прибыли и вообще на распределение прибавочной ценности *между* предпринимателями, то оно не может создать никакой ренты. Если строение земледельческого капитала ниже промышленного, то дифференциальная рента получается из прибавочной ценности, получаемой в земледелии же, но это не имеет значения для *образования* ренты. Следовательно, если бы «строение» капитала изменилось, это ничуть не повлияло бы на ренту. Размер ренты ничуть не определяется характером ее происхождения, а единственно только вышеуказанным различием производительности труда при различных условиях» (стр. 108—109 назв. соч. Курсив Маслова).

Интересно бы знать, доходили ли когда-нибудь буржуазные «критики Маркса» до такой легкости опровержения? Ведь наш великолепный Маслов путает сплошь, путает уже тогда, когда *излагает* Маркса (впрочем, это манера и г. Булгакова и всех буржуазных разносителей марксизма, отличающихся от Маслова большей добросовестностью в том отношении, что они не называют себя марксистами). Неправда, что по Марксу абсолютная рента получается благодаря низкому строению земледельческого капитала. Абсолютная рента получается благодаря частной собственности на землю. Эта частная собственность создает особую монополию, не имеющую ничего общего с капиталистическим способом производства, который может существовать и на общинной и на национализированной

земле*. Некапиталистическая монополия частной земельной собственности мешает выравниванию прибыли в тех отраслях производства, которые заслонены этой монополией. Для того, чтобы «строение капитала не влияло на норму прибыли» (надо добавить: строение индивидуального капитала или капитала отдельной отрасли промышленности; Маслов и здесь путает, излагая Маркса), — для того, чтобы образовалась *средняя* норма прибыли, необходимо *выравнивание* прибыли всех отдельных предприятий и всех отдельных областей промышленности. Выравнивание производится свободой конкуренции, свободой приложения капитала ко всем отраслям производства безразлично. Может ли быть эта свобода там, где существует некапиталистическая монополия? Нет, не может. Монополия частной собственности на землю *мешает* свободе приложения капитала, мешает свободе конкуренции, мешает выравниванию непропорционально высокой (вследствие низкого строения земледельческого капитала) земледельческой прибыли. Возражение Маслова — сплошное недомыслие, и это недомыслие особенно наглядно выступает перед нами, когда мы читаем через две страницы ссылку... *на производство кирпичей* (с. 111), где техника тоже отсталая, органическое строение капитала тоже ниже среднего, как и в земледелии, а ренты нет!

И не может быть ренты в производстве кирпичей, почтенный «теоретик», ибо абсолютную ренту порождает не низкое строение земледельческого капитала, а монополия частной земельной собственности, мешающей конкуренции выравнивать прибыль с «низкостроенного» капитала. Отрицать абсолютную ренту — значит отрицать экономическое значение частной собственности на землю.

Второй довод Маслова против Маркса:

«Рента с «последнего» затрачиваемого капитала, рента Родбертуса и абсолютная рента Маркса исчезнет, потому что арендатор всегда может сделать «последний» капитал «предпоследним», если он дает что-нибудь, кроме обычной прибыли» (стр. 112).

Путает, «беспардонно» путает Петр Маслов.

* Сравни «Теорию прибавочной стоимости», т. II, ч. 1, стр. 208, где Маркс выясняет, что землевладелец совершенно лишняя фигура для капиталистического производства, что цель этого последнего «вовсе достигается», если земля принадлежит государству⁹².

Во-первых, сопоставление Родбертуса и Маркса в вопросе о ренте есть круглое невежество. Теория Родбертуса основана на предположении, что ошибочный расчет помещика («не считать» сырого продукта в земледелии!) обязателен и для капиталиста-фермера. В теории Родбертуса нет ни грана *историзма*, ни грана исторической реальности, ибо он берет земледелие вообще, вне времени и пространства, земледелие любой страны и любой эпохи. Маркс берет особый исторический период, когда капитализм быстрее развил технику промышленности, чем земледелия. Маркс берет *капиталистическое* земледелие, стесненное *некапиталистической* частной собственностью на землю.

Во-вторых, ссылка на арендатора, который «может всегда» сделать последний капитал предпоследним, показывает, что великолепный Петр Маслов не понял не только абсолютной, *но и дифференциальной ренты* Маркса! Это невероятно, но это факт. Арендатор в течение того срока, на который он арендовал землю, «всегда может» присвоить себе и *всегда присваивает себе всякую* ренту, *раз он «делает последний капитал предпоследним»*, раз он, — говоря проще и (сейчас это увидим) вернее, — вкладывает новый капитал в землю. В течение срока действия арендного договора частная собственность на землю перестает существовать для арендатора: он уже «откупился», выплатив аренду, от этой монополии, она уже не может мешать ему*. Поэтому, когда новая затрата капитала арендатором на его участке дает ему и новую прибыль, и *новую ренту*, то эту ренту получает *не землевладелец, а арендатор*. Землевладелец станет получать эту новую ренту лишь после того, как срок старого арендного контракта кончится, после того, как будет заключен новый арендный контракт. Какой механизм переведет тогда новую ренту из кармана фермера в карман землевладельца? Механизм свободной конкуренции, ибо получение арендатором не только средней прибыли, но и сверхприбыли (= ренты) привлечет капиталы к необычно прибыльному предприятию. Отсюда понятно, с одной стороны, почему арендаторам выгодно при прочих равных условиях долгосрочная,

* Если бы Маслов сколько-нибудь внимательно читал «черновые наброски» III тома, он бы не мог не заметить, как часто разъясняет это Маркс.

а землевладельцам — краткосрочная аренда. Отсюда понятно, с другой стороны, почему, например, английские землевладельцы после отмены хлебных законов в Англии по договору обязывали фермеров затрачивать вместо восьми не менее двенадцати фунтов стерлингов (около 110 руб.) на каждый акр их участка. Землевладельцы учитывали таким образом общественно-необходимую земледельческую технику, прогрессировавшую вследствие отмены хлебных законов.

Теперь спрашивается, какого вида новую ренту присваивает себе арендатор во время срока действия арендного договора? Только ли абсолютную, или и дифференциальную? И ту и другую. Ибо если бы Петр Маслов позаботился понять Маркса, прежде чем забавно «критиковать черновые наброски», то Маслов знал бы, что дифференциальную ренту дают не только различные участки земли, но и различные затраты капитала *на одном и том же участке**.

В-третьих (мы извиняемся, что утомляем читателя таким долгим перечнем ошибок Маслова по поводу каждой его фразы, но как же быть, если перед нами такой «плодовитый» Konfusionsrat, «спутанный советник», как говорят немцы?), — в-третьих, рассуждение Маслова о последнем и предпоследнем капитале построено на пресловутом «законе убывающего плодородия почвы». Подобно буржуазным экономистам, Маслов признает этот закон (называя даже эту глупую выдумку «для ради важности» фактом). Подобно буржуазным экономистам, Маслов связывает этот закон с теорией ренты, заявляя со смелостью полного невежды в теории: «если бы не было факта уменьшения производительности последних затрат капитала, не было бы и земельной ренты» (114).

Отсылаем читателя за критикой этого пошло-буржуазного «закона убывающего плодородия почвы» к тому, что сказано было мной в 1901 г. против г. Булгакова**.

* Дифференциальную ренту, получаемую вследствие различия различных земель, Маркс называет дифференциальной рентой I вида, а ту, которая получается вследствие различной производительности добавочных затрат на той же земле, — дифференциальной рентой II вида. В «черновых набросках» третьего тома это различие проведено со скуповатой детальностью (отд. VI, гл. 39—43), и надо быть «критиком Маркса» вроде гг. Булгаковых, чтобы «не заметить» этого⁹³.

** См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 91—103. *Ред.*

В этом вопросе никакой разницы по существу между Булгаковым и Масловым нет.

В дополнение к сказанному против Булгакова приведем только еще одно место из «черновых набросков» III тома, особенно наглядно обнаруживающее великолепие масловско-булгаковской критики:

«Вместо того, чтобы рассмотреть действительные естественно-исторические причины истощения земли — эти причины, впрочем, были неизвестны экономистам, писавшим о дифференциальной ренте, вследствие состояния агрикультурной химии в их время, — вместо этого прибегали к тому пошлому соображению, что нельзя затратить любое количество капитала на ограниченном пространственно участке земли; например, «Westminster Review» («Вестминстерское Обозрение») возражала Ричарду Джонсу (Jones), что нельзя прокормить всю Англию обработкой Сохо сквера*»...⁸⁴

Это возражение — тот единственный довод, которым аргументирует и Маслов и все прочие сторонники «закона убывающего плодородия»: если бы не было этого закона, если бы последующие затраты капитала могли быть столь же продуктивны, как предыдущие, тогда, дескать, незачем бы было расширять площадь обработки, тогда можно бы было любое количество земледельческого продукта получить с самой маленькой площади, путем увеличения затрат нового капитала в землю, т. е. тогда можно было бы «всю Англию прокормить с одного Сохо сквера» или «земледелие всего земного шара уместить на одной десятине»** и т. п. Маркс берет, следовательно, под свой анализ основную довод в пользу «закона» убывающего плодородия.

...«Если это — продолжает Маркс — рассматривается, как особая невыгода земледелия, то верно как раз обратное положение. В земледелии могут быть продуктивно употреблены последовательные затраты капитала, потому что земля сама действует в качестве орудия производства, тогда как на фабрике, где земля служит лишь основой, местом расположения, территориальной операционной базой, на фабрике этого нет или это имеет место в очень

* Маленький сивер в Лондоне.

** См. выше: «Аграрный вопрос и критика Маркса» о законе убывающего плодородия. Та же глупость у Маслова: «Предприниматель будет затрачивать последовательно все (!) свои капиталы, например, на одну десятину, если новые ватраты дают такую же прибыль (107) и т. д.

узких границах. Правда, можно концентрировать большое производство на маленьком, по сравнению с раздробленным ремеслом, пространстве, и крупная индустрия поступает именно таким образом. Но, если дана известная ступень развития производительной силы, то всегда требуется и определенное пространство, а стройка вверх имеет также свои определенные практические границы. За этими границами расширение производства требует также расширения земельной площади. Основной капитал, затраченный на машины и т. п., не улучшается вследствие употребления, а наоборот, изнашивается. Новые изобретения могут и здесь производить отдельные улучшения, но если взять данную ступень развития производительной силы, то машина может только ухудшаться. При быстром развитии производительной силы все старые машины должны быть заменены более выгодными, т. е. должны быть совсем выброшены. Земля, напротив, постоянно улучшается, если правильно обращаться с нею. То преимущество земли, что последовательные затраты капитала могут давать прибыль без всякой потери предыдущих затрат, это преимущество включает также возможность различной производительности последовательных затрат капитала» («Das Kapital», III. Band, 2. Teil, Seite 314 *)⁹⁵.

Маслов предпочел повторять заученную побасенку буржуазной экономии насчет закона убывающего плодородия, чем вдуматься в критику Маркса. И Маслов имеет еще смелость тут же, по этим самым вопросам, извращая Маркса, претендовать на изложение марксизма!

До какой степени уродует Маслов, с своей чисто-буржуазной точки зрения на «естественный закон» убывающего плодородия, теорию ренты, видно также из следующей тирады, которую Маслов пишет курсивом: «Если бы последовательные затраты капитала на ту же площадь земли, ведя к интенсификации хозяйства, были так же производительны, конкуренция новых земель сразу исчезла бы, так как стоимость провоза ложится, помимо издержек производства, на цену хлеба» (стр. 107).

Итак, заокеанская конкуренция объяснима только при помощи закона убывающего плодородия! Совсем как у буржуазных экономистов! Но если Маслов не умел читать

* — «Капитал», III том, часть 2, стр. 314. Ред.

или не способен был понять III тома, то ему надо бы познакомиться хотя бы с «Аграрным вопросом» Каутского или с брошюрой Парвуса о сельскохозяйственном кризисе. Маслов, может быть, понял бы из популярных разъяснений этих марксистов, что капитализм *вздувает* ренту, увеличивая индустриальное население. А цена земли (= капитализированная рента) *закрепляет* непомерно вздутые ренты. Это относится и к дифференциальной ренте, так что мы второй раз видим здесь, что Маслов ничего не понял у Маркса даже по отношению к простейшему виду ренты.

Буржуазная экономия объясняет «конкуренцию новых земель» «законом убывающего плодородия», ибо буржуа вольно и невольно игнорирует общественно-историческую сторону дела. Социалистическая экономия (т. е. марксизм) объясняет заокеанскую конкуренцию тем, что земли, не платящие ренты, подрывают безмерно высокие цены на хлеб, закрепленные капитализмом старых европейских стран, вздувшим до невероятных размеров земельную ренту. Буржуазный экономист не понимает (или скрывает от себя и от других), что высота ренты, закрепленной посредством частной собственности на землю, служит *препятствием* прогрессу земледелия, и сваливает вину на «естественное» препятствие «факта» убывающего плодородия.

3. НЕОБХОДИМО ЛИ ДЛЯ ОПРОВЕРЖЕНИЯ НАРОДНИЧЕСТВА ОПРОВЕРГНУТЬ МАРКСА?

По мнению Петра Маслова, необходимо. «Развивая» далее свою глупенькую «теорию», он поучает нас в «Образовании»:

«Если бы не было «факта» падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли, то еще могла бы, может быть, осуществиться та идиллия, которую рисуют с.-р-ы и социал-народники: каждый крестьянин пользуется причитающимся ему клочком земли и вкладывает в него труда столько, сколько хочет, а земля «воздает» ему за каждый «вклад» соответствующее количество продукта» (№ 2, 1907 г., стр. 123).

Итак, если бы не был опровергнут Маркс Петром Масловым, то правы были бы, может быть, народники! Вот до каких перлов договаривается наш «теоретик». А мы-то думали до сих пор попросту, по-марксистски, что идиллия увековечения мелкого производства опровергается вовсе

не буржуазно-тупым «законом убывающего плодородия», а фактом товарного производства, господством рынка, преимуществами крупного капиталистического земледелия над мелким и т. д. Маслов переделал все это! Маслов открыл, что если бы не было опровергнутого Марксом буржуазного закона, то были бы правы народники!

Мало того. Были бы правы и ревизионисты. Вот вам еще рассуждение нашего доморожденного экономиста:

«Если не ошибаюсь, мне (Петру Маслову) пришлось первому (вот мы как!) особенно резко подчеркнуть разницу значения культуры земли и технического прогресса для развития хозяйства и в частности для борьбы крупного и мелкого производства. Если интенсификация земледелия, дальнейшие затраты труда и капитала, одинаково менее производительны и в крупном и в мелком хозяйстве, то технический прогресс, увеличивающий производительность земледельческого труда, как и в индустрии, дает огромные и исключительные преимущества крупному хозяйству. Эти преимущества зависят почти исключительно от технических условий»... Путааете, любезнейший: преимущества крупного производства в коммерческом отношении имеют важное значение.

...«Напротив, культура земли, обыкновенно, одинаково может применяться и в крупном, и в мелком хозяйстве»... Культура земли «может» применяться.

Глубокомысленный Маслов знает, очевидно, такое хозяйство, в котором может не применяться культура земли. ...«Например, смена трехполья многопольем, увеличение количества удобрения, углубление вспашки и проч. одинаково применимы и в крупном и в мелком хозяйстве и одинаково влияют на производительность труда. Но, например, введение жнейки увеличивает производительность труда только в более крупных хозяйствах, потому что мелкие полосы хлеба с большим удобством можно сжать или скосить»...

Да, Маслову, несомненно, «первому» удалось внести такую бесконечную путаницу в вопрос! Подумайте только: паровой плуг (углубление вспашки), это — «культура земли», жнейка, это — «техника». Выходит, по учению нашего несравненного Маслова, что паровой плуг не техника. Выходит, что жнейка не есть дальнейшая затрата труда и капитала. Искусственные удобрения, паровой

плуг, травосеяние, это — «интенсификация». Жнейка и вообще «большая часть с.-х. машин», это — «технический прогресс». Придумать этакую глупость «пришлось» Маслову потому, что надо же как-нибудь вывертываться с «законом убывающего плодородия», *опровергаемым* техническим прогрессом. Булгаков вывертывался тем, что говорил: технический прогресс — временное, застой — постоянное. Маслов вывертывается тем, что придумывает забавнейшее деление технического прогресса в земледелии на «интенсификацию» и «технику».

Что такое интенсификация? Дальнейшая затрата труда и капитала. Жнейка, по открытию великого Маслова, *не* есть затрата капитала. Рядовая сеялка *не* есть затрата капитала! «Смена трехполья многопольем» *одинаково* применима и в крупном и в мелком хозяйстве? Неправда. Введение многополья тоже требует добавочных затрат капитала и применимо оно *гораздо больше* в крупном хозяйстве. Смотри об этом, между прочим, выше в данных о немецком земледелии («Аграрный вопрос и «критики Маркса» *). И русские данные свидетельствуют о том же. И самое простое размышление покажет вам, что не может быть иначе, не может быть *одинаково* применимо многополье в мелком и крупном хозяйстве. Не может быть «одинаково применимо» увеличение количества удобрения, ибо крупное хозяйство 1) имеет больше крупного скота, наиболее важного в этом отношении, 2) лучше кормит скот и не так «бережет» солому и пр., 3) имеет лучшие приспособления для хранения удобрения, 4) больше употребляет искусственных удобрений. Маслов поистине «беспардонно» извращает общеизвестные данные о современном земледелии. Наконец, *не может* быть *одинаково* применимо в мелком и крупном хозяйстве и углубление вспашки. Достаточно указать на два факта: во-первых, в крупном хозяйстве растет употребление парового плуга (ср. выше данные о Германии; теперь, вероятно, и электрического плуга)**. Может быть, и Маслов сообразит, что он не «одинаково» применим в крупном и мелком хозяйстве. В этом последнем развивается употребление *коров* в качестве упряжного скота. Подумайте-ка, великий Маслов,

* См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 163. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 115. *Ред.*

может это означать одинаковую применимость углубления вспашки? Во-вторых, даже при употреблении крупным и мелким хозяйством одинаковых видов рабочего скота последний *слабосильнее* в мелком хозяйстве и потому не может быть равенства условий в глубине вспашки.

Одним словом, трудно найти фразу у Маслова, заключающую в себе потуги «теоретического» мышления, чтобы не встретить неисчерпаемой массы самой невероятной путаницы и самого удивительного невежества. Но Маслов, не смущаясь, заключает:

«Кто выяснил себе различие указанных *двух* сторон развития сельского хозяйства (улучшение культуры и улучшение техники), тот легко опрокинет всю аргументацию ревизионизма, а у нас народничества» («Образование», 1907, № 2, с. 125).

Так. Так. Маслов *только* потому не-народник и не-ревизионист, что он сумел возвыситься над черновыми набросками Маркса до «выяснения» себе обветшалых предрассудков обветшалой буржуазной экономии. Старая погудка на новый лад! Маркс против Маркса — восклицали Бернштейн и Струве. Нельзя опрокинуть ревизионизм, не опрокинув Маркса, — вещает Маслов.

В заключение — характерная мелочь. Если неправ Маркс, создавший теорию абсолютной ренты, если ренты не может быть без «закона убывающего плодородия», если могли бы быть правы народники и ревизионисты в случае несуществования этого закона, — то, казалось бы, в «теории» Маслова его *исправления* марксизма должны занимать краеугольное место. Да, они таковое и занимают. Но Маслов предпочитает их все же прятать. Недавно вышел немецкий перевод его книги «Аграрный вопрос в России». Я заинтересовался посмотреть, *в каком виде* преподносит Маслов европейским социал-демократам свои невероятные теоретические пошлости. Оказалось, *ни в каком*. Перед европейцами Маслов *спрятал в карман «всю» свою теорию*. Он выкинул все относящееся к отрицанию абсолютной ренты, закон убывающего плодородия и т. д. Мне невольно вспомнился по этому поводу рассказ об одном незнакомце, который впервые присутствовал на собеседовании античных философов и все время молчал при этом. Если ты умен, — сказал этому незнакомцу один из философов, — то ты поступаешь глупо. Если ты глуп, то ты поступаешь умно.

4. СВЯЗАНО ЛИ ОТРИЦАНИЕ АБСОЛЮТНОЙ РЕНТЫ С ПРОГРАММОЙ МУНИЦИПАЛИЗАЦИИ?

Как ни полон Маслов сознания важности своих замечательных открытий в области теории политической экономики, тем не менее он, видимо, несколько сомневается насчет того, существует ли такая связь. По крайней мере, в цитированной статье («Образование», № 2, с. 120) он отрицает связь муниципализации с «фактом» убывающего плодородия. Получается нечто странное: «закон убывающего плодородия» связан с отрицанием абсолютной ренты, связан и с борьбой против народничества, но не связан, будто бы, с масловской аграрной программой! Но в неверности этого мнения об отсутствии связи между общей аграрной теорией и русской аграрной программой Маслова легко убедиться и прямым путем.

Отрицание абсолютной ренты есть отрицание экономического значения частной поземельной собственности при капитализме. Кто признает существование только дифференциальной ренты, тот неизбежно приходит к выводу, что условия капиталистического хозяйства и капиталистического развития совершенно не изменяются в зависимости от того, будет ли земля собственностью государства или собственностью частных лиц. В обоих случаях, с точки зрения теории, отрицающей абсолютную ренту, имеется только одна дифференциальная рента. Понятно, что подобная теория *должна* вести к отрицанию всякого значения национализации, как меры, влияющей на развитие капитализма в смысле его ускорения, в смысле расчистки пути для него и т. д. Ибо такой взгляд на национализацию вытекает из признания двух видов ренты, капиталистического, т. е. не устранимого при капитализме хотя бы на национализированной земле (дифференциальная рента), и *не* капиталистического, связанного с монополией, ненужной для капитализма, мешающей полному развитию капитализма (абсолютная рента).

Поэтому Маслов неизбежно пришел, исходя из своей «теории», к тому выводу, что «все равно, назвать ли ее (земельную ренту) абсолютной или дифференциальной» («Образование», № 3, с. 103), что вопрос *только* в том, местным ли учреждениям или центральной власти передать

эту ренту. Но такой взгляд — результат теоретического невежества. Совершенно независимо от вопроса о том, в чьи руки передана будет рента и в каких политических целях ею будут пользоваться, имеется еще несравненно более глубокий вопрос об изменениях в общих условиях капиталистического хозяйства и капиталистического развития, вызываемых уничтожением частной собственности на землю.

Этот чисто-экономический вопрос совсем и не поставлен Масловым, не признан им и не мог быть признан при отрицании абсолютной ренты. Отсюда уродливо-одностороннее, «политиканское», мог бы я сказать, сведение вопроса о конфискации помещичьей земли исключительно к тому, кто возьмет ренту. Отсюда уродливый *дуализм* в программе, рассчитанной на «победоносное развитие революции» (выражение тактической резолюции, прибавленной на Стокгольмском съезде к масловской программе). *Победоносное развитие буржуазной революции* предполагает прежде всего основные *экономические* преобразования, сметающие, действительно, все и всякие остатки феодализма и средневековых монополий. Между тем, в муниципализации мы видим настоящий *аграрный биметаллизм*: сочетание самой старой, устаревшей и изжившей себя, средневековой, наделной собственности с отсутствием частной собственности на землю, т. е. с самым передовым, теоретически-идеальным устройством земельных отношений в капиталистическом обществе. Этот аграрный биметаллизм есть теоретически абсурд, нечто невозможное с чисто-экономической точки зрения. Соединение частной собственности на землю с общественной собственностью тут чисто механическое, «выдуманное» человеком, который не видит никакой разницы в самом укладе капиталистического хозяйства при частной собственности на землю и без частной собственности. Для такого «теоретика» вопрос исключительно в том, как растасовать ренту, «все равно, назвать ли ее абсолютной или дифференциальной».

На самом деле в капиталистической стране оставление половины земли (138 млн. дес. из 280) в частной собственности невозможно. Одно из двух. Или частная собственность на землю действительно требуется данной ступенью экономического развития, действительно соот-

ветствует коренным интересам класса капиталистических хозяев на земле. Тогда неизбежна частная собственность на землю везде и повсюду, как *основа* буржуазного общества, сложившегося по такому-то типу.

Или частная собственность на землю не обязательна на данной ступени капиталистического развития, не вытекает с неизбежностью из интересов фермерского класса, противоречит даже этим интересам, — тогда невозможно сохранение этой собственности в ее устарелом виде.

Сохранение монополии на одной половине культурной земельной площади, создание привилегии для одного разряда мелких хозяев, увековечение в свободно-капиталистическом обществе «*черты оседлости*», разделяющей собственников и арендаторов общественной земли, есть нелепость, неразрывно связанная с нелепостью экономической теории Маслова.

И мы должны перейти теперь к рассмотрению *экономического* значения национализации, отодвинутого на задний план Масловым и его сторонниками*.

5. КРИТИКА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА

Ошибочное отрицание абсолютной ренты, этой формы реализации частной поземельной собственности в капиталистических доходах, привело к одному важному недостатку с.-д. литературы и всей с.-д. позиции по аграрному вопросу в русской революции. Вместо того, чтобы взять в свои руки критику частной собственности на землю, вместо того, чтобы поставить эту критику на основу экономического анализа, анализа определенной экономической эволюции, — наши с.-д., идя за Масловым, отдали эту критику в руки народников. Получилось сугубое теоретическое оплошление марксизма и извращение его пропагандистских задач в революции. Критика частной собственности на землю в думских речах, в пропагандистской и агитационной литературе и т. д. велась *только* с народнической, т. е. мещанской, квази-социалистической

* В число этих сторонников попал в Стокгольме и Плеханов. Ирония истории сделала то, что этот якобы-строгий хранитель ортодоксии не заметил или не пожелал заметить искажения экономической теории Маркса Масловым.

точки зрения. Выделить реальное ядро из этой мелкобуржуазной идеологии марксисты не умели, не поняв своей задачи внести исторический элемент в рассмотрение вопроса и точку зрения мелких буржуа (отвлеченная идея равенственности, справедливости и т. п.) заменить точкой зрения пролетариата на истинные корни борьбы против частной поземельной собственности в развивающемся капиталистическом обществе. Народник думает, что отрицание частной собственности на землю есть отрицание капитализма. Это неверно. Отрицание частной собственности на землю есть выражение требований самого чистого капиталистического развития. И нам приходится оживлять в сознании марксистов «забытые слова» Маркса, критиковавшего частную поземельную собственность с точки зрения условий капиталистического хозяйства.

Такую критику Маркс направлял не только против крупного, но и против мелкого землевладения. Свободная собственность мелкого крестьянина на землю есть необходимый спутник мелкого производства в земледелии при известных исторических условиях. А. Финн был вполне прав против Маслова, подчеркивая это. Но такое признание исторической необходимости, доказываемой *опытом*, не исключает обязанности марксиста оценить всесторонне мелкую поземельную собственность. Действительная свобода такой собственности немыслима без свободы купли-продажи земли. Частная собственность на землю означает необходимость затраты капитала на покупку земли. По этому поводу Маркс писал в III томе «Капитала»: «Один из специфических недостатков мелкого земледелия там, где оно связано с свободной собственностью на землю, проистекает из того, что обрабатывающий землю вкладывает капитал на покупку земли» (III, 2, 342)⁹⁶. «Затрата капитала на покупку земли отнимает этот капитал от культуры» (ib. *, 341)⁹⁷.

Затрата денежного капитала на покупку земли вовсе не представляет из себя затрату земледельческого капитала. Напротив, она означает соответственное уменьшение того капитала, которым могут располагать в своей сфере производства мелкие крестьяне. Она уменьшает соответствующим образом размер их средств производства и

* — *Ibidem* — там же. *Ред.*

поэтому суживает экономическую базу воспроизводства. Она подчиняет мелкого крестьянина ростовщичеству, так как в этой области вообще реже встречаются настоящие кредитные отношения. Она представляет из себя помеху агрикультуре также и в том случае, когда происходит покупка крупных помещичьих хозяйств. Она на самом деле противоречит капиталистическому способу производства, для которого в целом безразлична задолженность землевладельца, все равно, унаследовал ли он свой участок земли или купил его» (344—345)⁹⁸.

Таким образом и залог земли и ростовщичество являются, так сказать, формами *обхода* капиталом тех затруднений, которые ставит частная поземельная собственность свободному проникновению капитала в земледелие. Без капитала нельзя вести хозяйство в обществе товарного производства. Этого не может не сознавать и крестьянин и его идеолог-народник. Значит, вопрос сводится к тому, может ли капитал вполне свободно обращаться на земледелие прямым и непосредственным образом или через посредство ростовщика и кредитного учреждения. Мысль крестьянина и народника, которые частью не сознают полного господства капитала в современном обществе, частью надевают себе на глаза шапку иллюзий и мечтаний, чтобы не видеть неприятной действительности, — эта мысль направляется к денежной помощи извне. «Лицам, получившим землю из общенародного фонда, — гласит § 15 земельного проекта 104-х, — и не имеющим достаточных средств для обузаведения всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счет государства в форме ссуд и пособий». Конечно, не подлежит сомнению, что такая денежная помощь была бы необходима при реорганизации русского земледелия победоносной крестьянской революцией. Каутский в своей работе «Аграрный вопрос в России» вполне справедливо подчеркивает это. Но речь идет у нас сейчас о том, каково незамечаемое народником общественно-экономическое значение всех этих «денежных ссуд и пособий». Государство может быть только посредником при передаче денег от капиталистов, но самому ему взять деньги можно только у капиталистов. Следовательно, при самой лучшей, какая только возможна, организации государственной помощи, господство капитала

несколько не устраняется, и вопрос остается тот же: каковы возможные формы применения капитала к земледелию.

А этот вопрос приводит неизбежно к марксистской критике частной собственности на землю. Эта собственность есть *помеха* свободному приложению капитала к земле. Либо полная свобода этого приложения, — и тогда отмена частной собственности на землю, т. е. национализация земли. Либо сохранение частной поземельной собственности, — и тогда *обходные* формы проникновения капитала: залог земли помещиком и крестьянином, порабощение крестьянина ростовщиком, сдача земли владеющему капиталом арендатору.

«При мелком земледелии, — говорит Маркс, — цена земли, эта форма частной собственности на землю и результат такой собственности, выступает сама как ограничение производства. При крупном земледелии и при крупной поземельной собственности, основывающейся на капиталистическом способе хозяйства, собственность тоже является ограничением, так как она стесняет фермера в производительных затратах капитала, приносящих выгоду в последнем счете не ему, а землевладельцу» (346—347, 2. Teil, III. Band, «Das Kapital»*)⁹³.

Следовательно, отмена частной собственности на землю есть максимальное, какое только возможно в буржуазном обществе, устранение всех и всяческих загоронок, мешающих свободному применению капитала к земледелию и свободному переходу капитала из одной отрасли производства в другую. Свобода, широта и быстрота развития капитализма, полная свобода классовой борьбы, отпадение всяких лишних посредников, делающих земледелие похожим на «потогонную» промышленность — вот что такое национализация земли при капиталистическом производстве.

6. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ И «ДЕНЕЖНАЯ» РЕНТА

С интересным экономическим доводом против национализации выступил сторонник раздела А. Финн. И национализация и муниципализация, — говорит он, — есть передача ренты известному общественному коллективу.

* — «Капитал», том III, часть 2, стр. 346—347. *Ред.*

Но спрашивается, о какой ренте идет здесь речь. Не о капиталистической, ибо «крестьяне обычно со своей земли ренты в капиталистическом смысле не получают» («Аграрный вопрос и социал-демократия», с. 77, ср. 63 стр.), а о *докапиталистической* денежной ренте.

Под денежной рентой Маркс понимает выплату крестьянином помещику всего прибавочного продукта в денежной форме. Первоначальной формой экономической зависимости крестьянина от помещика является при докапиталистических способах производства отработочная рента (*Arbeitsrente*), т. е. барщина, затем рента продуктами или натуральная рента и, наконец, денежная рента. Эта рента, — говорит А. Финн, — «является наиболее распространенной у нас и теперь» (стр. 63).

Несомненно, что крепостнически-кабальная аренда чрезвычайно широко распространена у нас и что, по теории Маркса, плата крестьян при такой аренде является в значительной своей части денежной рентой. Какая сила дает возможность выжимать из крестьян *такую* ренту? Сила ли буржуазии и развивающегося капитализма? Совсем нет. Сила крепостнических латифундий. Поскольку последние будут разбиты, — а это исходный пункт и основное условие крестьянской аграрной революции, — постольку говорить о «денежной ренте» в докапиталистическом смысле не приходится. Возражение Финна имеет, следовательно, только то значение, что еще раз подчеркивает нелепость *отделения* крестьянских надельных земель от остальных земель при революционном аграрном перевороте: так как надельные земли нередко бывают окружены помещичьими, так как на *теперешних* условиях размежевки крестьянских и помещичьих земель вытекает кабала, то сохранение этого размежевания *реакционно*. *А муниципализация сохраняет его в отличие и от раздела и от национализации.*

Существование мелкой поземельной собственности или, вернее, мелкого хозяйства вносит, конечно, известные изменения в общие положения теории о капиталистической ренте, но не уничтожает этой теории. Маркс указывает, например, что абсолютная рента, как таковая, обычно не существует при мелком земледелии, работающем

главным образом на удовлетворение потребностей самого земледельца (III, 2, 339, 344)¹⁰⁰. Но чем дальше развивается товарное хозяйство, тем больше становятся применимыми *все* положения экономической теории и к крестьянскому хозяйству, раз оно встало в условия капиталистического мира. Не надо забывать, что никакая национализация земли, никакая уравнительность землепользования не уничтожит того, вполне сложившегося в России, явления, что зажиточное крестьянство уже хозяйничает капиталистически. Я показал в «Развитии капитализма», что, по данным 80-х и 90-х годов прошлого века, около $\frac{1}{5}$ крестьянских дворов сосредоточивают в своих руках *до половины* крестьянского земледельческого производства и гораздо большую долю *аренды*, что хозяйство таких крестьян теперь уже более товарное, чем натуральное, — что, наконец, *это* крестьянство не может существовать без миллионного контингента батраков и поденщиков*. В *этом* крестьянстве элементы *капиталистической* ренты даны уже наперед. *Это* крестьянство выражает свои интересы устами господ Пешехоновых, «трезво» отвергающих и запрещение наемного труда и «социализацию земли», трезво отстаивающих точку зрения пробивающего себе дорогу хозяйственного индивидуализма крестьянина. Если мы будем строго отделять в утопиях народников реальный экономический момент от фальшивой идеологии, то мы увидим сразу, что от уничтожения крепостнических латифундий — и при разделе, и при национализации, и при муниципализации — всего более выиграет именно буржуазное крестьянство. «Ссуды и пособия» от государства равным образом не могут не пойти на пользу ему же прежде всего. «Крестьянская аграрная революция» есть не что иное, как подчинение всего землеустройства условиям прогресса и процветания именно этих фермерских хозяйств.

Денежная рента, это — отмирающее вчера, которое не может не отмирать. Капиталистическая рента, это — нарождающееся завтра, которое не может не развиваться и при столыпинской экспроприации беднейших крестьян («по 87 статье») и при крестьянской экспроприации богатейших помещиков.

* См. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 108—111. Ред.

7. ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ МОЖЕТ ОСУЩЕСТВИТЬСЯ НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ?

Среди марксистов часто встречается тот взгляд, что национализация осуществима лишь на высокой ступени развития капитализма, когда он уже вполне подготовит условия «отделения землевладельцев от земледелия» (через посредство аренды и ипотеки). Предполагают, что крупное капиталистическое земледелие должно *уже* сложиться, прежде чем осуществима национализация земли, отсекающая ренту и не затрагивающая хозяйственного организма*.

Правилен ли такой взгляд? Теоретически он не может быть обоснован; прямыми ссылками на Маркса не может быть поддержан; данные опыта скорее говорят против него.

Теоретически национализация представляет из себя «идеально»-чистое развитие капитализма в земледелии. Другое дело — вопрос о том, часто ли осуществимы в истории такие сочетания условий и такое соотношение сил, которые допускают национализацию в капиталистическом обществе. Но она является не только следствием, а также и условием быстрого развития капитализма. Думать, что национализация возможна только при очень высоком развитии капитализма в земледелии — значит, пожалуй, отрицать национализацию, как меру *буржуазного* прогресса, ибо высокое развитие земледельческого капитализма везде поставило уже на очередь (и поставит неизбежно в свое время в новых странах) «социализацию земледельческого производства», т. е. социалистический переворот. Мера буржуазного прогресса, как буржуазная мера, немыслима при сильном обострении классовой борьбы пролетариата и буржуазии. Такая мера правдоподобна, скорее, в «молодом» буржуазном обществе, еще не развившем свои силы, еще не развернувшем свои противоречия до конца, еще не создавшем такого сильного пролетариата, который стремится непосредственно к социалистическому перевороту. И Маркс допускал, а частью прямо защищал,

* Вот одно из самых точных выражений этого взгляда тов. Борисовым, сторонником раздела: «...Впоследствии оно (требование национализации земли) будет поставлено историей, поставлено тогда, когда деградирует мелкобуржуазное хозяйство, капитализм в земледелии завоеует прочные позиции и Россия уже не будет крестьянской страной» (стр. 127 Протоколов Стокгольмского съезда).

национализацию не только в эпоху буржуазной революции в Германии в 1848 г., но и в 1846 г. для Америки, относительно которой он тогда же с полной точностью указывал, что она *лишь начинает* «индустриальное» развитие. Опыт различных капиталистических стран не показывает нам национализации земли в сколько-нибудь чистом виде. Нечто аналогичное мы видим в Новой Зеландии, — молодой капиталистической демократии, где нет и речи о высоком развитии земледельческого капитализма. Нечто аналогичное было и в Америке, когда государство издавало закон о гомстедах и раздавало за номинальную ренту участки земли мелким хозяевам.

Нет. Относить национализацию к эпохе высоко-развитого капитализма — значит отрицать ее, как меру буржуазного прогресса. А такое отрицание прямо противоречит экономической теории. Мне думается, что в следующем рассуждении в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс наметил *иные* условия осуществления национализации, чем обыкновенно предполагают.

Показав, что землевладелец — совершенно излишняя фигура для капиталистического производства, что цель этого последнего «вполне достигается», если земля принадлежит государству, Маркс продолжает:

«Поэтому радикальный буржуа теоретически приходит к отрицанию частной собственности на землю... Однако на практике у него нехватает храбрости, так как нападение на одну форму собственности, форму частной собственности на условия труда, было бы очень опасно и для другой формы. Кроме того, буржуа сам себя *территориализировал*» («Theorien über den Mehrwert», II. Band, 1. Teil, S. 208)¹⁰¹.

Маркс не указывает здесь, как препятствие осуществлению национализации, неразвитость капитализма в земледелии. Он указывает *два* других препятствия, гораздо более говорящих в пользу мысли об осуществимости национализации в эпоху *буржуазной революции*.

Первое препятствие: у радикального буржуа *нехватает храбрости* напасть на частную поземельную собственность ввиду опасности социалистического нападения на всякую частную собственность, т. е. социалистического переворота.

Второе препятствие: «буржуа сам себя *территориализировал*». Маркс имеет в виду, очевидно, что именно

буржуазный способ производства укрепил себя уже в частной собственности на землю, т. е. что эта частная собственность стала гораздо более буржуазной, чем феодальной. Когда буржуазия, как класс, в широких, преобладающих размерах, *уже* связала себя с землевладением, *уже* «сама себя территориализировала», «осела на землю», вполне подчинила себе землевладение, — тогда настоящего общественного движения буржуазии в пользу национализации быть *не может*. Не может по той простой причине, что ни один класс не пойдет против себя.

Оба эти препятствия, вообще говоря, устранимы *только* в эпоху начинающегося, а не кончающегося капитализма, в эпоху буржуазной революции, а не накануне социалистической. Мнение об осуществимости национализации только при высоко-развитом капитализме не может быть названо марксистским. Оно противоречит и общим посылкам теории Маркса и приведенным словам его. Оно *упрощает* вопрос об исторически-конкретной обстановке национализации, как меры, проводимой такими-то силами и классами, до схематической и голой абстракции.

«Радикальный буржуа» *не может* быть *храбр* в эпоху сильно развитого капитализма. В такую эпоху этот буржуа неизбежно уже контрреволюционен в массе своей. В такую эпоху неизбежна уже почти полная «территориализация» буржуазии. Наоборот, в эпоху буржуазной революции объективные условия заставляют «радикального буржуа» быть храбрым, ибо он, решая историческую задачу данного времени, не может еще, как класс, бояться *пролетарской* революции. В эпоху буржуазной революции буржуазия *еще не территориализировала себя*: землевладение слишком еще пропитано феодализмом в такую эпоху. Становится возможным то явление, чтобы *масса* буржуазных земледельцев, фермеров, боролась против *главных* форм землевладения, а потому приходила к практическому осуществлению *полного* буржуазного «освобождения земли», т. е. национализации.

Во всех этих отношениях русская буржуазная революция находится в особо благоприятных условиях. Рассуждая с чисто-экономической точки зрения, мы безусловно должны признать максимум остатков феодализма в русском землевладении, и помещичьем и крестьянском надельном. При таких условиях противоречие между

сравнительно развитым капитализмом в промышленности и чудовищной отсталостью деревни становится вопиющим и толкает, в силу объективных причин, к наибольшей глубине буржуазной революции, к созданию условий наивысшего аграрного прогресса. Национализация земли есть именно условие наивысшего капиталистического прогресса в нашем земледелии. У нас в России есть такой «радикальный буржуа», который себя еще не «территориализировал», который не может бояться в данное время пролетарского «нападения». Этот радикальный буржуа — русский крестьянин.

С указанной точки зрения вполне понятным становится различное отношение к национализации земли массы русских либеральных буржуа и массы русских крестьян. Либеральный помещик, адвокат, крупный промышленник, купец — все они вполне достаточно «территориализировали» себя. Они не могут не бояться пролетарского нападения. Они не могут не предпочитать столыпинско-кадетского пути. Подумайте только, какая золотая река течет теперь помещикам, чиновникам, адвокатам, купцам в виде миллионов, раздаваемых «крестьянским» банком перепутанным помещикам! При кадетском «выкупе» эта золотая река была бы чуточку иначе направлена, может быть, чуточку менее обильна, но все же и она состояла бы из сотен миллионов, текла бы в те же руки.

От революционного ниспровержения *всех* старых форм землевладения может не перепасть ни копейки ни чиновнику, ни адвокату. А купец — в массе своей — не может смотреть так далеко, чтобы предпочесть будущее расширение внутреннего рынка мужиков немедленной возможности урвать у барина. Только крестьянин, вколачиваемый в гроб старой Россией, способен добиваться полного обновления землевладения.

8. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ — ПЕРЕХОД К РАЗДЕЛУ?

Если смотреть на национализацию, как на меру, всего более осуществимую в эпоху буржуазной революции, то такой взгляд неминуемо ведет к допущению того, что национализация может оказаться простым переходом к разделу. Реальной экономической потребностью, которая заставляет массу крестьянства добиваться национализа-

ции, является необходимость коренным образом обновить все старые отношения землевладения, «очистить» все земли, приспособить их заново для нового, фермерского хозяйства. Раз это так, то ясно, что приспособившиеся фермеры, обновившие *все* землевладение, могут потребовать *закрепления* этих *новых* земельных распорядков, т. е. превращения арендованных ими у государства участков в собственность.

Да, это совершенно неоспоримо. Мы выводим национализацию не из отвлеченных соображений, а из конкретного учета конкретных интересов конкретной эпохи. И, разумеется, смешно было бы считать «идеалистами» массу мелких хозяев, смешно было бы думать, что они останутся перед разделом, раз этого потребуют их интересы. Мы должны, следовательно, рассмотреть, 1) могут ли потребовать раздела их интересы, 2) при каких условиях и 3) как это должно отразиться на пролетарской аграрной программе.

На первый вопрос мы уже дали утвердительный ответ. На второй нельзя в настоящее время ответить с определенностью. Раздел может вызываться, после периода революционной национализации, стремлением упрочить в максимально возможной степени новые, соответствующие требованиям капитализма, отношения землевладения. Он может вызываться стремлением *данных* владельцев земли увеличить свои доходы на счет остального общества. Наконец, он может вызываться стремлением «успокоить» (или, проще говоря, придушить) пролетариат и полупролетарские слои, для которых национализация земли будет элементом, «разжигающим аппетиты» к социализации всего общественного производства. Все эти три возможности сводятся к одной экономической основе, ибо из укрепления нового капиталистического землевладения новых фермеров само собой вытечет и противоположное настроение и стремление создать *для себя* новую привилегию в виде права собственности. Значит, вопрос сводится именно к этому хозяйственному упрочению. Постоянным противодействием ему будет развитие капитализма, усиливающее превосходство крупного земледелия и требующее постоянной легкости «консолидации» мелких фермерских участков в крупные. Временным противодействием будет колониционный фонд России: упрочить новое хозяйство — значит поднять земледельческую технику.

А мы уже показали, что каждый шаг вперед земледельческой техники «открывает» для России новые и новые площади из ее колонизационного фонда.

В итоге разбора второго, поставленного нами, вопроса приходится сделать вывод: предсказать с точностью условия, когда требование раздела новыми фермерами пересилит все противодействующие влияния, нельзя. Считаться с тем, что дальнейшее капиталистическое развитие неминуемо создаст после буржуазной революции такие условия, необходимо.

Зато на последний вопрос, об отношении рабочей партии к возможному требованию раздела новыми фермерами, можно дать вполне определенный ответ. Пролетариат может и обязан поддерживать буржуазию воинствующую, когда она ведет действительно революционную борьбу с феодализмом. Но не дело пролетариата — поддерживать буржуазию успокаивающуюся. Если несомненно, что победоносная буржуазная революция в России невозможна без национализации земли, то еще более несомненно, что последующий поворот к разделу невозможен без некоторой «реставрации», без поворота крестьянства (вернее, с точки зрения предполагаемых отношений: фермерства) на сторону контрреволюции. Пролетариат будет отстаивать революционную традицию против всех таких стремлений, а не помогать им.

Было бы во всяком случае глубоко ошибочно думать, что национализация в том случае, если новое фермерство повернет к разделу, останется мимоходом, не имеющим серьезного значения, явлением. Она имела бы во всяком случае гигантское значение, и материальное и моральное. Материальное — в том отношении, что ничто не в состоянии так полно смести остатки средневековья в России, так полно обновить полусгнившую в азиатчине деревню, так быстро двинуть вперед агрикультурный прогресс, как национализация. Всякое иное решение аграрного вопроса в революции создает менее благоприятные исходные пункты для дальнейшего экономического развития.

Моральное значение национализации в революционную эпоху состоит в том, что пролетариат помогает нанести такой удар «одной форме частной собственности», отзвуки которого неизбежны во всем мире. Пролетариат отстаивает самый последовательный и самый решительный буржуазный переворот, самые благоприятные условия капитали-

стического развития, противодействуя таким образом с наибольшим успехом всякой половинчатости, дряблости, бесхарактерности, пассивности, — качествам, которые не может не проявлять буржуазия.

ГЛАВА IV

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ В ВОПРОСАХ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ

Именно этого рода соображения, как было уже указано выше, занимают непропорционально большое место в нашей партийной дискуссии об аграрной программе. Наша задача — рассмотреть такие соображения возможно более систематично и кратко, указывая соотношение разных политических мероприятий (и точек зрения) с экономическими основами аграрного переворота.

1. «ГАРАНТИЯ ОТ РЕСТАВРАЦИИ»

В «Докладе» о Стокгольмском съезде я разбирал этот довод, восстанавливая по памяти прения. Теперь перед нами есть точный текст протоколов.

«Ключ моей позиции — воскликнул Плеханов на Стокгольмском съезде — заключается в указании на возможность реставрации» (115). Присмотримся же поближе к этому ключу. Вот первое указание на него в первой речи Плеханова:

«Ленин говорит: «мы обезвредим национализацию», но чтобы обезвредить национализацию, необходимо найти гарантию против реставрации; а такой гарантии нет и быть не может. Припомните историю Франции; припомните историю Англии; в каждой из этих стран за широким революционным размахом последовала реставрация. То же может быть и у нас; и наша программа должна быть такова, чтобы, в случае своего осуществления, довести до минимума вред, который может принести реставрация. Наша программа должна устранить экономическую основу царизма; национализация же земли в революционный период не устраняет этой основы. Поэтому я считаю требование национализации антиреволюционным требованием» (44). Какова эта «экономическая основа царизма», об этом Плеханов в той же речи говорит: «У нас дело сложилось так, что

земля вместе с земледельцами была закреплена государством, и на основании этого закрепления развился русский деспотизм. Чгобы разбить деспотизм, необходимо устранить его экономическую основу. Поэтому я против национализации теперь» (44).

Взгляните сначала на логику этого рассуждения о реставрации. Первое: «гарантии от реставрации нет и быть не может!» Второе: надо «довести до минимума вред, который может принести реставрация». То есть, *надо придумать* гарантию от реставрации, хотя таковой гарантии быть не может! И на следующей 45-ой странице (та же речь) Плеханов окончательно придумывает гарантию: «В случае реставрации — прямо говорит он — она (муниципализация) не отдает земли (слушайте!) в руки политических представителей старого порядка». Гарантия от реставрации найдена, хотя такой гарантии «быть не может». Фокус блестяще выполнен, и меньшевистская литература полна восторга по поводу ловкости этого фокусника.

Когда Плеханов говорит, он острит, шутит, шумит, трещит, вертится и блестит, как колесо в фейерверке. Но беда, если такой оратор точно запишет свою речь и ее подвергнут потом логическому разбору.

Что такое реставрация? Переход государственной власти в руки политических представителей старого порядка. Может ли быть гарантия от такой реставрации? Нет, гарантии быть не может. Поэтому мы придумываем такую гарантию: муниципализацию, которая «не отдает земли»... В чем же состоит, спросим далее, препятствие, воздвигаемое муниципализацией «отдаче земли»? Исключительно в законе, изданном революционным парламентом и объявляющем такие-то (бывшие помещичьи и проч.) земли *собственностью* областных сеймов. А что такое закон? Выражение воли классов, которые одержали победу и держат в своих руках государственную власть.

Понятно ли вам теперь, что подобный закон «не отдаст земли» «представителям старого порядка», когда к ним перейдет государственная власть?

— И эту непроходимую глупость проповедывали после Стокгольма социал-демократы, преподнося ее даже с думской трибуны!*

* Речь Церетели 26 мая 1907 г., стр. 1234 стенографических отчетов второй Думы.

По существу этого пресловутого вопроса о «гарантии от реставрации» приходится заметить следующее. Так как в наших руках гарантий от реставрации быть не может, то поднимать этот вопрос в связи с аграрной программой значило *отводить в сторону* внимание слушателей, *засорять их мысль*, запутывать дискуссию. Мы не в состоянии по своему желанию вызвать социалистический переворот на Западе, — эту единственную абсолютную гарантию от реставрации в России. Относительной же и условной «гарантией», т. е. возможно большим *затруднением* реставрации, является возможно более глубокое, последовательное, решительное проведение революционного переворота в России. Чем дальше пойдет революция, тем труднее будет реставрация старого, тем больше останется даже в случае реставрации. Чем глубже будет взрыта старая почва революцией, тем труднее будет реставрация. В области политической более глубоким переворотом является демократическая республика, чем демократическое местное самоуправление, она предполагает (и она разворачивает) большую революционную энергию, сознательность, организованность больших масс народа, она оставляет традиции, искоренить которые гораздо труднее. Поэтому, например, современные с.-д. ценят великие плоды французской революции, несмотря на все реставрации, — отличаясь этим от кадетов (и кадетствующих с.-д.?), предпочитающих демократические земства при монархии, как «гарантию от реставрации».

В экономической области дальше всего идет при буржуазном аграрном перевороте национализация, ибо она ломает *все* средневековое землевладение. Крестьянин *теперь* хозяйничает на кусочке собственной наделной земли, на кусочке арендованной наделной земли, на кусочке арендованной помещичьей земли и т. д. Национализация в максимальной степени позволяет *все* перегородки землевладения сломать и всю землю «расчистить» для *нового хозяйства*, соответствующего требованиям капитализма. Конечно, и при такой чистке нет гарантии от возвращения старого — обещать такую «гарантию от реставрации» народу значило бы шарлатанить. Но от такой чистки старого *землевладения* настолько упрочится новое *хозяйство*, что возврат к старому землевладению в максимальной степени затруднится, ибо развитие капитализма

остановить *нельзя* никакими силами. При муниципализации же возврат к старому землевладению *облегчается*, ибо она *увекочивает* «черту оседлости», между, отделяющую средневековое землевладение от нового, муниципализированного. После национализации реставрация должна разбить миллионы новых, капиталистических (фермерских) хозяйств, чтобы восстановить старое землевладение. После муниципализации реставрации не надо разбивать никаких хозяйств, не надо производить никакой новой размежевки, — достаточно в буквальном смысле подмахнуть бумажку, *перечисляющую* земли «муниципии» X в собственность благородных помещиков Y, Z и т. д., или передать помещикам ренту с «муниципализированных» земель.

Далее, от логической ошибки Плеханова в вопросе о реставрации, от путаницы политических понятий надо перейти к экономической сущности реставрации. Протоколы Стокгольмского съезда вполне подтвердили сказанное мной в «Докладе», что Плеханов непозволительно смешивает французскую реставрацию на основе капитализма с реставрацией «нашего старого полуазиатского порядка» (с. 116 Протоколов Стокгольмского съезда). Поэтому мне нет надобности добавлять что-либо по этому вопросу к сказанному в «Докладе». Остановимся лишь на «устранении экономической основы деспотизма». Вот самое важное место из речи Плеханова, относящееся сюда:

«Реставрация» (во Франции) «не восстановила остатков феодализма, это верно, но то, что у нас соответствует этим остаткам, есть наше старое закрепощение земли и земледельца государству, наша старая своеобразная национализация земли. Нашей реставрации тем легче будет восстановить эту (sic!) национализацию, что вы сами требуете национализации земли, что вы оставляете неприкосновенным это наследие нашего старого полуазиатского порядка» (116).

Итак, реставрации «легче будет» восстановить *эту*, т. е. полуазиатскую, национализацию, ибо Ленин (и крестьянство) *теперь* требуют национализации! Что это? Историко-материалистический анализ или чисто-рационалистическая «игра словами»? Слово ли «национализация» облегчает

* Тов. Шмидт в Стокгольме, с. 122 Протоколов.

восстановление полуазиатских порядков или известные *экономические изменения*? Если бы Плеханов подумал над этим, то он увидел бы, что муниципализация и раздел уничтожат *одну* основу азиатчины, помещичье средневековое землевладение, но оставляют другую: надельное средневековое землевладение. Следовательно, по *существу* дела, по *экономическому существу* переворота (а не по обозначению его тем или иным термином) именно национализация устраняет *экономические* основы азиатчины *гораздо радикальнее*. «Фокус» Плеханова состоит в том, что он назвал «своеобразной национализацией» средневековое, зависимое, тяговое, служилое *землевладение*, перепрыгнув через *два* вида *этого* землевладения: надельное и помещичье. Благодаря этому передергиванью слов, оказался *смятым* реальный исторический вопрос: какие виды средневекового землевладения уничтожает та или иная аграрная мера. Незамысловаты же приемы плехановского фейерверка!

Действительное объяснение всей этой, почти невероятной, путаницы Плеханова в вопросе о реставрации заключается в двух обстоятельствах. Во-первых, Плеханов, говоря о «крестьянской аграрной революции», совершенно не выяснил себе ее своеобразия, как *капиталистической* эволюции. Он смешивает народничество, учение о возможности *некапиталистической* эволюции, с марксистским взглядом на возможность *двух* видов *капиталистической* аграрной эволюции. У Плеханова все время сквозит смутная «боязнь крестьянской революции» (как я уже в Стокгольме сказал ему, с. 106—107*), боязнь того, не может ли она оказаться экономически реакционной, ведущей не к американскому фермерству, а к средневековому закрепощению. На самом деле это экономически невозможно. Доказательство — крестьянская реформа и ход эволюции после нее. В крестьянской реформе оболочка феодализма (и помещичьего феодализма и «государственного феодализма», о котором вслед за Плехановым говорил в Стокгольме Мартынов) очень сильна. Но экономическая эволюция оказалась *сильнее* и наполнила эту феодальную оболочку *капиталистическим* содержанием. Несмотря на помеху средневекового землевладения, и

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 257. Ред.

крестьянское и помещичье хозяйство развивались, хотя и невероятно медленно, *по буржуазному пути*. Землевладение государственных крестьян (до 80-х гг.) или бывших государственных (после 80-х годов) должно было бы, если бы реальна была плехановская боязнь возврата к азиатчине, оказаться самым чистым типом «государственного феодализма». На деле оно оказалось более свободным, чем помещичье, ибо феодальная эксплуатация уже была невозможна во 2-ой половине XIX века. Среди «многоземельных»* государственных крестьян меньше царил кабала и быстрее развивалась крестьянская буржуазия. В России возможна теперь либо медленная и мучительная буржуазная эволюция по прусскому, юнкерскому типу, либо быстрая и свободная — по американскому. Все остальное — призраки.

Вторая причина, обусловившая «реставрационную кашу» в голове у некоторых товарищей, — неопределенность положения весной 1906 года. Крестьянство, как масса, еще не окончательно показало себя. Еще можно было принимать и крестьянское движение и Крестьянский союз не окончательным показателем действительных стремлений подавляющего большинства крестьян. Самодержавная бюрократия и Витте еще не потеряли окончательно надежды на то, что «серячок выручит» (классическая фраза виттевского органа «Русское Государство» весной 1906 года), т. е. что крестьянин встанет направо. Отсюда — такое сильное представительство крестьянства по закону 11 декабря 1905 г. Какая-нибудь авантюра самодержавия на почве крестьянской идеи: «лучше вся земля царская, только не барская», казалась еще тогда многим из с.-д. возможной. Но две Думы, закон 3 июня 1907 г. и аграрное законодательство Столыпина должны были всем раскрыть глаза. Самодержавию пришлось, чтобы спасти, что можно, встать на путь насильственного разрушения общины в пользу частной собственности на землю, т. е. базировать контрреволюцию не на смутных крестьянских речах о национализации (земля — «мирская» и т. п.), а на *единственной* возможной *экономической* основе

* «Многоземельными» наши бывшие государственные крестьяне являются, разумеется, лишь по сравнению с бывшими помещичьими. Первые имеют по статистике 1905 года в среднем по 12,5 десятин вадельной земли на двор, вторые по 6,7 дес.

удержания помещичьей власти, на основе *капиталистической* эволюции по прусскому образцу.

Теперь положение вполне выяснилось, и смутную боязнь «азиатской» реставрации на почве крестьянского движения против частной собственности на землю пора сдать в архив*.

2. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ, КАК «ОПЛОТ ПРОТИВ РЕАКЦИИ»

...«В органах общественного самоуправления, владеющих землею, — говорил Плеханов в Стокгольме, — она (муниципализация) создает оплот против реакции. И это будет очень сильный оплот. Возьмите наших казаков» (45)... Мы сейчас «возьмем наших казаков» и посмотрим, какое значение имеет ссылка на них. Но сначала разберем общие основы этого взгляда, будто местное самоуправление способно быть оплотом против реакции. Взгляд этот бесчисленное количество раз приводился нашими муниципалистами и, кроме формулировки Плеханова, достаточно будет еще одной цитаты из речи Джона: «К чему сводится разница между национализацией и муниципализацией земли, если мы признаем, что то и другое осуществимо и одинаково связано с демократизацией политического строя? Разница сводится к тому, что муниципализация лучше закрепит завоевания революции, демократический строй, и послужит основой его дальнейшего развития, между тем как национализация упрочит лишь государственную власть» (112).

Поистине меньшевики отрицают возможность гарантий от реставрации и затем пекут, на глазах у публики, «гарантии» и «оплоты», как фокусники, глотающие шпаги. Каким образом местное самоуправление может быть оплотом против реакции или закрепить завоевания революции, подумайте хоть немного, господа! Оплотом против реакции и укреплением завоеваний может быть только одно: сознательность и организованность масс пролетариата и крестьянства. А эта организованность в капиталистическом государстве, которое централизовано не по произволу бюрократии, а в силу непреодолимых

* Я не говорю здесь о том, что запугивание реставрацией есть политическое оружие буржуазии против пролетариата, ибо все необходимое на эту тему сказано уже в «Докладе». (См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 310. Ред.)

требований экономического развития, должна быть сплочением в единую по всему государству силу. Без централизованного крестьянского движения, без централизованной политической борьбы крестьянства во всем государстве, идущего вслед за централизованным пролетариатом, *не может быть* никаких серьезных «завоеваний революции», которые стоило бы «закреплять», не может быть никакого «оплота против реакции».

Местное самоуправление, действительно сколько-нибудь демократическое, *невозможно* без полного свержения помещичьей власти и уничтожения помещичьего землевладения; — признавая это на словах, меньшевики с поразительным легкомыслием отказываются поразмыслить, что это значит на деле. На деле это неосуществимо без завоевания политической власти во всем государстве революционными классами, а два года революции должны бы, казалось, даже самых упрямых «человеков в футляре» научить тому, что этими классами в России могут быть лишь пролетариат и крестьянство. «Крестьянская аграрная революция», о которой вы говорите, господа, должна, чтобы победить, стать центральной властью во всем государстве, как таковая, как крестьянская революция.

Только *частичками* этой центральной власти демократического крестьянства могут быть демократические самоуправления и только *борясь* с местной и областной раздробленностью крестьянства, только проповедуя, подготавливая, организуя общегосударственное, всероссийское, централизованное движение, можно действительно служить делу «крестьянской аграрной революции», а не делу поощрения приходской заскорузлости и местно-областного оглушения крестьянства. Именно такому оглушению служите вы, г. Плеханов и г. Джон, проповедуя нелепую и архи-реакционную мысль, будто местное самоуправление в состоянии быть «оплотом против реакции» или «закреплением завоеваний революции». Именно опыт двух лет русской революции показал с очевидностью, что как раз местная и областная раздробленность крестьянского движения (солдатское движение есть часть крестьянского) всего более были причиной поражения.

Давать программу «крестьянской аграрной революции» и связывать ее *только* с демократизацией местного самоуправления, а не центральной власти, выдвигать пер-

вое, как настоящий «оплот» и «закрепление», — это, по существу дела, не что иное, как кадетская сделка с реакцией*. Кадеты напирают на местное «демократическое» самоуправление, не желая затронуть или боясь затронуть более важные вопросы. Большевики не подумали о том, какое большое слово они сказали, признав задачей времени «крестьянскую аграрную революцию», и дали в политических соображениях к своей аграрной программе апофеоз провинциальной заскорузлости.

Вот, не угодно ли такое рассуждение Джона:

«Тов. Ленин опасается, что реакция вырвет у местного самоуправления конфискованные земли; если это можно сказать относительно земель, попавших в руки государства, то никак нельзя сказать относительно муниципализированных земель. Даже самодержавное русское правительство не могло отнять земли у армянского самоуправления, так как вызвало реакцией отпор со стороны населения» (113).

Не правда ли, бесподобно? Вся история самодержавия есть сплошной грабеж местных, областных, национальных земель, а наши мудрецы успокаивают тупеющий в провинциальной оброшенности народ: «даже самодержавие» не отняло земель у армянских церквей, хотя начало отнимать и хотя только всероссийская революция на деле помешала отнять... В центре самодержавия, в провинции «армянские земли», которых «не смеют отнять»... И откуда это столько мещанского тупоумия в нашей социал-демократии?

Вот вам плехановские казаки.

«Возьмите наших казаков. Они ведут себя, как сущие реакционеры, а между тем, если бы (самодержавное) правительство вздумало наложить руку на их землю, то они восстали бы за нее, как один человек. Значит, муниципализация тем и хороша, что она годится даже в случае реставрации» (45).

* В «Докладе» я подробнее развил это. (См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 308—309. Ред.) Здесь добавлю замечательно подтверждающую это речь меньшевика Новоседского, которую я не слышал (см. «Доклад») на съезде. Восставая против поправки: сказать «демократическая республика» вместо «демократическое государство», Новоседский сказал: ...«При истинно демократическом местном самоуправлении принятая теперь программа может быть проводима в жизнь и при той степени демократизации центрального правительства, которая не может быть названа высшей степенью его демократизации. Даже при демократизации, так сказать, сравнительной степени, муниципализация будет не вредна, а полезна» (138. Курсив наш). Это яснее ясного. Крестьянская аграрная революция без свержения самодержавия, вот реакционнейшая идея меньшевиков.

Действительно, «значит»! Если бы самодержавие восстало против защитников самодержавия, то защитники самодержавия восстали бы против самодержавия. Экое глубокомыслие! Но казачье землевладение годится не только в случае реставрации, а и для поддержания того, что должно быть свергнуто раньше чем быть реставрированным. На эту интересную сторону муниципализации обратил внимание возражавший Плеханову Шмидт:

...«Напомню, что еще месяц тому назад самодержавие дало казакам льготы, значит, оно не боится муниципализации, потому что казачьи земли и теперь управляются таким способом, который в значительной мере напоминает муниципализацию... Она (муниципализация) сыграет контрреволюционную роль» (123—124).

Плеханов так волновался по поводу этой речи, что раз перебил оратора (по совершенно не важному вопросу, об оренбургских ли казаках шла речь) и попытался нарушить регламент, получить вне очереди слово для заявления. Вот текст внесенного им потом письменного заявления:

«Гов. Шмидт неправильно изложил мою ссылку на казачество. На оренбургских казаков я вовсе не ссылался. Я сказал: посмотрите на казачество; оно ведет себя архиреакционно, а между тем, если бы правительство захотело наложить руку на его землю, то и оно поголовно восстало бы против него. И то же, в большей или меньшей степени, сделают, в случае подобной попытки, все те областные учреждения, которым революция передала бы конфискованные помещичьи земли. И такое их поведение было бы одной из гарантий против реакции в случае реставрации» (127).

Это, разумеется, самый гениальный план свалить самодержавие, не трогая самодержавия: отнять у него отдельные области, а там пускай попробует вернуть. Это почти так же гениально, как экспроприация капитализма путем сберегательных касс. Но вопрос сейчас не в этом. Вопрос в том, что областная муниципализация, которая после победоносной революции «должна» сыграть чудесную роль, *теперь* играет контрреволюционную роль. Вот что обошел Плеханов!

Казачьи земли сейчас представляют из себя настоящую муниципализацию. Большие области принадлежат отдельному казачьему войску: Оренбургскому, Донскому и т. д. Казаки в среднем имеют по 52 дес. на двор, крестьяне — по 11 дес. Кроме того, Оренбургскому войску принадлежит 1½ миллиона дес. войсковых земель, Донскому —

1,9 млн. дес. и т. д. На почве этой «муниципализации» развиваются чисто феодальные отношения. Эта, фактически существующая, муниципализация означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных различиями в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д. «Муниципализация» помогает не общедемократическому движению, а раздроблению его, областному обессиливанию того, что может победить лишь как централизованная сила, отчуждению одной области от другой.

И мы видим во второй Думе *правого казака* Караулова, который *защищал Столыпина* (Столыпин-де тоже допускает в своей декларации принудительное передвижение граней), *разносил* не хуже Плеханова национализацию и *прямо высказался за муниципализацию по областям* (18 заседание, 29 марта 1907 г., стр. 1366 стенографического отчета).

Правый казак Караулов в тысячу раз вернее схватил суть дела, чем Маслов и Плеханов. Раздробленность областей есть *гарантия от революции*. Если русское крестьянство (при помощи централизованного, а не «областного» пролетарского движения) не сумеет разорвать рамок своей областной отчужденности, не сумеет организовать всероссийского движения, то революцию *всегда* будут разбивать представители отдельных, хорошо поставленных, областей, которых централизованная сила старой власти будет направлять в борьбу, смотря по надобности.

Муниципализация есть *реакционный лозунг*, идеализирующий средневековую особность областей, притупляющий в крестьянстве сознание необходимости централизованной аграрной революции.

3. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И УКРЕПЛЕНИЕ БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Именно центральная государственная власть и внушает всего больше отвращения муниципалистам. Прежде чем перейти к разбору соответственных рассуждений, надо выяснить, что такое национализация с политико-юридической стороны (мы выяснили выше экономическое содержание ее).

Национализация есть передача всей земли в *собственность* государства. Собственность означает право на ренту и определение государственной властью *общих* для всего государства правил владения и пользования землей. К таким общим правилам безусловно относится при национализации запрещение всякого посредничества, т. е. запрещение передачи земли субарендаторам, запрещение уступки земли тому, кто не является сам хозяином, и т. п. Далее. Если государство, о котором идет речь, действительно демократическое (не в меньшевистском смысле à la Новоседский), то собственность его на землю нисколько не исключает, а напротив, *требует* передачи *распоряжения* землей, в рамках общегосударственных законов, местным и областным органам самоуправления. Наша программа-минимум, как я уже указывал в брошюре «Пересмотр* и т. д.», *прямо требует* этого, говоря и о самоопределении национальностей, о широком областном самоуправлении и т. д. Поэтому детальные правила, сообразующиеся с местными различиями, практический отвод земель или распределение участков между отдельными лицами, товариществами и т. д. — все это неизбежно отходит в руки *местных* органов государственной власти, т. е. *местных* органов самоуправления.

Насчет всего этого, если и могли быть недоразумения, то они вытекали либо из непонимания разницы между понятиями: собственность, владение, распоряжение, пользование, либо из демагогических заигрываний с провинциализмом и федерализмом**. Основа различия между муниципализацией и национализацией не в распределении прав между центром и провинцией и уже всего менее в «бюрократизме» центра — так могут думать и говорить

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 159—160. *Ред.*

** Такое заигрыванье мы видим у Маслова. ...«Может быть, — пишет он в «Образовании», 1907, № 3, с. 104, — в некоторых местах крестьяне согласились бы поделиться своими землями, но достаточно отказа крестьян одного большого района (например, Польши) делиться своими землями, чтобы проект национализации всех земель оказался чепухой». Образец вульгарного довода, в котором нет и следа мысли, есть только набор слов. «Отказ» поставленного в особые условия района не может изменить общей программы и не делает ее чепухой: «отказаться» может иной район и от муниципализации. Важно не это. Важно то, что в капиталистическом едином государстве частная собственность на землю и национализация в широких размерах не уживутся, как две системы. Одна из них должна будет взять верх. Дело рабочей партии — отстаивать более высокую систему, облегчающую быстроту развития производительных сил и свободу классовой борьбы.

лишь совсем невежественные люди, — а в сохранении частной собственности на землю для одного разряда земель при муниципализации, в полной ее отмене при национализации. Основа различия — «аграрный биметаллизм», допускаемый первой программой и устраняемый второй.

Если же вы подойдете к *теперешней* программе с точки зрения возможности *произвола* центральной власти и т. п., — (на этой точке зрения пробуют выехать нередко вульгарные защитники муниципализации), то увидите, что теперешняя программа страдает в этом отношении сугубой путанностью и неясностью. Достаточно указать, что теперешняя программа передает «во владение демократического государства» и «земли, необходимые для переселенческого фонда», и «леса и воды, имеющие общегосударственное значение». Ясно, что понятия эти совершенно неопределенные и что почва для конфликтов тут необъятная. Возьмите, например, новейшую работу г. Кауфмана во II томе кадетского «Аграрного вопроса» («К вопросу о нормах дополнительного наделения»), где сделан расчет по 44-м губерниям о земельном запасе для донаделения крестьян по высшим нормам 1861 года. «Вненадельный земельный фонд» исчисляется сначала без лесов, потом с лесами (сверх 25% лесистости). Кто определяет, какие из этих лесов имеют «общегосударственное значение»? Конечно, только центральная власть государства, — и, следовательно, в руки ей меньшевистская программа дает гигантскую земельную площадь — 57 млн. дес. в 44 губ. (по Кауфману). Кто определяет, что такое «переселенческий фонд»? Конечно, только центральная буржуазная власть. Только она решает, являются ли, например, $1\frac{1}{2}$ млн. дес. войсковых земель у оренбургских казаков или 2 млн. дес. у донских казаков «переселенческим фондом» *для всей страны* (ибо казаки имеют по 52,7 дес. на двор), или нет. Ясно, что вопрос вовсе не так стоит, как ставят его Маслов, Плеханов и К^о. Не в том дело, чтобы бумажным постановлением защитить местные областные самоуправления от посягательств центра, — это невозможно сделать не только бумагой, но и пушкой, ибо капиталистическое развитие идет к централизации, сосредоточивает в руках центральной буржуазной власти такую силу, которой *не могут никогда* противостоять «области». Дело в том, чтобы *один и тот же класс* имел политическую

власть и в центре и на местах, чтобы там и здесь была вполне последовательно проведена совершенно одинаковая *степень* демократизма, обеспечивающая *полное господство*, к примеру скажем, большинства населения, т. е. крестьянства. Исключительно в этом состоит *реальная гарантия* от «чрезмерных» посягательств центра, от нарушения «законных» прав областей; все остальные гарантии, измышляемые меньшевиками, — сплошная глупость, защита бумажным колпаком провинциального филистера от сосредоточенной капитализмом силы центральной власти. Именно такую филистерскую глупость и делает Новоседский, как делает ее вся теперешняя программа, *допуская* полный демократизм местных самоуправлений и «невысшую» степень демократизма в центре. Неполный демократизм центра означает обеспечение власти в центре *не* большинству населения, *не* тем элементам, которые преобладают в местных самоуправлениях, а это означает не только возможность, а *неизбежность конфликтов*, победителем из которых непременно, в силу законов экономического развития, выйдет недемократическая центральная власть!

«Муниципализация», с этой стороны вопроса, как «обеспечение» за областями чего-то против центральной власти, есть сплошное филистерское недомыслие. Если это «борьба» с централизованной буржуазной властью, то разве только такая «борьба», которую ведут *антисемиты* с капитализмом: такие же широковещательные обещания, привлекающие тупые и темные массы, и *такая же экономическая и политическая невыполнимость* этих обещаний.

Возьмите самый «ходкий» довод муниципалистов против национализации: национализация усилит буржуазное государство (помните у Джона великолепное: «упрочит *лишь* государственную власть»), увеличит доходы антипролетарской буржуазной власти, *а...* именно так: *а* муниципализация даст доходы на нужды населения, на нужды пролетариата. Такой довод заставляет стыдиться за социал-демократию, ибо это *чисто-антисемитская глупость* и *антисемитская демагогия*. Чтобы не брать кого-либо из «малых сих», сбитых с толку Плехановым и Масловым, возьму «самого» Маслова:

«Социал-демократия — поучает он читателей «Образования» — всегда рассчитывает таким образом, чтобы при *наихудших* обстоятельствах ее планы и задачи оправ-

дались... Мы должны предполагать, что во всех сторонах общественной жизни будет господствовать буржуазный строй со всеми его отрицательными сторонами. Самоуправление будет так же буржуазно, как и весь государственный строй, в нем будет такая же обостренная классовая борьба, как и в западно-европейских муниципалитетах.

Какая же разница между самоуправлением и государственной властью? Почему социал-демократия стремится передать земли не государству, а местному самоуправлению?

Чтобы определить задачи государства и местного самоуправления, мы сравним бюджеты того и другого» («Образование», 1907, № 3, с. 102). Следует сравнение: в одной из самых демократических республик, в Соединенных Штатах Америки, на войско и флот расходуется 42% бюджета. То же во Франции, Англии и т. д. «Помещичьи земства» в России — на медицину 27,5%, на народное образование — 17,4%, дороги — 11,9%.

«Из сравнения бюджетов наиболее демократических государств и наименее демократических местных самоуправлений мы видим, что по своим функциям первые обслуживают интересы господствующих классов, что государственные средства затрачиваются на *орудия ненападения*, на орудия подавления демократии; что, напротив, самое недемократическое, самое плохое местное самоуправление принуждено, хотя и плохо, но все-таки служить демократии, удовлетворять местные потребности» (103).

«Социал-демократ не должен быть настолько наивен, чтобы примириться с национализацией земли из-за того, например, что доходы с национализированных земель пойдут на содержание *республиканских* войск... Чрезвычайно наивен будет тот читатель, который поверит Оленову, что теория Маркса «позволяет» внести в программу только требование национализации земли, т. е. затраты земельной ренты (все равно — назвать ли ее абсолютной или дифференциальной?) на армию и флот, и что эта же теория не допускает муниципализации земли, т. е. затраты ренты на потребности населения» (103).

Кажется, ясно? Национализация — на армию и флот. Муниципализация — на потребности населения. Еврей — капиталист. Долой евреев — значит долой капиталистов!

Добрый Маслов не соображает, что высокий процент культурных расходов местных самоуправлений есть высокая доля второстепенных расходов. Почему это так? Потому, что пределы ведомства местных самоуправлений и финансовые полномочия их определяет та же центральная государственная власть и определяет так, что на армию и проч. берет куш, на «культуру» дает грош. Обязательств

ли такой дележ в буржуазном обществе? Обязателен, ибо в буржуазном обществе буржуазия не могла бы господствовать, если бы она не тратила куша на обеспечение своего господства, как класса, оставляя грош на культурные расходы. И надо быть Масловым, чтобы возыметь гениальную мысль: а что если я *новый куш* объявлю собственностью земств, ведь я *обойду* господство буржуазии! Как бы проста была, если бы пролетарии рассуждали по Маслову, их задача: стоит потребовать, чтобы доходы с железных дорог, почт, телеграфов, винной монополии не «национализировались», а «муниципализировались» — и эти доходы пойдут не на армию и флот, а на культурные цели. Не нужно вовсе свергать центральной власти или в корне ее переделывать, — надо просто-напросто добиться «муниципализации» всех крупных статей дохода, и дело будет в шляпе. О, мудрецы!

Муниципальные доходы в Европе и во всякой буржуазной стране, это такие доходы, — пусть запомнит это добрый Маслов! — которые буржуазная центральная власть согласна пожертвовать на культурные цели, *ибо эти доходы второстепенные*, ибо сбор таких доходов неудобен в центре, ибо главные, коренные, основные потребности буржуазии и буржуазного господства уже обеспечены *кушем*. Поэтому совет народу: получи новый куш, сотни миллионов с муниципализированных земель, и обеспечь его культурное назначение передачей куша в собственность земств, а не центральной власти, есть совет шарлатанский. Не может в буржуазном государстве буржуазия дать действительно на культурные цели *ничего кроме грошей*, ибо куши нужны ей на обеспечение господства буржуазии, как класса. Почему центральная власть берет себе девять десятых налогов с земли, с торговых заведений и т. п., а земствам позволяет брать одну десятую, устанавливая закон, что дополнительное земское обложение не может превышать такого-то низкого процента? Потому, что куш нужен на обеспечение господства буржуазии, как класса, и больше гроша она не может, оставаясь буржуазией, отдать на культуру*.

* Из обстоятельнейшей работы Кауфмана (Kaufmann R. «Die Kommunal-finanzen», 2 Bände. Lpz. 1906, II Abt. 5. Band des Hand- und Lehrbuches der Staatswissenschaften, begr. von Frankenstein, fortges. von Heckel) (Кауфман Р. «Местные финансы», 2 тома, Лейпциг, 1906, II раздел, книга 5 руководства и

Европейские социалисты берут это распределение куша и гроша, как данное, прекрасно зная, что иного и не может быть в буржуазном обществе. Беря это распределение, как данное, они говорят: в центральной власти мы не можем участвовать, ибо это орудие гнета; в муниципалитетах можем, ибо гроши расходуются здесь на культуру. Но что сказали бы эти социалисты человеку, который посоветовал бы рабочей партии агитировать за то, чтобы европейскому муниципалитету дали в собственность доходы действительно крупные, всю ренту с местных земель, всю прибыль с местных почтовых учреждений, с местных железных дорог и т. д.? Такого человека сочли бы или сумасшедшим, или «христианским социалистом», по ошибке попавшим к с.-д.

Люди, которые говорят, обсуждая задачи современной (т. е. буржуазной) революции в России: мы не должны укреплять центральную власть буржуазного государства, обнаруживают полную неспособность мыслить. Немцы могут и должны рассуждать так, ибо перед ними есть только юнкерски-буржуазная Германия; никакой другой Германии до социализма быть не может. У нас же все содержание текущей революционной борьбы масс состоит в том, быть ли России юнкерски-буржуазной (как хочет Столыпин и кадеты) или крестьянски-буржуазной (как хотят крестьяне и рабочие). Нельзя участвовать в такой революции, не поддерживая одного слоя буржуазии, одного типа буржуазной эволюции против другого. В силу объективных экономических причин у нас нет и быть не может, в теперешней революции, иного «выбора»,

учебника по государственным наукам, основанного Франкенштейном и продолженного Гекелем. *Ред.*) видно, что в Англии распределение местных и центральных государственных расходов *выгоднее* для местного самоуправления, чем в Пруссии и во Франции. В Англии 3 миллиарда марок расходуют местные учреждения, 3,6 миллиарда — центральная власть государства; во Франции — 1,1 миллиарда против 2,9; в Пруссии — 1,1 и 3,5. Выделим *культурные* расходы, например, на образование в стране, наиболее благоприятно (с точки зрения муниципалистов) поставленной, т. е. в Англии. Мы увидим, что из местных расходов на образование шло 16,5 миллионов фунтов стерлингов в 151,6 млн. (1902—1903 гг.), т. е. немногим более $\frac{1}{10}$. Центральная власть, по бюджету на 1908 г. (см. «*Almanach de Gotha*») («Готский альманах». *Ред.*), на образование расходует 16,9 млн. фунтов стерлингов в 198,6, т. е. менее $\frac{1}{10}$. Расходы на армию и флот = 59,2 млн. фунтов стерлингов, да прибавьте сюда расходы на государственные долги = 28,5 млн. фунтов стерлингов, да 3,8 млн. на суд и полицию, 1,9 млн. на иностранные дела, да 19,8 млн. на расходы внимания, и вы увидите, что буржуазия тратит грош на культуру, *хля* на обеспечение своего господства, на класс.

как между буржуазной централизованной республикой крестьян-фермеров или буржуазной централизованной монархией помещиков-юнкеров. Обойти этот трудный «выбор» посредством обращения внимания масс на то, что «нам бы хоть земства подемocratичнее», есть величайшая филистерская пошлость.

4. РАЗМАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО И РАЗМАХ АГРАРНОГО ПЕРЕВОРОТОВ

Труден «выбор», сказали мы, имея в виду, конечно, не субъективный выбор (что желательнее), а объективный исход борьбы общественных сил, решающий исторический вопрос. В чем, собственно, «трудность» благоприятного для крестьян исхода, этого совершенно не продумали люди, говорящие об оптимизме моей аграрной программы, связывающей республику с национализацией. Вот Плехановское рассуждение на эту тему:

«Ленин обходит трудность вопроса с помощью оптимистических предположений. Это — обычный прием утопического мышления; так, например, анархисты говорят: «не нужно никакой принудительной организации», а когда мы возражаем им, что отсутствие принудительной организации дало бы возможность отдельным членам общества вредить этому обществу, если у них окажется такое желание, то анархисты отвечают нам: «этого быть не может». По-моему, это значит обходить трудность вопроса посредством оптимистических предположений. И это делает Ленин. Он обставляет возможные последствия предлагаемой им меры целым рядом оптимистических «если». В доказательство приведу упрек Ленина Маслову. Он на с. 23* своей брошюры говорит: «проект Маслова, в сущности, молчаливо предполагает то, что требование нашей политической программы-минимум не осуществлено полностью, что самодержавие народа не обеспечено, постоянная армия не уничтожена, выборность чиновников не введена и т. д. Другими словами, что наша демократическая революция так же не дошла до своего конца, как большая часть европейских демократических революций, так же урвана, извращена, «возвращена вспять», как все эти последние. Проект Маслова специально приспособлен к половинчатому, неполнозначительному, неполному или урезанному и «безвредному» реакцией демократическому перевороту». Допустим, что упрек, делаемый им Маслову, основателен, но приведенная цитата показывает, что собственный проект Ленина хорош только в том случае, если осуществляются все указываемые им «если». А если тут не будет валицо этих «если», то осуществление его проекта**

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 164—165. Ред.

** Но тогда это не будет моим проектом! Нелогично рассуждает Плеханов!

будет вредно. Но нам не нужно таких проектов. Наш проект должен быть подкован на все четыре ноги, т. е. на случай неблагоприятных «если» («Протоколы Стокгольмского съезда», 44—45).

Я полностью выписал это рассуждение, ибо оно ясно показывает ошибку Плеханова. Оптимизм, который испугал его, им совершенно не понят. Не в том заключается «оптимизм», чтобы предполагать выборность чиновников народом и т. п., а в том, чтобы предполагать победу крестьянской аграрной революции. Действительная «трудность» заключается в том, чтобы в стране, развивающейся, по крайней мере, с 1861-го года по юнкерски-буржуазному типу, победила крестьянская аграрная революция, а раз вы допускаете эту основную экономическую трудность, то смешно усматривать чуть не анархизм в трудностях политического демократизма. Смешно забывать, что между размахом аграрных и политических преобразований не может не быть соответствия, что экономический переворот предполагает соответственную политическую надстройку. В непонимании того, где корень «оптимизма» нашей общины, и меньшевистской и большевистской, аграрной программы, и заключается основная ошибка Плеханова по данному вопросу.

В самом деле, представьте себе конкретно, что значит в современной России «крестьянская аграрная революция» с конфискацией помещичьего землевладения. Не подлежит сомнению, что в течение полувека капитализм прокладывая себе дорогу через помещичье хозяйство, которое стоит в общем и целом безусловно выше крестьянского в данный момент не только по высоте урожаев (что объяснимо отчасти лучшим качеством помещичьих земель), но и по распространенности усовершенствованных орудий и севооборотов (травосеяние)*. Не подлежит сомнению, что помещичье хозяйство тысячами нитей связано не только с бюрократией, но и с буржуазией. Конфискация подрывает массу интересов крупной буржуазии, а крестьянская революция ведет, как справедливо указывал Каутский, и к банкротству государства, т. е. к нарушению интересов не одной русской, но всей международной

* Сравни сводку новых и массовых данных о превосходстве помещичьего хозяйства над крестьянским по распространенности травосеяния у Кауфмана в II томе «Аграрного вопроса».

буржуазии. Понятно, что при таких условиях победа крестьянской революции, победа мелких буржуа и над помещиками и над крупными буржуа, требует особенно благоприятного стечения обстоятельств, требует совершенно необычайных, «оптимистических» предположений с точки зрения обывателя или обывательского историка, требует гигантского размаха крестьянской инициативы, революционной энергии, сознательности, организованности, богатства народного творчества. Это неоспоримо, и обывательские шуточки Плеханова насчет этого последнего слова — дешевенькая увертка от серьезного* вопроса. А так как товарное производство не объединяет и не централизует крестьянства, а разлагает и разъединяет его, то *крестьянская* революция в буржуазной стране осуществима только под руководством пролетариата, — обстоятельство, еще более восстанавливающее самую могущественную буржуазию всего мира против такой революции.

Следует ли из этого, что марксисты вовсе должны оставить мысль о крестьянской аграрной революции? Нет, такой вывод был бы достоин только людей, чье мирозерцание представляет из себя либеральную пародию на марксизм. Из сказанного следует только, во-1-х, что марксизм не может связывать судеб социализма в России с исходом буржуазно-демократического переворота; во-2-х, что марксизм должен считаться с обеими возможностями капиталистической эволюции земледелия в России и ясно показать народу условия и значение каждой возможности; в-3-их, что марксизм должен решительно бороться с тем взглядом, будто возможен радикальный аграрный переворот в России без радикального политического переворота.

1) Социалисты-революционеры, как и все скольнибудь последовательные народники, не понимают буржуазного характера крестьянской революции и связывают с ней весь свой квази-социализм. Благоприятный исход

* «Народное творчество», это — «народовольчество», — потешался Плеханов в Стокгольме. Это — того же сорта критика, которая «Похождения Чичикова» критикует насмешкой над фамилией: «Чичиков... Чхи... чхи... ах, как смешно!»¹⁰². Считать серьезно народовольчеством идею о необходимости «народного творчества», новых форм борьбы, новых форм организации крестьянства в русской революции может только тот, кому самое допущение крестьянской революции против буржуазии и помещиков кажется народовольчеством.

крестьянской революции означал бы, по мнению народников, торжество народнического социализма в России. На деле такой исход был бы самым быстрым и самым решительным крахом народнического (крестьянского) социализма. Чем полнее и решительнее была бы победа крестьянской революции, тем быстрее превратится крестьянство в свободных буржуазных фермеров, которые «дадут отставку» народническому «социализму». Наоборот, неблагоприятный исход на некоторое время затянет агонию народнического социализма, даст возможность несколько продержаться той иллюзии, будто критика помещичье-буржуазной разновидности капитализма есть критика капитализма вообще.

Социал-демократия, партия пролетариата, никоим образом не связывает судьбы социализма с тем или иным исходом буржуазной революции. Оба исхода означают капиталистическое развитие и угнетение пролетариата и в монархии помещиков с частной собственностью на землю, и в республике фермеров, хотя бы с национализацией земли. Поэтому безусловно самостоятельная и чисто пролетарская партия одна только в состоянии отстоять дело социализма «при всяком положении демократических аграрных преобразований»*, как сказано в заключительной части моей аграрной программы (эта часть вошла в тактическую резолюцию Стокгольмского съезда).

2) Но буржуазный характер *обоих* исходов аграрного переворота ни в каком случае не означает того, что с.-д. могут безразлично относиться к борьбе за тот или иной исход. Интересы рабочего класса безусловно требуют самой энергичной поддержки им крестьянской революции, — более того: руководящей роли его в крестьянской революции. Борясь за благоприятный исход ее, мы должны распространять в массах самое отчетливое понимание того, что значит сохранение помещичьего пути аграрной эволюции, какие неисчислимы бедствия (вытекающие не из капитализма, а из недостаточного развития капитализма) несет оно всем трудящимся массам. С другой стороны, мы должны также разъяснять мелкобуржуазный характер крестьянской революции и неосновательность «социалистических» упований на нее.

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 172. Ред.

При этом наша программа — раз мы не связываем судьбы социализма с тем или иным исходом буржуазного переворота — не может быть одинаковой и на благоприятный и на «неблагоприятный случай». Если Плеханов сказал, что нам не нужно проектов, особо предусматривающих тот и другой (следовательно, построенных с «если»), то он просто сказал, не подумавши. Ибо именно с его точки зрения, с точки зрения вероятности наихудшего исхода или необходимости считаться с ним, особенно необходимо разделение программы на две части, которые и были у меня. Необходимо сказать, что на данном пути помещичье-буржуазного развития рабочая партия отстаивает такие-то меры, но вместе с тем она помогает всеми силами крестьянству совершенно уничтожить помещичье землевладение и открыть этим возможность более широких и свободных условий развития. Об этой стороне дела у меня подробно сказано в «Докладе» (пункт об аренде, его необходимость в программе «на худший случай»; его отсутствие у Маслова)*. Добавлю только, что именно теперь, когда непосредственные условия деятельности с.-д. всего менее похожи на оптимистические предположения, ошибка Плеханова выступает еще яснее. Третья Дума ни в каком случае не может побудить нас прекратить борьбу за крестьянскую аграрную революцию, но на известный промежуток времени приходится работать на почве аграрных отношений, обеспечивающих самую дикую эксплуатацию помещиков. Именно Плеханов, особо заботившийся о худшем случае, оказался теперь без программы на худший случай!

3) Раз мы ставим своей задачей содействие крестьянской революции, надо ясно сознать трудность задачи и необходимость *соответствия* между политическими и аграрными преобразованиями. Иначе соединение «оптимизма» аграрного (конфискация плюс муниципализация или раздел) с «пессимизмом» политическим (Новоседский: демократизация «сравнительной степени» в центре) получается научно-несостоятельное, практически-реакционное.

Меньшевики точно против воли допускают крестьянскую революцию, не желая ясно и определенно поставить перед народом всего облика ее. У них сквозит взгляд, о беспо-

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 313—314. Ред.

добной наивностью выраженный меньшевиком Птицыным в Стокгольме: «Пройдут революционные передряги, течение буржуазной жизни вернется в обычную колею, и, если не произойдет рабочей революции на Западе, буржуазия у нас неизбежно станет у власти. Этого не станет и не может отрицать т. Ленин» (91 стр. Протоколов). Вышло так, что непродуманное абстрактное понятие буржуазного переворота заслонило вопрос о той его разновидности, которой является крестьянская революция! Все это — одни «передряги», а реальна лишь «обычная колея». Трудно рельефнее выразить обывательскую точку зрения и непонимание того, из-за чего собственно идет борьба в нашей буржуазной революции.

Осуществить аграрный переворот крестьянство не может без устранения старой власти, постоянного войска и бюрократии, ибо все это — вернейшие оплоты помещичьего землевладения, связанные с ним тысячами нитей. Поэтому научно-несостоятельно представление о крестьянском перевороте при демократизме одних местных учреждений без полной ломки учреждений центральных. Практически-реакционно это представление потому, что оно играет на руку мелкобуржуазной тупости и мелкобуржуазному оппортунизму, — «попросту» представляющему себе дело: земля нужна, а там политика, бог ее знает! Землю всю надо взять, а надо ли всю власть, можно ли всю власть взять, как ее взять, об этом не думает крестьянин (или не думал, пока разгон двух Дум не надумил его). В высшей степени реакционна поэтому точка зрения «крестьянского кадета», г. Пешехонова, который еще в своей «Аграрной проблеме» писал: «несравненно нужнее сейчас определенный ответ по аграрному вопросу, чем по вопросу, например, о республике» (стр. 114). И эта точка зрения политического юродства (наследие реакционных дел мастера, г. В. В.) сказалась, как известно, на всей программе и на всей тактике партии «народных социалистов». Вместо того, чтобы бороться с недомыслием крестьянина, не понимающего связи между радикализмом аграрным и радикализмом политическим, энесы («народные социалисты») *подлаживаются* к его недомыслию. Им кажется, что «так практичнее», а на деле именно такая постановка и осуждает на абсолютный неуспех аграрную программу крестьянства. Труден радикальный

политический переворот — слов нет, но труден и аграрный; второй невозможен вне связи с первым, и долг социалистов не скрывать этого от крестьян, не набрасывать флера (посредством недостаточно определенных, полукadetских фраз о «демократическом государстве», как в нашей аграрной программе), а договаривать до конца, учить крестьян, что, не дойдя до конца в политике, они не могут серьезно думать о конфискации помещичьей земли.

Тут не «если» важны в программе. Важно указание на то, что должно быть *соответствие* аграрных и политических преобразований. Вместо «если» можно ту же мысль выразить иначе: «партия разъясняет, что лучшим в буржуазном обществе способом владения землей является отмена частной собственности на землю, национализация земли, переход ее в собственность государства, и что такая мера не может быть ни осуществлена, ни принести действительной пользы без полного демократизма не только местных учреждений, но и всего устройства государства вплоть до республики, уничтожения постоянной армии, выборности чиновников народом и т. д.».

Не включив такого разъяснения в нашу аграрную программу, мы внушили народу *ложную* мысль, будто возможна конфискация помещичьей земли без полного демократизма центральной власти. Мы опустились на уровень оппортунистической мелкой буржуазии, т. е. «народных социалистов», ибо в обеих Думах вышло так, что и их программа (проект 104-х) и наша оговаривала связь аграрных преобразований с демократизмом *только местных* учреждений. Такой взгляд — мещанская тупость, от которой 3-ье июня 1907 г. и III Дума должны бы излечить многих, а социал-демократов прежде всего.

5. КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ ЗАВОЕВАНИЯ ВЛАСТИ КРЕСТЬЯНСТВОМ?

Аграрная программа российской социал-демократии есть пролетарская программа в крестьянской революции, направленной против остатков крепостного права, против всего средневекового в нашем аграрном строе. Теоретически это положение, как мы видели, признается и меньшевиками (речь Плеханова в Стокгольме). Но меньшевики совершенно не продумали этого положения, не заметили неразрывной связи между ним и общими основами

социал-демократической тактики в российской буржуазной революции. И именно в произведениях Плеханова всего яснее сказалась эта непродуманность.

Всякая крестьянская революция, направленная против средневековья при капиталистическом характере всего общественного хозяйства, есть буржуазная революция. Но не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция. Если бы в стране с земледелием, организованным вполне капиталистически, капиталисты-земледельцы при помощи наемных рабочих совершили аграрную революцию, уничтожив, к примеру скажем, частную собственность на землю, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Если бы в стране, аграрный строй которой настолько сросся уже с капиталистическим хозяйством вообще, что уничтожить этот строй было бы невозможно без уничтожения капитализма, произошла революция, ставящая, скажем, у власти промышленную буржуазию на место самодержавной бюрократии, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Другими словами: возможна буржуазная страна без крестьянства и возможна буржуазная революция в подобной стране без крестьянства. Возможна буржуазная революция в стране с значительным крестьянским населением и, однако, такая революция, которая отнюдь не является крестьянской революцией, т. е. такая, которая не революционизирует специально касающихся крестьянства поземельных отношений и не выдвигает крестьянства в числе сколько-нибудь активных общественных сил, творящих революцию. Следовательно, общее марксистское понятие: «буржуазная революция» содержит известные положения, обязательно применимые ко всякой крестьянской революции в стране развивающегося капитализма, но это общее понятие ровно ничего еще не говорит о том, должна ли (в смысле объективной необходимости) буржуазная революция данной страны стать крестьянской революцией, чтобы одержать полную победу, или не должна.

Основной источник неверности всей тактической линии Плеханова и шедших за ним меньшевиков в первый период русской революции (т. е. в 1905—1907 годах) состоит в том, что они совершенно не поняли этого соотношения между буржуазной революцией вообще и крестьянской

буржуазной революцией. Обычный в меньшевистской литературе грозный шум* по поводу того, что большевики-де не понимают буржуазного характера происходящей революции, есть не что иное, как прикрытие этого недомыслия. На деле ни один социал-демократ ни той, ни другой фракции ни до революции, ни во время нее не отступал от марксистских взглядов на буржуазный характер революции; только «упростители», вульгаризаторы фракционных разногласий могли утверждать обратное. Но часть марксистов, именно правое крыло, отделялась все время общим, абстрактным, шаблонным понятием буржуазной революции, не сумев понять *особенности* данной буржуазной революции именно как крестьянской революции. Совершенно естественно и неизбежно, что это крыло социал-демократии не могло понять источника контрреволюционности нашей буржуазии в русской революции, не могло определить ясно, какие классы способны одержать в этой революции полную победу, не могло не сбиваться на взгляд: в буржуазной революции пролетариат должен поддерживать буржуазию, в буржуазной революции главным деятелем должна быть буржуазия, размах революции ослабеет, если отшатнется буржуазия, и т. д., и т. п.

Наоборот, большевики с самого начала революции весной и летом 1905-го года, когда не могло еще быть и речи о столь распространенном теперь у невежественных или неумных людей смешении большевизма с бойкотизмом, боевизмом и т. п., ясно указали *источник* наших тактических разногласий, выделив понятие крестьянской революции, как одного из видов буржуазной революции, и определив ее победу: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Крупнейшим *идейным* завоеванием, которое сделал большевизм с тех пор в международной социал-демократии, было выступление Каутского с статьей о движущих силах русской революции (русский перевод под редакцией и с предисловием Н. Ленина: «Движущие силы и перспективы русской революции». М. 1907, книгоиздательство «Новая эпоха»). Как известно, в начале раскола между большевиками и

* У Плеханова в «Новых письмах о тантине и бестантности» (изд. Глаголева, СПб.) этот шум прямо комичен. Грозных слов, брани против большевиков и кривлянья бедна, мысли — ни капли.

меньшевиками, в 1903 году, Каутский встал на сторону последних. В 1907 году, после наблюдения за русской революцией, о которой Каутский писал неоднократно, он сразу понял ошибку Плеханова, пославшего ему свой известный опросный лист. В этом опросном листе Плеханов спрашивал *только* о буржуазном характере русской революции, не выделяя понятия крестьянской буржуазной революции, не идя дальше общих скобок: «буржуазная демократия», «буржуазные оппозиционные партии». Исправляя эту ошибку, Каутский ответил Плеханову, что буржуазия не является движущей силой русской революции, что в *этом* смысле время буржуазных революций миновало, что «прочная общность интересов во весь период революционной борьбы существует только между пролетариатом и крестьянством» (назв. брошюра, с. 30—31), что «она-то (эта прочность интересов) и должна лечь в основу всей революционной тактики русской социал-демократии» (там же, с. 31). Здесь вполне ясно выражены *основы* большевистской тактики *против* меньшевистской. Плеханов страшно сердится в «Новых письмах и т. д.» по этому поводу. Но досада его только рельефнее выставляет бессилие аргументации. Кризис мы переживаем «все-таки буржуазный», — твердит Плеханов, браня большевиков «безграмотными» (с. 127). Эта брань — сердитое бессилие. Плеханов не понял вопроса об отличии крестьянской буржуазной революции от не крестьянской буржуазной революции. Говоря, что Каутский «преувеличивает быстроту развития нашего крестьянина» (с. 131), что «разномыслие между нами (Плехановым и Каутским) возможно только в оттенках» (131) и т. п., Плеханов прибегает к самым жалким, трусливым уверткам, ибо всякий чуточку думающий человек видит как раз обратное. Дело не в «оттенках», не в вопросе о скорости развития, не в «захвате» власти, о чем кричит Плеханов, а в *основном* взгляде на *классы*, способные быть движущей силой русской революции. Плеханов и меньшевики *неизбежно* сбиваются, вольно и невольно, на оппортунистическую поддержку буржуазии, ибо они не понимают контрреволюционности буржуазии в крестьянской буржуазной революции. Большевики сразу определили общие и основные классовые условия победы этой революции, как демократическую диктатуру пролетариата и

крестьянства. Каутский по существу дела пришел к тому же взгляду в «Движущих силах» и повторил его во *втором* издании своей «Социальной революции», где он говорит: «Она (победа русской социал-демократии в близком будущем) может быть лишь делом союза (einer Koalition) пролетариата и крестьянства» («Die soziale Revolution», von K. Kautsky. Zweite Auflage. Berlin, 1907, Seite 62*). (Место не позволяет нам остановиться на другом добавлении Каутского во втором издании, на его оценке уроков декабря 1905 г. — оценке, в корне расходящейся с меньшевизмом.)

Таким образом мы видим, что Плеханов совершенно спасовал по вопросу об *основах* всей вообще социал-демократической тактики в такой буржуазной революции, которая может победить лишь как крестьянская революция. Мои слова в Стокгольме (апрель 1906 г.)**, что Плеханов довел до абсурда меньшевизм, отвергнув завоевание власти крестьянством в крестьянской революции, нашли себе самое полное подтверждение в последующей литературе. И эта основная ошибка тактической линии не могла не сказаться на меньшевистской аграрной программе. Муниципализация, как я не раз показывал выше, ни в экономической, ни в политической области не выражает полностью условий действительной победы крестьянской революции, действительного завоевания власти пролетариатом и крестьянством. В экономической области такая победа не может быть совмещена с закреплением старого наделного землевладения; в политической области — с одним только областным демократизмом при неполном демократизме центральной власти.

6. ДОСТАТОЧНО ЛИ ГИБКОЕ СРЕДСТВО НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ?

Т. Джон говорил в Стокгольме (стр. 111 протоколов), что «проект муниципализации земли является более приемлемым, как более гибкий, он учитывает разнообразие хозяйственных условий, он допускает проведение его в самом процессе революции». Коренной недостаток муниципализации в этом отношении мной уже указан: закрепление

* — К. Каутский. «Социальная революция», 2 издание, Берлин, 1907, стр. 62. Ред.

** См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 257. Ред.

в собственность наделного землевладения. Национализация неизмеримо более гибка в этом отношении, ибо позволяет гораздо свободнее организовать новые хозяйства на «разгороженной» земле. Здесь надо еще отметить вкратце другие соображения Джона, более мелкие.

«Раздел земли — говорит Джон — в некоторых местах вновь создал бы старые земельные отношения. В некоторых областях на каждый двор пришлось бы по 200 десятин, и таким образом, например, на Урале мы создали бы класс новых помещиков». Образец довода, состоящего из обвинения своей собственной системы! И такие доводы решали дело на меньшевистском съезде! Как раз муниципализация, и только она, грешит тем грехом, на который здесь указывается, ибо только она закрепляет землю за отдельными областями. Не раздел тут виной, как думает Джон, делающий смешную логическую ошибку, а провинциализм муниципалистов. Муниципализированная уральская земля все равно осталась бы, по программе меньшевиков, «владением» уральцев. Это было бы созданием *нового* реакционного казачества, реакционного потому, что привилегированные мелкие земледельцы, обеспеченные землей вдесятеро больше всей остальной массы земледельцев, не могли бы не противиться крестьянской революции, не могли бы не защищать привилегии частной собственности на землю. Остается только предположить, что на основании той же программы «демократическое государство» могло бы объявить десятки миллионов десятин уральских лесов «лесами, имеющими общегосударственное значение», или «переселенческим фондом» (допускает же кадет Кауфман такое назначение уральских лесов в пределах 25% лесистости, что дает 21 миллион десятин в Вятской, Уфимской и Пермской губерниях!) — и на этом основании отобрать их в свое «владение». Не гибкостью, а путаницей отличается муниципализация, только и всего.

Далее, взглянем на проведение муниципализации в самом процессе революции. Здесь мы встречаем нападки на мои «крестьянские революционные комитеты», как на сословное учреждение. Мы-де за бессословность — либеральничали меньшевики в Стокгольме. Дешевый либерализм! Не подумали только наши меньшевики, что для введения бессословного самоуправления надо уже одержать победу и лишить власти привилегированное сословие, с которым

идет борьба. Как раз «в самом процессе революции», как говорит Джон, т. е. в процессе борьбы за изгнание помещиков, в процессе тех *«революционных выступлений крестьянства»*, о которых говорит и тактическая резолюция меньшевиков, возможны только крестьянские комитеты. Введение бессословного самоуправления обеспечено нашей политической программой, оно неизбежно будет устанавливаться и должно устанавливаться, как организация *управления* после победы, когда все население вынуждено уже признать новый порядок. Но если не фраза слова нашей программы о «поддержке революционных выступлений крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель», то надо подумать об организации масс *для этих выступлений*! Об этом меньшевистская программа не думает. Она построена так, чтобы удобно было целиком превратить ее в парламентский законопроект наряду с законопроектами буржуазных партий, которые ненавидят всякие «выступления» (как кадеты) или оппортунистически увертываются от задачи систематического содействия этим выступлениям и организации их (как энесы). Но такое построение программы недостойно рабочей партии, говорящей о крестьянской аграрной революции, — партии, которая преследует цель не успокоения крупной буржуазии и бюрократии (как кадеты), не успокоения мелкой буржуазии (как энесы), а исключительно развития сознания и самостоятельности широких масс в ходе их борьбы против крепостнической России.

Припомните хотя бы в общих чертах ту массу крестьянских «революционных выступлений», которые имели место в России весной 1905 года, осенью 1905 года, весной 1906 года. Такие выступления обещаем мы поддерживать или нет? Если нет, то наша программа оказалась бы говорящей неправду. Если да, то ясно, что для *этих* выступлений программа *не дает* указаний об их организации. Организация таких выступлений возможна только непосредственно на месте борьбы, организация может быть создана только непосредственно массой, участвующей в борьбе, т. е. организация должна быть непременно в типе крестьянских комитетов. Дождаться крупных областных самоуправлений при таких выступлениях прямо смешно. Расширение победивших местных комитетов, их пределов власти и влияния на соседние села, уезды,

губернии, города, округа и на все государство, конечно, желательно и необходимо. Против указания в программе на необходимость такого расширения ничего нельзя иметь, но тогда обязательно не ограничиваться областями, а дойти до центральной власти. Это, во-первых. А во-вторых, надо говорить тогда не о самоуправлениях, ибо такой термин показывает зависимость организаций управляющих от организации устройства государства. «Самоуправление» действует по правилам, учреждаемым центральной властью, и в пределах, определяемых ею же. Те же организации борющегося народа, о которых у нас идет речь, должны быть совершенно независимы от всех учреждений старой власти, должны вести борьбу за новое устройство государства, должны быть орудием всевластия народа (или самодержавия народа) и средством обеспечить таковое.

Одним словом, с точки зрения «самого процесса революции» во всех отношениях неудовлетворительна меньшевистская программа, отражающая путаницу меньшевистских идей по вопросу о временной власти и т. д.

7. муниципализация земли и муниципальный социализм

Сближение того и другого принадлежит самим меньшевикам, проведшим аграрную программу в Стокгольме. Достаточно назвать двух видных меньшевиков, Кострова и Ларина. «Некоторые товарищи — говорил Костров в Стокгольме — как будто в первый раз слышат о муниципальной собственности. Напомню им, что в Западной Европе есть целое направление» (именно!) «муниципальный социализм» (Англия), который состоит в расширении собственности городских и сельских муниципалитетов, и за который стоят и наши товарищи. Многие муниципалитеты владеют недвижимым имуществом, и это не противоречит нашей программе. Теперь мы имеем возможность достать (!) для муниципалитетов даром (!!) недвижимое богатство и должны воспользоваться им. Конечно, конфискованные земли должны быть муниципализированы» (стр. 88).

Наивная точка зрения на «возможность даром достать богатство» выражена здесь великолепно. Оратор не подумал только о том, почему это «направление» муниципального социализма именно как особое направление и преимущественно в Англии, которую он взял в качестве

примера, — есть направление *крайнего оппортунизма?* Почему Энгельс, характеризуя в письмах к Зорге этот крайний интеллигентский оппортунизм английских фабрикантов, отметил мелочное значение их «муниципализаторских» стремлений¹⁰³?

В унисон с Костровым Ларин говорит в своем комментарии к меньшевистской программе: «Быть может, в некоторых местностях местное народное самоуправление сможет само вести эти крупные хозяйства за свой счет, как имеют, например, городские думы конки или бойни, и тогда вся (!) прибыль от них будет в распоряжении всего (!) населения»*, — а не местной буржуазии, любезный Ларин?

Мещанские иллюзии мещанских героев западно-европейского муниципального социализма уже дают себя знать сразу. Забыто и господство буржуазии, забыто и то, что только в городах с крупным процентом *пролетарского* населения удастся отстаивать для трудящихся кое-что из крох муниципального управления! Но это мимоходом. Главная фальшь «муниципально-социалистической» идеи муниципализации земли заключается в следующем.

Буржуазная интеллигенция на Западе, подобно английским фабрикантам, возводит муниципальный социализм в особое «направление» именно потому, что она мечтает о социальном мире, о примирении классов и желает перенести общественное внимание с коренных вопросов всего экономического строя и всего государственного *устройства* на мелкие вопросы местного самоуправления. В области вопросов первого рода классовые противоречия всего резче; именно эта область, как мы уже указывали, затрагивает самые основы господства буржуазии, как класса. Именно здесь поэтому мещанская, реакционная утопия частичного осуществления социализма особенно безнадежна. Внимание переносится на область мелких местных вопросов, не вопроса о господстве буржуазии, как класса, не вопроса об основных орудиях этого господства, — а вопроса о расходовании *крох*, бросаемых богатой буржуазией на «*нужды населения*». Понятно, что если выделены такие вопросы о расходовании ничтожных (по сравнению с общей массой прибавочной стоимости и с общей суммой государственных расходов буржуазии) сумм, которые *сама*

* «Крестьянский вопрос и социал-демократия», стр. 66.

буржуазия соглашается отдать на народное здравие (Энгельс указывал в «Жилищном вопросе», что заразные эпидемии в городах пугают самую буржуазию¹⁰⁴), — на народное образование (должна же буржуазия иметь обученных рабочих, способных применяться к высокому уровню техники!) и т. д., то в области *таких мелких* вопросов можно разглагольствовать о «социальном мире», о вреде классовой борьбы и т. п. Какая же тут классовая борьба, если сама буржуазия расходует деньги на «нужды населения», на медицину, на образование? К чему социальная революция, если через местные самоуправления можно понемногу и постепенно расширять «коллективную собственность», «социализировать» производство: конки, бойни, на которые так кстати указывает почтенный Ю. Ларин?

Мещанский оппортунизм этого «направления» состоит в том, что забывают *узкие границы* так называемого «муниципального социализма» (на деле, муниципального капитализма, как справедливо говорят английские с.-д. против фабианцев). Забывают, что, пока буржуазия господствует, как класс, она не может позволить затронуть хотя бы даже с «муниципальной» точки зрения настоящих *основ* ее господства, — что если буржуазия позволяет, терпит «муниципальный социализм», то именно потому, что *основ* ее господства он не трогает, *серьезных* источников ее богатства не задает, простирается только на ту местную, узкую область расходов, которую сама буржуазия *отдает* в ведение «населения». Достаточно самого небольшого знакомства с «муниципальным социализмом» на Западе, чтобы знать, как всякая попытка *социалистических* муниципалитетов чуточку выйти из рамок обычного, т. е. мелкого, мелочного, не дающего *существенных* облегчений рабочему, хозяйничанья, всякая попытка чуточку затронуть *капитал* вызывает всегда и безусловно решительное veto* центральной власти буржуазного государства.

И вот эту-то основную ошибку, этот мещанский оппортунизм западно-европейских фабианцев, POSSИБИЛИСТОВ и БЕРНШТЕЙНИАНЦЕВ перенимают наши муниципализаторы.

«Муниципальный социализм» есть социализм в вопросах *местного управления*. То, что выходит за пределы

* — veto — запрещаю (в данном случае — запрещение). Ред.

местных интересов, за пределы функций государственного управления, т. е. все, что касается основных источников дохода правящих классов и основных средств обеспечения их господства, все, что затрагивает не управление государством, а *устройство* государства, тем самым выходит из области «муниципального социализма». А наши мудрецы обходят остроту общенационального и самым непосредственным образом задевающего коренные интересы правящих классов вопроса о земле посредством *зачисления* этого вопроса в «вопросы местного управления»! На Западе муниципализируют конки и бойни, — почему бы нам не муниципализировать лучшей половины всех земель? — рассуждает русский интеллигентик. Это годится и на случай реставрации, и на случай неполного демократизма центральной власти!

Получается аграрный социализм в буржуазной революции и социализм самый мещанский, рассчитывающий на *притупление* классовой борьбы по *острым* вопросам посредством *перечисления* этих вопросов в разряд мелких, касающихся только местного управления. На деле вопрос о хозяйстве на половине лучших земель не может быть ни вопросом местным, ни вопросом управления. Это вопрос общегосударственный, вопрос устройства не только помещичьего, но и буржуазного государства. И манить народ мыслью, будто возможно, до осуществления социалистического переворота, развитие «муниципального социализма» в земледелии, значит вести самую непозволительную демагогию. Марксизм позволяет внести в программу буржуазной революции национализацию, потому что национализация есть буржуазная мера, потому что абсолютная рента мешает развитию капитализма, частная собственность на землю есть помеха капитализму. Но надо переделать марксизм в фабианский интеллигентский оппортунизм, чтобы в программу буржуазной революции включать муниципализацию крупных имений.

Здесь именно перед нами выступает различие мелкобуржуазных и пролетарских методов в буржуазной революции. Мелкая буржуазия, даже самая радикальная, — наша партия с.-р. в том числе, — предвидит не классовую борьбу *после* буржуазной революции, а всеобщее благоденствие и успокоение. Поэтому она заранее «вьет себе гнездышко», вносит планы мелкобуржуазного реформа-

торства в буржуазную революцию, беседует о разных «нормах», о «регулировании» землевладения, об укреплении трудового начала и трудового мелкого хозяйства и т. д. Мелкобуржуазный метод есть метод строительства отношений возможно большего социального мира. Пролетарский метод есть *исключительно* расчистка пути от всего средневекового, расчистка пути для *классовой борьбы*. Поэтому всякие «нормы» землевладения пролетарий может предоставить обсуждать мелким хозяйчикам: пролетария интересует только уничтожение помещичьих латифундий, только уничтожение частной собственности на землю, как *последнего* препятствия классовой борьбы в земледелии. В буржуазной революции нас интересует не мещанское реформаторство, не будущее «гнездышко» успокоенных мелких хозяев, — а условия пролетарской борьбы против всякого мещанского успокоения на буржуазной почве.

Именно этот антипролетарский дух вносит в программу *буржуазной* аграрной революции муниципализация, ибо она не расширяет и не обостряет классовой борьбы, вопреки глубоко-ложному мнению меньшевиков, а, наоборот, *притупляет* ее. Притупляет и тем, что допускает демократизм местный при неполном демократизме центра. Притупляет и идеей «муниципального социализма», ибо таковой *мыслим* в буржуазном обществе только *в стороне* от столбовой дороги борьбы, только в мелких, местных, неважных вопросах, по которым *даже* буржуазия может уступить, может помириться, не теряя возможности сохранить свое господство, как класса.

Рабочий класс должен дать буржуазному обществу самую чистую, самую последовательную, самую решительную программу буржуазного переворота вплоть до буржуазной национализации земли. От мещанского реформаторства пролетариат с презрением отстраняется в буржуазной революции: нас интересует свобода для борьбы, а не свобода для мещанского счастья.

Оппортунизм интеллигенции в рабочей партии, естественно, тянет иную линию. Вместо широкой революционной программы буржуазного переворота внимание устремляется на мещанскую утопию: отстоять местный демократизм при недемократизме центра, обеспечить для мелкого реформаторства уголок муниципального хозяйства

в стороне от крупных «передряг», обойти остроту необычайно острого земельного конфликта по рецепту антисемитов, т. е. перечислением крупного национального вопроса по ведомству мелких местных вопросов.

8. НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ Порожденной муниципализацией путаницы

Какая неясность посеяна «муниципализаторской» программой в головах с.-д., на какое беспомощное положение осуждены ею пропагандисты и агитаторы, об этом свидетельствуют следующие казусы.

Ю. Ларин, несомненно, один из видных и известных в литературе меньшевиков. В Стокгольме он принимал, как видно из протоколов, живейшее участие в проведении программы. Его брошюра «Крестьянский вопрос и социал-демократия», вошедшая в серию брошюр «Нового мира», является почти официальным комментарием к меньшевистской программе. И вот что пишет этот комментатор. Заключительные страницы его брошюры посвящены итогам вопроса о земельном преобразовании. Автор предусматривает тройкий исход этих преобразований: 1) дополнительные наделы в частную собственность крестьян за вознаграждение — «наиболее невыгодный исход для рабочего класса, низших слоев крестьянства и всего развития народного хозяйства» (103). Второй исход — наилучший и 3-й, хотя невероятный, — «провозглашение на бумаге обязательного уравнительного пользования». Казалось бы, мы вправе ожидать, что второй исход, по мнению сторонника муниципализаторской программы, должен состоять в муниципализации? Нет. Слушайте:

«Быть может, все конфискованные или даже все вообще земли будут объявлены общей государственной собственностью и переданы в распоряжение местного самоуправления для бесплатной (?) раздачи в пользование всем хозяйствующим действительно на них, конечно, без обязательного по всей России введения уравнительного пользования и без запрещения наемного труда. Такое решение вопроса, как мы видели, наиболее обеспечивает как ближайшие интересы пролетариата, так и общие интересы социалистического движения и поднятие производительности труда — основной вопрос жизни России. Поэтому социал-демократы должны отстаивать и проводить аграрную реформу (?) именно такого характера. Она будет иметь место тогда, когда в достигшей высшего развития революции сильны будут сознательные элементы общественного развития» (103. Курсив наш).

Если Ю. Ларин или другие меньшевики думают, что здесь изложена программа муниципализации, то это трагическое заблуждение. Передача *всех* земель в собственность государства есть *национализация земли*, распоряжение которой нельзя себе и представить иначе, как через местные самоуправления, действующие в пределах общегосударственного закона. Под такой программой — не «реформ», конечно, а революции — я всецело подписываюсь, за исключением пункта о «бесплатной» раздаче хозяйничающим даже с наемным трудом. Обещать такую вещь за буржуазное общество — это более приличествует антисемиту, чем социал-демократу. Предполагать возможным такой исход в рамках капиталистического развития марксист не может, — считать желательной передачу ренты фермерам-предпринимателям тоже нет оснований. Но, за исключением этого пункта, который вероятнее всего объяснить обмолвкой автора, остается несомненным, что в популярной меньшевистской брошюре, как лучший исход в связи с высшим развитием революции, проповедуется *национализация земли*.

Тот же Ларин по вопросу о том, что делать с частновладельческими землями, пишет:

«Что же касается частновладельческих земель, занятых крупными производительными капиталистическими хозяйствами, то их конфискация мыслится социал-демократами отнюдь не для раздела между мелкими хозяевами. В то время как средняя производительность мелкого крестьянского хозяйства на своей или арендованной земле не достигает 30 пудов с десятины, — средняя производительность капиталистического сельского хозяйства превышает в России 50 пудов» (64).

Говоря это, Ларин в сущности выбрасывает за борт идею *крестьянской* аграрной революции, ибо его средние цифры урожайности относятся ко *всем* помещичьим землям. Если не считать возможным более широкое и более быстрое поднятие производительности труда в освобожденном от крепостничества мелком сельском хозяйстве, — то тогда вся вообще «поддержка революционных выступлений крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель» не имеет смысла. А затем Ларин забывает, что по вопросу о том, «для чего мыслится социал-демократами конфискация капиталистических хозяйств», есть решение Стокгольмского съезда.

Именно т. Струмилин внес на Стокгольмском съезде поправку — вставить после слов: экономическое развитие (в резолюции) «настаивая поэтому на том, чтобы конфискованные крупно-капиталистические экономики эксплуатировались и впредь капиталистически в общенародных интересах и на условиях, лучше всего обеспечивающих нужды сельскохозяйственного пролетариата» (стр. 157). Поправка эта была отвергнута *всеми против одного* (там же).

И тем не менее пропаганда в массах идет, не считаясь с решением съезда! Муниципализация — настолько путаная вещь, в силу оставления частной собственности на наделные земли, что невольно комментирование программы расходится с решением съезда.

К. Каутский, которого так часто и так несправедливо цитировали в пользу той или иной программы (несправедливо потому, что он решительно отклонял от себя предложения высказаться определенно по этому вопросу, ограничиваясь выяснением некоторых общих истин), Каутский, — которого, точно для курьеза, притягивали даже в защиту муниципализации, писал, оказывается, М. Шанину в апреле 1906-го года:

«Очевидно, я под муниципализацией понимал нечто иное, чем Вы и, может быть, Маслов. Я понимал под ней вот что: крупное землевладение будет конфисковано и на нем и впредь будет вестись общинами (1) или более крупными организациями крупное хозяйство или же земля будет сдаваться в аренду производительным товариществам. Я не знаю, возможно ли это в России, не знаю также, пойдут ли крестьяне на это. Я и не говорю, что мы должны этого требовать, но думаю только, что *если* этого требуют другие, мы свободно могли бы с этим согласиться. Это был бы интересный эксперимент»*.

Кажется, этих цитат достаточно, чтобы показать, как люди, вполне сочувственно относившиеся или относящиеся к стокгольмской программе, *уничтожают* ее своими тол-

* М. Шанин: «Муниципализация или раздел в собственность». Вильна. 1907 г., стр. 4. М. Шанин справедливо выражает сомнение по поводу того, можно ли зачислять Каутского в сторонники муниципализации, и протест против меньшевистской рекламы (в меньшевистской «Правде» 10^а 1906 года) насчет Каутского. В письме Каутского, опубликованном Масловым, Каутский прямо говорит: «Мы можем предоставить крестьянам решение вопроса насчет форм, которые должна принять земельная собственность, отнятая у крупных землевладельцев. Я считал бы ошибкою хотеть что-либо навязать им в этом отношении» (с. 16. «К вопросу об аграрной программе». Маслов и Каутский. Изд. «Нового мира», М. 1906). Это вполне определенное заявление Каутского как раз исключает муниципализацию, навязываемую меньшевиками крестьянам.

кованиями. Виною тут — безнадежная путаница в программе, теоретически связанной с отрицанием теории ренты Маркса, практически приспособленной к невозможному «среднему» случаю с местным демократизмом при недемократизме центральной власти, экономически являющейся внесением мелкобуржуазного якобы социалистического реформаторства в программу буржуазной революции.

Г Л А В А V

КЛАССЫ И ПАРТИИ ПО ПРЕНИЯМ ВО ВТОРОЙ ДУМЕ ОБ АГРАРНОМ ВОПРОСЕ

Нам кажется бесполезным подойти еще с несколько иной стороны к вопросу об аграрной программе рабочей партии в русской буржуазной революции. Разбор экономических условий переворота и политических соображений в пользу той или иной программы следует дополнить картиной борьбы разных классов и партий, охватывающей по возможности все интересы в непосредственном противопоставлении их друг другу. Только такая картина может дать представление о рассматриваемом явлении (борьба за землю в русской революции) *в его целом*, исключая односторонность и случайность отдельных отзывов, проверяя теоретические выводы практическим чутьем самих заинтересованных лиц. Как отдельные лица, любые представители партий и классов могут заблуждаться, но когда они выступают на публичной арене, перед всем населением, то отдельные ошибки неизбежно выправляются соответственными группами или классами, заинтересованными в борьбе. Классы не ошибаются: в общем и целом они намечают свои интересы и свои политические задачи соответственно условиям борьбы и условиям общественной эволюции.

Для составления такой картины у нас есть превосходный материал в стенографических отчетах обеих Дум. Мы берем вторую Думу, ибо она несомненно отражает борьбу классов в русской революции более полно и более зрело: выборы во вторую Думу не бойкотировались ни одной влиятельной партией. Политическая группировка депутатов гораздо определеннее во II Думе, думские фракции

более сплочены и теснее связаны с соответственными партиями. Опыт I Думы дал уже немало материала, который помог всем партиям более обдуманно определить свою линию. По всем этим причинам следует предпочесть вторую Думу. На прения в I Думе мы будем ссылаться лишь в дополнение или пояснение заявлений, сделанных во второй Думе.

Чтобы картина борьбы классов и партий по прениям второй Думы была полна и точна, надо выделить каждую значительную и своеобразную думскую фракцию и характеризовать ее выдержками из главных речей по главным пунктам аграрного вопроса. Второстепенных ораторов нет возможности и нет надобности цитировать всех, и мы будем отмечать лишь тех, кто внес что-либо новое или дал заслуживающее внимания освещение какой-либо стороне дела.

Основные группы думских депутатов, явственно выделяющиеся в аграрных дебатах, следующие: 1) правые и октябристы, — разница между ними, как увидим, во второй Думе сколько-нибудь существенно не проявилась; 2) кадеты; 3) правые и октябристские крестьяне, стоящие, как увидим, левее кадетов; 4) беспартийные крестьяне; 5) народники или трудовики-интеллигенты, стоящие несколько правее 6) трудовиков-крестьян, затем 7) социалисты-революционеры; 8) «националь», представители нерусских народностей, и 9) социал-демократы. Позицию правительства мы отметим в связи с той думской группой, с которою оно по существу сходится.

1. ПРАВЫЕ И ОКТЯБРИСТЫ

Позицию правых в аграрном вопросе лучше всех выразил, несомненно, граф Бобринский в речи 29 марта 1907 г. (18-ое заседание II Думы). Поспорив с левым священником Тихвинским насчет священного писания и его заветов повиноваться властям, помянув «самую чистую, самую светлую страницу русской истории» (1289)* — освобождение крестьян (мы скажем об этом особо ниже), граф «с открытым забралом» подходит к аграрному вопросу. «Каких-нибудь 100—150 лет тому назад в Западной Европе

* Цифры, без дальнейших обозначений, означают везде в дальнейшем страницы стенографического отчета.

почти повсюду крестьяне жили так же бедно, так же приниженно и невежественно, как у нас теперь. Была та же община, как и у нас в России, с переделом по душам, этот типичный пережиток феодального строя» (1293). Теперь, продолжает оратор, крестьяне в Западной Европе живут в достатке. Спрашивается, какое чудо превратило «нищего, приниженного крестьянина в зажиточного, уважающего себя и других, полезного гражданина»? «Тут есть только один ответ: чудо это совершила крестьянская личная собственность, собственность, которая столь ненавистна здесь налево, собственность, которую мы, правые, будем отстаивать всеми силами нашего разума, всюю мощью нашего искреннего убеждения, ибо мы знаем, что в собственности сила и будущность России» (1294). «Со середины прошлого века агрономическая химия сделала удивительные... открытия в области питания растений, и заграничные крестьяне — мелкие собственники наравне (??) с крупными — сумели использовать эти открытия науки и применением искусственного удобрения достигли еще большего повышения урожаев, и теперь, когда на нашем великолепном черноземе мы получаем 30—35 пудов зерна, а иногда и семян не получаем, за границей из года в год в среднем достигается урожай от 70 до 120 пудов, смотря по стране и климатическим условиям. Вот вам разрешение земельного вопроса. Это не мечта, не фантазия. Это поучительный исторический пример. И не по стопам Пугачева и Стеньки Разина с криком «Сарынь на кичку» пойдет русский крестьянин» (ой, граф, не ручайтесь!), «он пойдет по единственному верному пути, по которому пошли все цивилизованные народы, по пути своих соседей Западной Европы и по пути, наконец, наших польских братий, по пути западно-русских крестьян, которые уже сознали всю гибельность общинного и подворного чересполосного владения и местами уже стали вводить хуторское хозяйство» (1296). Граф Бобринский говорит далее, и справедливо говорит, что «этот путь указан в 1861 году — при освобождении крестьян от крепостной зависимости». Он советует не пожалеть «десятков миллионов» на то, чтобы «создать зажиточный класс крестьян-собственников». Он заявляет: «вот, господа, в общих чертах наша аграрная программа. Это не программа предвыборных и агитационных посул. Это не программа ломки существующих социальных

и юридических норм» (это программа насильственного выживания со света миллионов крестьянства), «это не программа опасных фантазий, а это программа вполне осуществимая» (это еще вопрос) «и испытанная» (что правда, то правда). «И давно пора бросить мечту о какой-то экономической самобытности русского народа... Но как объяснить себе, что совершенно неосуществимые проекты, как проект Трудовой группы и проект партии народной свободы, внесены в серьезное законодательное собрание? Ведь никогда никакой парламент в мире не слыхал об отобрании в казну всей земли или о том, чтобы землю взять у Ивана и отдать Петру... Появление этих проектов есть результат растерянности» (объяснил)... «Итак, русское крестьянство, перед тобой выбор двух путей: одна дорога широкая и на вид легкая — путь захвата и принудительного отчуждения, к которому тебя отсюда призывали. Путь этот вначале заманчив, он идет под изволок, но кончается обрывом» (для помещиков?) «и гибелью как для крестьянства, так и для всего государства. Другой путь — путь, узкий и тернистый, идет в гору, но этот путь ведет тебя к высотам правды, права и прочного благополучия» (1299).

Как видит читатель, это — правительственная программа. Ее именно осуществляет Столыпин своим знаменитым аграрным законодательством по 87 статье. Эту же самую программу формулировал Пуришкевич в своих аграрных тезисах (20-ое заседание, 2 апреля 1907 г., стр. 1532—1533). Эту же самую программу по частям защищали и октябристы, начиная с Святополка-Мирского в первый день прений по аграрному вопросу (19 марта), кончая Капустиным («крестьянам нужна земля в собственность, а не в пользование, как это предлагается» — 24-ое заседание 9 апреля 1907 г., с. 1805 — речь Капустина встречена аплодисментами правой «и части центра»).

В программе черносотенцев и октябристов нет и намек на защиту докапиталистических форм хозяйства, например, на прославление патриархальности земледелия и т. п. Защита общины, имевшей весьма еще недавно горячих сторонников среди высшей бюрократии и помещиков, окончательно сменилась ярой враждой к общине. Черносотенцы становятся вполне на почву капиталистического развития, рисуют безусловно программу экономически-

прогрессивную, европейскую; это необходимо особенно подчеркнуть, потому что у нас очень распространен вульгарный и упрощенный взгляд на характер реакционной политики помещиков. Если либералы нередко изображают черносотенцев шутами и глупцами, то надо сказать, что такая характеристика гораздо более применима к кадетам. Реакционеры же наши отличаются чрезвычайной ясностью классового сознания. Они прекрасно знают, чего они хотят, куда они идут, на какие силы они рассчитывают. У них нет ни тени половинчатости и нерешительности (по крайней мере, во второй Думе: в первой была «растерянность» — у господ Бобринских!). У них ясно чувствуется связь с вполне определенным классом, привыкшим командовать, оценившим *верно* условия сохранения своего господства в *капиталистической* обстановке и отстаивающим свои интересы беззастенчиво — хотя бы это стоило ускоренного вымирания, забивания, выселения миллионов крестьян. Реакционность черносотенной программы состоит не в закреплении каких-либо докапиталистических отношений или порядков (в этом отношении все партии в эпоху второй Думы стоят уже, в сущности, на почве признания капитализма, как данного), а в развитии капитализма по *юнкерскому* типу для усиления власти и доходов помещика, для подведения нового, более прочного, фундамента под здание самодержавия. Противоречия между словом и делом у этих господ нет: наши реакционеры тоже «люди дела», как говорил Лассаль про немецких реакционеров в отличие от либералов.

Как относятся эти люди к идее национализации земли? например, к той частичной национализации с выкупом, которой требовали кадеты в первой Думе, оставляя — подобно меньшевикам — собственность на мелкие участки и создавая государственный земельный запас из остальных земель? не уловили ли они в идее национализации возможности укрепить бюрократию, упрочить центральную буржуазную власть против пролетариата, восстановить «государственный феодализм» и «китайщину»?

Напротив, их приводит в ярость всякий намек на национализацию земли, и они борются против нее так, как будто бы заимствовали свои доводы у Плеханова. Вот вам правый помещик, дворянин Ветчинин. «Я думаю, — говорил он в 39-ом заседании, 16 мая 1907 г., — что вопрос

о принудительном отчуждении должен быть решен в отрицательном смысле с точки зрения правовой. Сторонники этого мнения забывают, что нарушение прав частных собственников присуще тем государствам, которые стоят на низкой ступени общественного и государственного развития. Стоит только нам вспомнить московский период, когда нередко отбирались земли у частных собственников на царя и передавались затем приближенным царя и монастырям. К чему привело такое отношение правительства? Последствия были ужасны» (619).

Вот на какую замазку пошла плехановская «реставрация московской Руси!» И не один Ветчинин тянет эту ноту. В первой Думе помещик Н. Львов, бывший на выборах кадетом, потом ушедший вправо и после разгона I Думы беседовавший со Столыпиным о портфеле, — этот субъект совершенно так же ставил вопрос. «В проекте 42-х — говорил он о кадетском перводумском проекте — поражает отпечаток все того же старого бюрократического деспотизма, который стремится все уравнять» (12-ое заседание, 19 мая 1906 г., стр. 479—480). Он «заступался» — совсем в духе Маслова — за нерусские национальности: «как подчинить ей (уравнительности) всю Россию, и Малороссию, и Литву, и Польшу, и Остзейский край?» (479). Он грозил: «в С.-Петербурге вы должны создать огромную земельную канцелярию... в каждом уголке держать целый штат чиновников» (480).

Эти крики о бюрократизме и о закреплении в связи с идеей национализации — крики наших муниципалистов, некстати списавших с немецкого образца, — составляют положительно основной мотив всех правых речей. Вот октябрист Шидловский — против принудительного отчуждения, обвиняет кадетов в проповеди «прикрепощения» (12-ое заседание II Думы, 19 марта 1907 г., стр. 752). Вот Шульгин вопиет, что собственность неприкосновенна, что принудительное отчуждение «могила культуры и цивилизации» (16-ое заседание, 26 марта 1907 г., с. 1133). Шульгин ссылается — не говорит только, не по «Дневнику» ли Плеханова — на Китай XII века, на печальный результат китайского эксперимента с национализацией (стр. 1137). Вот Скирмунт в I Думе: собственником будет государство! «опять благодать для бюрократии Эльдрато» (10 заседание, 16 мая 1906 г., с. 410). Вот октябрист

Танцов во II Думе восклицает: «с гораздо бóльшим основанием эти упреки (упреки в крепостничестве) могут быть переброшены на левую сторону и в центр. Что же в самом деле готовят эти проекты для крестьян, как не порабощение их земле; как не то же самое крепостное право, только в ином виде, в котором помещики будут заменены ростовщиками и чиновниками» (39-ое заседание, 16 мая 1907 г., с. 653).

Конечно, лицемерие этих воплей о бюрократизме бьет в глаза, ибо именно крестьяне, требующие национализации, выдвинули замечательную идею местных земельных комитетов, выбранных всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Но черносотенные помещики *вынуждены* хвататься за все и всяческие доводы против национализации. Классовое чутье подсказывает им, что национализация в России XX века неразрывно связана с крестьянской республикой. В других странах, где в силу объективных условий не может быть крестьянской аграрной революции, дело обстоит, разумеется, иначе, — например, в Германии, где национализаторским планам могут сочувствовать Каниды, где социалисты и слышать не хотят о национализации, где буржуазное движение за национализацию ограничивается интеллигентским сектанством. Чтобы бороться с крестьянской революцией, *правые* должны были выступать перед крестьянами в роли защитников *крестьянской собственности* против национализации. Мы видели один пример у Бобринского. Вот другой у Ветчинина: «Вопрос этот (о национализации земли) должен, конечно, быть разрешен в отрицательном смысле, так как он не находит сочувствия даже в крестьянской сфере: они желают владеть землей на праве собственности, но не на праве арендования» (39 заседание, стр. 621). За крестьян *так* говорить могли только помещики да министры. Я считаю излишним, ввиду общеизвестности этого факта, приводить цитаты из речей гг. Гурко, Столыпиных и им подобных героев, распинаящихся за собственность.

Единственным исключением из правых является терский казак Караулов, о котором мы уже упоминали выше*. Соглашаясь отчасти и с кадетом Шингаревым,

* См. настоящий том, стр. 307. *Ред.*

Караулов говорил, что казачьи войска — «громодная земельная община» (1363), что «скорее подлежит уничтожению частная собственность на землю», чем община, и защищал «широкую муниципализацию земли, обращение в собственность отдельных областей» (1367). В то же время он жаловался на придирки бюрократии, на то, что «мы своему добру не хозяева» (1368). О значении этих казацких симпатий муниципализации мы уже сказали выше.

2. КАДЕТЫ

Как и все партии, кадеты во II Думе всего полнее и цельнее выразили свою истинную природу. Они «нашли себя», заняв место центра, критикуя с «государственной точки зрения» и правых и левых. Контрреволюционную свою сущность кадеты обнаружили явным поворотом вправо. И чем же ознаменовали они этот поворот в аграрном вопросе? Тем, что окончательно выбросили за борт все остатки идеи национализации земли, отказались вовсе от плана «государственного земельного запаса» и встали на сторону передачи земель в *собственность* крестьян. Да, условия сложились в русской революции именно так, что повернуть вправо значит повернуть в сторону частной земельной собственности!

Официальный оратор кадетской партии по аграрному вопросу, бывший министр Кутлер, сразу перешел к критике левых (12 заседание, 19 марта 1907 г.). «Раз никто не предлагает уничтожения собственности вообще, — восклицал этот достойный коллега Витте и Дурново, — необходимо во всей силе признать существование собственности на земли» (737). Этот довод целиком совпадает с рассуждениями черносотенцев. Черносотенец Крупенский так же, как кадет Кутлер, кричал: «если делить, то делить все» (784).

Как истый чиновник, Кутлер особенно подробно останавливался на вопросе о разных нормах «наделения» крестьян. Не опираясь ни на какой сплоченный класс, либеральный интеллигент и либеральничавший чиновник *обходит* вопрос о том, *сколько именно* земли у помещиков, сколько *можно* взять. Он предпочитает говорить о «нормах», чтобы под видом поднятия вопроса на государственную высоту *затемнить* вопрос, скрыть, что кадеты *оставляют*

помещичье хозяйство. «Даже правительство — говорил г. Кутлер — вступило на путь расширения крестьянского землепользования» (734), — значит, нет ничего неосуществимого в таком же чиновничьем проекте кадетов! Настаивая на практичности и осуществимости, кадет, разумеется, набрасывает покрывало на то, что критерием является для него возможность уговорить помещиков, т. е., иначе говоря, подогнать свой проект к их интересам, *подслужиться черносотенцам* под видом высшего примирения классов. «Мне кажется, господа, — говорил Кутлер, — что можно представить себе те политические условия, при которых законопроект о национализации земли мог бы получить силу закона, но я не могу представить себе в ближайшем будущем тех политических условий, при которых этот закон мог бы действительно быть осуществлен» (733). Говоря попросту: можно представить себе свержение власти черносотенных помещиков, но я себе не представляю этого и потому подлаживаюсь под данную власть.

Отстаивая предпочтительность крестьянской собственности на землю перед планом трудовиков вообще и «уравнительным пользованием» в особенности, г. Кутлер аргументировал так: «Если для этого (для уравнения земли) будут назначены особые чиновники, то ведь будет установлен такой невероятный деспотизм, такое вмешательство в народную жизнь, которого мы и до сих пор не знали. Конечно, предполагается передать это дело местным органам самоуправления, лицам, избранным самим населением, но можно ли считать, что население вполне гарантировано от произвола этих лиц, что эти лица всегда будут действовать согласно с его интересами, что от них население не потерпит никакой тягости? Я думаю, что здесь присутствующие крестьяне знают то, что их собственные выборные лица, волостные старшины и старосты, сплошь да рядом являются такими же угнетателями населения, какими являются и чиновники» (740). Можно ли представить себе более гнусное лицемерие? Сами кадеты предлагают земельные комиссии с преобладанием помещиков (поровну от помещиков и от крестьян с председательством чиновника или помещика), а крестьянам преподносят опасность деспотизма и произвола от их выборных! Так возражать против уравнения земли могут только бесстыдные

политические шарлатаны, ибо у них нет ни принципов социализма (как у с.-д., доказывающих невозможность уравнивания, но целиком поддерживающих выборные местные комитеты), ни принципов единоспасающей частной собственности помещиков (как у Бобринских).

В отличие и от правых и от левых план кадетов характеризуется не тем, что они говорят, а тем, о чем они умалчивают: составом земельных комитетов, которые должны *принудить* крестьян принять «второе освобождение», т. е. втридорога получить «песочки». Чтобы заглушить эту *суть* вопроса, кадеты во второй Думе (как и в первой) прибегают к приемам настоящего мошенничества. Вот вам г. Шингарев. Он корчит из себя прогрессиста, повторяет ходячие либеральные фразы против правых, он оплакивает, как водится, насилия и анархию, за которые Франция «заплатила столетием тяжелых потрясений» (1355), но посмотрите, как он вывертывается по вопросу о землеустроительных комитетах:

«Нам возражал — говорит он — депутат Евреинов* о землеустроительных комитетах. Я не знаю (sic!), на чем он построил свои возражения; до сих пор мы совершенно об этом не говорили (*ложь!*); я не знаю, о каком проекте он говорит, почему он говорит о недоверии к народу. Проекта такого в Гос. думу еще не представлено, и он основывает свои возражения, повидимому, на недоумениях. Я целиком примыкаю к тем депутатам слева, Успенскому и Волк-Карачевскому, которые говорили о временных правилах, о необходимости устройства местных органов для землеустройства на местах. Я думаю, что такие

* Социалист-революционер Евреинов сказал в том же заседании (18 заседании, 29 марта 1907 г.): «Эти (земельные) комитеты, по предположению партии народной свободы, должны состоять из землевладельцев и крестьян в равном количестве, а в качестве примирителей их будут чиновники, которые уже несомненно дадут перевес в сторону некрестьян. Почему же партия народной свободы, называясь партией «народной свободы», не доверяет комитетам, избранным не чиновническим способом, а демократическим путем? Вероятно потому, что если комитеты будут избираться таким образом, то, несомненно, в них в громадном большинстве попадут крестьяне, т. е. представители крестьянских интересов. Спрашиваю я тогда, доверяет ли в таком случае партия народной свободы крестьянам? Ведь мы помним, в 1858 г. правительство при земельной реформе передало этот вопрос на места, в комитеты. Правда, комитеты эти были дворянские, но ведь правительство не партия народной свободы, а правительство — представитель богатых людей и вообще имущих классов. Оно опирается на дворян и доверяет этим дворянам. Партия же народной свободы хочет опереться на народ и не доверяет этому народу» (1326).

органы будут устроены, и, вероятно, на-днях партия народной свободы внесет соответствующий законопроект, и тогда мы будем его обсуждать» (1356).

Ну, разве же это не мошенничество? Разве мог в самом деле этот субъект не знать ни о прениях в I Думе по вопросу о местных комитетах, ни о тогдашней статье «Речи»? Разве мог он не понять совершенно ясного заявления Евреинова?

Но он обещал «на-днях» внести законопроект, скажете вы. Во-первых, обещание вернуть добытое мошенничеством не уничтожает факта мошенничества. А во-вторых, вот что случилось «на-днях». Г. Шингарев говорил 29 марта 1907 года. 9 апреля 1907 г. говорил кадет Татаринов и сказал: «Затем, господа, теперь я коснусь еще одного вопроса, который, мне кажется» (только «кажется»!), «возбуждает большие споры, именно вопроса, который выдвигается всеми партиями, стоящими влево от нас: вопроса о местных земельных комитетах. Все эти партии выдвигают необходимость образования местных земельных комитетов на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, с целью разрешения земельного вопроса на местах. Мы в этом отношении и в прошлом году высказались совершенно категорически против комитетов, категорически высказываемся и теперь» (1783).

Итак, по *важнейшему* вопросу о *реальных* условиях кадетского «принудительного отчуждения» два кадета говорят разное, бросаются из стороны в сторону под ударами левых партий, делающих явным то, что кадеты желали оставить тайным! Г. Шингарев говорит сначала: «не знаю», потом: «согласен с левыми», потом: «на-днях законопроект». Г. Татаринов говорит: «мы и прежде и теперь категорически против». Он добавляет еще рассуждения о том, что нельзя раздроблять Думу на тысячу дум, что нельзя откладывать аграрный вопрос до проведения политических реформ, до введения всеобщего и т. д. избирательного права. Но ведь это же опять увертки. Вопрос идет совсем не о моменте проведения той или иной меры: на этот счет у левых во II Думе не могло быть никаких сомнений. Вопрос идет о том, каковы *истинные планы* кадетов: кто кого принуждает в их «принудительном отчуждении», помещики крестьян или крестьяне помещиков? На это дает ответ только состав земельных

комитетов. Состав этот определен кадетами и в милюковской передовице в «Речи», и в проекте Кутлера, и в статье Чупрова (цитировано выше)*, — но в Думе кадеты промолчали об этом составе, не дав ответа на поставленный в упор вопрос Евреинова.

Нельзя достаточно настаивать на том, что такой образ действий представителей партии в парламенте есть именно *обман народа либералами*. Насчет Бобринских и Столыпинных едва ли кто обманывается. Насчет кадетов — очень многие, не желающие разбирать или неспособные понять действительное значение политических лозунгов и фраз.

Итак, кадеты против какой бы то ни было формы общественного пользования землей**, против безвозмездного отчуждения, против местных земельных комитетов с преобладанием крестьян, против революции вообще и особенно против крестьянской аграрной революции. На их позицию лавирования между левыми и правыми (для выдачи крестьян помещикам) проливает свет их отношение к крестьянской «реформе» 1861 года. Левые, как мы увидим ниже, все говорят о ней с отвращением и негодованием, как о петле, надетой на крестьян помещиками. Кадеты солидарны с правыми, в умилении пред такой реформой.

Граф Бобринский говорил: «Тут забрасывали грязью самую чистую, самую светлую страницу русской истории... Дело освобождения крестьян выше всякого упрека... великий и светлый день 19 февраля 1861 г.» (29 марта, с. 1289, 1299).

Кутлер говорил: «великая реформа 1861 г... правительство, в лице председателя совета министров, отрекается от русской истории, от лучших и самых светлых ее страниц» (26 мая, с. 1198—1199).

* См. настоящий том, стр. 221. *Ред.*

** Особенно замечательны в этом отношении прения в I Думе по вопросу о направлении аграрного проекта 33-х (об отмене частной собственности на землю). Кадеты (Петрункевич, Муханов, Шаховской, Френнел, Овчинников, Долгоруков, Кокошкин) бешено нападали на передачу такого проекта в комиссию, встретив полную поддержку Гейдена. Доводы кадетов непристойны со стороны чучелу уважающего себя либерала; это — какие-то полицейские отговорки лакеев реакционного правительства. Передать в комиссию, — говорил, например, г. Петрункевич, — значит признать, что до известной степени «возможна» точка зрения подобного проекта. Г. Жилкин стыдил кадетов (23 заседание, 8 июня 1906 г.), говоря, что он передал бы в комиссию и этот проект в проект крайних правых. Но кадеты и правые 140 голосами против 78 провалили сдачу проекта в комиссию!

Эта оценка действительно проведенного принудительного отчуждения проливает больше света на кадетскую аграрную программу, чем все их проекты и речи, написанные для того, чтобы скрыть свои мысли. Если люди считают самой светлой страницей обезземеление крестьян помещиками, тройной выкуп за «песочки» и введение уставных грамот военными реквизициями, то ясно становится, что они добиваются «второго освобождения», второго закабаления крестьян посредством выкупа. Бобринский и Кутлер солидарны в оценке реформы 1861-го года. Но оценка Бобринского прямо и верно выражает правильно понятые интересы помещиков, — поэтому она прочищает классовое сознание широких масс. Бобринские хвалят — значит, поживились помещики. Оценка Кутлера, выражая скудоумие чинуши, всю жизнь гнувшего спину перед помещиками, полна лицемерия и затемняет сознание масс.

В связи с этим надо отметить еще одну сторону кадетской политики в аграрном вопросе. Все левые прямо становятся на сторону крестьян, как борющейся силы, разъясняют необходимость борьбы, указывают на помещичий характер правительства. Кадеты с правыми становятся на «государственную точку зрения» и отвергают классовую борьбу.

Кутлер заявляет, что не надо «перестраивать в корне земельные отношения» (732). Савельев предостерегает против того, чтобы «затронуть массу интересов», говоря: «принцип полного отвержения собственности едва ли был бы удобен, и могут встретиться очень большие и серьезные осложнения в его приложении, в особенности, если мы примем во внимание, что у крупных владельцев, имеющих свыше 50 дес., очень много земель, а именно 79 440 000 десятин» (26 марта 1907, с. 1088 — крестьянин ссылается на латифундии, чтобы доказать необходимость их уничтожения; либерал — чтобы доказать необходимость низкопоклонства). Шингарев «величайшим несчастьем» считал бы, если бы народ сам взял землю (1355). Родичев соловьем поет: «не разжигаем мы классовой вражды, нам бы хотелось забыть прошлое» (632, 16 мая 1907). Капустин то же самое: «наша задача сеять везде мир и справедливость, а не сеять и раздувать классовую вражду» (1810, 9 апреля). Крупенский возмущается речью социалиста-революционера Зимина за то, что она «полна ненависти к имущим классам» (783, 19 марта). Одним словом,

в осуждении классовой борьбы кадеты и правые едины суть. Но правые знают, что делают. Тому классу, против которого направляется борьба, не может не быть вредна и опасна проповедь классовой борьбы. Правые верно блюдут интересы крепостников-помещиков. А кадеты? Они *ведут борьбу* — говорят, что ведут борьбу! — они хотят «принудить» помещиков, в руках которых власть, и они осуждают классовую борьбу! Так ли поступала действительно борющаяся, а не лакействующая перед помещиками, буржуазия хотя бы во Франции? Не звала ли она народ на борьбу, не разжигала ли классовой вражды, не создавала ли теорию классовой борьбы?

3. ПРАВЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Во второй Думе в виде исключения попадают настоящие правые крестьяне — чуть ли не один Ременчик (Минской губ.), знатно не знающий никакой общины и никаких «фондов», горой стоящий за собственность (в I Думе много польских и западно-русских крестьян за собственность). Но и этот Ременчик высказывается за отчуждение «по справедливой оценке» (648), т. е. оказывается в сущности кадетом. Другие «правые крестьяне» второй Думы потому выделяются нами в особую группу, что они несомненно левее кадетов. Возьмите Петроченко (Витебской губ.). Он начинает с того, что «до смерти будет защищать царя и отечество» (1614). Правые аплодируют. Но вот он переходит к вопросу о «малоземелье». «Сколько прений ни ведите, — говорит он, — другого земного шара не создадите. Придется, значит, эту землю нам отдавать. Здесь кто-то из ораторов указывал, что крестьяне наши темны и невежественны, и не к чему и бесполезно им давать много земли, так как она все равно пользы не принесет. Конечно, земля нам раньше мало пользы приносила, именно тем, у которых ее не было. А что мы невежественны, так мы ничего иного и не просим, как земли, чтобы по своей глупости в ней же ковыряться. С своей стороны я думаю, что, конечно, дворянину и неприлично возиться с землей. Здесь говорилось о том, что частновладельческих земель нельзя коснуться по закону. Я, конечно, согласен с тем, что закона надо придерживаться, но для того, чтобы устранить малоземелье, нужно написать такой закон, чтобы

все это и сделать по закону. А чтобы никому не было обидно, то для этого депутат Кутлер предлагал хорошие условия. Конечно, он, как человек богатый, дорого сказал, — и мы, крестьяне, бедные, столько не можем заплатить, а о том, как нам жить — обществами, подворными владениями или хутором, то я считаю, с своей стороны, нужным предоставить всем, как кому удобно жить» (1616).

Между этим правым крестьянином и российским либералом целая пропасть. Первый — на словах предан старой власти, на деле добивается земли, борется с помещиками и не согласится платить кадетских размеров выкуп. Второй на словах борется за народную свободу, на деле — устраивает второе закабаление крестьян помещикам и старой власти. Второй может двигаться только вправо, от I Думы до второй, от II до III. Первый, разочаровавшись в том, что землю ему «отдадут», пойдет в другую сторону. Нам больше по дороге окажется, пожалуй, с «правым» крестьянином, чем с «либеральным», «демократическим» кадетом...

Вот крестьянин Шиманский (Минской губ.). «Я пришел сюда защищать веру, царя и отечество и требовать земли... конечно, не грабежом, а мирным путем, по справедливой оценке... Поэтому я от всех крестьян предлагаю членам Думы, помещикам, чтобы они вышли на эту кафедру и сказали, что они желают уступить крестьянам по справедливой оценке землю, и тогда наши крестьяне их, конечно, поблагодарят, да я думаю, что и царь-батюшка поблагодарит. Тех же помещиков, которые не согласятся так, я предлагаю Государственной думе обложить их земли прогрессивными налогами, несомненно, со временем они нам тоже уступят, потому что познают, что большой кусок горло дерет» (1617).

Этот правый крестьянин понимает под принудительным отчуждением и под справедливой оценкой совсем не то, что имеют в виду кадеты. Кадеты обманывают не только левых крестьян, но и *правых*. Как отнеслись бы правые крестьяне к кадетским планам составления земельных комитетов (по-кутлеровски или по-чупровски: см. т. II «Аграрного вопроса»), если бы они ознакомились с ними, видно из следующего предложения крестьянина Мельника (октябрист; Минской губ.). «Я считаю долгом — говорил он — чтобы в количестве 60% попали в комиссию (аграрную) крестьяне, практически знающие нужду (!)

и знакомые с положением крестьянского сословия, а не те крестьяне, которые, может быть, носят только звание крестьян. Это вопрос благосостояния крестьян и вообще бедного народа, а никакого политического значения в нем нет. Надо выбрать тех людей, которые могут решить на благо народа этот вопрос практически, а не политически» (1285). Далеко влево пойдут эти правые крестьяне, когда контрреволюция покажет им политическое значение «вопросов благосостояния бедного народа»!

Чтобы показать, как бесконечно далеки друг от друга представители монархического крестьянства и представители монархической буржуазии, приведу выдержки из речи «прогрессиста» свящ. Тихвинского, говорившего местами от имени Крестьянского союза и Трудовой группы. «Наше крестьянство в массе царелюбовно, — говорил он. — Как бы я хотел быть шапкой-невидимкой и ковром-самолетом, лететь к подножию трона и сказать, засвидетельствовать: государь, первый твой враг, первый враг народа, это — безответственное министерство... Крестьянство трудовое требует только, чтобы строго был проведен принцип: «вся земля — всему народу...» (по вопросу о выкупе)... «Не бойтесь, господа правые, положитесь на наш народ, не обедадут он вас. (Голоса справа: «спасибо! спасибо!».) Теперь я обращаюсь к словам докладчика от партии народной свободы. Он говорит, что программа партии народной свободы недалеко от программы крестьянства и Трудовой группы. Нет, господа, далека эта программа. Мы слышали от докладчика: «положим, наш проект и менее справедлив, но он более практичен». Господа, справедливостью жертвуют в пользу практических соображений!» (789).

По своему политическому миросозерцанию этот депутат стоит на уровне кадета. Но какая разница между его деревенской наивностью и «дельцами» адвокатуры, чиновничества, либеральной журналистики!

4. БЕСПАРТИЙНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Беспартийные крестьяне представляют особый интерес, как выразители мнений наименее сознательной и наименее организованной деревенской массы. Мы приведем поэтому выдержки из речей всех беспартийных

крестьян*, тем более, что их не много: Сахно, Семенов, Мороз, Афанасьев.

«Господа народные представители, — говорил Сахно (Киевской губ.), — трудно крестьянским депутатам всходить на эту трибуну и возражать господам богатым помещикам. В настоящее время крестьяне живут очень бедно оттого, что у них нет земли... Крестьянин терпит от помещиков, страдает, так как помещик ужасно притесняет его... Почему помещику можно держать много земли, а на долю крестьян остается только одно царствие небесное?... Итак, гг. народные представители, когда меня посылали сюда крестьяне, они наказывали мне, чтобы я отстаивал их нужды, чтобы им была дана земля и воля, чтобы все казенные, кабинетские, удельные, частновладельческие и монастырские земли были принудительно отчуждены безвозмездно... Знайте, господа народные представители, голодный человек не может сидеть спокойно, если он видит, что, несмотря на его горе, власть на стороне господ помещиков. Он не может не желать земли, хотя бы это было и противозаконно; его нужда заставляет. Голодный человек готов на все, потому что его нужда заставляет ни с чем не считаться, так как он голоден и беден» (1482—1486).

Так же безхитростна и так же сильна по своей простоте речь беспартийного крестьянина Семенова (Подольской губ., депутат от крестьян):

...«Горькая беда заключается именно в тех интересах крестьян, которые страдают целый век без земли. Двести лет они ждут, не упадет ли с неба для них добро, но оно не падает. Добро находится у господ крупных землевладельцев, которые с нашими дедами и отцами достали эту землю, между тем как земля есть божья, а не помещичья... Я прекрасно понимаю, что земля принадлежит всему трудовому народу, который на ней трудится... Депутат Пуришкевич говорит: «Революция, караул», что такое? Да если у них землю отнять принудительным отчуждением, то они будут революцией, а не мы, мы все будем борцами, любезными людьми... А что у нас есть 150 десятин, как у священника? а в монастырях? а в церквях? на что она им? Нет, господа, довольно собирать сокровища да хранить по карманам, надо жить по существу. Страна разберется, господа, я понимаю все прекрасно, мы честные граждане, мы политикой не занимаемся, как говорил один из предшествовавших ораторов... Они (помещики) только ходят да пузо себе понажирали с нашей крови, с наших сонов. Мы вспомним, мы их не будем так обижать, мы и им земли дадим. Если посчитать, то у нас придется на каждый двор 16 десятин, а гг. крупным землевладельцам еще останется

* При определении принадлежности депутатов второй Думы к той или иной фракции или партии мы пользовались официальным надписем самой Гос. думы: список депутатов по партиям и группам. Некоторые депутаты переходили из одной партии в другую, но, по газетным известиям, учет этих переходов невозможен. Притом, пользоваться разными источниками по этому вопросу значило бы внести только путаницу.

по 50 десятин... Тысячи, миллионы народа страдают, а господа пиршествуют... А как военная служба, мы знаем: захворал — «у него земли есть на родине». Да где же его родина? Да родины совсем нет. Родина есть только, что он по спискам стоит, где он родился, и записано, какой он религии, а земли у него нет. Теперь я говорю: меня народ просил, чтобы церковные, монастырские, казенные, удельные и принудительно отчужденные помещичьи земли передать в руки трудового народа, который на ней будет трудиться; и на места передать: там они разберутся. Я вам скажу, что народ меня послал, чтобы требовать земли и воли и полной гражданской свободы; и мы будем жить и не будем показывать, что те барины, а те крестьяне, а будем все люди и будем каждый на своем месте барин» (1930—1934).

Когда читаешь такую речь «не занимающегося политикой» крестьянина, то до осязательности ясно становится, что осуществление не только столыпинской, но и кадетской аграрной программы требует десятилетий систематического насилия над крестьянской массой, систематического избиения, истребления пытками, тюрьмой и ссылкой всех думающих и пытающихся свободно действовать крестьян. Столыпин это понимает и сообразно с этим действует. Кадеты этого частью не понимают, по свойственному либеральным чиновникам и профессорам тупоумию, частью лицемерно скрывают, «стыдливо умалчивают», — как о военных экзекуциях 1861 и следующих годов. Если же это систематическое и ни перед чем не останавливающееся насилие сорвется о какие-нибудь внутренние или внешние препятствия, то беспартийный честный крестьянин, «не занимающийся политикой», создаст из России крестьянскую республику.

Крестьянин Мороз в коротенькой речи просто заявил: «Нужно земли отобрать от священников и помещиков» (1955), и затем сослался на Евангелие (не первый уже раз в истории буржуазные революционеры черпают свои лозунги из Евангелия)... «Как не принесешь священнику хлеба и полштофа водки, он и крестить ребенка не будет... Они еще говорят о святом Евангелии и читают: «просите и дастся вам, стучите и отверзется». Мы просим, просим, а нам не дают, и стучим — не дают; что же, придется двери ломать и отбирать? Господа, не допустите двери ломать, отдайте добровольно, и тогда будет воля, свобода, и вам будет хорошо и нам» (1955).

Вот беспартийный крестьянин Афанасьев, который оценивает казачью «муниципализацию» не с точки зрения

казака, а с точки зрения «почти пришельца». «Я должен, господа, первым долгом сказать, что я — представитель от крестьянства Донской области, которого там более 1000 000 и от которого я попал сюда только один; это уже дает знать, что мы там почти пришельцы... Меня до бесконечности удивляет: неужели Петербург кормит деревню? Нет, напротив. Я когда-то служил в Петербурге 20 с прибавкою лет, и я тогда уже замечал, что не Петербург деревню, а деревня Петербург кормит. Так и в настоящее время я замечаю. Все эти прекраснейшие архитектуры, все эти возведения, постройки, все эти прекрасные, прелестные дома, все это воздвигается теми же крестьянами, как и 25 лет тому назад воздвигались... Пуришкевич привел пример, что у казака более 20 десятин земли имеется, и он тоже голодает... Почему же он не сказал, где эта земля? Есть земля, есть и в России земля, да кто ею владеет? Если он знал, что там столько земли, и не сказал, следовательно, он несправедливый человек, а если он не знал, так не надо было и начинать об этом говорить. А если, в самом деле, быть может, он не знал, так прошу, господа, позвольте ему сказать, где эта земля, и сколько ее, и кто ею владеет. Если ее пересчитать, то окажется, что в области Войска Донского под частным коннозаводством числится 753 546 дес. Теперь я еще упомяну о калмыцком коннозаводстве, о так называемых кочевьях. Там находится всего вообще 165 708 дес. Потом во временном арендовании содержится богатыми людьми 1 055 919 дес. Все эти земли находятся в руках людей — не тех людей, которых пересчитывал Пуришкевич, а у кулаков, богатей, которые давят нас; получают скотину — половину с нас дерут, да один рубль за десятину, да целковый за то животное, на котором мы пашем, а между тем нам надо своих детей кормить да казачек и казачат. Вот поэтому у нас и голод оказывается». И оратор рассказывает, что по 2 700 дес. получают арендаторы за поставку 8 лошадей «под кавалерию»; крестьяне могли бы больше поставлять. «Я расскажу вам, что я хотел убедить наше правительство, что оно жестоко ошибается, не делая этого. Я писал в редакцию «Сельского Вестника», чтобы они отпечатали. Мне ответили, что не наше дело правительство учить». Таким образом, на «муниципализованной» земле, отданной в собственность области, «центральное недемократическое

правительство» создает *de facto** новых помещиков: муниципализация, как открыл Плеханов, есть гарантия от реставрации...

«Правительство нам открыло широкие двери чрез Крестьянский банк приобретать земли, — это тот хомут, что в 1861 г. был надет. Оно нас хочет переселить в сибирские пределы. ...не лучше ли сделать так: вывезти туда этого человека, который имеет тысячи десятин, от которого остается земля, и на это сколько будет сыты (а плодосыменты слева; голоса справа: «старо, старо») ... В японскую войну я вел своих мобилизованных солдат через те земли (помещичьи), о которых я здесь упоминал. Нам пришлось до сборного пункта более 2 суток ехать. Солдаты меня спрашивают: «куда ты нас ведешь?» Я говорю: «под Японию». — «Что делать?» — «Защищать родину». Я сам, как военный человек, чувствовал, что нужно защищать родину. Солдаты мне говорят: «какая же это родина — земли Лисецких, Безуловых, Подкопайловых? Где же тут наше? Нашего ничего нет». Они мне говорили то, чего я третий год не могу стереть со своего сердца... Следовательно, господа, ...я должен в общей сложности сказать, что во всех тех правах, которые в нашей России существуют, начиная от князей и идя по дворянам, казакам, мещанам и не упоминая слова крестьянин, все должны быть русскими гражданами и пользоваться землей — все те, кто на ней трудится, прикладает к ней свой труд, лелеет и любит ее. Трудись, потей и пользуйся ею. Но если не хочешь на ней жить, не хочешь на ней трудиться, не хочешь прикладывать к ней свой труд, то не имеешь права ею и пользоваться» (1974) (26 заседание, 12. IV. 1907).

«Не упоминая слова крестьянин!» Это замечательное изречение вырвалось «из сердца глубины» у крестьянина, который хочет разорвать сословность землевладения («все те права, которые в нашей России существуют»), хочет уничтожить самое имя низшего сословия, крестьянского. «Пусть все будут гражданами». Равное право на землю трудящихся — есть не что иное, как до конца последовательное приложение точки зрения *хозяина* к земле. *Никаких других оснований* землевладения (вроде землевладения «за службу» у казаков и т. п.), *никаких других соображений, никаких других отношений, кроме прав хозяина* на землю, соображений «лелеяния» земли, отношений «прикладывающего труд» к земле. Именно так и должен смотреть фермер, который хочет свободного хозяйства на свободной земле, устранения всего постороннего, мешающего, старого, *всех прежних форм землевладения*. Ну, разве не глупым применением непродуманной доктрины было

* — на деле, фантически. *Ред.*

бы со стороны марксистов отсоветовать такому хозяину национализацию и учить его пользе частной собственности на наделные земли?

В первой Думе крестьянин Меркулов (Курской губ.) выразил ту самую мысль относительно национализации наделных крестьянских земель, которую мы приводили выше из данных о съездах Крестьянского союза. «Пугают тем, — сказал Меркулов, — что и крестьянин не расстанется с тем клочком, которым сейчас владеет. На это я скажу: кто же у них отнимает? Ведь даже при полной национализации отойдет только та земля, которую хозяин не обрабатывает своими силами, а посредством наемного труда» (18 заседание, 30 мая 1906 г., стр. 822).

Это говорит крестьянин, владеющий, по его собственным словам, 60 део. земли в собственность; конечно, уничтожить наемный труд в капиталистическом обществе или запретить его — мысль детская, но мы должны отсекал неправильные мысли именно там, где начинается неправильность, — начиная с «социализации» и запрещения наемного труда*, а не с национализации.

Тот же крестьянин Меркулов возражал против кадетского проекта 42-х, совпадающего с муниципализацией в том отношении, что наделные земли остаются в собственности, помещичьи отдаются в пользование. Это — «какая-то переходная ступень от одного строя к другому»... «вместо одного получается два владения: частная собственность и арендное пользование, т. е. две не только не склеенные, но прямо противоположные формы земле-владения» (823).

5. НАРОДНИКИ-ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

В речах народников-интеллигентов, особенно энесов, т. е. оппортунистов народничества, надо различать две струи: с одной стороны, искреннюю защиту интересов крестьянской массы — в этом отношении речи их производят, по понятным причинам, несравненно более слабое впечатление, чем речи «не занимающихся политикой» крестьян; с другой стороны, некоторый кадетский душок,

* Эту неправильную идею нам даже нечего и «отсекать», ибо сами «травные» трудовики с «травными» гг. Пешехоновыми во главе уже отсекали ее.

нечто интеллигентски-мещанское, покушение на государственную точку зрения. Само собою разумеется, что у них, *в отличие от крестьян*, видна *доктрина*: они борются не во имя непосредственно сознаваемых нужд и бедствий, а во имя известного учения, системы взглядов, извращенно представляющих содержание борьбы.

«Земля — трудящимся», — провозглашает г. Караваев в 1-ой своей речи и характеризует столыпинское аграрное законодательство по 87 статье, как «уничтожение общины», как «политическую цель»: «образование особого класса деревенского буржуа».

«Мы знаем, что действительно эти крестьяне являются первой опорой реакции, являются надежной опорой бюрократии. Но правительство, делая эти расчеты, жестоко ошиблось: наряду с этим будет крестьянский пролетариат. Не знаю, что лучше: крестьянский ли пролетариат или малоземельное теперешнее крестьянство, которое при известных мерах могло бы получить достаточное количество земли» (722).

Тут сквозит реакционное народничество в духе г-на В. В.: «лучше» для кого? для государства? для помещичьего или буржуазного государства? И почему пролетариат не «лучше»? Потому что малоземельное крестьянство «могло бы получить» — т. е. легче могло бы быть успокоено, легче переведено в лагерь порядка, чем пролетариат? Так *выходит* у г. Караваева: точно он хочет посоветовать Столыпину и К^о более надежную «гарантию» от социальной революции!

Если бы г. Караваев был прав по существу, то марксисты не могли бы поддерживать конфискации помещичьих земель в России. Но г. Караваев неправ, ибо столыпинский «путь» создает больше пауперов, чем пролетариев, замедлив — по сравнению с крестьянской революцией — развитие капитализма. Сам же Караваев говорил — и говорил справедливо, что столыпинская политика обогащает (не новые, буржуазные, элементы, не фермеров-капиталистов, а) *теперешних* помещиков, наполовину по-крепостнически хозяйничающих. В 1895 г. цена земли была при продаже через «Крестьянский» банк 51 руб. за 1 дес., а в 1906 году — 126 руб. (Караваев в 47 заседании, 26 мая 1907 г., стр. 1189). А коллеги г. Караваева по партии, гг. Волк-Карачевский и Деларов, еще рельефнее осветили значение этих цифр. Деларов показал,

что «до 1905 г. за 20 с лишком лет своего существования Крестьянский банк скупил всего только 7,5 млн. дес.»; с 3 же ноября 1905 г. по 1 апреля 1907 г. банк скупил 3,8 млн. дес. В 1900 г. цена была 80 руб. за 1 дес., в 1902 — 108; в 1903, до аграрного движения и до русской революции она стала 109 руб. Теперь — 126 руб. «В то время как вся Россия терпела массу убытков от русской революции, в это время русские крупные землевладельцы *наживали крупные капиталы*. В это время им перешло более 60 млн. руб. народных денег» (1220 — считая «правильной» ценой 109 руб.). А г. Волк-Карачевский считает гораздо вернее, не признавая никакой цены «правильною» и просто констатируя, что правительством выплачено помещикам после 3 ноября 1905 г. 52 млн. руб. за счет купленных крестьянами земель и 242 млн. руб. за свой собственный счет, всего «295 млн. руб. народных денег было *уплочено дворянам-помещикам*» (1080. Курсив веаде наш). Это, разумеется, только маленькая частица того, что стоит России конкерски-буржуазная аграрная эволюция, какова дань, налагаемая на рост производительных сил в пользу крепостников и бюрократов! Эту дань помещикам за освобождение развития России сохраняют и кадеты (выкуп). Наоборот, буржуазная республика фермеров вынуждена была бы употребить подобные суммы на развитие производительных сил земледелия при новом строе*.

Наконец, в актив народникам-интеллигентам надо поставить безусловно то, что они в противоположность Бобринским и Кутлерам понимают обман народа в 1861 г., называют пресловутую реформу не великой, а «проводимой в интересах помещиков» (Жараваев, 1193). Действительность — справедливо говорил г. Жараваев о пореформенной эпохе — «превазошла самые мрачные предсказания» тех, кто в 1861 г. отстаивал интересы крестьянства.

* Сравни *Каутский*: «Аграрный вопрос в России» о необходимости затраты громадных капиталов на агрикультурный прогресс крестьянства. «Муниципалитеты» могут возразить здесь: буржуазная республика затратит на республиканские войска, а вот демократические земство... у него отнимет деньги, любсаенейшие гг. муниципалитеты, недемократическая центральная власть! Да и самое возникновение такого земства при недемократической центральной власти — невозможно, это невинное пожелание мещанина. Реально только соотношение буржуавной республики (больше всего по сравнению с другими государствами расходующей на развитие производительных сил. — пример: Северная Америка) и буржуавной монархии (десяти лет платящей дань юнтерам, пример: Германия).

По вопросу о крестьянской собственности на землю г. Караваев прямо противопоставил правительственным заботам о ней вопрос крестьянам: «Господа крестьяне-депутаты, вы — представители народа. Ваша жизнь есть крестьянская жизнь, ваше сознание есть его сознание. Когда вы уезжали, жаловались ли ваши избиратели на то, что у них нет уверенности в земельном владении? Ставили ли первой вашей задачей в Думе, первым вашим требованием: «Смотрите, укрепите землю в частную собственность, иначе вы не исполните нашего наказа». Нет, вы скажете, этого наказа нам не давали» (1185).

Крестьяне не опровергли этого заявления, а подтвердили его всем содержанием своих речей. И это не потому, конечно, что русский крестьянин есть «общинник», «антисобственник», а потому, что экономические условия диктуют ему теперь задачу уничтожения всех старых форм землевладения для создания нового хозяйства.

В пассив народникам-интеллигентам надо поставить их широковещательные рассуждения о «нормах» крестьянского землевладения. «Я думаю, всякий согласится, что для того, чтобы правильно решить земельный вопрос, — заявлял г. Караваев, — необходимы следующие данные: прежде всего норма земли, необходимая для существования, потребительная, и для исчерпания всего количества труда — трудовая. Необходимо точно знать количество земли, имеющееся у крестьян, — это даст возможность сосчитать, сколько земли недостает. Затем нужно знать, сколько же земли можно дать?» (1186).

Мы решительно не соглашаемся с этим мнением. И мы утверждаем на основании заявлений крестьян в Думе, что тут есть элемент интеллигентского бюрократизма, чуждый крестьянам. Крестьяне не говорят о «нормах». Нормы, это — бюрократическое измышление, отрыжка проклятой памяти крепостнической реформы 1861-го года. Крестьяне, руководимые верным классовым чутьем, центр тяжести переносят на уничтожение помещичьего землевладения, а не на «нормы». Не в том дело, сколько земли «надо». «Другого земного шара не создадите», как бесподобно выразился вышеупомянутый беспартийный крестьянин. Дело в том, чтобы уничтожить давящие крепостнические латифундии, которые заслуживают уничтожения даже в том случае, если «нормы» окажутся независимо

от того достигнутыми. У интеллигента-народника дело сбивается на то, что если «норма» достигнута, то, пожалуй бы, и не трогать помещиков. У крестьян не тот ход мысли: «крестьяне, *сбросьте их*» (помещиков) — говорил крестьянин Пьяных (с.-р.) во II Думе (16 заседание, 26 марта 1907 г., с. 1104). Не потому надо сбросить помещиков, что «нормы» не выходят, а потому, что не хочет земледельцо-хозяин таскать на себе ослов и пивок. То и другое расуждение — «две большие рааницы».

Не говоря о нормах, крестьянин с замечательным практическим чутьем «берет быка за рога». Вопрос в том, *кто* их будет устанавливать? Священник Поярков в I Думе великолепно выразил это. «Предполагается установить норму земли на человека, — сказал он. — *Кто будет устанавливать эту норму?* Если сами крестьяне, то, конечно, они себя не обидят, но если вместе с крестьянами будут устанавливать норму и землевладельцы, то еще вопрос, кто одолеет при выработке нормы» (12 заседание, 19 мая 1906 г., стр. 488).

Это не в бровь, а в глаз всей болтовне о нормах.

У кадетов это не болтовня, а прямое *предательство* мужиков помещикам. И добродушный деревенский священник, г. Поярков, выдавший, очевидно, либеральных помещиков на деле, у себя в деревне, инстинктивно схватил, где тут фальшь.

«Затем боятся, — говорил тот же Поярков, — что будет много чиновников! Крестьяне сами распределят земли!» (488—489). Вот в чем гвоздь вопроса. «Нормы» действительно отдают чиновничеством. У крестьян иное: распределим сами на местах. Отсюда идея местных земельных комитетов, выражающая правильные интересы крестьянства в революции и законно возбуждающая ненависть либеральных негодяев*. Государству, при *таком* плане *национализации*, остается только определение того, какая земля может служить *переселенческим фондом*, или требовать особого вмешательства («леса и воды, имеющие общегосударственное значение», как говорит теперешняя наша программа), т. е. *остается только то, что даже*

* Рабочие правительства в городах, крестьянские комитеты в деревнях (превращающиеся в известный момент в выборные всеобщим и т. д. голосованием), — такова единственно возможная форма организации победоносной революции, т. е. диктатуры пролетариата и крестьянства. Неудивительно, что либералы ненавидят эти формы организации борющихся за свободу классов!

«муниципалитеты» считают необходимым передать в ведение «демократического государства» (надо было сказать: республики).

Сопоставляя разговоры о нормах с экономической действительностью, мы сразу увидим, что крестьяне — люди дела, а интеллигенты-народники — люди слова. «Трудовая» норма имела бы *серьезное* значение при попытке запретить наемный труд. Большинство крестьян выбросило за борт эти попытки, и энесы признали их невозможными. Раз так, вопрос о «норме» падает и остается раздел между данным числом хозяев. «Потребительная» норма есть норма ипшеты, и в капиталистическом обществе крестьянство всегда будет бежать от такой «нормы» в города (об этом особо ниже). Значит, и тут дело совсем не в «норме» (меняющейся притом с каждым изменением культуры и изменением техники), а в разделе между наличным числом хозяев, в «разборке» между хозяевами настоящими, способными «лелеять» землю (и трудом и капиталом), — и хозяевами негодными, которых нельзя удержать в земледелии и реакционно было бы пытаться удерживать.

Как курьез, показывающий, куда ведут народнические теории гг. народников, приведем ссылку г. Каравая на Данию. Европа, видите ли, «уперлась в частную собственность», а наша община «помогает разрешить задачу кооперации». «Дания в этом отношении блестящий пример». Пример, действительно, блестящий — против народников. В Дании мы видим типичнейшее буржуазное крестьянство, концентрирующее и молочный скот (см. «Аграрный вопрос и «критики Маркса», § X*) и землю. Из всего числа датских земледельческих хозяйств 68,3% имеют до 1 гарткорна, т. е. до 9 дес. приблизительно. У них всего 11,1% всей земли. На другом полюсе 12,6% хозяйств с 4 и более гарткорнами (36 и более десятин); у них — 62% всей земли (Н. С. «Аграрные программы», изд. «Нового мира», стр. 7). Комментарии излишни.

Интересно отметить, что в I Думе Данией козырял либерал Герценштейн, а правые возражали (в обеих Думах): в Дании — крестьянская *собственность*. Национализация земли нужна у нас, чтобы дать свободу старым хозяйствам перестроиться на «разгороженной» земле «по-датски», а за

* См. настоящий том, стр. 151—161. Ред.

превращением аренды в собственность дело не станет, если сами крестьяне этого потребуют, ибо вся буржуазия и бюрократия всегда поддержит *в таком деле* крестьянство. И кроме того, при национализации, развитие капитализма (развитие «по-датски») пойдет *быстрее* вследствие отмены частной собственности на землю.

6. КРЕСТЬЯНЕ-ТРУДОВИКИ (НАРОДНИКИ)

По существу, крестьяне-трудовики и крестьяне-эсеры *не отличаются* от беспартийных крестьян. Вы ясно видите из сопоставления речей тех и других те же нужды, те же требования, то же мирозерцание. У партийных крестьян только больше сознательности, яснее способ выражения, цельнее понимание зависимости между разными сторонами вопроса.

Едва ли не лучшая речь — крестьянина Киселева, трудовика, в 26-ом заседании второй Думы (12 апреля 1907 г.). В противоположность «государственной точке зрения» либерального чинуши, здесь центр тяжести прямо переносится на то, что «вся внутренняя политика нашего правительства, *фактическими* руководителями которой являются помещики-землевладельцы, вся направлена к тому, чтобы сохранить землю в руках нынешних владельцев» (1943). Оратор показывает, что именно поэтому держат народ «в непроходимом невежестве», и останавливается на речи октябриста кн. Святополк-Мирского. «Вы не забыли, конечно, его ужасных слов: «оставьте всякую мысль об увеличении площади крестьянского землевладения. Сохраните и поддержите частных владельцев. Наша серая, темная крестьянская масса без помещиков, это — стадо без пастыря». Товарищи-крестьяне, нужно ли добавлять к этому что-нибудь, чтобы вы поняли, что за вождления таятся в душах этих господ — благодетелей наших? Неужели вам не ясно, что они до сих пор тоскуют и вздыхают о крепостном праве? Нет, господа пастыри, довольно... Я хотел бы только одного: чтобы эти слова благородного Рюриковича вся серая крестьянская Русь, вся русская земля крепко запомнила, чтобы эти слова огнем горели в душе каждого крестьянина и ярче солнца освещали ту пропасть, которая стоит между нами и непрошенными благодетелями. Довольно, господа пастыри... Довольно, нам нужны не пастыри, а вожди, которых мы сумеем

найти и помимо вас, а с ними мы найдем дорогу и к свету, и к правде, найдем дорогу и к обетованной земле» (1947).

Трудовик всецело стоит на точке зрения революционного буржуа, который оболъщается, думая, что национализация земли даст «обетованную землю», но который за данную революцию борется беззаветно и с ненавистью встречает мысль об урезании ее размаха: «Партия народной свободы отказывается от справедливого решения аграрного вопроса... Господа народные представители, может ли законодательное учреждение, каким является Государственная дума, в своих действиях поступиться справедливостью в пользу практичности? Можете ли вы издавать законы, наперед зная, что они несправедливы?.. Неужели вам мало тех несправедливых законов, которыми наградила нас наша бюрократия, чтобы нам самим еще их создавать?.. Вы отлично знаете, что из практических соображений — успокоить Россию — у нас посылались карательные экспедиции, всю Россию объявили на исключительном положении; из практических соображений введены военно-полевые суды. Но скажите мне на милость, кто из нас восторгается этой практичностью? Не проклинали ли вы ее все? Не задавайте вопроса, как тут некоторые задавали» (оратор намекает, очевидно, на кадетского помещика Татаринова, говорившего в 24-ом заседании, 9 апреля: «справедливость, господа, понятие довольно условное», «справедливость — это есть тот идеал, к которому мы все стремимся, но идеал этот остается» (у кадета) «только идеалом, и будет ли возможность фактически его осуществить, это для меня вопрос», 1779) — «что такое справедливость? Человек — вот справедливость. Родился человек — справедливо, чтобы он жил, а для этого справедливо, чтобы он имел возможность трудом добывать себе кусок хлеба»...

Вы видите: этот идеолог крестьянства стоит на типической точке зрения французского просветителя XVIII века. Он не понимает исторической ограниченности, исторически-определенного содержания *его* справедливости. Но он *хочет* — и класс, который он представляет, *может* во имя этой абстрактной справедливости *сместить до тла* все остатки средневековья. Именно это *реальное* историческое содержание и заключается в постановке вопроса: никаких «практических» соображений в ущерб справедливости.

Читай: никаких уступок средневековью, помещикам, старой власти. Это — язык деятеля Конвента. А для либерала Татаринова «идеал» буржуазной свободы «остается только идеалом», за который он не борется серьезно, не жертвует всем для его осуществления, а идет на сделку с помещиком. Киселевы могут вести народ на победоносную буржуазную революцию, Татариновы — только на предательство.

...«Во имя практичности партия народной свободы предлагает не создавать никакого права на землю. Она опасается, что такое право привлечет в деревню массу людей из города, и в таком случае земли каждому достанется понемногу. Я хотел бы прежде всего спросить, что такое право на землю? Право на землю, это — право на труд, это право на хлеб, это — право на жизнь, это неотъемлемое право каждого человека. Так как же мы можем лишить кого-нибудь этого права? Партия народной свободы говорит, что если бы дать такое право всем гражданам и разделить между ними землю, то ее достанется всем понемногу. Но ведь право и практическое его осуществление — совершенно не одно и то же. Каждый из вас, здесь сидящих, имеет право жить в какой-нибудь Чухломе, и, однако, живет здесь, и, обратно, те, кто живут в Чухломе, имеют такое же право жить в Петербурге и, однако, торчат в своей норе. Поэтому опасаться, что предоставление права на землю всем желающим трудиться на ней привлечет из города массу людей — совершенно неосновательно. В деревню пойдут из города только те, кто не порвал еще связи с нею и теперь, — в деревню пойдут только те, кто недавно ушел в город... Люди, имеющие в городе действительно прочный, обеспеченный заработок, в деревню не пойдут... Я думаю, что только полная и бесповоротная отмена частной собственности на землю... и т. д. ... только такое решение мы можем признать удовлетворительным» (1950).

Эта типичная для трудовика тирада ставит перед нами интересный вопрос: есть ли разница между такими речами о праве на труд и речами французских мелкобуржуазных демократов 1848-го года о праве на труд? И то и другое, несомненно, декламация буржуазного демократа, *смутно* выражающая действительное историческое содержание борьбы. Но декламация трудовика *смутно* выражает действительные задачи буржуазной революции, которая по объективным условиям возможна (т. е. возможна крестьянская аграрная революция в России XX века), — а декламация французского Kleinbürger'a* 1848-го года *смутно* выражает задачи социалистической революции, которая была невозможна во Франции в половине прошлого века. Другими словами: право на труд французского

* — мелкого буржуа. Реб.

рабочего половины XIX века выражало пожелание обновить *все* мелкое производство на началах кооперации, социализма и проч., а это было *экономически* невозможно. Право на труд русского крестьянина XX века выражает пожелание обновить мелкое *земледельческое* производство на *национализированной* земле, а это *экономически* вполне возможно. В «праве на труд» русского крестьянина XX века есть, кроме ложной социалистической теории, реальное буржуазное содержание. В праве на труд французского мещанина и рабочего половины XIX века нет *ничего*, кроме ложной социалистической теории. Вот эту разницу просматривают многие наши марксисты.

А трудовик сам показывает *реальное* содержание своей теории: на землю пойдут *не все*, хотя все «имеют равное право». Ясно, что пойдут на землю, или осядут на земле *только хозяева*. Отмена частной собственности на землю есть отмена всех препятствий *хозяевам* устраиваться на земле.

Неудивительно, что, проникнутый беззаветной верой в крестьянскую революцию и желанием служить ей, Киселев с презрением говорит о кадетях, об их желаниях отчудить не всю землю, а часть, — заставить платить за землю, — сдать дело в «земельные учреждения неизвестного звания» — одним словом, о «синичке, ошипанной партией народной свободы» (1950—1951). Неудивительно также, что Струве и подобные ему *должны* были возненавидеть трудовиков особенно после II Думы: пока русский крестьянин будет трудовиком, до тех пор не могут удался планы кадетов. А когда русский крестьянин перестанет быть трудовиком, тогда окончательно исчезнет разница между кадетом и октябристом!

Вкратце отметим других ораторов. Вот крестьянин Нечитайло: «Те люди, которые налитаны кровью, насосались мозгов крестьянских, называют их невежами» (779). Головин обрывает: помещик может оскорблять крестьянина, но мужик... помещика? «Эти земли, которые принадлежат народу, — нам говорят: покупайте их. Разве мы — приезжие иностранцы, из Англии, Франции и т. д.? Мы народ здешний, с какой стати мы должны покупать свои земли? Они нами уже десять раз отработаны кровью, потом и деньгами» (780).

Вот крестьянин Кириосов (Саратовской губ.): «Теперь мы более *ни* о чем не говорим, как о земле; нам опять го-

ворят: священна, неприкосновенна. Я думаю, не может быть, чтобы она была неприкосновенна; *раз того желает народ, не может быть ничего неприкосновенного**. (Голос справа: «ого!».) Верно: ого! (Аплодисменты слева.) Господа дворяне, вы думаете, мы не знаем, когда вы нас на карту ставили, когда вы нас на собак меняли? Знаем, это была все ваша священная, неприкосновенная собственность... Украли у нас землю... Крестьяне, которые посылали меня, сказали так: земля наша, мы пришли сюда не покупать ее, а взять» (1144)**.

Вот крестьянин Васютин (Харьковской губ.): «Мы видим здесь в лице представителя г. председателя совета министров не министра всей страны, а министра 130 000 помещиков. 90 млн. крестьян для него ничего не составляют... Вы (обращаясь к правым) занимаетесь эксплуатацией, отдаете внаймы свои земли по дорогой цене и дерете последнюю шкуру с крестьянина... Знайте, что народ, если правительство не удовлетворит нужды, тоже не спросит вашего согласия, он возьмет землю... Я — украинец (рассказывает, как Екатерина подарила Потемкину рожицу: 27 тыс. десятин и 2 000 крестьян)... Раньше земля продавалась за 25—50 руб. за десятину, а теперь арендная плата 15—30 руб. за десятину, а сенокос 35—50 руб. Это дерикожество. (Голос справа: «Что? дерикожество?» Смех.) Ничего, не стесняйтесь, будьте покойны (аплодисменты слева); я называю это сдирианием последней шкуры с крестьян» (643, 39 заседание, 16 мая).

Общей чертой у крестьян-трудовиков и у крестьянской интеллигенции является живость воспоминаний о крепостном праве. Всех их объединяет ключом бьющая ненависть к помещикам и к помещичьему государству. Во всех них бушует революционная страсть. Одни вовсе не думают о будущем, создаваемом ими строе, стихийно

* Характерное выражение простым крестьянином революционной идеи самодержавия народа. Другой буржуазии, кроме крестьянства, нет в нашей революции для осуществления этого требования пролетарской программы.

** Трудовик-крестьянин в I Думе Назаренко (Харьковской губ.) говорил: «Если вы будете рассуждать о том, как крестьяне смотрят на землю, то я вам скажу, что как для детей необходима грудь матери, так для нас, крестьян — земля. С этой точки зрения мы только и рассуждаем о земле. Вы, вероятно, знаете, что в очень недавнее время господа заставляли наших матерей кормить своей грудью щенков. Это самое делается и теперь. Но только дело в том, что теперь щенки господские сосут не ту мать, которая нас родила и кормила, в ту, которая нас кормит — землю» (495).

напрягая силы, чтобы «сбросить их». Другие — утопически размалевывают этот строй, но все ненавидят компромисс со старой Россией, все борются за то, чтобы не оставить на проклятом средневековьи камня на камне.

Когда сравниваешь речи революционных крестьян во второй Думе и речи революционных рабочих, то невольно бросается в глаза следующее различие. У первых неизмеримо больше непосредственной революционности, страсти немедленного разрушения помещичьей власти, немедленного созидания нового строя. Крестьянин горит желанием тут же броситься на врага и душить его. У рабочего революционность отвлеченнее, она как бы отодвинута на более далекие цели. Это различие вполне понятное и законное. Крестьянин делает сейчас, немедленно *свою*, буржуазную, революцию, не видя противоречий внутри ее, не допуская мысли о таких противоречиях. Рабочий-социал-демократ видит их и, ставя себе всемирно-социалистические цели, *не может* связать судьбу рабочего движения с исходом буржуазной революции. Из этого не следует только вывести, что рабочий должен в буржуазной революции поддерживать либерала. Из этого следует вывести, что рабочий, не сливая себя *ни с каким* другим классом, должен *со всей энергией* помочь крестьянину довести до конца эту буржуазную революцию.

7. СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Речи интеллигентов-эсеров (крестьян мы отмечали выше среди трудовиков) полны такой же непримиримой критикой кадетов и войной с помещиками. Не повторяя сказанного уже выше, отметим *новую* черту этой группы депутатов. В отличие от энесов, вместо идеала социализма склонных рисовать идеал... Дании, в отличие от крестьян, которые чужды всякой доктрине и выражают непосредственное чувство угнетенного человека, столь же непосредственно идеализирующего освобождение от данной формы эксплуатации, — эсеры вносят в свои речи доктрину *своего* «социализма». Вот Успенский и Сагателян («дашнакцутюн» — очень близки к эсерам, а «молодые» даже входят в партию с.-р.) ставят вопрос об *общине*. Последний оратор довольно наивно замечает: «к прискорбью нужно заметить, что, развивая широкую теорию национализации земли, не особенно подчеркивают живой уце-

левший институт, на основании которого можно только двигаться вперед... От всех этих ужасов (ужасы Европы, разрушение мелкого хозяйства и т. д.) ограждает община» (1122).

«Прискорбие» почтенного рыцаря общины нам будет понятно, если мы примем во внимание, что он говорил 26-ым оратором по аграрному вопросу.

Перед ним высказалось не менее 14-ти левых, трудовиков и т. п., и все они «не особенно подчеркивали живой уцелевший институт!» Есть от чего «заскорбеть», видя такое же равнодушие думских крестьян к общине, какое проявили и съезды Крестьянского союза. Сагателян и Успенский принялись за общину, как настоящие сектанты среди крестьянской революции, не желающей знать старых земельных союзов. «Я чую некоторую опасность для общины», — скорбит Сагателян (1123). «Именно теперь следует во что бы то ни стало спасти общину» (1124). «Эта форма (т. е. община) может развернуться в мировое движение, способное указать решение всех экономических вопросов» (1126). Все эти рассуждения об общине г. Сагателян разводил, видимо, «грустно и некстати». А его коллега Успенский, критикуя столыпинское законодательство против общины, выразил пожелание, «чтобы была сокращена до последних пределов, до последней степени, мобилизация земельной собственности» (1115).

Это пожелание народника, несомненно, реакционно. Но курьезно, что партия с.-р., от имени которой такое пожелание выставлялось в Думе, отстаивает отмену частной собственности на землю, не сознавая, что таким путем создается *наибольшая* мобилизация земли, наиболее свободный и легкий переход ее от хозяина к хозяину, наиболее свободное и легкое проникновение капитала в земледелие! Смещение частной собственности на землю с господством капитала в земледелии есть характерная ошибка буржуазных национализаторов земли (Джорджа в том числе и многих других). В стремлении «сократить мобилизацию» эсеры совпадают с кадетами, представитель которых Кутлер прямо заявил в своем докладе: «партия народной свободы полагает ограничить их (крестьян) только в праве отчуждения и в праве залога, т. е. предотвратить в будущем широкое развитие купли и продажи земель» (12 заседание, 19 марта 1907 г., с. 740).

Калеты связывают это реакционное пожелание с такими приемами разрешения аграрного вопроса (господство помещиков и бюрократии), которые обеспечивают возможность нелепых чиновничьих запрещений и канцелярской волокиты, помогающей закабалению крестьян. Эсеры связывают реакционное пожелание с такими мероприятиями, которые исключают возможность чиновничьих стеснений (местные земельные комитеты на основе всеобщего и т. д. голосования). У первых реакционна вся их (бюрократически-помещичья) политика в буржуазной революции. У вторых реакционен мещанский «социализм», ошибочно навязываемый последовательной буржуазной революцией.

Интересно по вопросу об экономических теориях эсеров отметить рассуждения их думских представителей о влиянии аграрного преобразования на развитие промышленности. Наивная точка зрения буржуазных революционеров, чуть-чуть прикрытая шелухой доктрины народничества, выступает замечательно рельефно. Вот, например, с.-р. Кабаков (Пермской губ.), известный на Урале организатор Крестьянского союза, «президент алапаевской республики»¹⁰⁶, он же «Пугачев»*. Он чисто по-крестьянски обосновывает право крестьян на землю, между прочим, тем, что крестьяне никогда не отказывались защищать Россию от врагов (1953). «К чему наделение земли? — восклицает он. — Мы прямо объявляем, что земля должна быть всеобщим достоянием трудового крестьянства, и крестьяне сумеют сами поделить землю между собой на местах, без всякого вмешательства каких-то чиновников, о которых давно мы уже знаем, что они никакой пользы не принесли крестьянству» (1954). «Цельные заводы у нас на Урале остановились, так как листовое железо не получает сбыта, а между тем в России все хаты крыты соломой. Следовало бы все эти дома крестьян покрыть железом уже давно... Рынки есть, но покупателей нет. Кто у нас является покупательной массой? Стомиллионное трудовое крестьянство — это и есть фундамент покупательной массы» (1952).

Да, тут верно выражены условия действительно капиталистического производства на Урале вместо векового

* См. «Список членов II Государственной думы», частное издание неизвестного автора. СПб. 1907.

полуфеодального застоя «поссессионного» производства. Ни стголыпинская, ни кадетская аграрная политика не могут дать заметного улучшения в условиях жизни *массы*, а без этого не разовьется действительно «свободная» промышленность на Урале. Только крестьянская революция могла бы быстро заменить Россию деревянную Россией железной. Эсер-крестьянин понимает условия развития капитализма вернее и шире, чем присяжные слуги капитала.

Другой эсер, крестьянин Хворостухин (Саратовской губ.), говорил: «Да, господа, конечно, много говорили от партии народной свободы, говорили, что обвиняют Трудовую группу, что она хочет передать землю тому, кто хочет на ней трудиться. Они говорят, что тогда многие из городов уйдут и получится еще худшее. Но я думаю, господа, что из городов уйдут только те, кому делать нечего, а которые работают, то те привыкли к работе, и раз у них будет работа, они не уйдут из города. На самом деле, зачем давать землю лицам, которые не хотят землю обрабатывать?... (774). Разве не ясно, что этот «эсер» хочет вовсе не всеобщего уравнительного землепользования, а создания равноправного и свободного фермерства на свободной земле?.. «Во что бы то ни стало нужно развязать экономическую свободу всему народу, в особенности народу, который столько лет страдал и голодал» (777).

Не думайте, что эта *правильная* формулировка *действительного* содержания эсеровщины («развязать экономическую свободу») — результат *только* крестьянской неловкости выражения. Не только этого. Эсеровский лидер, интеллигент Мушенко, говоривший заключительное слово от имени партии с.-р. по аграрному вопросу, еще несравненно наивнее в своих экономических взглядах, чем крестьяне Кабаков и Хворостухин.

«Мы говорим, — заявил Мушенко, — что правильное переселение, правильное расселение возможно лишь тогда, когда земля будет разгорожена, когда будут сняты все перегородки, наложенные на нее принципом частной собственности на землю. Далее, министр говорил о приросте населения в нашем государстве... Вышло, что для одного этого (1,6 млн.) прироста населения нужно около $3\frac{1}{2}$ млн. дес. земли. Он говорит: таким образом если вы сделаете уравнивание земли, то где вы возьмете земли для такого прироста населения? Но я спрашиваю: где же, в каком государстве

(sic!) весь прирост населения поглощается земледелием? *Ведь закон, регулирующий распределение населения по сословиям, профессиям, как есть обратный закон* (курсив наш). «Если государство, если страна не вырождается, а развивается в промышленном отношении, то это значит, что на фундаменте сельского хозяйства, удовлетворяющего элементарной потребности в пище и сырье, воздвигаются новые и новые хозяйственные этажи. Потребности растут, появляются новые продукты производства, появляются новые отрасли производства; обрабатывающая промышленность притягивает к себе все большее и большее количество рабочих рук. Городское население растет больше, чем земледельческое, и поглощает большую часть прироста населения. Бывает иногда, господа, что земледельческое население уменьшается не только относительно, но даже абсолютно. Если у нас этот (!) процесс идет медленно, то это потому, что не на чем вводить эти хозяйственные новые этажи. Крестьянское хозяйство — этот фундамент слишком расшатан; рынок для промышленности слишком мал. Создайте на почве передачи земли народу в пользование здоровое, многочисленное, полное жизненных сил земледельческое население, и вы увидите, какой спрос будет на продукты промышленности и какая масса рабочих рук потребуется в городах на фабрики и заводы» (1173).

Ну, разве не прелесть этот «социалист-революционер», который программу развития капитализма называет программой социализации земли? Он и не подозревает, что закон более быстрого роста городского населения есть исключительно закон *капиталистического* способа производства. Ему и в голову не приходит, что этот «закон» не функционирует и не мог бы функционировать иначе, как через посредство разложения крестьянства на буржуазию и пролетариат, через посредство «разборки» между земледельцами, т. е. вытеснения «голытьбы» «настоящим хозяином». Экономическая гармония, которую рисует этот эсер на почве капиталистического закона, наивна до умильности. Но это не гармония вульгарного буржуазного экономиста, желающего затушевать борьбу труда с капиталом. Это гармония бессознательного буржуазного революционера, желающего смести дочиства остатка самодержавия, крепостничества, средневековья.

Победоносная буржуазная революция, о которой мечтает наша теперешняя аграрная программа, не может идти иначе, как через *такого* буржуазного революционера. И сознательный рабочий должен *поддерживать его* в интересах общественного развития, ни на секунду не давая себя обольстить младенческому лепету народнических «экономистов».

8. «НАЦИОНАЛЫ»

Из представителей нерусских народностей в Думе высказывались по аграрному вопросу поляки, белоруссы, латыши и эсты, литовцы, татары, армяне, башкиры, киргизы, украинцы. Вот как излагали они свою точку зрения.

Народовец¹⁰⁷ Дмовский говорил во II Думе «от поляков — представителей Царства Польского и соседней с ним западной части государства» (742): «хотя наши аграрные отношения являются уже переходом к западно-европейским отношениям, тем не менее аграрный вопрос у нас существует, и малоземелье является язвой нашей жизни. Одним из первых пунктов нашей социальной программы является увеличение площади крестьянского землевладения» (743).

«Если у нас в Ц. П. были крупные аграрные беспорядки в виде захвата помещичьих земель, то они были только в восточной части, именно во Влодавском уезде, где крестьянам говорили, что они, как православные, будут наделены помещичьей землей. Эти беспорядки явились только среди православного населения» (745).

...«Здесь (в Ц. П.) земельное дело, как и все другие социальные реформы... может быть устроено, согласно требованиям жизни, только собранием представителей края — только автономным сеймом» (747).

Эта речь народовца-поляка вызвала бешеные нападки правых крестьян-белоруссов (Гаврильчик, Минской губ., Шиманский, Грудинский) на польских помещиков, а епископ Евлогий, разумеется, подхватил это и сказал иезуитски-полицейскую речь в духе русской политики 1863-го года об угнетении русских крестьян поляками-помещиками (26 заседание, 12 апреля).

«Как это просто придумано!» — отвечал народовец Грабский (32 заседание, 3 мая). «Крестьяне получают землю; русские помещики останутся при своих землях; крестьяне будут, как в доброе былое время, поддерживать старый режим, а поляки получают должное наказание за то, что заговорили о польском сейме» (62). И оратор, горячо разоблачив всю бесстыдную демагогию русского правительства, требовал «передачи польскому сейму решения у нас аграрной реформы» (75).

Добавим к этому, что вышеназванные крестьяне требовали дополнительного наделения *на правах собственности* (например, 1811 стр.). И в I Думе польские и западные

крестьяне, требуя земли, высказывались за собственность. Я малоземельный крестьянин Люблинской губ., — говорил Наконечный 1 июня 1906 г. — В Польше тоже необходимо принудительное отчуждение. Лучше 1 дес. навсегда, чем 5 на неопределенное время (881—882). То же говорил Понятовский (Волынской губ.) от имени Западного края (19 мая, с. 501) и Трасун от Витебской губ. (418, 16 мая 1906). Гирнюс (Сувалкской губ.) высказался при этом против одного общенеперского земельного фонда за местные земельные фонды (1 июня 1906, с. 879). Граф Тышкевич заявил тогда же, что мысль об образовании общенародного фонда он признает «непрактичной и небезопасной» (874). Так же высказался Стецкий (24 мая 1906, с. 613—614: за личную собственность против аренды).

Из Прибалтийского края выступал во II Думе Юрашевский (Курляндской губ.), требовавший отмены феодальных привилегий крупных землевладельцев (16 мая 1907, с. 670) и отчуждения помещичьих земель выше определенной нормы. «Признавая, что в Прибалтийском крае теперешняя культура развилась на основании практиковавшегося там принципа частной собственности, или наследственной аренды, однако, приходится придти к заключению, что для дальнейшего урегулирования с.-х. отношений необходимо немедленно ввести самоуправление в Прибалтийском крае на широко демократических началах, которое могло бы верно разрешить этот вопрос» (672).

Представитель Эстляндской губ., прогрессист Юрине внес отдельный проект для Эстляндской губ. (47 заседание, 26 мая 1907, с. 1210). Он высказывается за «компромисс» (1213) — за «наследственную или вечную аренду» (1214). «Тот, который пользуется землею, который лучше ею пользуется, тот и будет иметь землю в своих руках» (там же). Требуя в этом смысле принудительного отчуждения, Юрине отвергает конфискацию земли (1215). В I Думе Чахсте (Курляндской губ.) требовал передачи крестьянам церковных (пасторских) земель, кроме помещичьих (4 заседание, 4 мая 1906, с. 195). Тенисон (Лифляндской губ.) соглашался вотировать за адрес, т. е. за принудительное отчуждение, находя, что «все приверженцы индивидуализации земли» (там же, с. 209) могут это сделать. Крейцберг (Курляндской губ.) от имени курляндского крестьянства требовал «экспроприации латифундий» и наделяния

землей безземельных и малоземельных непременно «на праве собственности» (12 заседание, 19 мая 1906, с. 500). Рютли (Лифляндской губ.) требовал принудительного отчуждения и т. д. «Что касается превращения земли в государственный фонд, — сказал он, — то наши крестьяне хорошо сознают, что это есть новое закрепощение крестьян. Мы должны поэтому защищать мелкое крестьянское хозяйство, производительность труда и охранять их от посягательств капитализма. Таким образом, если мы превратим земли в государственный фонд, то мы создадим самый крупный капитализм» (497, тогда же). Озолин (Лифляндской губ.) от имени крестьян латышей высказывался за принудительное отчуждение и за собственность; решительно против общегосударственного земельного фонда, допускает только местные областные фонды (13 заседание, 23 мая 1906, с. 564).

Леонас, «представитель от Сувалкской губ., а именно от литовской народности» (39 заседание, 16 мая 1907, с. 654), выступил за план к.-д. партии, в которую он входит. Другой литовец-автономист от той же губернии, Булат, присоединился к трудовикам, но решение относительно выкупа и проч. откладывал до обсуждения дела местными земельными комитетами (с. 651, там же). Почилкус (Ковенской губ.) от имени «думской группы социал-демократов Литвы» (там же, с. 681, приложение) внес точно сформулированную аграрную программу этой группы, совпадающую с нашей программой РСДРП, с тем различием, что «местный в пределах Литвы земельный фонд» передается в распоряжение «органу автономного самоуправления Литвы» (там же, п. 2).

От имени мусульманской группы говорил во II Думе Хан Хойский (Елисаветпольской губ.): «Мы, мусульмане, составляющие более 20 миллионов общего населения русского государства, с такой же чуткостью прислушиваемся ко всем перипетиям аграрного вопроса и с таким же нетерпением ожидаем его удовлетворительного разрешения» (20 заседание, 2 апреля 1907, с. 1499). От имени мусульманской группы оратор соглашается с Кутлером, высказываясь за принудительное отчуждение на началах справедливой оценки (1502). «Но куда же должны поступить эти отчужденные земли? В этом отношении мусульманская группа находит, что отчужденные земли должны составить

не общегосударственный земельный фонд, а областной земельный фонд в пределах каждой данной области» (1503). «Представитель крымских татар», деп. Медиев (Таврической губ.) в горячей революционной речи высказывается за «землю и волю». «Чем дальше продолжают прения, тем ярче выплывает перед нами требование народа — что землей должен пользоваться тот, кто на ней трудится» (24 заседание, 9 апреля 1907, стр. 1789). Оратор указывает на то, «как на наших окраинах образовалась священная собственность на землю» (1792), как расхищали башкирские земли, министры и действительные статские советники, начальники жандармских управлений получали по 2—6 тыс. дес. Он приводит наказ «братьев-татар», жалующихся на расхищение вакуфных земель¹⁰⁸. Он цитирует ответ туркестанского генерал-губернатора одному татарину, от 15 декабря 1906 г., что переселяться на казенные земли могут только лица христианского вероисповедания. «Не пахнет ли от этих документов чем-то прелым, аракеевщиной прошлого века?» (1794).

От кавказских крестьян, — кроме наших партийных с.-д., о которых речь ниже, — говорил упомянутый выше Сагателян (Эриванской губ.), стоящий на точке зрения эсеров. Другой представитель партии «дашнакцутюн», Тер-Аветикийнц (Елисаветпольской губ.) высказался в том же духе: «земля на началах общинной собственности должна принадлежать труженикам, т. е. трудовому народу и никому другому» (39 заседание, 16 мая 1907, с. 644). «Я от имени всего кавказского крестьянства заявляю... в решительный момент все кавказское крестьянство пойдет рука об руку со своим старшим братом — русским крестьянством — и добудет себе землю и волю» (646). Эльдарханов «от имени своих избирателей — туземцев Терской обл. — ходатайствует, чтобы расхищение природных богатств было приостановлено впредь до разрешения аграрного вопроса» (32 заседание, 3 мая 1907, с. 78), а расхищает земли правительство, отбирая лучшую часть нагорной полосы, грабя земли кумыкского народа, заявляя претензию на недра земли (должно быть, это было до Стокгольмской лекции Плеханова и Джона о недосыгаемости муниципализированных земель для недемократической государственной власти).

От имени башкир депутат Хасанов (Уфимской губ.) напоминает о расхищении правительством 2-х миллионов дес. земли и требует, чтобы эти земли «обратно отобрать» (39 заседание, 16 мая 1907 г., с. 641). Того же требовал уфимский депутат I Думы, Сыртланов (20 заседание, 2 июня 1906, с. 923). От имени киргиз-кайсацкого народа говорил во II Думе деп. Каратаев (Уральской области): «Мы, киргиз-кайсаки... глубоко понимаем и чувствуем земельный голод братьев наших крестьян, мы готовы с охотой потесниться» (39 заседание, с. 673), но «излишних земель очень мало», а «переселение в настоящее время сопряжено с выселением киргиз-кайсацкого народа... «выселяют киргизов не с земель, а из жилых их домов» (675). «Киргиз-кайсаки всегда сочувствуют всем оппозиционным фракциям» (675).

От имени украинской фракции говорил во II Думе 29 марта 1907 года казак Полтавской губ. Сайко. Он привел песню казаков: «Гей, царица Катерина, що ты наробила? Степь, широкий край веселый панам раздарила. Гей, царица Катерина, змилуйся над нами, виддай землю, край веселый с темными гаями» и присоединился к трудовикам, требуя только в § 2 проекта 104-х заменить слова «общенародный земельный фонд» словами: «краевой национальный (sic!) земельный фонд, долженствующий послужить началом социалистического устройства». «Украинская фракция считает наибольшей несправедливостью в свете частную собственность на землю» (1318).

В первой Думе полтавский деп. Чижевский заявил: «Я, как горячий сторонник автономной идеи, как горячий сторонник, в частности, автономии Украины, очень бы желал, чтобы аграрный вопрос был разрешен моим народом, чтобы аграрный вопрос разрешали отдельные автономные единицы, в том автономном строе нашего государства, который представляется для меня идеалом» (14-ое заседание, 24 мая 1906, стр. 618). Но в то же время этот украинский автономист признает безусловную необходимость государственного земельного фонда, разъясняя при этом вопрос, запутанный нашими «муниципалистами». «Мы должны твердо и положительно установить тот принцип, — говорил Чижевский — что заведывание землями государственного земельного фонда должно принадлежать исключительно местным самоуправляющимся

земским или автономным единицам, когда они возникнут. Правда, какой же смысл тогда может иметь название «государственный земельный фонд», если им во всех частных случаях будут заведывать местные самоуправления? Мне кажется, что смысл огромный. Прежде всего, ... часть государственного фонда должна находиться в распоряжении центрального правительства... наш общегосударственный колонизационный фонд... Затем, во-вторых, смысл учреждения государственного фонда и смысл такого его названия вытекает из того, что хотя местные учреждения будут и свободны распоряжаться этим фондом у себя на местах, но все-таки в известных пределах» (620). Этот мелкобуржуазный автономист гораздо лучше понимает значение государственной власти в централизованном экономическом развитии общества, чем наши меньшевики-социал-демократы.

Кстати. Говоря о речи Чижевского, нельзя пройти мимо его критики «норм». «Трудовая норма — это звук пустой», прямо говорит он, указывая на разнообразие с.-х. условий и отвергая на том же основании «потребительскую» норму. «Мне кажется, что землю нужно наделять крестьян не по какой-нибудь норме, а в размере имеющегося запаса... Надо отдать крестьянам все то, что можно отдать в данной местности», — например, в Полтавской губернии «отчудить у всех землевладельцев землю, оставивши по 50 дес. в среднем, как максимум» (621). Удивительно ли, что кадеты болтают о нормах, чтобы скрыть свои планы действительных размеров отчуждения? Чижевский, критикуя кадетов, еще не сознает этого*.

Вывод из нашего обзора думских выступлений «националов» по аграрному вопросу ясен. Эти выступления целиком подтвердили то, что я говорил против Маслова в

* В высшей степени рельефно выставляет такую Чижевский уже знакомую нам положение бессовестно-буржуазных трудовиков: рост промышленности, *уменьшение* прилива в армию при последовательной крестьянской революции. «У нас крестьяне, те же выборщики, которые посылали нас сюда, производили, например, такой расчет: если бы мы были немного богаче и если бы каждая наша семья могла 5—6 руб. в год израсходовать на сахар, — в каждом из тех усадеб, где возможно производство свеклы, возникло бы несколько сахарных заводов, в добавление к тем, которые существуют теперь». Совершенно естественно, что если бы эти заводы возникли, какая масса рук потребовалась бы для хозяйства при его интенсификации! Увеличилось бы производство сахарных заводов» и т. д. (622). Это именно программа «американского» фермерства и «американского» развития капитализма в России.

брошюре «Пересмотр» и т. д. на стр. 18 (первого издания)* по вопросу о соотношении муниципализации с правами национальностей, именно, что это *политический* вопрос, *исчерпываемый* политической частью нашей программы и только из мещанского провинциализма припутываемый к аграрной программе.

Меньшевики в Стокгольме возились с комичным усердием над тем, чтобы «очистить муниципализацию от национализации» (слова меньшевика Новоседского в Протоколах Стокгольмского съезда, с. 146). «Некоторые исторические области, как, например, Польша, Литва, — говорил Новоседский, — совпадают с национальными территориями, и передача этим областям земли может послужить той почвой, на которой будут с успехом развиваться националистически-федералистические тенденции, что снова превратит по существу дела муниципализацию в национализацию по частям». И вот Новоседский с Даном проводили и провели поэтому поправку: вместо слов: «самоуправляющихся крупных *областных* организаций» в проекте Маслова поставить слова: «крупных органов *местного* самоуправления, объединяющих городские и сельские округа».

Остроумная «очистка муниципализации от национализации», нечего сказать. Заменить одно слово другим, — разве не ясно, что от этого получается сама собой перетасовка «исторических областей»?

Нет, господа, никакими заменами слов не выкинете вы из муниципализации присущей ей «националистически-федералистической» глупости. Вторая Дума показала, что *на деле* «муниципализаторская» идея *только и послужила* националистическим тенденциям разных групп буржуазии. *Только эти группы*, если не считать правого казака Караулова, и «взяли себе» под охрану разные «краевые» и «областные» фонды. При этом *аграрное* содержание провинциализации (ибо фактически Маслов «отдает» земли провинциям, а не «муниципиям», так что слово провинциализация точнее) националы *выкинули*: ничего не предрешать, *все* предоставить автономным сеймам или областным и т. п. самоуправлениям, и вопрос о выкупе и вопрос о собственности и т. д. Получилось самое полное

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 160. Ред.

подтверждение моих слов: «закон о вемстволизации вавкавказских земель все равно придется издать питерскому учредительному собранию, потому что Маслов не хочет ведь предоставлять любой окраине свободы сохранять помещичье землевладение» («Пересмотр», с. 18)*.

Итак, события подтвердили, что защита муниципализации соображениями о согласии или несогласии национальностей есть аргумент пошлый. Муниципализация нашей программы оказалась в противоречии с определенно заявленным мнением весьма различных народностей.

События подтвердили, что на деле муниципализация служит не для руководства массовым крестьянским движением общенационального масштаба, а для раздробления этого движения на провинциальные и национальные ручейки. Из *идеи* масловских областных фондов *жизнь* впитала в себя *только* национально-автономистское «областничество».

«Националы» стоят несколько в стороне от *нашего* аграрного вопроса. У многих нерусских народностей нет самостоятельного крестьянского движения в центре революции, как у нас. Поэтому вполне естественно, что в своих программах «националы» часто держатся несколько в стороне от *русского* аграрного вопроса. Наша, дескать, хата с краю, мы сами по себе. Со стороны националистической буржуазии и мелкой буржуазии такая точка зрения неизбежна.

Со стороны пролетариата она недопустима, а наша программа именно в этот недопустимый буржуазный национализм *на деле* и впадает. Как «националы» в лучшем случае только примыкают к движению всероссийскому, не задаваясь целью удесятерить его силы объединением, централизацией движения, так меньшевики строят программу, *примыкающую* к крестьянской революции, вместо того, чтобы дать программу, руководящую революцией, сплачивающую ее и толкающую дальше. Муниципализация — не лозунг крестьянской революции, а выдуманный план мещанского реформизма, со стороны прилаживаемый в закоулке революции.

Социал-демократический пролетариат не может менять своей программы в зависимости от того, «согласятся»

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 160. *Ред.*

ли отдельные национальности. Наше дело — спланировать и концентрировать движение, пропагандируя наилучший путь, наилучшее в буржуазном обществе земельное устройство, борясь с силой традиции, предрассудков, косного провинциализма. «Несогласие» мелких крестьян на социализацию земли не может изменить нашей программы социалистической революции. Оно может лишь заставить нас предпочесть действие *примером*. Так и с национализацией земли в буржуазной революции. Никакое «несогласие» с ней народности или народностей таких-то не может заставить нас изменить учение о том, что в интересах всего народа лежит наиболее полное освобождение от средневекового землевладения и отмена частной собственности на землю. «Несогласие» значительных слоев трудящейся массы той или иной народности заставит нас предпочесть воздействие посредством примера всякому иному воздействию. Национализация колониального фонда, национализация лесов, национализация всей земли в центральной России не может сколько-нибудь долго ужиться с частной собственностью на землю в пределах той или иной части государства (раз причиной объединения этого государства является действительно основной поток экономической эволюции). Либо та, либо другая система должна будет взять верх. Опыт решит это. Наше дело — позаботиться о выяснении народу условий, наиболее благоприятных для пролетариата и для трудящихся масс капиталистически развивающейся страны.

9. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

Из восьми социал-демократических речей, произнесенных во II Думе по аграрному вопросу, только две содержали в себе *защиту* муниципализации, а не простое упоминание о ней. Это были речь Озола и вторая речь Церетели. Остальные речи состояли, главным образом, почти исключительно в нападении на помещичье землевладение вообще и в выяснении политической стороны аграрного вопроса. Чрезвычайно характерна в этом отношении бесхитростная речь правого крестьянина Петроченко (22 заседание, 5 апреля 1907), излагающая общие впечатления деревенского депутата от речей ораторов разных партий. «Я не буду затруднять вашего внимания перечислением того, что здесь говорилось; позвольте мне

сказать об этом простыми словами. Депутат Святополк-Мирский говорил здесь длинную речь. Эта речь нас, повидному, к чему-то подготавливала. Если сказать коротко, то выходит, что землю, которая принадлежит мне или которой я владею, вы не имеете права взять, и я ее не отдам. На это депутат Кутлер сказал: «это время прошло, надо дать, вы и отдайте и получите деньги». Депутат Дмовский говорит так: «с землей как хотите, но автономия непременно нужна». В то же время депутат Караваев говорит так: «и то и другое нужно, но вали все вместе, а потом будем делить». Церетели говорит: «нет, господа, делить нельзя, так как правительство пока старое, и оно этого не позволит. А мы лучше будем стараться, как бы захватить власть, а потом поделим, как захотим» (стр. 1615).

Крестьянин схватил, следовательно, как единственное отличие речи социал-демократа от трудовика, выяснение необходимости борьбы за власть в государстве, «захват власти». Остальные различия им не уловлены, показались ему несущественными! В первой речи Церетели мы видим, действительно, разоблачение того, что «наша чиновная знать есть и земельная знать» (725). Оратор показал, как «на протяжении нескольких веков государственная власть раздавала в частную собственность земли, принадлежавшие всему государству, земли, составлявшие собственность всего народа» (724). Заявление, внесенное им в конце речи от имени с.-д. фракции и повторяющее нашу аграрную программу, осталось не мотивированным и не противопоставленным программам иных «левых» партий. Мы констатируем это далеко не для того, чтобы обвинить кого-нибудь, — напротив, первую речь Церетели, короткую, ясную, сосредоточенную на выяснении классового характера помещичьего правительства, мы считаем чрезвычайно удачной, — а для того, чтобы объяснить, почему для правого крестьянина (вероятно, и для всех крестьян) исчезли специфически социал-демократические черты нашей программы.

Вторую с.-д. речь по аграрному вопросу произнес в следующем «аграрном заседании» Думы (16 заседание, 26 марта 1907) рабочий Фомичев (Таврической губ.), говоривший нередко: «мы, крестьяне». Фомичев дал страстную отповедь Святополку-Мирскому, знаменитые слова которого: крестьяне без помещиков — «стадо без пастыря»

сагитировали крестьянских депутатов лучше нескольких других «левых» речей. «Депутат Кутлер в обширной речи развивал мысль о принудительном отчуждении, но с выкупом. Мы, представители крестьян, не можем признать выкупа на том основании, что выкуп, это — новая петля на шею крестьянина» (1113). В заключение Фомичев требовал «передачи всех земель в руки трудящихся на тех условиях, которые были предложены депутатом Цеттели» (1114).

Следующую речь сказал тоже рабочий Измайлов, прошедший от крестьянской курии по Новгородской губернии (18 заседание, 29 марта 1907). Он отвечал своему земляку, крестьянину Богатову, соглашавшемуся на выкуп от имени новгородских мужиков. Измайлов с негодованием отверг выкуп. Он рассказал условия «освобождения» новгородских крестьян, получивших 2 млн. дес. из 10 млн. дес. земельных угодий и 1 млн. дес. из 6 млн. дес. лесу. Он описал нужду крестьян, дошедшую до того, что они не только «десятки лет сжигают в печах свои огорожи кругом хат», но «отпиливают углы у собственных изб», «из больших старинных изб делают маленькие для того только, чтобы при перестройке как-нибудь сэкономить охапку дров для топлива» (1344). «Вот при таком-то положении наших крестьян господа правые заскучали о культуре. Мужик, вишь, заел по-ихнему культуру. Да разве до культуры голодному и холодному мужику? И вот вместо земли они хотели бы предложить ему эту культуру; но я и тут не доверяю им, я думаю, что они также согласятся продать свои земли, но только будут рядиться, чтобы мужик заплатил за землю подороже. И вот почему они соглашаются. По-моему — и крестьяне особенно должны это знать — дело вовсе не в земле, господа. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что за землей кроется что-то другое, другая какая-то сила, которую крепостники-дворяне боятся передать народу, боятся потерять вместе с землею, это, господа, — власть. Они передадут землю и хотят ее передать, но так, чтобы мы по-старому остались рабами у них. Если мы задолжаем, мы все-таки не выскребемся из власти помещиков-крепостников» (1345). Трудно представить себе что-либо более рельефное и меткое, чем это разоблачение сущности кадетских планов рабочим!

С.-д. Серов в 18 заседании, 2 апреля 1907 г., критиковал преимущественно взгляды кадетов, как «представителей капитала» (1492), «представителей капиталистического землевладения». Оратор подробно, с цифрами в руках, показал, чем был выкуп в 1861 г., и отверг «резинный принцип» справедливой оценки. Серов дал безусловно правильный, с марксистской точки зрения, ответ Кутлеру на довод, что нельзя конфисковать землю, не конфискуя капитала. «Мы вовсе не приводим тех аргументов, что земля ничья, что земля не есть создание человеческих рук» (1497). «Пролетариат, представителем которого является здесь партия социал-демократов, достигнув самосознания, одинаково отвергает всякую эксплуатацию, как феодальную, так и буржуазную. Для него, пролетариата, не существует вопроса, какой из этих двух видов эксплуатации справедливее; для него вопрос постоянно сводится к тому, созрели ли исторические условия для освобождения от эксплуатации» (1499). «По вычислению статистиков, при конфискации земель в руки народа перейдет до 500 млн. руб. нетрудового дохода помещиков. Этот доход крестьянство употребит, конечно, на улучшение своего хозяйства, на расширение производства, на увеличение своих потребностей» (1498).

В 22-м заседании Думы (5 апреля 1907 г.) были произнесены аграрные речи Аникина и Алексинского. Первый подчеркивал связь «высшей бюрократии и крупного землевладения» и доказывал неразделимость борьбы за свободу и за землю. Второй в обширной речи выяснял крепостнический характер отработочного хозяйства, преобладающего в России. Оратор изложил, таким образом, основу марксистских взглядов на борьбу крестьянства против помещичьего землевладения, затем показывал двойную роль общины («пережиток старины» и «аппарат для воздействия на помещичьи усадьбы»), значение законов 9 и 15 ноября 1906 г. (наряду с помещиком присоединить кулака, как «устой»). Оратор показал с цифрами в руках, что «крестьянское малоземелье есть дворянское многоземелье», и выяснил, что кадетское «принудительное» отчуждение есть «принуждение народа в пользу помещиков» (1635). Алексинский прямо сослался на «кадетский орган *«Речь»*» (1639), признавший кадетскую правду о помещичьем составе желательных для них земельных комитетов.

И кадет Татаринов, говоривший через заседание после Алексинского, был прижат этим к стене, как мы уже видели.

Речь Озола в 39-ом заседании (16 мая 1907 г.) дает нам образец того, на какую неприличную для марксистов аргументацию толкнул часть наших с.-д. Маслов своей знаменитой «критикой» теории ренты Маркса и соответствующим искажением понятия национализации земли. Озол возражал против эсеров так: «проект» их «является, по моему мнению, безнадежным, ибо отменяется частная собственность на средства производства, в данном случае на землю, в то время, когда частная собственность сохраняется на фабричные здания, не только на фабричные здания, но даже на дома и постройки. На 2 странице проекта мы читаем, что все постройки, которые возведены на земле и которые эксплуатируются капиталистическим способом; остаются частною собственностью, тогда каждый частный собственник скажет: сделайте милость, платите все расходы за национализированные земли, замощение улиц и пр., а я буду получать аренду с этих домов. Это не национализация, а просто облегчение получения капиталистических доходов в самой развитой капиталистической форме» (667).

Вот она, масловщина-то! Во-1-х, повторяется пошлый довод правых и кадетов, будто нельзя уничтожить феодальную эксплуатацию, не трогая буржуазную. Во-2-х, обнаруживается поразительное экономическое невежество: «аренда» городских домов и пр. *содержит в себе львиную долю земельной ренты*. Во-3-х, наш «марксист» вслед за Масловым забывает совершенно (или отрицает?) абсолютную ренту. Во-4-х, выходит так, что *марксист* опровергает желательность «самой развитой капиталистической формы», защищаемой эсером! Перлы масловской муниципализации...

Церетели в обширной заключительной речи (47 заседание, 26 мая 1907) защищал муниципализацию, конечно, обдуманнее, чем Озол, но именно тщательная, взвешенная и ясная защита Церетели особенно рельефно вскрыла всю фальшь основных доводов муниципалистов.

Критика правых, данная Церетели в начале речи, была вполне правильна с политической стороны. Великолепно было его замечание против шарлатанов либерализма,

пугавших народ потрясениями вроде французской революции. «Он (Шингарев) забыл, что именно после конфискации и вследствие конфискации земель помещиков Франция возродилась к новой могучей жизни» (1228). Вполне правилен также был основной лозунг Церетели: «полное уничтожение помещичьих землевладений и полная ликвидация помещичьего бюрократического режима» (1224). Но уже при переходе к кадетам начинает сказываться ошибочная позиция меньшевизма. «Принцип припудительного отчуждения земли, — сказал Церетели, — есть объективно принцип освободительного движения, но не все, стоящие за этот принцип, сознают или хотят признать все те выводы, к которым обязывает этот принцип» (1225). Это — основной взгляд меньшевизма, что «водораздел» коренных политических делений в нашей революции идет вправо от кадетов, а не влево, как думаем мы. И что этот взгляд ошибочен, — особенно ясно видно из отчетливой формулировки Церетели, ибо совершенно неоспорима после опыта 1861-го года возможность принудительного отчуждения с преобладанием интересов помещиков, с сохранением их *власти*, с закреплением новой кабалы. Еще более неверно заявление Церетели: «в вопросе о формах землепользования мы (с.-д.) от них (народников) стоим дальше» (1230), чем от кадетов. Оратор вслед за этими словами перешел к критике «норм», трудовой и потребительной. В этом он был тысячу раз прав, но именно тут кадеты *нисколько не лучше* трудовиков, ибо «нормами» кадеты злоупотребляют гораздо больше. Мало того. У кадетов возня с глупыми «нормами» есть результат их бюрократизма и их тенденции *предать* мужика. У мужика — «нормы» принесены извне народнической интеллигенцией, и мы видели выше, на примере депутатов I Думы, Чижевского и Пояркова, как деревенские практики метко критикуют всякие «нормы». Если бы с.-д. разъяснили *это* крестьянским депутатам, если бы они внесли поправку в трудовой проект, отрицающую нормы, если бы они теоретически показали значение национализации, ничего общего не имеющей с «нормами», — то с.-д. оказались бы руководителями крестьянской революции против либералов. Позиция же меньшевизма есть подчинение пролетариата либеральному влиянию. Во II Думе особенно странно было говорить, что мы, с.-д.,

далее от народников, ибо кадеты высказались за ограничение продажи и залога земель!

Критикуя, далее, национализацию, Церетели привел три довода: 1) «армия чиновничества», 2) «величайшая несправедливость по отношению к мелким национальностям», 3) «в случае реставрации» «дали бы оружие в руки врага народа» (1232). Это — добросовестное изложение взглядов тех, кто провел нашу партийную программу, и Церетели, как человек партии, должен был изложить эти взгляды. Несостоятельность этих взглядов, поверхностность этой исключительной политической критики мы показали выше.

За муниципализацию Церетели привел шесть доводов: 1) при муниципализации «действительное употребление этих средств (т. е. ренты) на народные (!) нужды будет обеспечено» (sic! стр. 1233) — утверждение оптимистического характера; 2) «муниципалитеты будут стремиться улучшить положение безработных», — как, например, в демократической и децентрализованной Америке (?); 3) «муниципалитеты могут завладеть этими (крупными) хозяйствами и организовать образцовые хозяйства», и 4) «в момент аграрного кризиса... будут отдавать безземельным, неимущим крестьянам землю в аренду даром» (sic! стр. 1234). Это уже демагогия хуже эсеровской, программа мещанского социализма в буржуазной революции. 5) «Оплот демократизма» — вроде казацкого самоуправления; 6) «отчуждение надельных земель... может вызвать страшное контрреволюционное движение» — вероятно, против воли всех крестьян, высказавшихся за национализацию.

Итог выступлений с.-д. во II Думе: руководящая роль в вопросе о выкупе, о связи помещичьего землевладения с властью современного государства и собственно аграрная программа, сбивающаяся на кадетизм, доказывающая непонимание экономических и политических условий крестьянской революции.

Итог всех аграрных прений во II Думе: правые помещики обнаружили самое ясное понимание своих классовых интересов, самое отчетливое сознание условий, как экономических, так и политических, сохранения своего господства, как класса, в буржуазной России. Либералы по существу примыкали к ним, пытались предать мужика

в руки помещика посредством самых презренных и лицемерных приемов. Народнические интеллигенты вносили в крестьянские программы привкус бюрократизма и мещанского резонерства. Крестьяне самым бурным и непосредственным образом выразили стихийную революционность своей борьбы против всех остатков средневековья и всех форм средневекового землевладения, не вполне отчетливо сознавая политические условия этой борьбы и наивно идеализируя «обетованную землю» буржуазной свободы. Буржуазные националы примыкали к крестьянской борьбе более или менее робко, будучи в значительной степени проникнуты узкими взглядами и предрассудками, порождаемыми обособленностью мелких народностей. Социал-демократы решительно защищали дело крестьянской революции, выясняли классовый характер современной государственной власти, но не были в состоянии последовательно руководить крестьянской революцией, вследствие ошибочности партийной аграрной программы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обуславливает собой национальную особенность этой революции.

Сущность этого вопроса составляет борьба крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в земледельческом строе России, а следовательно, и во всех социальных и политических учреждениях ее.

Десять с половиной миллионов крестьянских дворов в Европейской России имеют 75 миллионов десятин земли. Тридцать тысяч преимущественно благородных, а частью также чумазых лендлордов имеют свыше 500 дес. каждый, всего 70 млн. дес. Таков основной фон картины. Таковы основные условия преобладания крепостников-помещиков в земледельческом строе России, а следовательно, в русском государстве вообще и во всей русской жизни. Крепостниками являются владельцы латифундий в экономическом смысле этого слова: основа их землевладения создана историей крепостного права, историей векового грабежа земель благородным дворянством. Основой их современного хозяйничанья является отработочная систе-

ма, т. е. прямое переживание барщины, хозяйство посредством крестьянского инвентаря, посредством бесконечно разнообразных форм закабаления мелких земледельцев — зимняя наемка, погодная аренда, аренда исполу, аренда за отработки, кабала за долги, кабала за отрезные земли, за лес, за луга, за водопой и так далее, и так далее без конца. Капиталистическое развитие России сделало уже такой шаг вперед за последние полвека, что сохранение крепостничества в земледелии стало *абсолютно* невозможным, устранение его приняло формы насильственного кризиса, общенациональной революции. Но устранение крепостничества в буржуазной стране возможно двойным путем.

Возможно устранение крепостничества путем медленного перерастания крепостнически-помещичьих хозяйств в юнкерски-буржуазные хозяйства, превращения массы крестьян в бобылей и кнехтов, насильственного удержания нищенского уровня жизни массы, выделение небольших горсток grossbauэров, буржуазных крупных крестьян, создаваемых неминуемо капитализмом в крестьянской среде. Черносотенные помещики и их министр Столыпин встали именно на этот путь. Они поняли, что без насильственной ломки заржавевших средневековых форм землевладения *нельзя* очистить дороги для развития России. И они смело пошли на эту ломку *в интересах помещиков*. Они выкинули за борт недавно еще распространенную в бюрократии и среди помещиков симпатию к полуфеодальной общине. Они обошли все «конституционные» законы, чтобы разорвать ее насильственно. Они дали *carte blanche** кулакам грабить крестьянскую массу, ломать старое землевладение, разорять тысячи хозяйств; они отдали средневековую деревню на «поток и разграбление» владельцу рубля. Они *не могут* поступать иначе в интересах сохранения своего господства, как класса, ибо они сознали необходимость приспособиться к капиталистическому развитию, а не бороться с ним. А для сохранения своего господства им не с кем соединиться, как с «чумазым», с Разуваевым и Колупаевым *против* крестьянской массы. У них нет иного выхода, как крикнуть клич этим

* — чистый бланк с подписью учреждения или правомочного лица. В переносном смысле — полная свобода действий. *Ред.*

Колупаевым: *enrichissez-vous!* обогащайтесь! Мы дадим возможность вам нажать сотню рублей на рубль, помогите нам спасти основу нашей власти при новых условиях! Такой путь развития требует для своего осуществления сплошного, систематического, необузданного *насилия* над крестьянской массой и над пролетариатом. И помещичья контрреволюция спешит по всей линии организовать это насилие.

Другой путь развития мы назвали американским путем развития капитализма, в отличие от первого, прусского. Он требует тоже насильственной ломки старого землевладения — о возможности безболезненного, мирного исхода невероятно обострившегося кризиса в России могут мечтать только тупые мещане русского либерализма.

Но эта необходимая и неизбежная ломка возможна в интересах крестьянской массы, а не помещичьей шайки. Основой развития капитализма может стать свободная масса фермеров без всякого помещичьего хозяйства, ибо это хозяйство *в целом* экономически реакционно, а элементы фермерства *созданы* в крестьянстве предшествующей хозяйственной историей страны. При таком пути развития капитализма оно *должно* идти неизмеримо шире, свободнее, быстрее, вследствие громадного роста внутреннего рынка, подъема жизненного уровня, энергии, инициативы и культуры *всего* населения. И гигантский колониационный фонд России, утилизация которого бесконечно затруднена крепостническим угнетением крестьянской массы в коренной России, а также крепостнически-чиновничьим отношением к земельной политике, — этот фонд обеспечивает экономическую основу для громадного расширения земледелия и повышения производства не только вглубь, но и вширь.

Такой путь развития требует не только уничтожения помещичьего землевладения. Ибо господство крепостников-помещиков наложило свою печать в течение веков на *все* землевладение страны, и на крестьянские надельные земли, и на землевладение переселенцев на сравнительно свободных окраинах: вся переселенческая политика самодержавия насквозь проникнута азиатским вмешательством васкорузлого чиновничества, мешавшего свободно устроиться переселенцам, вносившего страшную путаницу в новые земельные отношения, варажавшего

ядом крепостнического бюрократизма центральной России окраинную Россию*. Средневековым является в России не только помещичье, но и крестьянское наделное землевладение. Оно невероятно запутано. Оно раздробляет крестьян на тысячи мелких делений, средневековых разрядов, сословных категорий. Оно отражает на себе вековую историю беспардонного вмешательства в крестьянские поземельные отношения и центральной власти и местных властей. Оно загоняет крестьян, точно в гетто, в мелкие средневековые союзы фискального, тяглового характера, союзы по владению наделной землей, т. е. общины. И экономическое развитие России *фактически* вырывает крестьянство из этой средневековой обстановки, — с одной стороны, порождая сдачу наделов и забрасывание их, с другой стороны, создавая хозяйство будущих свободных фермеров (или будущих гроссбуауэров юнкерской России) *из кусочков* самого различного землевладения, наделного собственного, наделного арендованного, купчего собственного, помещичьего арендованного, казенного арендованного и т. д.

Для того, чтобы построить *действительно* свободное фермерское хозяйство в России, необходимо «разгородить» *все* земли, и помещичьи, и наделные. Необходимо разбить *все* средневековое землевладение, сравнять *все* и всяческие земли перед свободными хозяевами на свободной земле. Необходимо облегчить в максимальной возможной степени обмен земель, расселение, округление участков, создание свободных новых товариществ на место варжавевшей тягловой общины. Необходимо «очистить» всю землю от всего средневекового хлама.

Выражением этой экономической необходимости является национализация земли, отмена частной собственности на землю, передача *всех* земель в собственность государства, как полный разрыв с крепостническими распорядами в деревне. Именно эта экономическая необходимость и сделала из крестьянской *массы* в России сторонников национализации земли. Мелкие собственники-земледельцы в массе высказались за национализацию и на съездах Крестьянского союза в 1905 году, и в первой Думе в 1906 году,

* В своей книге «Переселение и колонизация» (СПб. 1905 г.) г. А. Кауфман дает очерк истории переселенческой политики. Как истый «либерал», автор непомерно почитателен к бюрократии крепостников.

и во второй Думе в 1907 году, т. е. на протяжении всего первого периода революции. Они высказались так не потому, что «община» заложила в них особые «зачатки», особые, не буржуазные «трудовые начала». Они высказались так потому, наоборот, что жизнь требовала от них *освобождения* от средневековой общины и от средневекового наделного землевладения. Они высказались так не потому, чтобы они хотели или могли строить социалистическое земледелие, а потому, что они хотели и хотят, могли и могут построить действительно буржуазное, т. е. в максимальной степени свободное от *всех* крепостнических традиций мелкое земледелие.

Таким образом, не случайность и не влияние тех или иных доктрин (как думают близорукие люди) вызвали оригинальное отношение борющихся в русской революции классов к вопросу о частной собственности на землю. Эта оригинальность вполне объясняется условиями развития капитализма в России и требованиями капитализма в данный момент этого развития. Все черносотенные помещики, вся контрреволюционная буржуазия (и октябристы и кадеты в том числе) встали на сторону частной собственности на землю. Все крестьянство и весь пролетариат — против частной собственности на землю. Реформаторский путь создания юнкерски-буржуазной России необходимо предполагает сохранение основ старого землевладения и медленное, мучительное для массы населения, приспособление их к капитализму. Революционный путь действительного свержения старого порядка неизбежно требует, как своей экономической основы, уничтожения всех старых форм землевладения вместе со всеми старыми политическими учреждениями России. Опыт первого периода русской революции окончательно доказал, что победоносной она может быть только как крестьянская аграрная революция и что эта последняя не может выполнить целиком своей исторической миссии без национализации земли.

Конечно, социал-демократия, как партия международного пролетариата, партия, ставящая себе всемирно-социалистические цели, не может сливать себя ни с какой эпохой никакой буржуазной революции, не может связывать своей судьбы с тем или иным исходом той или иной буржуазной революции. При всех и всяких исходах

мы должны остаться самостоятельной, чисто-пролетарской партией, выдержанно ведущей трудящиеся массы к их великой социалистической цели. Мы не можем поэтому брать на себя никаких гарантий за прочность каких бы то ни было завоеваний буржуазной революции, ибо непрочность, внутренняя противоречивость *всех* ее завоеваний имманентно присуща буржуазной революции, как таковой. Только плодом недомыслия может явиться «выдумывание» «гарантий от реставрации». Наша задача одна: спланировать пролетариат для социалистической революции, поддерживать всякую борьбу со старым порядком в возможно более решительной форме, отстаивать наилучшие возможные условия для пролетариата в развивающемся буржуазном обществе. А отсюда неизбежно вытекает, что нашей с.-д. программой в русской буржуазной революции может быть *только* национализация земли. Как и всякую другую часть нашей программы, мы должны поставить ее в связь с определенными формами и определенной ступенью политических преобразований, ибо размах политического и аграрного переворота не может не быть однороден. Как и всякую другую часть нашей программы, мы должны строго отделить ее от мелкобуржуазных иллюзий, от интеллигентски-чиновничьей болтовни о «нормах», от реакционной словесности насчет закрепления общины или уравнительного землепользования. Интересы пролетариата требуют не выдумки особого лозунга, особого «плана» или «системы» для того или иного буржуазного переворота, а только *последовательного* выражения его объективных условий и очищения этих объективных, экономически-непреодолимых условий от иллюзий и утопий. Национализация земли есть не только единственный способ полной ликвидации средневековья в земледелии, но и лучший мыслимый при капитализме способ земельных распоряжений.

Троякого рода обстоятельства отклонили временно русских с.-д. от этой правильной аграрной программы. Во-1-х, инициатор «муниципализации» в России, П. Маслов «исправил» теорию Маркса, отверг теорию абсолютной ренты, подновил полусгнившие буржуазные учения насчет закона убывающего плодородия, связав его с теорией ренты и проч. Отрицание абсолютной ренты есть отрицание всякого экономического значения при

капитализме частной собственности на землю, и, следовательно, оно неизбежно вело к извращению марксистских взглядов на национализацию. Во-2-х, русские с.-д., не увидав перед собой воочию *начала* крестьянской революции, не могли не относиться осторожно к ее возможности, ибо возможность победы ее требует действительно ряда особо благоприятных условий и особо благоприятного размаха революционной сознательности, энергии и инициативы масс. Не имея перед собой *опыта*, считая невозможным выдумывание *буржуазных* движений, русские марксисты, естественно, не могли *до революции* выставить правильной аграрной программы. Они делали, однако, при этом ту ошибку, что и *после* начала революции, вместо *приложения* теории Маркса к оригинальным условиям России (наша теория не догма, — всегда учили Маркс и Энгельс, — *а руководство для действий*), вместо этого некритически повторяли выводы из приложения теории Маркса к чужим условиям, к *иной* эпохе. Немецкие с.-д., например, совершенно естественно отказались от всех старых программ Маркса с требованием национализации земли, ибо Германия окончательно сложилась, как юнкерски-буржуазная страна, все движения на почве буржуазного строя отжили в ней свое время бесповоротно, никакого народного движения в пользу национализации нет и быть не может. Преобладание юнкерски-буржуазных элементов *превратило на деле* национализаторские планы в игрушку или даже в орудие ограбления масс юнкерами. Немцы правы, отказываясь и разговаривать о национализации, но переносить этот вывод на Россию (как делают в сущности те из наших меньшевиков, которые не замечают связи муниципализации с масловским исправлением теории Маркса) значит — не уметь думать над задачами конкретных с.-д. партий в особые периоды их исторического развития.

В-3-х, на муниципализаторской программе явственно сказалась вся ошибочная тактическая линия меньшевизма в русской буржуазной революции: непонимание того, что только «союз пролетариата и крестьянства»* может обеспечить победу ее. Непонимание руководящей роли проле-

* Так выразился Каутский во 2-ом издании своей брошюры «Социальная революция».

тариата в буржуазной революции, стремление поставить его в сторонке, приспособить к половинчатому исходу революции, превратить из вождя в пособника (а на деле в чернорабочего и слугу) либеральной буржуазии. «Не увлекаясь, приспособляясь, тише вперед, рабочий народ» — эти слова Нарциса Тудорылова¹⁰⁹ против «экономистов» (=первых оппортунистов в РСДРП Партии) вполне выражают *дух* теперешней нашей аграрной программы.

Борьба с «увлечением» мелкобуржуазного социализма должна вести не к понижению, а к повышению размаха революции и ее задач, определяемых пролетариатом. Не «областничество» должны мы поощрять, как бы сильно оно ни было среди отсталых слоев мелкой буржуазии или привилегированного крестьянства (казаки), — не обособленность разных народностей, — нет, мы должны выяснять крестьянству значение единства для победы, ставить лозунг, расширяющий движение, а не суживающий его, возлагающий ответственность за *неполноту* буржуазной революции на отсталость буржуазии, а не на недомыслие пролетариата. Не к «местному» демократизму должны мы «приспособлять» свою программу, не выдумывать нелепого и невозможного при недемократической центральной власти «муниципального социализма» в деревне, не подлаживать мещански-социалистическое реформаторство к буржуазной революции, а сосредоточивать внимание масс на действительных условиях ее победы, как буржуазной революции, на необходимости для этого не одного местного, а непременно «центрального» демократизма, т. е. демократизма центральной государственной власти, — и не только демократизма вообще, а непременно самых полных, самых высших форм демократизма, ибо без них именно становится *утопичной* в научном значении слова крестьянская аграрная революция в России.

И пусть не думают, что как раз данный исторический момент, когда воют и режут черносотенные зубы в третьей Думе, когда разгул контрреволюции дошел до *pes plus ultra**, когда реакция вершит свой дикий акт политической мести над революционерами вообще, а с.-д. депутатами II Думы в частности, — пусть не думают, что этот

* — крайних пределов. *Ред.*

момент «не подходит» для «широких» аграрных программ. Такая мысль была бы сродни тому ренегатству, унынию, распаду и декадентству, которые охватили широкие слои мещанской интеллигенции, входящей в с.-д. партию или примыкающей к этой партии в России. Пролетариат только выиграет, если этот сор будет выметен почище из рабочей партии. Нет, чем больше свирепствует реакция, тем больше в сущности задерживает она неизбежное экономическое развитие, тем успешнее готовит более широкий подъем демократического движения. И периодами временного ватишья в массовом действии мы должны воспользоваться, чтобы критически изучить опыт великой революции, проверить его, очистить от шлаков, передать его массам как руководство для грядущей борьбы.

Ноябрь — декабрь 1907 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ¹¹⁰

Настоящая работа написана в конце 1907 года. В 1908 году она была напечатана в Питере, но царская цензура захватила и уничтожила ее. Уцелел всего один экземпляр, в котором недостает конца (после 269-ой страницы данного издания), так что этот конец приписан теперь.

В настоящее время революция поставила аграрный вопрос в России неизмеримо шире, глубже и острее, чем в 1905—1907 годах. Ознакомление с историей нашей партийной программы в первой революции поможет, я надеюсь, правильнее разобраться в задачах теперешней революции.

Особенно надо подчеркнуть следующее. Война причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, а в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический, что ни пролетариат, ни революционная мелкобуржуазная демократия *не могут* ограничиваться рамками капитализма.

Жизнь уже пошла дальше этих рамок, поставив на очередь дня регулирование производства и распределения в общегосударственном масштабе, всеобщую трудовую повинность, принудительное синдицирование (объединение в союзы) и т. д.

При таком положении дела и национализация земли в аграрной программе неизбежно приобретает иную постановку. Именно: национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и *шаг к социализму*. Нельзя бороться с бедствиями войны, не делая таких шагов.

Пролетариат, руководя беднейшим крестьянством, вынужден, с одной стороны, переносить центр тяжести с Советов крестьянских депутатов на Советы депутатов от сельских рабочих, а, с другой стороны, требовать национализации инвентаря помещичьих имений, а равно образования из них образцовых хозяйств под контролем этих последних Советов.

Подробнее останавливаться здесь на этих важнейших вопросах я, конечно, не могу и должен отослать интересующегося читателя к текущей большевистской литературе и к моим брошюрам: «Письма о тактике» и «Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии)».

28 сентября 1917 г.

Автор

*Напечатано в 1917 г.
в книге: «Аграрная программа с.-д.
в первой русской революции
1905—1907 гг.»*

Печатается по тексту книги

К ДЕБАТАМ О РАСШИРЕНИИ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВ ДУМЫ¹¹¹

В течение трех заседаний, 12, 15 и 17 января, шли прения в Государственной думе по вопросу о расширении бюджетных прав ее. Партия кадетов за подписью 40 членов Думы внесла проект такого расширения. Представители всех партий высказались по этому поводу. От имени правительства две длинные речи держал министр финансов. Высказался и представитель с.-д. рабочей партии. И прения закончились *единогласным* («*Столичная Почта*»¹¹² 18 января говорит так) принятием предложения *октябристов*: передать законопроект о расширении бюджетных прав Гос. думы в комиссию, *«не касаясь объема этого изменения»*, т. е. изменения правил 8 марта, особенно стесняющих бюджетные права Гос. думы.

Каким образом могло получиться такое стрипное явление? Каким образом в III Думе, в Думе черносотенных зубров, *единогласно* прошло предложение октябристов, соответствующее по существу делу желанию правительства и сделанное *после* первой речи министра финансов, который наметил как раз такой исход дела. По существу, проект кадетов неприемлем; в частности — отчего же не изменить закона. Так заявил министр черносотенцев. Согласно этому заявлению редактировали свое предложение октябристы, подчеркнув, что *не касаются объема изменений закона*.

Что октябристы сошлись с черносотенным министром, это неудивительно. Что кадеты сняли свою редакцию (в которой ни слова не было, конечно, о том, что они *не касаются* объема изменений, ими же самими указанных!), это также неудивительно для всех, знающих природу

партии к.-д. Но чтобы с.-д. могли участвовать в *единогласии* подобного рода, — это невероятно, и нам хочется думать, что «*Столичная Почта*» сказала неправду, что с.-д. за резолюцию октябристов не голосовали.

Впрочем, тут есть более важный вопрос, чем вопрос о том, голосовали социал-демократы за октябристов или нет, именно вопрос об *ошибке*, несомненно сделанной с.-д. депутатом Покровским 2-ым. На этой ошибке и на действительном политическом значении прений 12, 15 и 17 января мы и намерены остановить внимание читателей.

Российская Г. дума не имеет бюджетных прав, ибо отказ в бюджете не останавливает *по закону* приведение бюджета в исполнение. Этот закон, изданный контрреволюционным правительством после поражения декабрьского восстания (20 февраля 1906 г., пресловутые «основные законы»), есть *издевательство* над народным представительством со стороны черносотенцев, царя и помещиков. А «правила» 8 марта 1906 года еще более *подчеркивают* это издевательство, создавая кучу мелочных стеснений *рассмотрения* бюджета в Думе и устанавливая даже (в ст. 9), что «при обсуждении проекта государственной росписи не могут быть исключены или *изменяемы* такие расходы и доходы, которые внесены в проект на основании действующих законов, штатов, расписаний, а также высочайших повелений, в порядке верховного управления последовавших». Разве это не издевательство? Нельзя *изменять* ничего, соответствующего и законам, и штатам, и расписаниям, и просто высочайшим *повелениям!* Не смешно ли толковать после этого о бюджетных правах российской Г. думы?

Спрашивается теперь, каковы *были* задачи действительно борющейся за свободу буржуазной демократии перед лицом такого положения вещей? Каковы задачи рабочей партии? — мы говорим в *данной* статье только о задачах парламентской борьбы и парламентских представителей соответственной партии.

Очевидно, что вопрос о бюджетных правах Думы *надо* было поднять в Думе, *чтобы вполне выяснить* и перед русским народом и перед Европой черносотенное издевательство царизма, чтобы показать *все бесправие* Думы. Непосредственно-практическая цель такого выяснения (не говоря уже об основной задаче *всякого* демократа —

раскрытия правды перед народом, просвещения его сознания) определялась еще вопросом о займе. Черносотенное правительство царя не могло удержаться после декабря 1905 г., не может держаться и теперь без *помощи всемирного капитала международной буржуазии* в виде займов. И буржуазия всего мира дает миллиардные займы явному банкроту, царю, не только потому, что ее прельщают, как всякого ростовщика, высоким барышом, но и потому, что буржуазия сознает свою заинтересованность в победе старого порядка над революцией в России, ибо во главе этой революции идет пролетариат.

Таким образом *только* выяснение всей правды могло быть целью возбуждения вопроса и прений в Думе. Практическое реформаторство *не* могло быть в данное время и при данной обстановке целью *демократа*, ибо, во-1-х, ясна невозможность реформ на почве данных основных законов о бюджетных правах Думы, во-2-х, нелепо было бы предлагать для Думы черносотенных зубров и московских купцов расширение *ее* прав, прав такой Думы. Русские кадеты (которых только невежды или простачки могли считать демократами), конечно, не поняли этой задачи. Возбудив вопрос, они *поставили его сразу* на фальшивую почву *частичной* реформы. Мы не отрицаем, конечно, возможности и необходимости иногда для демократа и для социал-демократа возбуждать вопрос именно о частичной реформе. Но в такой Думе, как III, в такой момент, как настоящий, по такому вопросу, как бюджетные права, изуродованные до смешного *неприкосновенными* основными законами, это было нелепо. Кадеты могли поднять вопрос в виде частичной реформы, — мы готовы сделать даже такую уступку, — но не могли демократы *так* трактовать этот вопрос, как делали кадеты.

Они напирали на так называемую *деловую* сторону вопроса, на *неудобство* правил 8 марта, на невыгодность их даже для правительства, на историю того, как писались разные идиотские законы против Думы в идиотских канцеляриях Булыгина, Витте и прочей шайки. Всего рельефнее *дух* кадетской постановки вопроса передан в следующих словах г. Шингарева: «Никаких посягательств (на ограничение прерогатив монарха) в проекте, который мы внесли, нет, никаких задних мыслей (!!) в нем нет. В нем есть лишь стремление *ради удобства работ Думы*, ради ее

достоинства, ради необходимости совершить ту работу, *к которой мы призваны*» (курсив наш; стр. 1263 официальных стенографических отчетов, заседание 15 января 1903 г.).

Подобный субъект вместо просвещения сознания народа *затемняет* его, ибо говорит явную ложь и бессмыслицу. И хотя бы этот г. Шингарев, со всей своей кадетской братней полтятиканов, искренно верил в «пользу» своей «дипломатии», мы никоим образом не можем изменить этого неизбежного вывода. Демократ должен раскрывать перед народом *пропасть* между правами парламента и прерогативами монарха, а не притуплять его сознание, не извращать *политической борьбы*, сводя ее к *канцелярскому исправлению законов*. Ставя так вопрос, кадеты показывают этим *на деле*, что они — конкуренты чиновников царя и октябристов, а не борцы за свободу, хотя бы даже за свободу одной крупной буржуазии. Так говорят только пошло-либеральничавшие чиновники, а не представители *парламентской оппозиции*.

В речи представителя социал-демократии Покровского 2-го — мы с радостью должны признать это — явно *сказывается иной дух*, дается иная *принципиальная* постановка вопроса. Социал-демократ сказал прямо и ясно, что народное представительство в III Думе он признает *фальсифицированным* (мы цитируем по «*Столичной Почте*» от 18 января, ибо не имеем еще в своем распоряжении стенографических отчетов этого заседания). Он подчеркивал не мелочи, не канцелярскую историю закона, а разоренное и угнетенное состояние народных масс, миллионов и десятков миллионов. Он заявил правильно, что «о бюджетных правах Гос. думы нельзя говорить без иронии», что мы требуем не только права перекраивать весь бюджет (чиновник с доходным местом, Коковцов, всего больше спорил в Думе против чиновников без доходного места, Шингарева и Аджемова, по вопросу о допустимости и *пределах* «перекраивания»), но и «перестраивать всю финансовую систему», «вотировать отказ в бюджете правительству». Он закончил не менее правильным и обязательным для члена рабочей партии требованием «полноты народо-властия». Во всех этих отношениях Покровский отстаивал добросовестно и правильно с.-д. точку зрения.

Но он сделал при этом печальную ошибку, — судя по газетным известиям, сделала ее *вся* социал-демократиче-

ская фракция, — дав такую директиву своему оратору. Покровский заявил: «*Мы поддерживаем предложение 40, как клонящееся к расширению бюджетных прав народного представительства*».

К чему было это заявление о поддержке предложения, заведомо невыдержанного принципиально, заведомо неполного, заведомо подписанного неприципиальными и неспособными проявить хоть каплю твердости людьми, — предложения, заведомо практически никчемного? Это была не поддержка борющейся буржуазии (формула, которою многие любят оправдывать свою политическую бесхарактерность), а поддержка *шаткости* либерально-октябристской буржуазии. И что это так, — это сейчас же доказали *факты*. Сами кадеты доказали это, сняв с голосования свое предложение и *присоединившись* к октябристскому: «передать в комиссию, не касаясь объема изменений закона» (1). В сотый и тысячный раз «поддержка» кадетов привела к обману поддерживающих. В сотый и в тысячный раз *факты* вскрыли все убожество, всю недопустимость тактики поддержки либеральных, кадетских предложений, идущих по линии и т. д.*

Если бы кадеты вместо присоединения к октябристам внесли на голосование заявление, в котором ясно и точно говорилось бы о бессилии Думы в финансовых вопросах, о фальсифицированности народного представительства, о разорении страны самодержавием и неминуемом финансовом крахе, об отказе представителей демократии ручаться за займы при таких условиях, — это был бы честный шаг буржуазных демократов, — акт борьбы, а не акт тупоумного лакейства. Такой акт мы обязаны были бы поддержать, не забывая оговорить особо и самостоятельно свои социал-демократические цели. И такой акт принес бы пользу делу просвещения народа и разоблачения самодержавия.

Провал Думой такого заявления, бешеный скандал черной сотни против такого предложения был бы исторической заслугой демократии и вероятным этапом новой борьбы

* «Безголовая» газета «Столичная Почта» устами некоего г. Сатурина заявляет: «оппозиция совершенно равномерно (!) голосовала за нее» (за октябристскую революцию). «Влагодаря этому поправка» (т. е. революция, не предвещающая объема изменений) «и была принята единогласно» (18 января, стр. 4. «Из вали введаний»). Да здравствует единогласие российских безголовых либералов с октябристами и министрами черносотенного царя!

ва свободу. А теперь кадеты паки и паки *провалили* себя. Товарищи социал-демократы в Думе! Берегите честь социалистической рабочей партии, не давайте проваливать себя поддержкой подобного либерализма!

Один необузданный правый отступил в Думе от тактики октябристов — замазывать разногласия, подманивать кадетов на соглашения. Коваленко, черносотенец, прямо высказался в Государственной думе 12 января за то, чтобы и в комиссию не вносить проекта кадетов (стр. 1192 стеногр. протокол.). Но голосовал этот герой, видимо, с октябристами: храбр он был только на словах. В своей речи он *превосходно* иллюстрировал *действительное* положение дел, сославшись в доказательство необходимости особых полномочий на такой пример: «Назовем, положим, восстание в Москве, посылку карательных отрядов. Разве было тогда время у правительства соблюдать обычный ход»... (стр. 1193). Жаль, что социал-демократы не *ловят* этих искорок правды у черной сотни. Вы правы, коллега депутат, — надо было сказать ему. Тут не до обычного хода. Бросим же лицемерие и признаем, что мы переживаем не «обычный ход», а *гражданскую войну*; что правительство не управляет, а воюет, что состояние России есть состояние с трудом сдерживаемого восстания. Это будет правда, а правду полезно почаще напоминать народу!

ПОСТСКРИПТУМ К СТАТЬЕ «К ДЕБАТАМ О РАСШИРЕНИИ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВ ДУМЫ»

В настоящее время Дума приступила к обсуждению самой росписи. Блок реакционеров с лже-оппозиционными предателями народной свободы успел показать себя в первый день прений. В легальной прессе та же картина: нововременцы приветствуют объединение *всех*, кроме «левых фанатиков», читай с.-д. и трудовиков... «Наша Газета»¹¹³ безголовой кампании захлебывается от восторга. «Деловой» день, который «примиряет» с «недостатком рассмотрения бюджета по отдельным сметам»... «Оппозиция» тянется в обозе откровенной реакции. Здесь как раз на депутатов рабочего класса и демократии падает ответственная и почетная роль подлинных представителей ограбляемого народа. К несчастью, первые бюджетные выступления наших думских товарищей крайне неудачны, глубоко ошибочны. В ближайшем № «Пролетария» мы подробно рассмотрим эти ошибки и наметим необходимую с нашей точки зрения линию поведения соц.-дем. в бюджетных прениях и голосованиях¹¹⁴.

«Пролетарий» № 27,
(8 апреля) 26 марта 1908 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Шовинисты работают. Усиленно распространяются слухи о вооружениях японцев, о том, что они сконцентрировали 600 батальонов в Маньчжурии для нападения на Россию. Турция, будто бы, деятельно вооружается для объявления этой же весной войны России. Готовится, дескать, восстание на Кавказе с целью отделения от России (недоставало еще, чтобы закричали о планах поляков!). Травля Финляндии подогревается рассказами о ее вооружении. Ведется ожесточенная кампания против Австрии по поводу постройки железной дороги в Боснии. Усиливаются нападки российской печати на Германию, которая будто бы натравливает Турцию на Россию. Кампания ведется не только в русской, но и во французской печати — о подкупе которой российским правительством так кстати напомнил недавно один социал-демократ в Думе.

Серьезная буржуазная пресса Запада отказывается признать всю эту кампанию за порождение фантазии газетчиков или аферу гонящихся за сенсацией людей. Нет, очевидно, из «правлящих кругов» — читай: от черносотенного царского правительства или от тайной придворной шайки вроде пресловутой «звездной палаты» — исходит вполне определенный пароль, ведется какая-то систематическая «линия», взят какой-то «новый курс». Закрытие думской комиссии по государственной обороне от всех невходящих в нее членов Думы, т. е. не только от революционных партий, но и от кадетов, заграничная печать ставит в прямую связь с этой шовинистской кампанией; говорят даже, что русское правительство, чтобы окончательно довершить свою издевку над «конституционализмом», намерено испрашивать

не у всей Думы, а только у черносотенно-октябристской комиссии кредиты на пограничные военные подкрепления.

Вот некоторые цитаты из европейских, отнюдь не социалистических, газет, которые не могут быть заподозрены в оптимизме насчет русской революции:

«Немецкие победы над Францией (в 1870 году) разожгли, как заметил однажды Бисмарк, честолюбие русских военных, и они тоже протянули руку за военными лаврами. По причинам политическим, религиозным и историческим Турция казалась особенно пригодным объектом для этой цели (война с Турцией 1877—1878 гг.). Очевидно, того же взгляда держатся и теперь известные круги в России, забывшие уроки японской войны и не понимающие истинных нужд страны. Так как на Балканах не приходится уже освобождать никаких «братушек», то приходится придумать другие средства, чтобы повлиять на русское общественное мнение. И средства эти, надо сказать правду, еще более аляповатые, чем тогдашние: Россию хотят представить окруженной внутренними и внешними врагами».

«Правящие круги России хотят попытаться укрепить свое положение старыми средствами, именно: насильственным подавлением освободительного движения внутри и отвлечением народного внимания от печального внутреннего положения посредством пробуждения чувств национализма, посредством создания дипломатических конфликтов, которые неизвестно чем могут кончиться».

Каково же значение этой новой шовинистской линии в политике контрреволюционного самодержавия? На такую политику, после Цусимы и Мукдена, могут бросаться только люди, у которых окончательно уходит почва из-под ног. Опыт двухлетней реакции *не дал*, несмотря на все усилия, никакой сколько-нибудь надежной внутренней опоры черносотенному самодержавию, не создал никаких новых классовых элементов, способных *экономически* обновить самодержавие. А *без этого* никакие зверства, никакое бешенство контрреволюции не в силах удержать современный политический строй России.

И Столыпин, и черносотенные помещики, и октябристы понимают, что без создания новых классовых опор удержаться им у власти нельзя. Отсюда — их политика разорения крестьян дотла, насильственного слома общины для расчистки пути капитализму в земледелии *во что бы то ни стало*. Российские либералы, самые ученые, самые образованные, самые «гуманные» — вроде профессоров из «Русских Ведомостей» — оказываются в этом отношении несравненно тупее Столыпиных. «Не будет ничего

удивительного, — пишет передовик названной газеты 1 февраля, — если при решении, например, судьбы временных ноябрьских правил вчерашние общинники-славянофилы поддержат попытку министерства разрушить общину посредством укрепления земли в личную собственность отдельных домохозяев... Можно даже думать, что оборонительные цели, общие консервативному большинству Думы и министерству, подскажут и ей и ему даже более агрессивные меры, нежели знаменитые указы 1906 года... Картина получается поразительная: консервативное правительство при содействии представителей консервативных партий готовит радикальную реформу в области поземельных отношений, всего менее поддающихся крутым переворотам, решаясь на такую радикальную меру из-за отвлеченных соображений о предпочтительности одной формы владения перед другою».

Проснитесь, господин профессор, — страхните с себя архивную пыль стародедовского народничества, — взгляните на то, что сделали два года революции. Столыпин победил вас не только физической силой, но и тем, что правильно понял самую практическую нужду экономического развития, насильственную ломку старого землевладения. Великий «сдвиг», уже бесповоротно совершенный революцией, состоит в том, что черносотенное самодержавие раньше *могло* опираться на средневековые формы землевладения, а теперь *вынуждено*, всецело и бесповоротно вынуждено с лихорадочной быстротой работать над их разрушением. Ибо оно поняло, что *без ломки* старых земельных порядков *не может быть выхода* из того противоречия, которое глубже всего объясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!

Значит, вы за столыпинское земельное законодательство? с ужасом спросят нас народники. — О нет! успокойтесь! Мы безусловно против *всех* форм старого землевладения в России, и помещичьего и крестьянского надельного. Мы безусловно за насильственную ломку этой гнилой, гниющей и отравляющей все новое старины, — мы за буржуазную *национализацию* земли, как единственный последовательный лозунг буржуазной революции, как единственную практическую меру, которая направляет все

острие исторически-необходимой ломки против помещиков, помогая среди крестьянской массы выделиться свободным хозяевам на земле.

Особенность русской буржуазной революции состоит в том, что революционную политику в основном вопросе революции, в аграрном, ведут черносотенцы и крестьяне с рабочими. Либеральные же адвокаты и профессора защищают нечто самое безжизненное, нелепое и утопичное: примирение двух противоположных взаимноисключающих методов *ломки* того, что отжило, и притом такое примирение, чтобы ломки вообще не было. Либо победа крестьянского восстания и полная ломка старого землевладения на пользу обновленного революцией крестьянства, т. е. конфискация помещичьей земли и республика. Либо столыпинская ломка, которая тоже обновляет, на деле обновляет и приспособляет к капиталистическим отношениям старое землевладение, но только всецело в интересах помещиков, ценою безграничного разорения крестьянской массы, насильственного изгнания ее из деревень, выселения, голодной смерти, истребления тюрьмой, ссылкой, расстрелами и пытками всего цвета крестьянской молодежи. Таковую политику провести меньшинству над большинством нелегко, но она экономически не невозможна. Мы должны помочь народу ясно сознать это. А попытка аккуратной реформой, мирно, без насилия, выйти из того бесконечно запутанного клубка средневековых противоречий, который создан веками русской истории, есть самая тупоумная мечта заскорузлых «человеков в футляре». Экономическая необходимость безусловно вызывает и безусловно проведет самый «крутой переворот» в земельных распорядах России. Исторический вопрос состоит только в том, проведут ли его помещики, руководимые царем и Столыпиным, или крестьянские массы, руководимые пролетариатом.

«Объединение оппозиции» — такова злоба дня русской политической печати. Полицейски-столыпинская «Россия» ликует: «Объединение? значит, и кадеты — революционеры; ату кадета!» Кадетская «Речь», насквозь пропитанная чиновничьим желанием доказать, что кадеты могут быть умеренны не хуже октябристов, жеманно надувает губы,

изливает потоки «морального» негодования по поводу недобросовестных попыток обвинить ее в революционности и заявляет: Мы, конечно, приветствуем объединение оппозиции, но объединение это должно быть движением *«слева направо»* (передовица от 2-го февраля). «Мы имеем опыт политических ошибок и разочарований. Когда оппозиция объединяется, она естественно объединяется на минимальной программе наиболее умеренной из партий, входящих в ее состав».

Это программа вполне ясная: гегемония буржуазного либерализма, вот мое условие, говорят кадеты, — подобно тому, как Фаллу говорил в 1871 году просившему его поддержки Тьеру: монархия, вот мое условие.

«Столичная Почта» увидела, что прямо такие вещи говорить совестно, вазорно, и потому «не соглашается» с «Речью», отделиваясь туманными намеками на «дооктябрьское настроение» (цензура проклятая мешает ясной политической программой) и приглашая, по существу дела, поторговаться. Дескать, «Речь» хочет руководить, революционеры хотят руководить (новым объединением), а мне нельзя ли могарыч за честное маклерство?

«Объединение» — мы горячо сочувствуем этому лозунгу, особенно когда тут намекают — хотя бы только намекают! — на «дооктябрьские настроения». Только история не повторяется, любезнейшие гг. политиканы. И те уроки, которые дала нам «история трех лет», никакими силами не могут быть вытравлены из сознания разных классов. Эти уроки необыкновенно богаты и положительным своим содержанием (формы, характер, условия победы *массовой* борьбы рабочих и крестьян в 1905 году) и своим отрицательным содержанием (крах двух Дум, т. е. крах конституционных иллюзий и кадетской гегемонии).

Кто хочет систематически изучить, продумать, усвоить, проводить в массы *эти* уроки, — милости просим, мы всецело за «объединение», — за объединение для беспощадной борьбы с ренегатами революции. Не нравится? Наши дороги разошлись.

Старый, «дооктябрьский» лозунг хорош, и мы (не во гнев будь сказано М-д-му из сборника «Наша мысль»¹¹⁵) не выкинем его прочь («Учредительное собрание»). Но он недостаточен. Он слишком формален. В нем нет сознания практической постановки острых вопросов жизнью.

Мы пополним его великим уроком трех великих лет. Наша «программа-минимум», «программа нашего объединения» проста и ясна: 1) конфискация всей помещичьей земли; 2) республика. Учредительное собрание нам нужно для этого *такое*, чтобы осилить это.

История двух Дум, кадетских Дум, показала с поразительной наглядностью, что действительная борьба общественных сил, — та борьба, которая не всегда сознавалась, не всегда прорывалась наружу, но всегда оказывала свое решающее действие на все крупные политические исходы, всегда разметывала, как прах, кунштютки наивных и мошеннически-ловких профанов «конституционализма», эта борьба шла всецело и целиком из-за двух указанных нами «объектов». Не отвлеченные теории, а реальный опыт борьбы наших народных масс в реальных условиях русского помещичьего самодержавия показали нам на деле неизбежность именно этих лозунгов. Кто способен усвоить их, — тому мы предлагаем «врозь идти» и «вместе бить», бить врага, опустошающего Россию, избивающего тысячи лучших людей России.

«Вы останетесь одни с такой программой объединения». Это — неправда.

Прочтите речи беспартийных крестьян в первых двух Думах, — и вы поймете, что наша программа объединения только формулирует их пожелания, их нужды, элементарно-необходимые выводы из этих нужд. С тем, кто не понимает этих нужд, — начиная от кадета и кончая Пешехоновым (он тоже проповедывал «объединение» в Москве, как нам пишут оттуда), — с теми мы поведем войну во имя «объединения».

Это будет упорная война. Мы умели долгие годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падет духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами. Эта партия идет к социализму, не связывая себя в своей судьбы с исходом того или иного периода буржуазных революций. Именно поэтому она свободна и от слабых сторон буржуазных революций. И эта пролетарская партия идет к победе.

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ»

В № 20 *«Neue Zeit»** в предисловии неизвестного нам переводчика статьи А. Богданова об Эрнсте Махе мы прочитали следующее: «в русской социал-демократии обнаруживается, к сожалению, сильная тенденция сделать то или иное отношение к Маху вопросом фракционного деления в партии. Очень серьезные тактические разногласия большевиков и меньшевиков обостряются спором по вопросу, совершенно, по нашему мнению, с этими разногласиями не связанному, именно: согласуется ли марксизм в теоретико-познавательном отношении с учением Спинозы и Гольбаха, или Маха и Авенариуса?»

По поводу этого редакция «Пролетария», как идейная представительница большевистского течения, считает необходимым заявить следующее. В действительности этот философский спор фракционным не является и, по мнению редакции, быть не должен; всякая попытка представить эти разногласия, как фракционные, ошибочна в корне. В среде той и другой фракции есть сторонники обоих философских направлений.

*«Пролетарий» № 21,
26 (13) февраля 1908 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

* ← «Новое Время». Ред.

ПИСЬМО А. М. ГОРЬКОМУ

25. II. 1908

Дорогой А. М.! На письмо Ваше не ответил немедленно, ибо по поводу Вашей статьи или в некоторой связи с ней вышла у нас, как это ни странно на 1-ый взгляд, довольно тяжелая драка с Ал. Ал.¹¹⁶ в редакции... Гм, гм... я говорил *не в том* месте и не по тому поводу, где Вы думали!

Дело вышло так.

Книга «Очерки философии марксизма»¹¹⁷ сугубо обострила давние разногласия среди беков по вопросам философии. Я не считаю себя достаточно компетентным по этим вопросам, чтобы торопиться выступать печатно. Но следил я всегда за нашими *партийными* прениями по философии внимательно, — начиная с борьбы Плеханова против Михайловского и К^о в конце 80-х и до 1895 года, затем борьба его же с кантианцами 1898 и след. годы (тут уже я не только следил, но частью и участвовал, как член редакции «Зари» с 1900 года), наконец, борьба его же с эмпириокритиками и К^о.

За сочинениями Богданова по философии я следил с его энергетической книги об «Историческом взгляде на природу», каковую книгу штудировал в бытность мою в Сибири. Для Богданова эта позиция была лишь переходом к другим философским взглядам. Лично познакомился я с ним в 1904 году, причем мы сразу презентовали друг другу: я — «Шаги»¹¹⁸, он — одну свою *тогдашнюю* философскую работу¹¹⁹. И я тотчас же (весной или в начале лета 1904 г.) писал ему из Женевы в Париж, что он меня своими писаниями сугубо разубеждает в правильности своих взглядов и сугубо убеждает в правильности взглядов Плеханова.

С Плехановым, когда мы работали вместе, мы не раз беседовали о Богданове. Плеханов разъяснял мне ошибочность взглядов Богданова, но считал это отклонение отнюдь не отчаянно большим. Превосходно помню, что летом 1903 года мы с Плехановым от имени редакции «Зари» беседовали с делегатом от редакции «Очерков реалистического мировоззрения»¹²⁰ в Женеве, причем *согласились* сотрудничать, я — по аграрному вопросу, Плеханов *по философии против Маха*. Выступление свое против Маха Плеханов ставил *условием* сотрудничества, — каковое условие делегат редакции «Очерков» вполне принимал. Плеханов смотрел тогда на Богданова как на союзника в борьбе с ревизионизмом, но союзника, ошибающегося постольку, поскольку он идет за Оствальдом и далее за Махом.

Летом и осенью 1904 г. мы окончательно сошлись с Богдановым, как *беки*, и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время революции и дал нам возможность совместно провести в революцию ту тактику революционной социал-демократии (= большевизма), которая, по моему глубочайшему убеждению, была единственно правильной.

Философией заниматься в горячке революции приходилось мало. В тюрьме в начале 1906 г. Богданов написал еще одну вещь, — кажется, III вып. «Эмпириомонизма». Летом 1906 г. он мне презентовал ее и я засел внимательно за нее. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем, не марксистским. Я написал ему тогда «объяснение в любви», письмецо по философии в размере трех тетрадок. Выяснял я там ему, что я, конечно, *рядовой марксист* в философии, но что именно его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова. Сии тетрадочки показал я некоторым друзьям (Луначарскому в том числе) и подумывал было напечатать под заглавием: «Заметки рядового марксиста о философии», но не собрался. Теперь жалею о том, что тогда тотчас не напечатал. Написал на-днях в Питер с просьбой разыскать и прислать мне эти тетрадки¹²¹.

Теперь вышли «Очерки философии марксизма». Я прочел все статьи кроме суворовской (ее читаю), и с каждой

статьей прямо бесновался от негодования. Нет, это не марксизм! И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонисты и эмпириосимволисты в болото. Уверять читателя, что «вера» в реальность внешнего мира есть «мистика» (Базаров), спутывать самым безобразным образом материализм и кантианство (Базаров и Богданов), проповедывать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм), — учить рабочих «религиозному атеизму» и «обожанию» высших человеческих потенций (Луначарский), — объявлять мистикой ангельсовское учение о диалектике (Берман), — черпать из вонючего источника каких-то французских «позитивистов» — агностиков или метафизиков, чорт их поберет, с «символической теорией познания» (Юшкевич)! Нет, это уж чересчур. Конечно, мы, рядовые марксисты, люди в философии не начитанные, — но зачем уже так нас обижать, что подобную вещь нам преподносят, как философию марксизма! Я себя дам скорее четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей.

Меня опять потянуло к «Заметкам рядового марксиста о философии» и я их начал писать¹²², а Ал. Ал — чу — в процессе моего чтения «Очерков» — я свои впечатления, конечно, излагал прямо и грубо.

При чем же тут Ваша статья? — Вы спросите. А при том, что как раз в такое время, когда сии расхождения среди беков грозили особенно обостриться, Вы явным образом начинаете излагать взгляды одного течения в своей работе для «Пролетария». Я не знаю, конечно, как и что у Вас вышло бы в целом. Кроме того я считаю, что художник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая *этого* рода воззрения и из своего художественного опыта и из философии *хотя бы идеалистической*, Вы можете придти к выводам, которые рабочей партии принесут огромную пользу. Все это так. И тем не менее «Пролетарий» должен остаться абсолютно нейтрален ко всему нашему расхождению в философии, не давая читателям *ни тени повода* связывать беков, как направление, как тактическую линию революционного крыла русских социал-демократов, с эмпириокритицизмом или эмпириомонизмом.

Когда я, прочитав и перечитав Вашу статью, сказал А. А — чу, что я против ее помещения, тот стал темнее тучи. У нас прямо нависла атмосфера раскола. Вчера мы собрали нашу редакционную тройку в специальное заседание для обсуждения вопроса. Тут нам внезапно пришла на помощь одна глупая выходка в журнале «Neue Zeit». В № 20 неизвестный переводчик поместил там статью Богданова о Махе, причем в предисловий ляпнул, что разногласия Плеханова и Богданова имеют тенденцию среди русских с.-д. стать *фракционным* разногласием беков и меков! Этими словами писавший сие предисловие дурак или дура нас сплотил. Мы сразу сошлись на том, что заявление о нашей нейтральности безусловно необходимо теперь в первом же номере «Пролетария». Это донельзя соответствовало моему настроению после выхода «Очерков». Заявление составили, единогласно утвердили, завтра оно выходит в № 21 «Пролетария» и посылается Вам*.

Относительно же Вашей статьи решили отложить вопрос о ней, изложив Вам в трех письмах каждого из трех редакторов «Пролетария» все положение дела и ускорив поездку мою и Богданова к Вам.

Вы, значит, имеете получить письмо и от Ал. Ал. и от третьего редактора¹²³, о коем я Вам писал раз раньше.

Мое мнение я считаю необходимым сказать Вам вполне прямо. Некую драку между беками по вопросу о философии я считаю теперь совершенно неизбежной. Но раскалываться из-за этого было бы, по-моему, глупо. Мы заключили блок для проведения в рабочей партии определенной тактики. Мы эту тактику вели и ведем до сих пор *без разногласий* (единственное разногласие было о бойкоте III Думы, но оно, во-1-х, никогда не обострялось между нами даже до намека на раскол; во-2-х, оно не соответствовало разногласию материалистов и махистов, ибо, например, махист Базаров был, как и я, против бойкота и написал об этом большой фельетон в «Пролетарии»).

Мешать делу проведения в рабочей партии тактики революционной социал-демократии ради споров о том, материализм или махизм, было бы, по-моему, непростительной глупостью. Мы должны подрасться из-за философии

* См. настоящий том, стр. 410, Ред.

так, чтобы «Пролетарий» и беки, как фракция партии, не были этим задеты. И это вполне возможно.

И Вам следует, по-моему, этому помочь. А помочь Вы можете тем, что будете работать в «Пролетарии» по нейтральным (т. е. ничем с философией несвязанным) вопросам литературной критики, публицистики и художественного творчества и т. д. Статью же свою, — если Вы хотите помешать расколу и помочь локализовать новую драку, — Вам бы следовало переделать: все, хоть косвенно связанное с богдановской философией, перенести в другое место. Вам, слава богу, есть где писать помимо «Пролетария». Все, несвязанное с философией Богданова, — а у Вас большая часть статьи с ней не связана — изложить в ряде статей для «Пролетария». Иное поведение с Вашей стороны, т. е. отказ переделки статьи или отказ сотрудничать в «Пролетарии» поведет, по-моему, неизбежно к обострению конфликта среди беков, к затруднению локализации новой драки, к ослаблению насущного, практически и политически необходимого дела революционных с.-д. в России.

Таково мое мнение. Я Вам сказал все, что думал, и буду теперь ждать Вашего ответа.

Ехать к Вам мы хотели сегодня, но оказалось, что пришлось отложить не менее, как на неделю, а может быть на две — на три.

Жму крепко руку.

Ваш Н. Ленин

НОВАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА

В среду 13 февраля состоялся прием Николаем II 307 депутатов III Думы. Любезные беседы царя с черносотенцами Бобринским и Чельшевым относятся к комической стороне нового лобзания самодержавия с бандой союзников. Гораздо серьезнее заявление Николая, что Дума должна вскоре принять новые земельные законы, и что всякая мысль о принудительном отчуждении должна при этом быть исключена, ибо он, Николай второй, никогда подобного закона не утвердит. «На крестьян — сообщает корреспондент «Франкфуртской Газеты» — речь царя произвела угнетающее действие».

Несомненно, агитационное значение «аграрного заявления» самого царя очень велико, и мы можем только приветствовать талантливую агитатора. Но, кроме агитационного значения, эта грозная выходка против принудительного отчуждения представляет большую важность, как окончательное вступление помещичьей монархии на *новый* путь аграрной политики.

Знаменитые введумские указы по 87-ой статье — 9 ноября 1906 г. и следующие за ним — открыли эру этой новой аграрной политики царского правительства. Во II Думе Столыпин подтвердил ее, правые и октябристские депутаты одобрили ее, кадеты (запуганные собранными в передних камарильи слухами о раагоне Думы) отказались от открытого осуждения ее. Теперь, в III Думе, земельная комиссия приняла на-днях основное положение закона 9-го ноября 1906 г. и пошла дальше, признала частной собственностью крестьян их участки во всех общинах, не производивших передела в течение 24 лет. На приеме 13 февраля глава крепостнически-помещичьей

России громогласно одобрил эту политику, прикрикнув, — явно для сведения беспартийных крестьян, — что он не утвердит никогда никакого закона о принудительном отчуждении в пользу крестьянства.

Окончательный переход правительства царя, помещиков и крупной буржуазии (октябристов) на сторону новой аграрной политики имеет огромное историческое значение. Судьбы буржуазной революции в России, — не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций, — зависят *больше всего* от успеха или неуспеха этой политики.

В чем сущность поворота? В том, что до сих пор неприкосновенность старого, средневекового, наделного землевладения крестьян и их «исконной» общины находила себе самых горячих сторонников в командующих классах реакционной России. Крепостники-помещики, будучи господствующим классом в дореформенной России, будучи политически главенствующим классом в течение всего XIX века, вели в общем и целом политику *охранения* старых общинных порядков крестьянского землевладения.

Развитие капитализма подточило окончательно эти порядки к XX веку. Старая сословная община, прикрепление крестьян к земле, рутинная полукрепостная деревня пришли в самое острое противоречие с новыми хозяйственными условиями. Диалектика истории сделала то, что крестьянство, — которое в других странах при скольконибудь упорядоченном (с точки зрения требований капитализма) земельном строе является опорой порядка, — в России выступило во время революции с самыми разрушительными требованиями вплоть до конфискации помещичьих земель и национализации земли (трудовики I и II Думы).

Эти радикальные и подкрашенные даже идеями мещанского социализма требования вызывались вовсе не «социализмом» мужика, а экономической необходимостью разрубить запутавшийся узел крепостнического землевладения, расчистить дорогу для свободного фермера (предпринимателя в земледелии) на свободной от всех средневековых перегородок земле*.

* Изложенные здесь взгляды тесно связываются с критикой нашей партийной программы. В № 21 «Пролетария» эта критика была намечена, как частное мнение; в следующих номерах вопрос будет разобран подробно¹²⁴.

Капитализм уже бесповоротно подорвал все основы старого аграрного строя России. Он не может развиваться дальше, не ломая этого строя; и он сломит его неминуемо и неизбежно; нет такой силы на земле, которая могла бы помешать этому. Но этот строй может быть сломан помещичьи или по-крестьянски, для расчистки пути помещичьему или крестьянскому капитализму. Помещичья ломка старины означает насильственное разрушение общины и ускоренное разорение, истребление массы обнищавших хозяйчиков в пользу горстки кулаков. Крестьянская ломка — означает конфискацию помещичьего землевладения и предоставление всей земли в распоряжение свободного фермерства из крестьян («равное право на землю» господ народников на деле означает право *хозяев* на землю с уничтожением всех средневековых перегородок).

И вот, правительство контрреволюции поняло это положение. Столыпин правильно понял дело: без ломки старого землевладения нельзя обеспечить хозяйственное развитие России. Столыпин и помещики вступили смело на революционный путь, ломая самым беспощадным образом старые порядки, отдавая всецело на поток и разграбление помещикам и кулакам крестьянские массы.

Господа либералы и мещанские демократы, — начиная от полуконтрреволюционных «меонов»¹²⁵, продолжая «Русскими Ведомостями» и кончая г. Пешехоновым из «Русского Богатства», — подняли теперь страшный шум по поводу разрушения общины правительством, *обвиняя* это правительство в революционизме! Никогда еще так резко не выступало межеумочное положение буржуазного либерализма в русской революции. Нет, господа, хныканием по поводу разрушения исконных основ не поможешь тут делу. Три года революции выжгли примиренческие и соглашательские иллюзии. Вопрос поставлен ясно. Либо смелый призыв к крестьянской революции, идущей вплоть до республики, и всесторонняя идейная и организационная подготовка *такой* революции в союзе с пролетариатом. Либо пустое нытье, политическое и идейное бессилие перед столыпинско-помещичьи-октябристским натиском на общину.

Выбирайте, — те, у кого осталась еще капля гражданского мужества и сочувствия к крестьянской массе! Про-

летариат сделал уже свой выбор, и теперь тверже, чем когда-нибудь, с.-д. рабочая партия будет разъяснять, пропагандировать, бросать в массы лозунг крестьянского восстания вместе с пролетариатом, как *единственного* возможного средства помешать столыпинскому методу «обновления» России.

Мы не скажем, что этот метод невозможен, — он испытан был в Европе не раз в меньших размерах, — но мы разъясним народу, что он осуществим лишь путем безграничных насилий меньшинства над большинством в течение десятилетий и путем массового истребления передового крестьянства. Мы не станем сосредоточивать своих забот на штопаньи революционных столыпинских проектов, на попытках поправить их, ослабить их действие и т. п. Мы ответим усилением нашей агитации в народных массах, особенно в тех слоях пролетариата, которые связаны с крестьянством. Крестьянские депутаты — даже просеянные через ряд полицейских сит, даже выбранные помещиками, даже запуганные зубрами в Думе — обнаружили совсем недавно свои истинные стремления. Группа беспартийных и частью *правых* крестьян высказалась, как известно из газет, за принудительное отчуждение земли и за выборные *всем населением* местные земельные учреждения! Недаром один кадет в земельной комиссии сказал, что правый крестьянин левее кадетов. Да, в аграрном вопросе «правые» крестьяне во всех 3-х Думах стоят левее кадетов, доказывая этим, что монархизм мужика есть отмирающая наивность, — в отличие от монархизма либеральных дельцов, которые монархисты по классовому расчету.

Царь крепостников крикнул беспартийным крестьянам, что он не допустит принудительного отчуждения. Пусть рабочий класс крикнет в ответ на это миллионам «беспартийных» крестьян, что он зовет их на массовую борьбу за низвержение царизма и за конфискацию помещичьей земли.

НЕЙТРАЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ¹²⁶

В предыдущем номере «Пролетария» мы напечатали резолюцию ЦК нашей партии о профессиональных союзах¹²⁷. «Наш Век», сообщая читателям об этой резолюции, добавил, что она была принята в ЦК единогласно, ибо меньшевики голосовали за нее ввиду сделанных в ней уступок по сравнению с первоначальным большевистским проектом. Если это сообщение верно (покойная газета «Наш Век»¹²⁸ отличалась обыкновенно исключительно хорошей осведомленностью во всем, что касается меньшевизма), то нам остается только от всей души приветствовать крупный шаг к объединению с.-д. работы в такой важной области, как профессиональные союзы. Те уступки, о которых говорил «Наш Век», совершенно незначительны и несколько не изменяют основных принципов большевистского проекта (напечатанного, кстати сказать, в № 17 «Пролетария» от 20 октября 1907 г. вместе с обширной мотивировочной статьей: «Профессиональные союзы и с.-д. партия»).

Вся наша партия признала теперь, следовательно, что работу в профессиональных союзах надо вести не в духе нейтральности союзов, а в духе возможно более тесного сближения их с социал-демократической партией. Привнано и то, что партийность союзов должна быть достигаема исключительно работой с.-д. внутри союзов, что с.-д. должны образовывать сплоченные ячейки в союзах, что следует основывать нелегальные союзы, раз невозможны легальные.

Несомненно, что на это сближение обеих фракций нашей партии по вопросу о характере работы в профессиональных союзах сильнейшим образом повлиял Штутгарт. Реао-

люция Штутгартского конгресса, как отметил Каутский в своем докладе перед лейпцигскими рабочими, кладет конец принципиальному признанию нейтральности. Высокая степень развития классовых противоречий, обострение их в последнее время во всех странах, многолетний опыт Германии, — где политика нейтральности усилила оппортунизм в профессиональных союзах, несколько не помешав возникновению особых христианских и либеральных союзов, — расширение той особой области пролетарской борьбы, которая требует совместного и единого действия и союзов и политической партии (массовая стачка и вооруженное восстание в русской революции, как прообраз вероятных форм пролетарской революции на Западе), — все это отняло окончательно почву у теории нейтральности.

Среди пролетарских партий вопрос о нейтральности не обещает вызывать теперь особенно больших споров. Иное дело — непролетарские квази*-социалистические партии вроде наших социалистов-революционеров, на деле представляющих из себя крайнее левое крыло революционно-буржуазной партии интеллигентов и передовых крестьян.

В высшей степени характерно, что с защитой *идеи* нейтральности после Штутгарта у нас выступили только социалисты-революционеры и Плеханов. И выступили очень неудачно.

В последнем номере центрального органа партии социалистов-революционеров «Знамени Труда» (№ 8, декабрь 1907) находим две статьи, посвященные вопросу о профессиональном движении. С.-р. пробуют там прежде всего посмеяться над заявлением с.-д. газеты «Вперед»¹²⁹, что штутгартская резолюция решала вопрос об отношении партии к профессиональным союзам именно в том смысле, как это наметила и лондонская, в духе большевизма. Мы скажем на это, что сами с.-р. в том же самом номере «Знамени Труда» привели *факты*, доказывающие неоспоримо правильность именно такой оценки.

«К этому же времени — пишет «Знамя Труда» про осень 1905-го года — и это характерный факт — относится первая встреча лицом к лицу трех русских социалистических фракций: с.-д. меньшевиков, с.-д. большевиков и эсеров,

* -- янобы. Ред.

с изложением своих взглядов на профессиональное движение. Московское Бюро, которому поручено было выделить из своей среды и центральное бюро для созыва съезда (профессиональных союзов), организовало большой митинг входящих в профессиональные союзы рабочих в театре Олимпия*. Большевики выступили с классически-марксистским, строго-ортодоксальным разграничением целей партии и профессионального союза. «Задача с.-д. партии — установление социалистического строя с уничтожением капиталистических отношений; задача профессиональных союзов — улучшение условий труда в пределах капиталистического строя, чтобы добиться выгодных для интересов труда условий продажи рабочих рук»; отсюда выводилась непартийность профессиональных союзов и охват ими «всех рабочих данной профессии»**.

Большевики доказывали, что в настоящее время разделение политики от профессии не может быть проведено строго, и отсюда приходили к выводу, что «должно быть тесное единение между социал-демократической партией и профессиональными союзами, которыми она должна руководить». Наконец, эсеры требовали строгой беспартийности союзов во избежание раскола в пролетариате, но отвергли всякое ограничение задач и деятельности профессиональных союзов какой-либо узкой сферой, формулируя эту задачу, как борьбу с капиталом во всем ее объеме, следовательно, равно как экономическую, так и политическую борьбу».

Так описывает факты само «Знамя Труда»! И только слепой или совсем неспособный думать человек может отрицать, что из этих трех точек зрения именно та, которая говорит о тесном единении между социал-демократической партией и союзами, «подтверждена штутгартской резолюцией, рекомендующей тесную связь между партией и профессиональными союзами»***.

* На митинге было около полуторы тысячи человек. Отчет см. в «Бюллетене Музея содействия труду» № 2 от 26 ноября 1905 г. (цитата «Знамени Труда»).

** Надо сказать, однако, что эту «непартийность» гг. меньшевики понимали следующим образом: «Правильное решение вопроса о партийности состоялось в московском типографском союзе, который предлагает товарищам, как отдельным лицам, вступать в ряды с.-д. партии». (Примечание «Знамени Труда».)

*** Большевики налагали в ноябре 1905 г. не ортодоксальные, а вульгарные взгляды на нейтральность, пусть запомнят это гг. эсеры!

Чтобы запутать этот донельзя ясный вопрос, эсеры смешали самым забавным образом самостоятельность профессиональных союзов в экономической борьбе с беспартийностью их. «Штутгартский съезд, — пишут они, — определенно стал и за самостоятельность (беспартийность) союзов, т. е. отверг точку зрения и большевиков, и меньшевиков». Это выводится из следующих слов штутгартской резолюции: «У каждой из этих двух организаций (партии и профсоюза) есть соответствующая ее природе область, в которой она должна действовать вполне самостоятельно. Но наряду с этим существует все расширяющаяся область» и т. д., как цитировано выше. Нашлись же такие шутники, которые это требование «самостоятельности» профсоюзов в «соответствующей их природе области» *смешали* с вопросом о беспартийности союзов или о тесном сближении их с партией в области политики и задач социалистической революции!

Таким-то образом наши эсеры совершенно замяли основной принципиальный вопрос об оценке теории «нейтральности», которая на деле служит укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Вместо этого принципиального вопроса, они предпочли говорить только о русских специальных отношениях, когда есть налицо несколько социалистических партий, и притом говорить с *ложным* освещением того, что было в Штутгарте. «Ссылаться здесь на туманность штутгартской резолюции не приходится, — пишет «Знамя Труда», — ибо всякую туманность и всякое сомнение разрушил г. Плеханов, выступивши на международном съезде в качестве официального представителя партии, и пока мы еще не имеем соответствующего заявления Центрального с.-д. Комитета, что «такое выступление тов. Плеханова дезорганизует ряды единой партии»...

Гг. эсеры! Вы, конечно, вправе иронизировать над тем, что наш ЦК призвал к порядку Плеханова. Вы вправе думать, что можно уважать, к примеру скажем, партию, *не осуждающую* официально кадетолюбие г-на Гершуни. Но зачем же говорить прямую неправду? Плеханов *не был* на Штутгартском конгрессе представителем с.-д. партии, а был лишь одним из 33 делегатов ее. И представлял он взгляды не партии с.-д., а теперешней меньшевистской оппозиции по отношению к партии с.-д. и к ее лондонским

решениям. Эсеры не могут не знать этого и говорят они, значит, *заведомую* неправду.

...«В комиссии, рассматривавшей вопрос о взаимоотношениях профессиональных союзов и политической партии, он (Плеханов) сказал буквально следующее: «В России 11 революционных организаций, с какой же из них должны профессиональные союзы вступить в связь?.. Внесение в профессиональные союзы политических равногласий было бы в России вредным». На это *все* члены комиссии *единогласно* заявили, что так и нельзя понимать резолюцию конгресса, что они «отнюдь не вменяют профессиональным союзам и их членам в обязанность состоять членами с.-д. партии», т. е. они, как и указано в резолюции, требуют «совершенной самостоятельности» их» (курсив «Знамени Труда»).

Путаете вы, господа из «Знамени Труда»! В комиссии один *бельгийский* товарищ спросил, можно ли обязывать членов профессиональных союзов вступать в с.-д. партию, и ему *все* ответили, что нельзя. А, с другой стороны, Плеханов внес в резолюцию поправку: «причем не следует упускать из виду единство профессиональной организации», и эта поправка была принята, но не единогласно (тов. Войнов, представлявший взгляды РСДРП, голосовал за поправку и голосовал, по нашему мнению, правильно). Вот как было дело.

Социал-демократы никогда не должны упускать из виду единства профессиональной организации. Это совершенно справедливо. Но это относится и к эсерам, которых мы приглашаем подумать об этом «единстве профессиональной организации», когда она провозгласит свою тесную связь с с.-д.! О том, чтобы «вменять в обязанность» членам союзов входить в партию с.-д., никто никогда и не думал: это эсерам от страха померещилось. Но чтобы Штутгартский съезд запретил профессиональным союзам объявлять о своей тесной связи с социал-демократической партией или проводить на деле, в жизни, *такую* связь, это сказки.

«Русские с.-д., — пишет *«Знамя Труда»*, — ведут самую неуклонную и энергичную кампанию для завоевания профессиональных союзов и подчинения их своему партийному руководству. Большевики это делают прямо и открыто... меньшевики избрали более окольный путь»... Правильно, гг. эсеры! Во имя авторитета рабочего Интернационала вы вправе требовать от нас, чтобы мы вели эту кампанию тактично, выдержанно, «не упуская из виду единства профессиональной организации». Мы со всей

охотой признаем это и требуем от вас признания того же, но от кампании мы не откажемся!

Но ведь Плеханов сказал, что вредно вносить в союзы политические разногласия... Да, Плеханов сказал эту глупость, и гг. эсеры, естественно, должны были уцепиться за нее, как всегда цепляются они за все, наименее заслуживающее подражания. Но руководством должны служить не слова Плеханова, а резолюция конгресса, применение которой *невозможно* без «внесения политических разногласий». Вот вам маленький пример. Резолюция конгресса говорит, что профессиональные союзы не должны руководиться «теорией гармонии интересов между трудом и капиталом». Мы, с.-д., утверждаем, что аграрная программа, требующая в буржуазном обществе уравнительности распределения земли, построена на теории гармонии интересов труда и капитала*. Мы всегда выскажемся против того, чтобы из-за такого разногласия (или даже из-за разногласия с рабочими-монархистами) раскалывать единство стачки и т. п., но мы всегда будем «вносить это разногласие» в рабочую среду вообще, во *все* рабочие союзы в частности.

Так же неумна ссылка Плеханова на 11 партий. Во-1-х, не в одной России есть разные социалистические партии. Во-2-х, в России только две сколько-нибудь серьезно конкурирующие социалистические партии, с.-д. и с.-р., ибо национальные партии валить в общую кучу совсем нелепо. В-3-х, вопрос об объединении действительно социалистических партий — совсем особый вопрос; примешивая его, Плеханов запутывает дело. Мы должны всегда и всюду отстаивать сближение союзов с социалистической партией рабочего класса, а какая партия в той или иной стране, среди той или иной национальности является действительно социалистической и действительно партией рабочего класса — это вопрос особый, и решают его не резолюции международных съездов, а ход борьбы между национальными партиями.

До какой степени ошибочны в этом вопросе рассуждения тов. Плеханова, это особенно наглядно показывает его статья в № 12 «Современного Мира»¹³¹ за 1907 год.

* Теперь даже некоторые эсеры совпали это и сделали таким образом решительный шаг к марксизму. См. очень интересную новую книгу гг. Фирсова и Яковля, о которой мы вскоре подробно побеседуем с читателями «Пролетария»¹³⁰.

На стр. 55-ой Плеханов приводит указание Луначарского на то, что нейтральность союзов отстаивается немецкими ревизионистами. Плеханов отвечает на это указание: «Ревизионисты говорят: союзы должны быть нейтральными, а разумеют под этим: союзы надо использовать для борьбы с ортодоксальным марксизмом». И Плеханов заключает: «Устранение нейтральности профессиональных союзов ничему тут не поможет. Если мы поставим союзы даже в тесную формальную зависимость от партии, а в партии восторжествует «идеология» ревизионистов, то устранение нейтральности союзов будет лишь новой победой «критиков Маркса»».

Это рассуждение представляет из себя образчик столь обычного у Плеханова приема увернуться от вопроса и замазать существо спора. Если в партии действительно восторжествует идеология ревизионистов, то это не будет социалистическая партия рабочего класса. Речь идет вовсе не о том, как складывается такая партия, какая борьба и какие расколы при этом бывают. Речь идет о том, что в каждой капиталистической стране существует социалистическая партия и союзы, и наше дело определить основные отношения между ними. Классовые интересы буржуазии неизбежно порождают стремление ограничить союзы мелкой и узкой деятельностью на почве существующего строя, отдалить их от всякой связи с социализмом, и теория нейтральности есть идейное облачение этих буржуазных стремлений. Ревизионисты внутри с.-д. партий всегда проложат себе дорогу так или иначе в капиталистическом обществе.

Конечно, в начале политического и профессионального рабочего движения в Европе можно было отстаивать нейтральность союзов, как средство расширить первоначальную базу пролетарской борьбы в эпоху ее сравнительной неразвитости и отсутствия систематического буржуазного воздействия на союзы. В настоящее время с точки зрения международной социал-демократии отстаивать нейтральность союзов совсем уже неуместно. Можно только улыбнуться, читая уверения Плеханова, что «Маркс и теперь стоял бы в Германии за нейтральность союзов», особенно когда такой аргумент строится на одностороннем толковании одной «цитаты» из Маркса, при игнорировании всей совокупности заявлений Маркса и всего духа его учения.

«Я стою за нейтральность, понимаемую в бибелевском, а не в ревизионистском смысле», — пишет Плеханов. Говорить так — значит креститься Бибелем и при этом все же лезть в болото. Слов нет, Бибель такой крупный авторитет в международном движении пролетариата, такой опытный практический вождь, такой чуткий к запросам революционной борьбы социалист, что он в девяноста девяти случаях из ста вылезал сам из болота, когда ему случалось оступаться, и вытаскивал тех, кто хотел идти за ним. Бибель ошибался и тогда, когда в Бреславле (в 1895 г.) отстаивал вместе с Фольмаром аграрную программу ревизионистов, и тогда, когда настаивал (в Эссене) на принципиальном различии оборонительной и наступательной войны, и тогда, когда готов был возвести в принцип «нейтральность» союзов. Мы охотно верим, что если Плеханов будет залезать в болото только вместе с Бибелем, то это будет случаться с ним не часто и не надолго. Но мы все же думаем, что подражать Бибелю следует не тогда, когда Бибель ошибается.

Говорят — и Плеханов особенно напирает на это, — что нейтральность нужна для объединения всех рабочих, приходящих к мысли о необходимости улучшить свое материальное положение. Но говорящие это забывают, что современная ступень развития классовых противоречий неизбежно и неминуемо вносит «политические разногласия» даже в вопрос о том, каким образом следует добиваться этого улучшения в пределах современного общества. Теория нейтральности союзов в отличие от теории о необходимости тесной связи их с революционной социал-демократией ведет неминуемо к предпочтению таких средств этого улучшения, которые означают притупление классовой борьбы пролетариата. Наглядный пример тому (связанный кстати с оценкой одного из интереснейших эпизодов новейшего рабочего движения) дает нам *та самая* книжка «Современного Мира», в которой Плеханов защищает нейтральность. Рядом с Плехановым мы видим здесь г-на Э. П., восхваляющего известного вождя английских железнодорожных рабочих Ричарда Белла, который покончил компромиссом конфликт рабочих с директорами компаний. Белл объявляется «душой всего железнодорожного рабочего движения». «Нет никакого сомнения, — пишет г. Э. П., — что благодаря своей спокойной, обдуманной

и выдержанной тактике Белл завоевал безусловное доверие ассоциации железнодорожных служащих, члены которой готовы, без колебания, всюду последовать за ним» (75 стр. № 12 «Современного Мира»). Такая точка зрения не случайна, а по существу дела связана с нейтрализмом, который на первый план выдвигает объединение рабочих для улучшения их положения, а не объединение для борьбы, способной принести пользу делу освобождения пролетариата.

Но эта точка зрения совсем не соответствует взглядам английских социалистов, которые, наверное, очень удивились бы, узнав, что хвалители Белла пишут, не встречая возражений, в одном журнале с видными меньшевиками вроде Плеханова, Иорданского и К^о.

Английская социал-демократическая газета «Justice»* в передовице 16-го ноября писала по поводу соглашения Белла с железнодорожными компаниями: «Мы вполне согласны с почти всеобщим тред-юнионистским осуждением этого так называемого мирного договора»... «он совершенно разрушает самый смысл существования тред-юниона»... «Это нелепое соглашение ... не может связывать рабочих, и они хорошо сделают, если отвергнут его». А в следующем номере, от 23 ноября, Бернет писал об этом соглашении в статье, озаглавленной: «Опять продали!» «Три недели тому назад Соединенное общество железнодорожных служащих было одним из самых могущественных тред-юнионов в Англии; теперь оно сведено на уровень общества взаимопомощи». «И перемена эта произошла не потому, что железнодорожники боролись и потерпели поражение, а потому, что их вожди умышленно или по тупоумию своему продали их капиталистам до борьбы». И редакция газеты добавляет, что аналогичное письмо прислал ей один «наемный рабочий железнодорожной компании Мидланд».

Но, может быть, это «увлечение» «слишком революционных» эскепов? Нет. Орган умеренной партии, «Независимой рабочей партии» (ILP), которая не хочет даже назвать себя социалистической, «Labour Leader»** от 15 ноября поместил письмо железнодорожника тред-юниониста, заявляющего в ответ на похвалы, расточаемые всей капита-

* — «Справедливость». Ред.

** — «Рабочий Вождь». Ред.

листической прессой (начиная от радикальной «*Reynolds Newspaper*»* и кончая консервативной «*Times*»**) Беллу, что проведенное им соглашение есть «самое презренное, какое только было в истории тред-юнионизма», и называющего Ричарда Белла «маршалом Базэном тред-юнионистского движения». Рядом другой железнодорожник требует «призвать к ответу Белла» за это злосчастное соглашение, «осудившее рабочих на семилетнюю каторгу». И редакция умеренного органа в передовице того же номера называет соглашение «Седаном британского тред-юнионистского движения». «Никогда не было такого удобного случая, чтобы показать в национальном масштабе силу организованного труда», — среди рабочих царил «невиданный энтузиазм» и желание борьбы. Статья заканчивается едким сопоставлением рабочей нужды и торжества «госпоина Ллойда-Джорджа (министр, сыгравший роль лакея капиталистов) и господина Белла, готовящих банкету».

Только самые крайние оппортунисты, фабианцы, чисто интеллигентская организация, одобрили это соглашение, вызвав этим краску стыда даже в сочувствующем фабианцам журнале «*The New Age*»***, который вынужден был признать, что если буржуазно-консервативная «*Times*» целиком перепечатала соответственное заявление центрального комитета фабианцев, то зато, кроме этих господ, «ни одна социалистическая организация, ни один тред-юнион, ни один выдающийся вожак рабочих» (стр. 101, номер от 7 декабря) не высказался за соглашение.

Вот вам образчик применения нейтральности плехановским сотрудником, г-ном Э. П. Вопрос касался не «политических разногласий», а улучшения положения рабочих в данном обществе. За «улучшение» ценой отказа от борьбы и сдачи на милость капиталу высказалась вся буржуазия Англии, фабианцы и г. Э. П., за коллективную борьбу рабочих — все социалисты и тред-юнионисты рабочие. И Плеханов будет продолжать теперь проповедывать «нейтральность», а не тесное сближение союзов с социалистической партией?

* «Пролетарий» № 22,
(3 марта) 19 февраля 1908 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

* — «Рейнгольдовы новости». Ред.

** — «Таймс» («Времена»). Ред.

*** — «Новый Век». Ред.

О ПРОИСШЕСТВИИ С КОРОЛЕМ ПОРТУГАЛЬСКИМ

Буржуазная пресса, даже самого либерального и «демократического» направления, не может обойтись без черносотенной морали, обсуждая умерщвление португальского авантюриста.

Вот, например, специальный корреспондент одной из самых лучших буржуазно-демократических газет Европы, *«Франкфуртской Газеты»*. Он начинает свой рассказ с полшутливого сообщения о том, как стая корреспондентов бросилась — точно на добычу — в Лиссабон тотчас после получения сенсационного известия. Я оказался — пишет сей господин — в одном спальном отделении с одним известным лондонским журналистом, который стал хвастаться своей опытностью. По такому же поводу он, видите ли, ездил уже в Белград и может считать себя «специальным корреспондентом на случай царевубийств».

...Да, приключение с королем португальским является поистине «профессиональным несчастным случаем» королей.

Неудивительно, что могут явиться профессиональные корреспонденты, описывающие профессиональные «неудачи» их величеств...

Но, как ни силен у подобных корреспондентов элемент дешевой и вульгарной сенсации, а правда все же иногда пробивает себе дорогу. «Один купец, живущий в самом оживленном торговом квартале», рассказал корреспонденту *«Франкфуртской Газеты»* следующее: «Тотчас, как я узнал о событии, я вывесил траурный флаг. Очень скоро, однако, ко мне стали приходять покупатели и знакомые, спрашивая, не сошел ли я с ума, не задался ли я целью

испортить свои дружеские связи. Я спросил их, неужели никто не испытывает чувства сострадания. Вы не поверите, м. г., какие ответы получил я на это! И вот я убрал прочь траурный флаг».

Приводя этот рассказ, либеральный корреспондент рассуждает:

«Народ, по природе своей столь добродушный и любезный, как португальский, прошел, видимо, дурную школу, прежде чем он научился ненавидеть так безжалостно даже в могиле. И если это правда, — а это, несомненно, правда и, умолчав о ней, я бы извратил историческую истину, — если не только подобные немые демонстрации изрекают свой суд над коронованной жертвой, если на каждом шагу вы можете слышать, и притом от «людей порядка», бранные слова по адресу убитого, то естественным является стремление изучить то редкое сцепление обстоятельств, которое до такой степени делает ненормальной психологию народа. Ибо народ, который не признает за смертью даже старого священного права искупать все земные прегрешения, такой народ либо должен быть уже морально выродившимся, — либо должны быть условия, порождающие необъятное чувство ненависти, которое затемняет ясный взгляд справедливой оценки».

О, гг. либеральные лицемеры! Отчего это не провозглашаете вы моральными выродками тех французских ученых и писателей, которые до сих пор ненавидят и бешено бранят не только деятелей Коммуны 1871 года, но даже деятелей 1793 года? не только борцов пролетарской революции, но даже борцов буржуазной революции? Оттого, что «нормальным» и «моральным» для «демократических» лакеев *современной* буржуазии является «добродушное» перенесение народом каких угодно бесчинств, гнусностей и зверств со стороны коронованных авантюристов.

Иначе — продолжает корреспондент (т. е. иначе как посредством исключительных условий) — «нельзя было бы понять такого явления, что уже сегодня одна монархическая газета говорит чуть не с большим чувством печали о невинных жертвах из народа, чем о короле, и мы видим уже теперь с полной ясностью, как начинают образовываться легенды, которые окружают ореолом славы убийц. В то время, как при всех почти покушениях политические партии торопятся отряхнуть от себя убийц, — португальские республиканцы прямо гордятся тем, что из их рядов вышли «мученики и герои 1-го февраля»...

Буржуазный демократ переусердствовал до того, что готов объявить «революционной легендой» — уважение

португальских граждан к людям, которые пожертвовали собой для устранения издевавшегося над конституцией короля!

Корреспондент другой буржуазной газеты миланской «*Corriere della Sera*» * рассказывает о свирепстве португальской цензуры после царевубийства. Телеграмм не пропускают. Министры и короли не отличаются «добродушием», которое так нравится честным буржуа у народных масс! Коль война — так по-военному, справедливо рассуждают португальские авантюристы, занявшие место убитого короля. Трудности сообщения сказываются не меньше, чем на войне. Приходится посылать сообщения обходным путем, сначала почтой на Париж (может быть, на какой-нибудь частный адрес) и уже оттуда передавать в Милан. «Даже в России — пишет корреспондент 7 февраля — во время самых горячих революционных периодов цензура никогда так не свирепствовала, как теперь в Португалии».

«Некоторые республиканские газеты — сообщает этот корреспондент от 9 февраля н. ст. — пишут сегодня (в день похорон короля) таким языком, который я абсолютно не решаюсь повторить в телеграмме». В сообщении от 8-го февраля, попавшем позже, чем предыдущее, по месту назначения, приводится отзыв газеты «*Pays*» ** о процедуре похорон:

«Пронесят гленные останки двух монархов — ненужный прах разваливающейся монархии, — которая держалась изменой и привилегиями, — которая своими преступлениями запятнала два столетия нашей истории».

«Конечно, это газета республиканская, — прибавляет корреспондент, — но разве не красноречиво появление статьи с такими фразами в день похорон короля?»

Мы, с своей стороны, добавим только, что можем пожалеть об одном: о том, что республиканское движение в Португалии недостаточно решительно и открыто расправилось со всеми авантюристами. Мы жалеем о том, что в происшествии с королем португальским явно виден еще элемент заговорщического, т. е. бессильного, в существе своем не достигающего цели, террора при слабости того

* — «Вечерний Курьер». Ред.

** — «Страна». Ред.

настоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославил себя Великая французская революция. Возможно, что республиканское движение в Португалии поднимется еще выше. Сочувствие социалистического пролетариата всегда будет на стороне республиканцев против монархии. Но до сих пор в Португалии удалось только *напугать* монархию убийством двух монархов, а не *уничтожить* монархию.

Социалисты во всех европейских парламентах выразили, кто как умел и кто как мог, свое сочувствие португальскому народу и португальским республиканцам, свое отвращение к правящим классам, представители которых осуждали убийство авантюриста и выражали сочувствие его преемникам. Одни социалисты прямо заявили в парламентах свои взгляды, другие — вышли из залы во время заявлений симпатии к «пострадавшей» монархии. Вандервельде в бельгийском парламенте выбрал «средний» — самый плохой — путь, вымучив из себя фразу, что он чтит «всех мертвых», т. е. значит и короля, и убийц его. Надеемся, что Вандервельде останется одинок среди социалистов всего мира.

Республиканская традиция сильно ослабела у социалистов Европы. Это понятно и отчасти может быть оправдано, — именно постольку, поскольку близость *социалистической* революции отнимает практическое значение у борьбы за *буржуазную* республику. Но не редко ослабление республиканской пропаганды означает не живость стремления к полной победе пролетариата, а слабость сознания революционных задач пролетариата вообще. Недаром Энгельс в 1891 году, критикуя проект Эрфуртской программы, со всей энергией указывал немецким рабочим на значение борьбы за республику, на возможность того, что и в Германии такая борьба станет *очередью дня*¹³².

У нас в России борьба за республику имеет непосредственное практическое значение. Только самые жалкие мещанские оппортунисты вроде энесов или «эсдека» Малишевского (см. о нем «Пролетарий» № 7) могли сделать из опыта русской революции вывод о том, что борьба за республику отодвигается в России на второй план. Напротив, именно опыт нашей революции доказал, что борьба за уничтожение монархии неразрывно связана в России

с борьбой за землю для крестьян, за свободу для всего народа. Именно опыт нашей контрреволюции доказал, что борьба за свободу, не задевающая монархию, это — не борьба, а мещанская трусость и дряблость или прямой обман народа карьеристами буржуазного парламентаризма.

*«Пролетарий» № 22,
(3 марта) 19 февраля 1903 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

УРОКИ КОММУНЫ¹³³

После государственного переворота, завершившего революцию 1848 года, Франция на 18 лет подпала под иго наполеоновского режима. Этот режим довел страну не только до разорения экономического, но также до унижения национального. Восставший против старого режима пролетариат взял на себя две задачи — общенациональную и классовую: освобождение Франции от нашествия Германии и социалистическое освобождение рабочих от капитализма. В таком соединении двух задач — оригинальнейшая черта Коммуны.

Буржуазия составила тогда «правительство национальной обороны», и за общенациональную независимость пролетариат должен был бороться под его руководством. На самом деле это было правительство «народной измены», назначение свое видевшее в борьбе с парижским пролетариатом. Но пролетариат не замечал этого, ослепленный патриотическими иллюзиями. Патриотическая идея ведет свое происхождение еще от Великой революции XVIII века; она подчинила себе умы социалистов Коммуны, и Бланки, например, несомненный революционер и горячий сторонник социализма, для своей газеты не нашел более подходящего названия, как буржуазный вопль: *«Отечество в опасности!»*.

В соединении противоречивых задач — патриотизма и социализма — была роковая ошибка французских социалистов. Уже в Манифесте Интернационала, в сентябре 1870 г., Маркс предостерегал французский пролетариат от увлечения ложной национальной идеей¹³⁴: глубокие изменения совершились со времени Великой революции,

классовые противоречия обострились, и если тогда борьба с реакцией всей Европы объединяла всю революционную нацию, то теперь пролетариат уже не может соединить свои интересы с интересами других, враждебных ему классов; пусть буржуазия несет ответственность за национальное унижение — дело пролетариата бороться за социалистическое освобождение труда от ига буржуазии.

И действительно, истинная подкладка буржуазного «патриотизма» не замедлила обнаружиться. Заключив позорный мир с пруссаками, версальское правительство приступило к прямой своей задаче — и предприняло набег на страшное для него вооружение парижского пролетариата. Рабочие ответили провозглашением Коммуны и гражданской войной.

Несмотря на то, что социалистический пролетариат делился на многие секты, Коммуна явилась блестящим образцом того, как единодушно умеет пролетариат осуществлять демократические задачи, которые умела только провозглашать буржуазия. Без всякого особого сложного законодательства, просто, на деле провел захвативший власть пролетариат демократизацию общественного строя, отменил бюрократию, осуществил выборность чиновников народом.

Но две ошибки погубили плоды блестящей победы. Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости в стране, объединяемой общенациональной задачей; такие, например, учреждения, как банк, не были взяты, теории прудонистов насчет «справедливого обмена» и т. п. господствовали еще среди социалистов. Вторая ошибка — излишнее великодушие пролетариата: надо было истреблять своих врагов, а он старался морально повлиять на них, он пренебрег значением чисто военных действий в гражданской войне и вместо того, чтобы решительным наступлением на Версаль увенчать свою победу в Париже, он медлил и дал время версальскому правительству собрать темные силы и подготовиться к кровавой майской неделе.

Но при всех ошибках Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века. Маркс высоко оценил историческое значение Коммуны — если бы

во время предательского набега версальской пайки на оружие парижского пролетариата рабочие без боя дали бы отнять его, то гибельное значение деморализации, внесенной такой слабостью в пролетарское движение, было бы во много и много раз тяжелее ущерба от потерь, которые понес рабочий класс в бою, защищая свое оружие¹³⁵. Как ни велики жертвы Коммуны, они искупаются значением ее для общепролетарской борьбы: она всколыхнула по Европе социалистическое движение, она показала силу гражданской войны, она рассеяла патриотические иллюзии и разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии. Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции.

Урок, полученный пролетариатом, не забудется. Рабочий класс будет пользоваться им, как воспользовался уже в России, в декабрьское восстание.

Эпоха, предшествовавшая русской революции, подготавливавшая ее, имеет некоторое сходство с эпохой наполеоновского ига во Франции. И в России самодержавная клика довела страну до ужасов экономического разорения и национального унижения. Но долго не могла развиться революция — пока социальное развитие не создало условий для массового движения и, несмотря на весь героизм свой, изолированные нападения на правительство в дореволюционный период разбивались о равнодушные народные масс. Только социал-демократия упорной и планомерной работой воспитала массы до высших форм борьбы — массовых выступлений и гражданской вооруженной войны.

Она сумела разбить в молодом пролетариате «общенациональные» и «патриотические» заблуждения, и после того, как при ее непосредственном вмешательстве удалось вырвать из рук царя манифест 17 октября, пролетариат приступил к энергичной подготовке к дальнейшему неизбежному этапу революции — вооруженному восстанию. Свободный от «общенациональных» иллюзий, он свои классовые силы сосредоточивал в своих массовых организациях — Советах рабочих и солдатских депутатов и т. п. И несмотря на все различие в целях и задачах, поставленных перед русской революцией, сравнительно с французской 1871 года, русский пролетариат должен был

прибегнуть к тому же способу борьбы, которому начало дала Парижская коммуна, — к гражданской войне. Помня ее уроки, он знал, что пролетариат не должен пренебрегать мирными орудиями борьбы — они служат его повседневным, будничным интересам, они необходимы в периоды подготовки революций — но никогда не должен он забывать и того, что классовая борьба при известных условиях выливается в формы вооруженной борьбы и гражданской войны; бывают моменты, когда интересы пролетариата требуют беспощадного истребления врагов в открытых боевых схватках. Впервые показал это французский пролетариат в Коммуне и блестяще подтвердил русский пролетариат в декабрьском восстании.

Пусть оба эти грандиозные восстания рабочего класса подавлены — будет новое восстание, перед которым слабыми окажутся силы врагов пролетариата, из которого с полной победой выйдет социалистический пролетариат.

«Заграничная Газета» № 2,
23 марта 1908 г.

Печатается по тексту
«Заграничной Газеты»

ЗАКАЗАННАЯ ПОЛИЦЕЙСКИ-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

«Большой парламентский день» в Думе 27 февраля вызывает трогательно-единодушную оценку наших буржуазных партий. Все довольны, все радуются и умиляются, от черносотенцев и «Нового Времени» до кадетов и «Столичной Почты», которая «перед омертвостью» успела еще написать (номер от 28 февраля):

«Общее впечатление (от думского заседания 27 февраля) весьма хорошее»... «Впервые в русской общественно-государственной жизни правительство открыто знакомит страну со своими взглядами по вопросам внешней политики»...

Мы тоже готовы признать, что большой парламентский день если не «впервые», то особенно наглядно обнаружил глубокое единство черносотенцев, правительства, либералов и «демократов» типа «Столичной Почты», единство по коренным вопросам «общественно-государственной жизни». И поэтому внимательное ознакомление с позицией, занятой в этот день и по поводу этого дня всеми партиями, кажется нам безусловно необходимым.

Лидер правительственной партии октябристов г. Гучков. Он обращается «с просьбой к представителям правительства» разъяснить истинное положение дел на Дальнем Востоке. Он разъясняет с высоты думской трибуны важность экономии в расходах, — ну, например, вместо 60 000 руб. в год послу в Токио — 50 000 рублей. Мы реформируем, не шутите! Он говорит, что «в прессе нашли себе место» тревожные вести о дальневосточной политике, о грозящей войне с Японией. Разумеется, о том, что пресса российская обуздана намордником, вождь

капиталистов не говорит: к чему это? В программе свобода печати может стоять. Это необходимо для «европейской» партии. Но чтобы на деле *бороться* против зажимания рта прессе, чтобы открыто разоблачать заведомую продажность влиятельных российских органов прессы, — этого смешно ждать от г. Гучкова, как и от г. Милюкова. Зато о связи внутренней и внешней политики г. Гучков сказал правду, то есть выболтал истинную подкладку того комедийного действия, которым ванималась Дума 27 февраля.

«То обстоятельство, — возглашал он, — что мы быстро идем по пути к успокоению и умиротворению, должно указать нашим противникам, что попытка отстоять свои интересы (Россией) на этот раз будет безусловно успешной». Черносотенцы и октябристы аплодируют. Еще бы! Ведь они-то прекрасно понимали с самого начала, что *звондь* обсуждаемого вопроса и всего торжественного выступления правительства в лице г. Извольского состоит в провозглашении контрреволюционной политики наших Муравьевых-вешателей делом умиротворения и успокоения. Надо показать Европе и всему миру, что перед «внешним врагом» стоит «единая Россия», умиротворяющая и успокаивающая горстку бунтовщиков (всего там каких-нибудь сотню миллионов крестьян и рабочих!) для обеспечения успеха «попыткам отстоять свои интересы».

Да, г. Гучков сумел сказать то, что *ему* требовалось, что требовалось объединенным помещикам и капиталистам.

Профессор Капустин, «левый» октябрист, надежда кадетов, упование сторонников мира общества с властью, поспешил по стопам Гучкова, сдабривая его политику отвратительно-елейным либеральным лицемерием. «Дай бог, чтобы распространилась слава (про Думу), — что мы бережем народные деньги». Пятьдесят тысяч в год послу — разве это не сбережение целых десяти тысяч? Разве это не «прекрасный пример», который «будут показывать высшие наши сановники, сознавая важный и тяжелый момент, переживаемый Россией»... «Нам предстоит коренные реформы в различнейших областях жизни страны, и на это необходимы широкие средства».

...Далеко Иудушке Головлеву до этого парламентария! Профессор на думской трибуне, восторгающийся прекрасным примером высших сановников... Но что же говорить об октябристе, когда либералы и буржуазные демократы не далеко ушли от этого низкопоклонничества.

Перейдем к речи министра иностранных дел г. Извольского. Ему только и нужно было, конечно, получить зацепку в духе той, которую поднес на блюде Капустин. И министр распространился о необходимости уменьшить расходы, — или пересмотреть штаты, чтобы помочь «неимеющим своих средств» послам. Извольский подчеркивает, что говорит с разрешения Николая второго и воспекает «силу, разум и патриотизм русского народа», который «приложит все свои силы, и материальные и духовные, к упрочению за Россией ее теперешних азиатских владений и к всестороннему их развитию».

Министр сказал, что ему поручила сказать камарилья. Слово за лидером оппозиции, г. Милюковым. И он заявляет сразу же: «Партия народной свободы, в лице присутствующей здесь фракции, с глубоким удовлетворением выслушала слова министра иностранных дел и считает долгом приветствовать его первое выступление перед представительством страны с разъяснением вопросов, касающихся русской внешней политики. Несомненно, что в настоящий момент... русскому правительству нужно... в своих видах опираться на русское общественное мнение».

Действительно, это совершенно несомненно. В своих видах правительству контрреволюции необходимо опереться на то, что можно было бы за границей принять (или выдать) за русское общественное мнение. Это необходимо в особенности для получения займа, без которого грозит банкротство и крах всей столыпинской политики царизма, рассчитанной на долгие годы систематических и массовых насильственных мер против народа.

Г. Милюков вплотную подошел к настоящему значению торжественного выхода гг. Извольского, Гучкова и К^о. Выход этот был заказан черносотенной шайкой Николая второго. Каждая мелочь этой полицейски-патриотической демонстрации была наперед обдумана. Думские марионетки разыгрывали комедию под дудку самодержавной камарильи: без поддержки западно-евро-

пейской буржуазии Николаю второму не удержаться. Надо заставить *всю* буржуазию всероссийскую, и правую и *левую*, торжественно выразить свое доверие правительству, его «мирной политике», его прочности, его намерениям и способности умиротворить и успокоить. Это нужно было как бланковая надпись на векселе. Для этого пустили в ход наиболее «любезного» кадета г-на Извольского, для этого заказали все это беспардонное лицемерие о бережении народных денег, о реформах, об «открытом» выступлении правительства с «разъяснением» внешней политики, хотя всем и каждому ясно, что разъяснить ровно ничего не хотели и не разъяснили.

И либеральная оппозиция послушно выполнила роль марионетки в руках черносотенно-полицейской монархии! В то время как решительное заявление правды со стороны думского буржуазного меньшинства сыграло бы, несомненно, крупную роль и помешало (или затруднило) правительству занять миллиарды на новые карательные экспедиции, виселицы, тюрьмы и усиленные охраны, — партия кадетов «припала к стопам» обожаемого монарха и старалась выслужиться. Г-н Милюков выслуживался, доказывая свой патриотизм. Он корчил из себя знатока внешней политики, на том основании, что собрал в каких-нибудь передних сведения об Извольском, как либерале. Г. Милюков сознательно подписывал вексель, торжественно «приветствуя» царского министра от имени всей партии кадетов и прекрасно зная, что на другой день все европейские газеты скажут, как по команде: Дума единогласно (кроме социал-демократов) выразила доверие правительству, одобрила его внешнюю политику...

Русский либерализм за три года пережил ту эволюцию, которая потребовала в Германии свыше тридцати лет, а во Франции даже свыше ста лет: эволюцию от сторонника свободы к безвольному и подлому пособнику абсолютизма. Специфическое оружие, которым располагает буржуазия в борьбе, — возможность давить на мощную, затруднять получение денег, расстраивать «тонкие» подходы к новым займам, — этим оружием много раз могли воспользоваться кадеты в русской революции. И каждый раз, как весной 1906-го, так и весной 1908-го года, они

сами выдавали свое оружие в руки врага, лизали руку погромщиков и клялись в лояльности.

Господин Струве во-время позаботился о том, чтобы под эту практику подвести прочную теоретическую опору. В журнале «Русская Мысль», который на самом деле должен бы называться «Черносотенная Мысль»¹³⁶, г. Струве уже проповедует идею «Великой России», идею буржуазного национализма, разносит «враждебность интеллигенции к государству», сражает в тысячу первый раз «российский революционизм», «марксизм», «отщепенство», «классовую борьбу», «банальный радикализм».

Мы можем только радоваться этой идейной эволюции русского либерализма. Ибо на деле этот либерализм *уже оказался* в русской революции как раз таким, каким хочет его сделать систематически, целостно, продуманно, «философски» г. Струве. Выработка последовательной контрреволюционной *идеологии* есть ключ, когда есть налицо уже вполне сложившийся и в важнейшие периоды жизни страны контрреволюционно действовавший класс. Соответствующая классовому положению и классовой политике буржуазии идеология поможет всем и каждому изжить остатки веры в «демократизм» кадетов. А эти остатки полезно изжить. Их необходимо изжить для того, чтобы можно было идти вперед в деле действительно массовой борьбы за демократизацию России. Г. Струве хочет откровенно контрреволюционного либерализма. Мы тоже хотим его, ибо «откровенность» либерализма лучше всего просветит и демократическое крестьянство, и социалистический пролетариат.

Возвращаясь к думскому заседанию 27 февраля, надо сказать, что единственное честное и гордое слово демократа было сказано *социал-демократом*. Депутат Чхеидзе вошел на трибуну, заявил, что с.-д. фракция будет голосовать *против* законопроекта, и начал излагать мотивы голосования. Но после первых же слов его: «Наша дипломатия на Западе всегда служила оплотом реакции и интересов»... председатель зажал рот рабочему депутату. — «Наказ разрешает приводить мотивы голосования», — бормотали кадеты. «Кроме мотивов имеет значение и форма», — ответил бандит, называющийся председателем III Думы.

Он был прав с своей точки зрения: до наказа ли тут, когда на карту было поставлено дружное проведение полицейски-заказанной патриотической демонстрации?

Рабочий депутат стоял изолированно по этому вопросу. Тем выше его заслуга. Пролетариат должен показать и покажет, что умеет отстоять заветы демократической революции — вопреки всем изменам либерализма и шатаниям мещанства.

*«Пролетарий» № 25,
(25) 12 марта 1908 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

ОБ ОБМАНЕ НАРОДА ЛИБЕРАЛАМИ

На последнем, Лондонском, съезде Российской социал-демократической рабочей партии обсуждался вопрос об отношении к буржуазным партиям и была принята соответствующая резолюция. Особенности спора вызвало при этом на съезде то место этой резолюции, где говорится об *обмане* либералами народа*. Социал-демократам правого крыла нашей партии это место казалось в высшей степени неправильным. Они заявили даже, что это не по-марксистски — говорить в резолюции об «обмане» либералами народа, т. е. объяснять присоединение известных слоев населения к данной (в нашем случае кадетской) партии не классовыми интересами этих слоев, а «безнравственными» приемами политики той или иной группы парламентариев, адвокатов, журналистов и проч.

На самом деле за этими благовидными, в благовидный якобы марксистский костюм наряженными доводами пряталась политика ослабления классовой самостоятельности пролетариата и подчинения его (на деле) либеральной буржуазии. Ибо интересы демократической мелкой буржуазии, идущей за кадетами, эти господа не отстаивают сколько-нибудь серьезно, а *предают* своей политической заигрыванья и сделок с правительством, с октябристами, с «исторической властью» царского самодержавия.

Чрезвычайно интересный материал к освещению новыми фактами этого вопроса — одного из основных вопросов социал-демократической тактики во всех капиталистических странах — дает теперешняя борьба за всеобщее

* См. Сочинения, 4 изд., том 12, стр. 450. *Ред.*

избирательное право в прусский ландтаг (сейм). Германская социал-демократия подняла знамя этой борьбы. Пролетариат Берлина, а за Берлином и всех крупных городов Германии, вышел на улицу, организовал величественные демонстрации десятков тысяч народа, положил начало широкому массовому движению, которое уже теперь, уже в самом начале своем привело к насильственным действиям конституционных властей, к употреблению военной силы, к избиениям безоружных масс. Борьба родит борьбу! Гордо и смело отвечали на эти насилия вожаки революционного пролетариата. Но тут всплыл вопрос об отношении к демократической (и либеральной) буржуазии в борьбе за избирательное право. И дебаты между немецкими революционными социал-демократами и оппортунистами (ревизионистами, как их зовут в Германии) по этому вопросу замечательно близко подходят к нашим спорам на тему об обмане либералами народа.

Центральный орган германской с.-д. рабочей партии «Vorwärts»* поместил передовую статью, содержание и основная мысль которой ясно выражены в ее заглавии: «Борьба за избирательное право — классовая борьба!». Как и следовало ожидать, статья эта, несмотря на то, что она излагала в положительной форме только общеизвестные социал-демократические истины, была принята оппортунистами за вызов. Перчатка была поднята. Товарищ Зюдекум, известный работник в области муниципального социализма, пошел решительно в поход против этой «тактики сектантов», против «изоляции пролетариата», против «поддержки социал-демократами черносотенцев» (реакционеров — говорят более мягко немцы). Ибо и для немецкого оппортуниста внесение классовой борьбы в дело общее пролетариату и либералам означает поддержку черносотенцев! «Введение всеобщего избирательного права в Пруссии вместо теперешнего трехклассного не есть дело какого-либо одного класса», — писал Зюдекум. И он указывал, что это дело «городского населения против аграриев, демократии против бюрократии, крестьянства против помещиков, западной Пруссии против восточной» (т. е. промышленно и капиталистически вообще

* — «Вперед». Ред.

передовой части страны против экономически отсталой). «Дело теперь в том, чтобы соединить на этом пункте всех друзей реформы, каковы бы ни были прочие разделяющие их вопросы».

Читатель видит, что это все — самые знакомые доводы, что костюм тут тоже строго, ортодоксально «марксистский», вплоть до указания на экономическое положение и интересы определенных элементов буржуазной демократии («городская демократия», крестьянство и т. д.). И едва ли есть надобность прибавлять, что немецкая либерально-буржуазная пресса систематически, в течение уже десятилетий, тянет эту ноту, обвиняя социал-демократию в сектантстве, в поддержке черносотенцев, в неумении изолировать реакцию.

Какими же *доводами* опровергали немецкие революционные социал-демократы эти рассуждения? Мы перечислим их основные доводы, чтобы читатели — судя о немецких делах «со стороны», «без гнева и пристрастия» — могли видеть, преобладают ли здесь указания на особые условия места и времени, или на общие принципы марксизма.

Да, наши свободомыслящие «требуют» в своих программах всеобщего избирательного права, — говорил «Vorwärts». Да, они особенно усердно стали говорить об этом пышные речи теперь. Но *борются* ли они за реформу? Не видим ли мы, наоборот, что действительно народное движение, уличные демонстрации, широкая агитация в массах, возбуждение масс вызывает в них худо скрытый страх, отвращение, в лучших и редких случаях равнодушие?

Надо отличать программы буржуазных партий, банкетные и парламентские речи либеральных карьеристов от их действительного участия в действительной народной борьбе. На словах все и всякие буржуазные политиканы, во всех парламентских странах, всегда распинались за демократию, в то же время предавая демократию.

Да, *внутри* либеральной партий (свободомыслящих) и центра, *несомненно*, есть элементы, заинтересованные в всеобщем и равном избирательном праве, — говорил «Vorwärts». Но не эти элементы ведут буржуазные партии, не мелкие ремесленники, не полупролетарии, не полуразоренные крестьяне. Они идут за либеральными буржуа,

которые стараются отвлечь их от борьбы, заключая за их спиной свои компромиссы с реакцией, развращая их классовое сознание, не отстаивая на деле их интересов.

Чтобы привлечь такие элементы к борьбе за всеобщее избирательное право, надо пробуждать в них классовое сознание, отвлечь их от неустойчивых буржуазных партий. «Внутри либеральной (свободомыслящей) партии они, эти заинтересованные в всеобщем избирательном праве элементы, образуют бессильное меньшинство, которое всегда пичкают обещаниями и всегда снова и снова *обманывают*. Политическая энергия этих элементов совершенно парализована. И если свободомыслящих или центр действительно можно принудить к уступкам демократии посредством угрозы отнять у них голоса таких избирателей, то именно классовая борьба, ослабляющая буржуазные партии, есть единственное средство толкнуть колеблющуюся буржуазию влево».

Ибо политические факты давно доказали, что свободомыслящим реакция менее ненавистна, чем социал-демократия. «Мы должны поэтому не только с беспощадной резкостью бичевать все грехи всех буржуазных партий, но и выяснять, кроме того, что все их измены в вопросе об избирательном праве являются необходимым результатом классового характера этих партий».

Не сегодня-завтра вопрос о том, способны ли наши кадеты «бороться» за выставленные в их программе демократические требования, или они только для того выставляют их, чтобы предавать октябристам идущих за либералами мещан и крестьян, встанет паки и паки перед русскими с.-д., как вставал этот вопрос не раз в ходе революции. И вдуматься в доводы «*Vorwärts*» не мешает поэтому кое-кому из нашей партии.

P. S. Настоящая статья была уже сдана в печать, когда мы прочли в № 52 газеты «Речь» (от 1-го марта) статью г. К. Д., берлинского корреспондента этой газеты: «Кризис немецкого либерализма». Автор касается полемики «*Vorwärts*'а» с Зюдекумом в обычном тоне и с обычными приемами наших либеральных фальсификаторов. Изложения доводов той и другой стороны, точных цитат автор и не помышляет приводить. Он просто заявляет: «Официальный «*Vorwärts*» немедленно обливает еретика помоями и в крайне неаппетитной по развязному, вызывающему

тону передовице обвиняет его в невежестве, в непозволительном забвении партийных догматов». Предоставляем читателю судить, покажется ли самому Зюдекуму «аппетитной» подобная защита его кадетами. Но это уже судьба ревизионистов любой страны: встречать усиленную поддержку и прочувствованное «признание» своих усилий со стороны буржуазии. Союз Зюдекумов с господами Струве, — для подтверждения верности нашей позиции вряд ли можно бы было придумать что-либо более «аппетитное».

*«Пролетарий» № 26,
(25) 12 марта 1908 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

ОЦЕНКА МАРКСА МЕЖДУНАРОДНЫМ ЛИБЕРАЛИЗМОМ

Один тургеневский герой переделал следующим образом стихи великого немецкого поэта:

Wer den Feind will versteh'n,
Muss im Feindes Lande geh'n

то есть: «кто хочет знать своего врага, тот должен идти в страну этого врага», знакомиться непосредственно с обычаями, правами, методами рассуждения и действия врага.

И марксистам не мешает бросить взгляд на то, как отозвались на чествование 25-летней годовщины смерти Маркса влиятельные политические органы разных стран, особенно либеральные и «демократические» буржуазные газеты, соединяющие возможность влиять на массы читателей с правом говорить от имени официальной, казенной, титулованной, профессорской науки.

Начнем наш обзор с «Русских Ведомостей». Это — самая спокойная (и самая скучная), самая научная (и самая далекая от живой жизни) профессорская газета. В ее статейке по поводу 25-летия смерти Карла Маркса (№ 51 от 1 марта) преобладает сухой, деревянный тон — «объективность», как это называется на языке «ординарных» и «экстраординарных»... Факты и фактики — вот чем старается ограничиться автор статьи. И, как беспристрастный историк, он готов воздать Марксу должное — по крайней мере, за прошлое, которое уже умерло, о котором можно говорить по-мертвому. «Русские Ведомости» признают в Марксе и «исключительную фигуру», и «великого в науке» человека, и «выдающегося руководителя

пролетариата», организатора масс. Но это признание сводится к прошлому: теперь, — говорит газета, — «новые пути действительно необходимы», т. е. новые пути рабочего движения и социализма, непохожие на «старый марксизм». Каковы именно эти новые пути, об этом газета не говорит прямо — это слишком живая тема для профессоров и слишком «неосторожный» сюжет для виртуозов в искусстве «с тактом молчать». Но намеки делаются явные: «Многие из его (Маркса) построений разрушены научным анализом и беспощадной критикой событий. Среди ученых почти отсутствуют последователи, верные всей его системе; духовное детище Маркса — германская социал-демократия — довольно сильно уклонилась от того революционного пути, который был намечен основателями немецкого социализма». Вы видите: автор не договаривает очень немногого, своего желания *исправить* Маркса по-ревизионистски.

Другая влиятельная газета, «Речь», орган политической партии, играющей первую скрипку в концерте российского либерализма, выступает с гораздо более живой оценкой Маркса. Направление, разумеется, то же, что у «Русских Ведомостей», но там мы видели предисловие к толстой книжке, здесь — политические лозунги, направляющие непосредственно целый ряд выступлений с парламентской трибуны, при оценке всех событий дня, всех вопросов современности. Статью «Карл Маркс и Россия» (№ 53 от 2 марта) пишет известный перебежчик г. Изгоев, — образец тех российских интеллигентов, которые лет в 25—30 «марксиствуют», в 35—40 либеральничают, а после черносотенствуют.

Г. Изгоев переметнулся от социал-демократов к либералам (как заявлял он сам и как заявлял о нем великий мастер ренегатства, г. Струве), как раз тогда, когда после первых ошеломляющих успехов революции начиналась трудная пора долгой и упорной борьбы с укрепляющейся контрреволюцией. И г. Изгоев высоко типичен в этом отношении. Он превосходно разъясняет и показывает, *на чью пользу* идут профессорские жеманства при оценке Маркса, *чью работу* работает эта титулованная «наука». «Этот политиканствующий тактик, — гремит Изгоев про Маркса, — сильно мешал великому ученому и заставил его наделать не мало ошибок». Основная ошибка, конечно,

та, что кроме правильного, разумного, «большинством» (большинством филистеров?) разделяемого «эволюционного марксизма» произошел на свет божий зловредный, ненаучный, фантастический и «фальсифицированный народнической брагой» революционный марксизм. Особенно возмущает нашего либерала роль *этого* марксизма в русской революции. Подумайте только: договорились до диктатуры пролетариата для производства этой самой «буржуазной революции», или еще: до «совершенно фантастической в устах марксистов диктатуры пролетариата и крестьянства». «Немудрено, что революционный марксизм в той его форме, в какой в России он был усвоен большевиками разных мастей, потерпел крах». ... «Приходится думать об утверждении обычной «буржуазной» (иронические кавычки г-на Изгоева) конституции».

Вот вам совсем готовый идейно и зрелый политически октябрист, вполне уверенный в том, что крах потерпели марксизм и революционная тактика, а не кадетская тактика компромиссов, измен и предательства!

Пойдем дальше. От русской прессы перейдем к немецкой, которая действует в свободной атмосфере, лицом к лицу с открытой социалистической партией, в десятках ежедневных органов выражающей свои взгляды. Одна из самых богатых, самых распространенных, самых «демократических» буржуазных газет Германии, «Frankfurter Zeitung»*, посвящает большую передовицу 25-тилетней годовщине смерти Маркса (№ 76 от 16 марта нов. ст. Abendblatt**). Немецкие «демократы» сразу берут быка за рога. «Само собою понятно, — говорят нам, — что социал-демократическая пресса в этот день в многочисленных статьях чествовала своего учителя. Но даже в одной влиятельной национал-либеральной газете Маркс был признан, хотя и с обычными оговорками, великим человеком. Да, конечно, он был велик, но он был великим развратителем».

Газета, в которой представлен цвет той разновидности идейного черносотенства, которая называется европейским либерализмом, поясняет, что нисколько не заподозревает личной честности Маркса. Но его теории принесли

* — «Франкфуртская Газета». *Ред.*

** — Вечерний выпуск. *Ред.*

неисчислимый вред. Внося понятие необходимости и закономерности в область общественных явлений, отрицая значение морали и относительный, условный характер наших знаний, Маркс основал антинаучную утопию и настоящую «церковь» своих сектантских последователей. А главная вредная идея его — *классовая* борьба. В этом все ало! Маркс ваял всерьез старинное изречение о *two nations*, о двух нациях внутри каждой из цивилизованных наций, нации «эксплуататоров» и нации «эксплуатируемых» (эти ненаучные выражения газета заключает в убийственно-иронические кавычки). Маркс забыл самоочевидную, ясную, всем здоровым людям понятную истину, что в общественной жизни «целью является не борьба, а соглашение». Маркс «разорвал народ на части, ибо он молотком вбил в голову своим людям, что нет ничего общего между ними и остальными людьми, что они враги не на живот, а на смерть».

«Что может быть естественнее того, — вопрошает газета, — чтобы социал-демократия, во многих практических требованиях согласная со многими из буржуазии, постаралась сблизиться с ними? Но этого-то и не выходит благодаря как раз марксистской теории. Социал-демократия сама себя осудила на изолированность. В течение некоторого времени можно было думать, что наступает принципиальная перемена в этом отношении. Это было тогда, когда ревизионисты начали свою кампанию. Но это оказалось ошибкой, и различие между ревизионистами и нами состоит в том, между прочим, что мы поняли эту ошибку, а они нет. Ревизионисты думали и думают еще до сих пор, что можно некоторым образом удержаться за Маркса и все же стать другой партией. Напрасная надежда. Маркса надо либо проглотить целиком, либо выбросить вовсе, а с половинчатостью тут ничего не поделаешь»...

Верно, господа либералы! И случается же вам иногда печально правду сказать!

...«Пока социал-демократия чтит Маркса, до тех пор она не отделяется от идеи классовой борьбы, и от всех прочих вещей, которые столь тяжелой делают задачу жить вместе с ней... Ученый мир согласен относительно того, что из политико-экономических теорий марксизма ни одна единственная не оказалась правильной»...

Так. Так. Вы превосходно выразили, господа, сущность буржуазной науки, буржуазного либерализма и всей его политики. Вы поняли, что Маркса нельзя глотать по частям. Господа Изгосвы и российские либералы еще не поняли этого. Скоро поймут и они.

А вот, в заключение, консервативный орган буржуазной республики «*Journal des Débats*»*. В номере от 15-го марта газета пишет по поводу юбилея, что социалисты, эти «дикие равняльщики», проповедуют культ своих великих людей, что главное зло учений Маркса, который «ненавидел буржуазию», это — теория борьбы *классов*. «Он проповедывал рабочим классам не временные конфликты, сопровождаемые перемириями, а священную войну, войну истребления, экспроприации, войну за обетованную землю коллективизма... чудовищная утопия»...

Хорошо пишут буржуазные газеты, когда что-нибудь их настоящим образом заденет за живое. И веселее становится жить, когда видишь, как складывается и упрочивается идейное единство либеральных врагов пролетариата во всем мире — ибо это единство есть один из залогов объединения миллионов международного пролетариата, который завоеует себе, во что бы то ни стало, свою обетованную землю.

«Пролетарий» № 25,
(25) 12 марта 1908 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

* — «Газета Прений». Ред.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Статья *«Против бойкота»* напечатана в конце июля 1907 года в брошюре «О бойкоте третьей Думы». Брошюра печаталась в Петербурге в нелегальной с.-д. типографии, но на обложке ее было указано вымышленное место издания «Москва, 1907. Типография Горизонтова, Тверская, 40». В сентябре 1907 года брошюра была конфискована. — 1.
- ² *4 делегатский съезд Всероссийского союза учителей* состоялся 19—24 июня (2—7 июля) 1907 года в Финляндии. На съезде присутствовало 82 делегата, представлявших более 2 тыс. учителей. — 3.
- ³ *Государственный переворот 3 (16) июня 1907 года* — реакционный переворот, выразившийся в разгоне правительством II Государственной думы и изменении избирательного закона о выборах в Думу. Новый избирательный закон намного увеличивал представительство в Думе помещиков и торгово-промышленной буржуазии и в несколько раз сокращал и без того небольшое число представителей крестьян и рабочих. Закон лишал избирательных прав большую часть населения Азиатской России, вдвое сокращал представительство населения Польши и Кавказа. Избранная на основании этого закона и собравшаяся в ноябре 1907 года III Дума по своему составу была черносотенно-кадетской. — 3.
- ⁴ *Булыгинская Дума* — совещательное «представительное учреждение», которое царское правительство обещало созвать в 1905 году. Проект закона об учреждении совещательной Государственной думы и положение о выборах в Думу были разработаны комиссией под председательством министра внутренних дел Булыгина и опубликованы 6 (19) августа 1905 года. Большевики объявили активный бойкот булыгинской Думы. Правительству не удалось созвать Думу; она была сметена силой революции. — 4.

5 *Виттевская Дума* — первая Государственная дума, созданная 27 апреля (10 мая) 1906 года по положению, разработанному председателем Совета министров С. Ю. Витте. Несмотря на то, что избирательный закон о выборах в первую Думу был антидемократическим, царю не удалось созвать вполне послушную Думу. Большинство в Думе составляли кадеты, которые пытались завоевать доверие крестьянства лживыми обещаниями реформ, в том числе земельной реформы.

8 (21) июля 1906 года Дума была разогнана царским правительством. — 7.

6 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 229. — 9.

7 *Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП* состоялся в Стокгольме 10—25 апреля (23 апреля — 8 мая) 1906 года.

На съезде присутствовали с решающим голосом 112 делегатов, представлявших 57 местных организаций партии, и 22 делегата с совещательным. Кроме того, участвовали представители национальных социал-демократических партий: по 3 от социал-демократии Польши и Литвы, Бунда и Латышской социал-демократической рабочей партии, по 1 от Украинской социал-демократической рабочей партии и Финляндской рабочей партии, представитель Болгарской социал-демократической рабочей партии. В числе делегатов-большевиков участвовали: В. И. Ленин, И. В. Сталин, М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, С. Г. Шаумян, М. В. Фрунзе, Ф. А. Артем (Сергеев), В. В. Воровский и другие. Основными вопросами съезда были: аграрный, оценна момента и классовых задач пролетариата, отношение к Государственной думе, организационные вопросы. По всем вопросам шла ожесточенная борьба между большевиками и меньшевиками. Ленин выступал на съезде с докладами и речами по аграрному вопросу, о тенущем моменте, о тактике по отношению к выборам в Государственную думу, о вооруженном восстании и другим вопросам.

Преобладание меньшевиков на съезде, хотя и незначительное, определило характер решений съезда: по ряду вопросов съезд вынес меньшевистские резолюции (аграрная программа, об отношении к Государственной думе и др.). Съезд принял в ленинской формулировке первый параграф устава о членстве партии. Съезд принял в состав РСДРП национальные социал-демократические организации: социал-демократическую партию Польши и Литвы, Латышскую социал-демократическую рабочую партию и предрешил вопрос о вхождении Бунда в РСДРП.

В состав ЦК, избранного на съезде, вошли 3 большевика и 7 меньшевиков, в редакцию ЦО только меньшевики.

Анализ работ съезда дан В. И. Лениным в брошюре «Доклад об Объединительном съезде РСДРП» (см. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 289—350) и И. В. Сталиным в брошюре «Современный момент и Объединительный съезд рабочей партии» и в «Предисловии автора к первому тому» Сочинений (см. И. В. Сталин. Сочинения, т. 1, 1946, стр. 250—276 и XI—XV). — 13.

- 8 *Дубасов* — московский генерал-губернатор, подавивший декабрьское вооруженное восстание; *Столыпин* — председатель Совета министров. — 14.
- 9 «*Конституционно-демократическая партия*» (к.-д., кадеты) — главная буржуазная партия в России, партия либерально-монархической буржуазии; оформилась в октябре 1905 года. Прикрываясь фальшивым демократизмом и именуя себя партией «народной свободы», кадеты старались привлечь на свою сторону крестьянство. Они стремились сохранить царизм в форме конституционной монархии. В дальнейшем кадеты превратились в партию империалистической буржуазии. После победы Великой Октябрьской социалистической революции кадеты организовывали контрреволюционные заговоры и восстания против Советской республики. — 15.
- 10 «*Товарищ*» — ежедневная буржуазная газета, выходившая в Петербурге с марта 1906 года по январь 1908 года; формально не являлась органом какой-либо партии, фактически была органом левых кадетов. В газете принимали участие меньшевики. — 16.
- 11 *Листок ЦК* — «Письмо к партийным организациям» № 1. Не объявляя немедленного выступления, ЦК РСДРП призывал партийные организации «поддерживать и развивать до конца возникающие массовые движения и там, где есть все основания рассчитывать на активную и решительную поддержку широких масс, брать на себя немедленно инициативу движения, оповещая в то же время об этом ЦК». — 20.
- 12 К. Маркс. Письмо Кугельману, 3 марта 1869. См. К. Маркс. Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 217. — 23.
- 13 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, часть II, 1940, стр. 99. — 25.
- 14 «*Октябристы*» или «*Союз 17 октября*» — контрреволюционная партия крупной промышленной буржуазии и крупных помещиков, хозяйничавших по-капиталистически. Образовалась в ноябре 1905 года. Призванная на словах манифест 17 октября, октябристы безоговорочно поддерживали внутреннюю и внешнюю политику царского правительства. Лидерами октябристов были крупный промышленник А. Гучков и владелец огромных поместий М. Родзянко. — 26.
- 15 «*Пролетарий*» — нелегальная большевистская еженедельная газета, Центральный Орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда партии. Решением пленума Центрального Комитета партии от 27 апреля (10 мая) 1905 года ответственным редактором ЦО был назначен В. И. Ленин.
«Пролетарий» издавался в Женеве с 14 (27) мая по 12 (25) ноября 1905 года. Вышло 26 номеров. Постоянное участие в работе

редакции принимали В. В. Воровский, А. В. Луначарский и М. С. Ольминский. «Пролетарий» продолжал линию старой, ленинской «Искры» и сохранил полную преемственность с большевистской газетой «Вперед».

В. И. Ленин написал в газету свыше 50 статей и заметок. Статьи Ленина из газеты «Пролетарий» перепечатывались в местных органах большевистской печати и издавались отдельными листовками.

Вскоре после отъезда Ленина в Россию, в ноябре 1905 года, издание газеты «Пролетарий» было прекращено. Последние два номера газеты (25 и 26) вышли под редакцией В. В. Воровского. — 27.

- 16 *«Пролетарий»* — нелегальная газета, основанная большевиками после IV (Объединительного) съезда РСДРП; выходила с 21 августа (3 сентября) 1906 года по 28 ноября (11 декабря) 1909 года под редакцией Ленина. Вышло 50 номеров. «Пролетарий» носил название органа Московского и Петербургского комитетов РСДРП, а некоторое время — и Московского окружного, Пермского, Курского и Каванского комитетов. Фактически «Пролетарий» являлся Центральным Органом большевиков. Первые 20 номеров газеты «Пролетарий» были изданы в Финляндии. С 13 (26) февраля по 1 (14) декабря 1908 года газета выходила в Женеве, с 8 (21) января 1909 года — в Париже.

В газете опубликовано свыше 100 статей и заметок Ленина. В годы столыпинской реакции «Пролетарий» сыграл выдающуюся роль в сохранении и укреплении большевистских организаций. На пленуме Центрального Комитета РСДРП в январе 1910 года «примиренцам», скрытым агентам и пособникам Троцкого, удалось провести решение о закрытии газеты «Пролетарий». — 27.

- 17 Статья *«Памяти графа Гейдена»* напечатана в сборнике «Голос жизни». СПб., 1907, за подписью Н. Л. со следующим примечанием редакции: «Написанная еще в июне, непосредственно за появлением панегирик «Товарища», статья эта по «независимым» от автора обстоятельствам не была напечатана. Давая ей место в настоящем сборнике — редакция полагает, что хотя повод, вызвавший статью, утратил уже значение для данного момента, тем не менее содержание ее и теперь сохраняет всю свою ценность». — 35.

- 18 *«Русские Ведомости»* — ежедневная газета; издавалась в Москве с 1863 года либеральными профессорами Московского университета и земскими деятелями; выражала интересы либеральных помещиков и буржуазии. С 1905 года — орган правых кадетов. Закрыта после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. — 35.

- 19 *Мирнообновленство* — «партия мирного обновления» — буржуазно-помещичья, контрреволюционная организация; образо-

валась в 1906 году, объединив левых октябристов и правых кадетов. Ленин называл «партию мирного обновления» «партией мирного ограбления». — 40.

20 Определение филистера, приведенное Лениным, принадлежит Гёте (Goethe's Werke. Neue Ausgabe. Zweiter Band, Berlin, 1893, S. 593). — 42.

21 *Петербургская общегородская конференция РСДРП* происходила в Териоках (Финляндия) 8 и 14 (21 и 27) июля 1907 года. Отчеты конференции не сохранились. На первом заседании конференции присутствовал 61 делегат с решающим голосом и 21 с совещательным.

С докладом по вопросу об отношении к выборам в III Думу выступил Ленин. Конференция одобрила ленинскую линию против бойкота III Думы, которую он отстаивал в своих тезисах и докладе. — 43.

22 *Третья конференция РСДРП («Вторая общероссийская»)* — происходила в Котке (Финляндия) 21—23 июля (3—5 августа) 1907 года. На конференции присутствовало 26 делегатов, из них — 9 большевиков, 5 меньшевиков, 5 польских с.-д., 5 бундовцев и 2 латышских с.-д. В порядке дня конференции стояли вопросы: об участии в выборах в III Государственную думу, об избирательных соглашениях и о Всероссийском съезде профессиональных союзов. По первому вопросу конференция заслушала три доклада: от большевиков — Ленина (против бойкота) и А. Богданова (за бойкот) и от меньшевиков и Бунда — Дана. Конференция большинством голосов приняла резолюцию Ленина; по вопросу о Всероссийском съезде профсоюзов было внесено 4 проекта резолюции, которые были переданы ЦК РСДРП в качестве материала. В основу одного из проектов был положен текст резолюции, предложенной Лениным. — 45.

23 *Беспартийными прогрессистами* на выборах в III Думу называли себя преимущественно представители мелкой буржуазии городов. «Прогрессисты» в III Думе — левое, бесформенное крыло октябристов. «Прогрессисты» в IV Думе — партия крупной буржуазии, обособившаяся от помещичье-буржуазной партии октябристов. — 46.

24 *«Образование»* — ежемесячный легальный литературный популярно-научный и общественно-политический журнал; выходил в Петербурге с 1892 по 1909 год. В 1906—1908 гг. в журнале «Образование» печатались статьи большевиков. В № 2 «Образования» за 1906 год были напечатаны главы V—IX работы Ленина «Аграрный вопрос и «критики» Маркса» (см. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 87—202). — 47.

25 *Газетой Буренина* Ленин называл черносотенно-монархическую газету «Новое Время». Буренин — сотрудник «Нового Времени»;

вел злобную травлю представителей всех прогрессивных течений общественной мысли. — 51.

- 26 *Трудовики*, «Трудовая группа» — группа мелкобуржуазных демократов; образовалась в апреле 1906 года из крестьянских депутатов I Государственной думы.

Трудовики выдвигали требования отмены всех сословных и национальных ограничений, демократизации земского и городского самоуправления, осуществления всеобщего избирательного права для выборов в Государственную думу. Аграрная программа трудовиков исходила из народнических принципов уравнительности землепользования: образование общенародного фонда из казенных, удельных, кабинетских, монастырских земель, а также частновладельческих, если размер владения превышал установленную трудовую норму; за отчуждаемые частновладельческие земли предусматривалось вознаграждение. Проведение земельной реформы возлагалось на местные крестьянские комитеты. — 53.

- 27 *«Речь»* — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; издавалась в Петербурге с февраля 1906 года. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете в октябре 1917 года. — 53.

- 28 *Совет объединенного дворянства* — контрреволюционная помещичья организация; оказывала большое влияние на политику правительства. В период III Государственной думы значительное число членов Совета входило в Государственный совет и руководящие центры черносотенных организаций. — 54.

- 29 *«Народные социалисты»* (энесы) — мелкобуржуазная легальная партия. Образовалась в 1906 году, выделившись из правого крыла эсеров. Партия выставляла требования, не выходящие из рамок конституционной монархии. Энесы отказывались от программного эсеровского положения социализации земли, признавая отчуждение помещичьей земли на основе выкупа. Ленин называл энесов «мещанскими оппортунистами», «социал-кадетами», «эсеровскими меньшевиками».

Лидерами энесов были А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский и другие. — 58.

- 30 *Международный социалистический конгресс в Штутгарте* (VII конгресс II Интернационала) происходил с 18 по 23 августа (нового стиля) 1907 года. РСДРП была представлена 37 делегатами. От большевиков на конгрессе присутствовали Ленин, Луначарский, Литвинов и другие. Конгресс рассмотрел следующие вопросы: 1) Милитаризм и международные конфликты, 2) Взаимоотношения между политическими партиями и профессиональными союзами, 3) Колониальный вопрос, 4) Иммиграция и эмиграция рабочих и 5) Избирательные права женщин.

Основная работа конгресса сосредоточилась в комиссиях, где составлялись проекты резолюций для пленарных заседаний.

Ленин принял участие в работе комиссии по вопросу «Милитаризм и международные конфликты». — 59.

- 31 В № 17 газеты «Пролетарий», в котором печаталась данная статья, были помещены и резолюции Международного социалистического конгресса в Штутгарте. — 59.
- 32 К. Маркс. «Капитал». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 654. — 61.
- 33 «Фабрианское общество» — реформистское, оппортунистическое общество, основанное группой буржуазной интеллигенции в Англии в 1884 году. Общество названо по имени римского полководца Фабия Кункатора («Медлителя»), известного своей выжидательной тактикой, уклонением от решительных боев. Фабрианцы отвлекали пролетариат от классовой борьбы, проповедывали мирный переход от капитализма к социализму путем мелких реформ.
- Критику взглядов фабрианцев см. в письме Энгельса к Зорге 18 января 1893 года (К. Маркс. Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 459) и в произведениях В. И. Ленина: «Аграрная программа социал-демократии в русской революции», «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории» и др. — 61.
- 34 *Воинев* — А. В. Луначарский. — 62.
- 35 «Die Gleichheit» («Равенство») — социал-демократический двухнедельный журнал; орган женского рабочего движения в Германии; выходил с 1890 по 1925 год; с 1892 по 1917 год редактировался Кларой Цеткин. — 62.
- 36 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, 1935, стр. 555, или «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» с предисловием Н. Ленина. СПб., 1907, стр. 249. — 69.
- 37 «Vorwärts» («Вперед») — газета, центральный орган германской социал-демократии; начала выходить с 1876 года под редакцией В. Либкнехта и др. На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в «Vorwärts» систематически печатались статьи оппортунистов, господствовавших в германской социал-демократии и во II Интернационале. — 71.
- 38 В 1907 году книгоиздательство «Зерно» предприняло выпуск трехтомного собрания сочинений Ленина под общим названием «За 12 лет». Из предполагавшихся к изданию трех томов удалось выпустить лишь первый том и первую часть второго. В состав первого тома вошли работы Ленина: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Задачи русских социал-демократов», «Гонители земства и

Аннибалы либерализма», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Земская кампания и план «Искры» и «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Первый том вышел из печати в середине ноября 1907 года (на обложке помечен 1908 г.) и был конфискован вскоре по выходе в свет, но значительную часть тиража удалось спасти, и книга продолжала нелегально распространяться.

Во второй том предполагалось включить работы по аграрному вопросу. В этом составе издание второго тома не было осуществлено. В начале 1908 года вышла лишь первая часть второго тома (без общего заглавия «За 12 лет»; по конспиративным соображениям оно было снято), в которую вошли легальные работы Ленина: «К характеристике экономического романтизма», «Кустарная перепись 1894/1895 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности» и «Аграрный вопрос и «критики Маркса»». Вторую часть второго тома составляла работа «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов». Для заключительной части второго тома Ленин предполагал написать большую работу о распределении земли в России (по новым статистическим данным 1905 г.) и о муниципализации.

Однако выпустить в свет вторую часть не удалось.

В третий том должны были войти газетные полемические статьи, помещенные в большевистских органах («Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Новая Жизнь»). Наступление реакции помешало Ленину осуществить издание третьего тома. — 78.

39 Ст. — В. Старков, Р. — Ст. И. Радченко, К. — Р. Э. Клас-сон. — 82.

40 «Новое Слово» — ежемесячный научно-литературный и политический журнал, издавался в Петербурге с 1894 года либеральными народниками, а с весны 1897 года «легальными марксистами». В «Новом Слове» были напечатаны статьи Ленина «К характеристике экономического романтизма» и «По поводу одной газетной заметки». В декабре 1897 года журнал был закрыт правительством. — 82.

41 «Заря» — марксистский научно-политический журнал; издавался редакцией «Искры» в 1901—1902 годах. В «Заре» напечатаны следующие статьи Ленина: «Случайные заметки», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» (под заглавием «Г. «критики» в аграрном вопросе»), «Внутреннее обозрение», «Аграрная программа русской социал-демократии». Вышло четыре номера. — 83.

42 «Искра» — первая общерусская политическая нелегальная марксистская газета, основанная Лениным в 1900 году. После II съезда РСДРП — Центральный Орган партии. Говоря о старой «Искре», Ленин имеет в виду «Искру» с № 1 по № 51. С № 52-го меньшевики превратили «Искру» в свой фракционный орган. — 83.

- 43 «*Беззаглавцы*» — левокадетская группа (Е. Кускова, С. Прокопович, В. Богучарский и др.), издававшая в 1906 году в Петербурге журнал «Без Заглавия». Объявляя себя приверженцами «критического социализма» — сторонниками ревизионистского крыла западноевропейской социал-демократии (Бернштейн и другие), «беззаглавцы» выступали против самостоятельной классовой политики пролетариата. Ленин называл «беззаглавцев» «меньшевиствующими кадетами» или «кадетствующими меньшевиками». — 85.
- 44 «*В 3-м томе настоящего издания*», т. е. в третьем томе сборника «За 12 лет», издание которого не осуществилось. — 86.
- 45 «*Новая Жизнь*» — первая легальная большевистская газета, выходила ежедневно с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) декабря 1905 года в Петербурге. С приездом Ленина из эмиграции в Петербург, в начале ноября 1905 года, газета стала выходить под его непосредственным руководством. «Новая Жизнь» являлась фактически Центральным Органом РСДРП. Ближайшими сотрудниками газеты были В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский и другие. Активное участие в «Новой Жизни» принимал А. М. Горький, оказывавший газете также большую материальную помощь. Ежедневный тираж газеты доходил до 80 тысяч экземпляров.
- «Новая Жизнь» подвергалась многочисленным репрессиям. Из 27 номеров — 15 было конфисковано и уничтожено. После выхода № 27 газета была закрыта правительством. Последний, 28-й, номер вышел нелегально. — 88.
- 46 «*Вперед*» — нелегальная большевистская газета; издавалась в Женеве с 22 декабря 1904 года (4 января 1905 г.) по 5 (18) мая 1905 года. Вышло 18 номеров. Организатором, идейным вдохновителем и руководителем газеты был В. И. Ленин. В состав редакции входили также В. В. Воровский, М. С. Ольминский и А. В. Луначарский.
- III съезд РСДРП в специальной резолюции отметил выдающуюся роль газеты «Вперед» в борьбе с меньшевизмом, за восстановление партийности, в постановке и освещении выдвинутых революционным движением вопросов тактики, и выразил благодарность редакции газеты. — 90.

- 47 Лозунг образования «*Исполнительного комитета из левых групп Думы*» выдвигался большевиками в целях обеспечения самостоятельной классовой линии рабочих депутатов Думы, руководства деятельностью крестьянских депутатов и изоляции их от влияния кадетов. Большевики противопоставляли этому лозунгу — создание «общенациональной оппозиции», т. е. поддержки рабочими и крестьянскими депутатами кадетов.

После разгона I Думы, в июле 1906 года, «Исполнительный комитет левых» фактически организовался вокруг социал-демократической фракции Думы. По инициативе «Исполнительного комитета левых» были выпущены: «Манифест к армии

- и флоту», подписанный комитетом социал-демократической фракции Думы и комитетом Трудовой группы, и «Манифест ко всему российскому крестьянству», подписанный также Всероссийским крестьянским союзом, ЦК РСДРП, ЦК ПСР, Всероссийским железнодорожным союзом и Всероссийским учительским союзом. Манифесты призывали народ к революционной борьбе против правительства и выдвигали лозунг созыва учредительного собрания. — 94.
- 48 «*Сенатские разъяснения*» были даны правительствующим Сенатом в данном случае по поводу статей избирательного закона при выборах в Государственную думу. «Разъясняя» статьи закона, Сенат лишал избирательных прав отдельных избирателей или целые категории населения. — 99.
- 49 К. Маркс. «Прусская контрреволюция и прусское судейское сословие». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII, 1930, стр. 115. — 102.
- 50 «*Русское Знамя*» — черносотенная газета, орган «Союза русского народа»; выходила в Петербурге с ноября 1905 по 1917 год. — 109.
- 51 «*Голос Москвы*» — ежедневная газета, орган партии октябристов. Выходила с декабря 1906 по июнь 1915 года. — 109.
- 52 Заметка Ленина «*О статье Плеханова*» была напечатана в качестве послесловия «От редакции» «Пролетария» к статье И. П. Мешковского «То-же «полемика»». — 116.
- 53 *Петербургская общегородская конференция РСДРП* состоялась 27 октября (9 ноября) 1907 года в Териоках. На ней присутствовало 57 делегатов с решающим голосом и 11 с совещательным. В порядке дня конференции стояли следующие вопросы: 1) Отчет ПК РСДРП; 2) Доклад о деятельности ЦК РСДРП; 3) Общерусская конференция; 4) Суд над с.-д. думской фракцией; 5) Безработица; 6) Перевыборы общегородской конференции и др. организационные вопросы. Ленин выступал на конференции с докладами о подготовке к общерусской конференции: о тактике социал-демократической фракции в III Государственной думе и об участии с.-д. в буржуазной печати. По вопросу о тактике с.-д. фракции в Думе конференция большинством 37 голосов против 12 высказалась за предложенную Лениным резолюцию. Против резолюции голосовали меньшевики, предлагавшие поддерживать в III Думе октябристов и голосовать при выборах президиума за «левого» октябриста. Конференция приняла предложение большевиков о недопустимости участия с.-д. в буржуазной печати; вынесла решение провести однодневную забастовку рабочих и работниц Петербурга и губернии в день начала суда над социал-демократической фракцией II Думы.

Конференция избрала двух делегатов-большевиков на общероссийскую конференцию. — 118.

54 *Дрезденский съезд* (партейтаг) германской социал-демократической партии происходил 13—20 сентября (нового стиля) 1903 года. Съезд принял оппортунистическое решение о допустимости участия социал-демократов в буржуазной печати. — 123.

55 *Четвертая конференция РСДРП («Третья общероссийская»)* происходила 5—12 (18—25) ноября 1907 года в Гельсингфорсе. На конференции присутствовало 27 делегатов: большевиков — 10, меньшевиков — 4, польских с.-д. — 5, бундовцев — 5, латышских с.-д. — 3.

В порядке дня конференции стояли вопросы: о тактике социал-демократической фракции в Государственной думе, о фракционных центрах и укреплении связи ЦК с местными организациями и об участии социал-демократов в буржуазной печати. Кроме того, конференция обсудила вопрос о наименовании с.-д. представительства в Государственной думе.

С докладом о тактике социал-демократической фракции в III Государственной думе выступил Ленин. Против ленинской оценки третьеиюньского режима и задач партии выступали меньшевики и бундовцы, которые отстаивали необходимость поддержки правительственной октябристской партии. Конференция большинством голосов приняла большевистскую резолюцию, предложенную от имени Петербургской общегородской конференции.

Конференция приняла также большевистскую резолюцию о недопустимости участия социал-демократов в буржуазной печати, наименовала с.-д. представительство в Думе «Социал-демократической фракцией».

Ввиду того, что меньшевистский центр тайно от ЦК РСДРП вступал в сношения с местными комитетами, конференция наметила мероприятия для усиления связи ЦК РСДРП с партийными организациями на местах. — 124.

56 Ленин имеет в виду аграрные законы, изданные Столыпиным в 1906—1907 годах. 9 (22) ноября 1906 года был издан земельный закон о праве выхода крестьян из общин и закреплении в собственности наделных участков. Еще до указа 9 (22) ноября 1906 года были изданы законы 12 (25) августа о продаже части удельных земель, 27 августа (9 сентября) о распродаже казенных земель через Крестьянский банк и ватем 15 (28) ноября «О разрешении выдачи ссуд крестьянам из Крестьянского повемельного банка под валог наделных земель». — 125.

57 Статья Ф. Меринга «Немецкий либерализм и русская Дума» (Fr. Mehring. «Deutscher Liberalismus und russische Duma». «Die Neue Zeit», 1906—1907, Band I, № 23) была переведена Лениным и использована в статье «Фр. Меринг о второй Думе», напечатанной в сборнике II «Вопросы тактики», СПб., 1907 (см. Сочинения, 4 изд., том 12, стр. 343—349). — 128.

- 58 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии». Глава IV. — 132.
- 59 *«Знамя Труда»* — Центральный Орган партии эсеров; выходил с июля 1907 года по апрель 1914 года. — 134.
- 60 *Предисловие к брошюре Воинова (А. В. Луначарского) об отношении партии к профессиональным союзам* написано Лениным в ноябре 1907 года. Брошюра Луначарского в свет не вышла. С содержанием ее Ленин ознакомился по рукописи. Документ заглавия не имеет. Заголовок дан Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 141.
- 61 Речь идет о Маннгеймском съезде Германской социал-демократической партии, состоявшемся 23—29 сентября (нового стиля) 1906 года. Главным вопросом повестки дня был вопрос о массовой политической стачке, которую германская социал-демократия на Иенском съезде в 1905 году признала важнейшим средством политической борьбы. В связи с этим был затронут вопрос о профсоюзах, которые отвергли идею массовой политической стачки как анархическую. Маннгеймский съезд не вынес прямого осуждения оппортунистической позиции профсоюзов, но рекомендовал всем членам партии вступать в профсоюзные организации, а членам профсоюзов в с.д. партию, «чтобы профессиональное движение было проникнуто духом социал-демократии». — 142.
- 62 *«Die Neue Zeit»* («Новое Время») — журнал германской социал-демократии, выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, журнал систематически помещал статьи ревизионистов. — 142.
- 63 *«Освобождение»* — двухнедельный журнал буржуазных либералов; издавался за границей в 1902—1905 годах под редакцией П. Б. Струве. С января 1904 года — орган либерально-монархического «Союза освобождения». Позднее «освобожденцы» составили ядро партии кадетов. — 145.
- 64 Работа *«Аграрный вопрос и «критики Маркса»* написана в 1901—1907 годах. Первые четыре главы были напечатаны в № 2—3 журнала «Заря» в декабре 1901 года под заглавием: «Гг. «критики» в аграрном вопросе (Очерк первый)», за подписью Н. Ленин. В 1905 году они были изданы легально в Одессе книгоиздательством «Буревестник» в виде отдельной брошюры с измененным заглавием: «Аграрный вопрос и «критики» Маркса». Это заглавие сохранено автором в последующих изданиях как работы в целом, так и отдельных ее частей. Главы V—IX впервые были напечатаны в феврале 1906 года в легальном журнале «Образование» № 2. В этом издании они были снабжены подзаголовками, чего не было в главах I—IV, напечатанных в «Заре» и в издании 1905 года.

В книге Вл. Ильина (В. И. Ленина) «Аграрный вопрос», ч. I, изданной в Петербурге в 1908 году, были впервые напечатаны вместе все девять глав с прибавлением еще двух новых, X и XI, причем к главам I—IV были даны подзаголовки, а в текст были внесены редакционные изменения и добавлено несколько примечаний.

Глава XII (последняя) впервые была напечатана в 1908 году в сборнике «Текущая жизнь».

Первые девять глав см. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 87—202.

В состав настоящего тома включены главы X, XI и XII, написанные в 1907 году. — 149.

- 65 Ленин имеет в виду книгу Франца Бенаинга «Влияние сельскохозяйственных машин на народное и частновладельческое хозяйство», Бреславль, 1897 (Fr. Bensing. «Der Einfluss der landwirtschaftlichen Maschinen auf Volks- und Privatwirtschaft», Breslau, 1897). — 152.
- 66 Ленин имеет в виду книгу М. Гехта «Три деревни баденского Гарда», Лейпциг, 1895 (M. Hecht. «Drei Dörfer der badischen Hard», Leipzig, 1895). — 154.
- 67 См. К. Маркс. «Нищета философии», 1941, стр. 52—54, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, 1929, стр. 324—325. — 155.
- 68 Ленин имеет в виду письма известного народнического публициста А. Н. Энгельгардта «Из деревни», печатавшиеся в журнале «Отечественные Записки». — 155.
- 69 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 657. Ленин при ссылках на III том «Капитала» Маркса пользуется немецким изданием 1894 года и дает все цитаты в собственном переводе. — 161.
- 70 См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», т. II, часть 2, 1936. — 161.
- 71 В. В. (псевдоним В. П. Воронцова) — идеолог либерального народничества 80—90-х годов XIX века. — 168.
- 72 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 715. — 185.
- 73 Книга «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» была написана Лениным в ноябре — декабре 1907 года. В 1908 году эта работа была включена во вторую часть второго тома сборника «За 12 лет». Но еще в типографии книга была конфискована полицией и уничтожена. Сохранился всего один экземпляр, в котором недоставало несколько страниц в конце. Впервые книга вышла

лишь в 1917 году под названием: В. Ильин (Н. Ленин). «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 годов» (Петроград, книгоиздательство «Жизнь и знание»).

В издании 1917 года вместо недостающего конца, обрывавшегося незаконченной фразой: «Реформаторский путь создания юнкерски-буржуазной России необходимо предполагает сохранение основ старого землевладения и медленное...» (см. настоящий том, стр. 390), Ленин прибавил следующее: «систематическое, мучительнейшее насилие над массой крестьянства. Революционный путь создания крестьянски-буржуазной России необходимо предполагает ломку всего старого землевладения, отмену частной собственности на землю».

В настоящем томе работа печатается по рукописи, исправленной Лениным через несколько лет после выхода книги в 1908 году. Эти поправки не нашли отражения в издании 1917 года, так как книга была набрана не по рукописи, а по уцелевшему экземпляру 1908 года. До настоящего времени этот экземпляр обнаружить не удалось. — 195.

74 *«Гурко-лидвалевские методы в администрации»* — казнокрадство, спекуляция и хищничество, процветавшие среди высших царских чиновников и дельцов. Гурко — товарищ министра внутренних дел; в 1906 году он был замешан в растратах и спекуляции при поставке хлеба в голодающие губернии, поставщиком же хлеба являлся аферист, спекулянт Лидваль. — 226.

75 *Джсон* — меньшевик П. П. Маслов. — 233.

76 *Костров* — лидер кавказских меньшевиков — Ной Жордания. — 235.

77 *Вандея* — французская провинция, где в эпоху французской буржуазной революции конца XVIII века вспыхнуло контрреволюционное восстание отсталого реакционного крестьянства против революционного Конвента. Восстание проходило под религиозными лозунгами и руководилось контрреволюционным духовенством и помещиками. — 235.

78 *Всероссийский крестьянский союз* — революционно-демократическая организация, возникшая в 1905 году. На первом и втором съездах Союза, состоявшихся в Москве в августе и ноябре 1905 года, были выработаны программа и тактика Союза. Крестьянский союз требовал политической свободы и немедленного созыва учредительного собрания, придерживался тактики бойкота I Государственной думы. Аграрная программа Союза включала требование отмены частной собственности на землю, передачи крестьянам без выкупа монастырских, удельных, кабинетских и государственных земель. В своей политике Союз проявлял половинчатость и колебания. Требуя ликвидации помещичьей собственности на землю, Союз соглашался на частичное вознаграждение помещиков. С первых же шагов своей деятельности

Крестьянский союз подвергался полицейским репрессиям. К концу 1906 года Всероссийский крестьянский союз распался. — 236.

- 79 *«Россия»* — ежедневная полицейски-черносотенная газета; издавалась в Петербурге с 1905 по 1914 год. С 1906 года — официальный орган министерства внутренних дел. — 236.
- 80 Разбор взглядов Родбертуса см. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», т. II, часть 1, 1936, стр. 170—172. Анализ теории Рикардо см. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», т. II, часть 2, 1936, стр. 7—11.
- Ленин при ссылках на работу Маркса «Теории прибавочной стоимости» пользуется немецким изданием 1905 года и дает все цитаты в собственном переводе. — 247.
- 81 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 544. — 249.
- 82 См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», т. II, часть 1, 1936, стр. 187. — 249.
- 83 *Законодательство США о гомстедах* относится к середине XIX века. По закону 1862 года каждый гражданин США имел право получить от государства бесплатно или за очень низкую плату гомстед — участок земли до 160 акров (64 гектара). Не позже чем через пять лет участок переходил в собственность владельца. — 250.
- 84 Ленин цитирует в собственном переводе работу К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест против Криге» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, 1929, стр. 99). — 250.
- 85 *Борисов* — С. А. Суворов. — 262.
- 86 *«Русское Богатство»* — ежемесячный журнал; выходил в Петербурге с 1876 до середины 1918 года. С начала 90-х годов журнал был органом либеральных народников. С 1906 года «Русское Богатство» фактически становится органом полукadetской партии энесов («народных социалистов»). — 263.
- 87 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 710—711. — 266.
- 88 Ленин имеет в виду обсуждение аграрного вопроса на Первой конференции РСДРП, заседавшей 12—17 (25—30) декабря 1905 года в Таммерфорсе. Доклад по аграрному вопросу на конференции делал Ленин. Конференция приняла революцию о желательности устранения из аграрной программы, принятой на II съезде РСДРП, пункта о возвращении крестьянам отрезков и выкупных платежей и признала необходимым включить в программу пункт о поддержке революционных мероприятий крестьянства вплоть до конфискации всей государственной, церковной, монастырской, удельной, кабинетской и частновладельческой земли. — 267.

- 89 См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», т. II, часть 2, 1936, стр. 86. — 270.
- 90 См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», т. II, часть 1, 1936, стр. 172. Соответствующие страницы для сравнения см. в той же работе, т. II, часть 1, стр. 183 и т. II, часть 2, стр. 14. — 271.
- 91 Раздел «Петр Маслов исправляет черновые наброски Карла Маркса» был напечатан в газете «Пролетарий» № 33, 23 июля (5 августа) 1908 года. — 272.
- 92 См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», т. II, часть 1, 1936, стр. 138. — 274.
- 93 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 572—650. — 276.
- 94 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 687—688. — 277.
- 95 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 688. — 278.
- 96 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 711. — 286.
- 97 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 711. — 286.
- 98 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 714. — 287.
- 99 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 715. — 288.
- 100 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 709, 713—714. — 290.
- 101 См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», т. II, часть 1, 1936, стр. 138. — 292.
- 102 Ленин приводит здесь место из второй главы «Очерков гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского, где высмеивается недостойный полемический прием журналиста Сенковского («барона Брамбеуса») (см. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. II, 1906, стр. 45). — 316.
- 103 См. К. Маркс. Ф. Энгельс. Избранные письма. 1947, стр. 459. — 328.
- 104 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 26, или Ф. Энгельс. «Жилищный вопрос», 1932, стр. 36. — 329.
- 105 «Правда» — ежемесячный меньшевистский журнал искусства, литературы и общественной жизни; выходил в Москве в 1904—1906 годах. — 334.
- 106 «Алапаевской республикой» царские чиновники прозвали Алапаевскую волость, Верхотурского уезда, Пермской губернии.

Упомянутому Лениным крестьянину-эсеру Г. И. Кабакову, депутату II Государственной думы, в 1905 году удалось организовать в Алапаевской волости Крестьянский союз, насчитывавший до 30 тысяч членов. — 368.

- 107 *«Народовцы»* (национал-демократы) — контрреволюционная националистическая партия польской буржуазии; образовалась в 1897 году. В период революции 1905—1907 годов «народовцы» стали основной партией польской контрреволюции, партией польских черносотенцев. — 371.
- 108 *Вакуфные земли* — земли в областях с мусульманским населением, не подлежащие продаже и передаче из одних рук в другие. Доходы с вакуфных земель находились в распоряжении казны или духовенства. Советская власть передала вакуфные земли в государственный земельный фонд. — 374.
- 109 Речь идет о сатирическом «Гимне новейшего русского социалиста», опубликованном в «Заре» № 1 (апрель 1901 года) за подписью «Нарцис Тупорылов». Автором стихотворения был Ю. О. Мартов. — 393.
- 110 *Послесловие* было написано Лениным при издании книги «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 годов» в 1917 году. — 395.
- 111 Статья Ленина *«К дебатам о расширении бюджетных прав Думы»* — впервые была напечатана в Центральном Органе РСДРП «Социал-Демократ» № 1, февраль 1908 года. Затем она была перепечатана в газете «Пролетарий» № 27, 26 марта (8 апреля) того же года с постскриптумом Ленина (см. настоящий том, стр. 403).

«Социал-Демократ» — Центральный Орган РСДРП — нелегальная газета; издавался с февраля 1908 по январь 1917 года. Первый номер газеты вышел в России, в дальнейшем издание было перенесено за границу, сначала в Париж, затем — в Женеву. Редакция ЦО была составлена, согласно решению ЦК РСДРП, из представителей большевиков, меньшевиков и польских социал-демократов. В газете «Социал-Демократ» напечатано более восьмидесяти статей и заметок В. И. Ленина. Внутри редакции «Социал-Демократа» В. И. Ленин вел борьбу за последовательную большевистскую линию. Часть редакции (Каменев и Зиновьев) примиренчески относилась к ликвидаторам, пыталась сорвать проведение ленинской линии. Члены редакции меньшевики Мартов и Дан, саботируя работу в редакции Центрального Органа, в то же время открыто защищали ликвидаторство в «Голосе Социал-Демократа». Непримируемая борьба Ленина против ликвидаторов привела к уходу Мартова и Дана в июне 1911 года из состава редакции «Социал-Демократа». С декабря 1911 года «Социал-Демократ» редактировался В. И. Лениным. В газете был напечатан ряд статей И. В. Сталина. — 397.

- 112 *«Столичная Почта»* — левокадетская газета; выходила в Петербурге с октября 1906 по февраль 1908 года. — 397.
- 113 *«Наша Газета»* — дешевое издание буржуазной газеты «Товарищ»; выходила в 1908 году. — 403.
- 114 16 (29) апреля 1908 года в газете «Пролетарий» № 29 было напечатано письмо ЦК РСДРП к местным организациям по поводу работы социал-демократических депутатов Думы. — 403.
- 115 Ленин имеет в виду статью «Политические наброски» за подписью В. М-д-м (Медем), напечатанную в сборнике «Наша трибуна», Вильна, 1907. — 408.
- 116 *Ал. Ал.* — А. А. Богданов. — 411.
- 117 Ленин имеет в виду сборник статей В. Базарова, Бермана, А. Луначарского, П. Юшкевича, А. Богданова, И. Гельфонда и С. Суворова. — 411.
- 118 Речь идет о книге В. И. Ленина *«Шаг вперед, два шага назад»*, вышедшей в Женеве в мае 1904 года. — 411.
- 119 Имеется в виду книга А. Богданова «Эмпириомонизм», Москва, 1904. — 411.
- 120 Сборник статей А. Луначарского, В. Базарова, А. Богданова, П. Маслова, А. Финна, В. Шулятикова, В. Фриче и др. «Очерки реалистического мировоззрения» вышел в Петербурге в 1904 году. Статьи Г. В. Плеханова и В. И. Ленина в сборнике не появились. — 412.
- 121 Работа Ленина *«Заметки рядового марксиста о философии»* не разыскана. — 412.
- 122 В. И. Ленин в это время начал писать работу *«Материализм и эмпириокритицизм»*. — 415.
- 123 *Третий редактор* — И. Ф. Дубровинский. — 416.
- 124 Ленин ссылается на свою статью *«Политические заметки»*, напечатанную в № 21 газеты «Пролетарий» 13 (26) февраля 1908 года. Более подробно вопрос о партийной программе был освещен в статье «Как Петр Маслов исправляет черновые наброски Карла Маркса» («Пролетарий» № 33, 23 июля (5 августа) 1908 г.). (См. настоящий том, стр. 272. Раздел второй III главы «Аграрной программы социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов»). — 419.
- 125 *«Меоны»* — сокращенное название «Партии мирного обновления». — 420.

- 126 Статья Ленина «*Нейтральность профессиональных союзов*» с небольшими сокращениями была напечатана в сборнике «О веяниях времени» (СПБ., 1908, изд. «Творчество») за подписью Вл. Ильин. — 422.
- 127 Резолюция ЦК РСДРП о профсоюзах была напечатана в № 21 газеты «*Пролетарий*» 13 (26) февраля 1908 года.
Членам партии предлагалось организовать внутри профсоюзных организаций партийные группы и работать в них под руководством местных партийных центров. В тех случаях, когда полицейские преследования не давали возможности организовать или воссоздать разрушенную профорганизацию, ЦК предлагал организовать профячейки и профсоюзы нелегально. — 422.
- 128 «*Наш Век*» — газета; выходила в 1905—1908 годах, вначале как популярное издание буржуазной газеты «Товарищ». — 422.
- 129 «*Вперед*» — большевистская массовая рабочая газета, руководимая Лениным; издавалась нелегально в Выборге редакцией «*Пролетария*» с 10 (23) сентября 1906 по 19 января (1 февраля) 1908 года. Вышло 20 номеров. Начиная с № 2, газета «Вперед» выходила как орган местных комитетов РСДРП: № 2 — Московского, Петербургского и Московского окружного; №№ 3—7 как орган Московского, Петербургского, Московского окружного, Пермского и Курского комитетов; №№ 8—19 кроме того и как орган Каванского комитета; последний № 20 газеты «Вперед» вышел с указанием вместо Пермского и Каванского — Уральского областного комитета. — 423.
- 130 Книга Д. Фирсова (Д. Розенблюма) и М. Якобия (М. Гендельмана) «*К пересмотру аграрной программы и ее обоснования*» вышла в книгоиздательстве «Эра», Москва, 1908. Книга была конфискована. Обещанный Лениным разбор ее в «*Пролетарии*» не появился. — 427.
- 131 «*Современный Мир*» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал; выходил в Петербурге с октября 1906 года. Ближайшее участие в журнале принимали меньшевики, в том числе Г. В. Плеханов. В период блока с плехановцами в журнале сотрудничали большевики; в марте 1914 года в «*Современном Мире*» была напечатана статья Ленина «Еще одно уничтожение социализма». — 427.
- 132 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, часть II, 1936, стр. 108—111. — 435.
- 133 Статья «*Уроки Коммуны*» является вписью доклада Ленина, напечатанной в «*Заграничной Газете*» № 2, 23 марта 1908 года. Редакция газеты предпослала статье следующее пояснение: «18 марта в Женеве состоялся интернациональный митинг по поводу трех пролетарских годовщин: 25-летия смерти

Маркса, 60-летия мартовской революции 1848 года и годовщины Парижской Коммуны. На митинге выступил от РСДРП товарищ Ленин, говоривший о значении Коммуны». — 437.

134 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, часть II, 1940, стр. 99. — 437.

135 Оценку исторической роли Коммуны, как «предвестника нового общества», см. в работе К. Маркса «Гражданская война во Франции», 1940, и в письмах к Кугельману от 12 и 17 апреля 1871 года (см. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 262 и 264). — 439.

136 «Русская Мысль» — ежемесячный журнал либеральной буржуазии; выходил в Москве с 1880 до середины 1918 года. После революции 1905 года — орган правого крыла кадетской партии. — 445.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Июнь 1907 года — апрель 1908 года)

1907

- Июнь, после 22 (5 июля).* Ленин пишет для сборника «Голое жизне» статью «Памяти графа Гейлена (Чему учат народ наши беспартийные «демократы?»).
- Июнь, 25 (июль, 8).* Ленин избран ЦК РСДРП представителем партии в Международное социалистическое бюро.
- Июнь, 26 (июль, 9).* Ленин пишет статью «Против бойкота (Из ваметок с.-д. публициста)». Статья напечатана в брошюре «О бойкоте третьей Думы», вышедшей в августе 1907 года.
- Июнь — июль.* Ленин отдыхает в Стирсуддене (Финляндия).
- Июль, 8 и 14 (21 и 27).* Ленин участвует в работах Петербургской общегородской конференции в Терноках; выступает с докладом по вопросу об отношении социал-демократии к III Государственной думе. Конференция принимает резолюцию Ленина против бойкота III Думы. Тезисы доклада Ленина изданы отдельной листовкой.
- Июль, 16 (29).* Ленин решением ЦК РСДРП избран в состав делегации РСДРП на Международный социалистический конгресс в Штутгарте.
- Июль, 21—23 (август, 3—5).* Ленин участвует в работах Третьей конференции РСДРП («Вторая общероссийская») в Котке (Финляндия); выступает с докладом по вопросу об участии в выборах в III Государственную думу. Конференция принимает предложенную Лениным резолюцию против бойкота выборов в III Государственную думу. Ленинский проект резолюции о Всероссийском съезде профессиональных союзов передан в ЦК в качестве материала.

- Июль.* Ленин готовится второе издание книги «Развитие капитализма в России», вносит дополнения и пишет предисловие.
- Август, 1 (14).* Ленин в письме А. М. Горькому приглашает его принять участие в работах Штутгартского международного социалистического конгресса и сообщает Горькому, что ЦК РСДРП предоставил ему совещательный голос.
- Август, 5—10 (18—23).* Ленин принимает участие в работах Штутгартского конгресса; входит в состав комиссии по подготовке революции «О милитаризме и международных конфликтах».
- Между 5 и 10 (18 и 23) августа.* Ленин созывает и проводит совещание левых социалистов — участников Штутгартского конгресса.
- Август, после 11 (24).* Ленин возвращается из Штутгарта в Куоккала (Финляндия).
- Август, 22 (сентябрь, 4).* Ленин пишет для сборника «Голос жизни» статью «Заметки публициста», посвященную защите большевистской тактики по отношению к III Государственной думе и думским партиям.
- Между 31 августа и 7 сентября (13 и 20 сентября).* В Петербурге выходит сборник «Голос жизни» под редакцией Ленина и с его статьями «Памяти графа Гейдена» и «Заметки публициста».
- Август.* Ленин избран ЦК РСДРП главным редактором Центрального Органа партии «Социал-Демократ».
- Август — сентябрь.* Ленин пишет две статьи на тему «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», одна из них, популярная, предназначалась для большевистского издания «Календарь для всех на 1908 год».
- Август — октябрь.* Ленин редактирует русский перевод докладов Австрийской социал-демократической и Итальянской социалистической партий Международному социалистическому конгрессу в Штутгарте.
- Август — декабрь.* Ленин готовится к печати трехтомное издание своих произведений «За 12 лет».
- Начало сентября.* Ленин выступает с докладом о Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте на Петербургской общегородской конференции РСДРП.

- Сентябрь, 7 (20).* Ленин избран ЦК РСДРП в редакционную коллегию «Социал-Демократа» и распорядительную комиссию редакции. Пост главного редактора Центрального Органа на этом заседании упраздняется.
- Сентябрь.* Ленин пишет предисловие к I тому собрания своих произведений «За 12 лет».
- Между 19 и 26 октября (1 и 8 ноября).* В Петербурге выходит сборник «Зарницы» под редакцией Ленина.
- Октябрь, 20 (ноябрь, 2).* В Петербурге выходит «Календарь для всех на 1908 год» со статьей Ленина «Международный социалистический конгресс в Штутгарте».
- Октябрь, 27 (ноябрь, 9).* Статьи Ленина «Революция и контрреволюция» и «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» напечатаны в № 17 газеты «Пролетарий».
- Октябрь, 27 (ноябрь, 9).* Ленин участвует в работах конференции Петербургской организации РСДРП в Териоках, выступает с докладами «О III Государственной думе» и «Об участии социал-демократии в буржуазной печати».
- Октябрь, 29 (ноябрь, 11).* Конференция принимает резолюцию Ленина «О III Государственной думе».
- Октябрь, 29 (ноябрь, 11).* Статья Ленина «Третья Дума» и редакционное примечание «О статье Плеханова» напечатаны в № 18 «Пролетария».
- Ноябрь, до 5 (18).* Ленин присутствует на предварительном совещании большевиков — участников «Четвертой конференции РСДРП».
- Ноябрь, 5 (18).* Статьи Ленина «Приготовление «отвергательной оргии», «А судьи кто?» и «Резолюция о III Государственной думе», принятая конференцией СПб. организации РСДРП, напечатаны в № 19 «Пролетария».
- Ноябрь, 5—12 (18—25).* Ленин участвует в работах Четвертой конференции РСДРП («Третья общероссийская») в Гельсингфорсе; выступает с докладом «О тактике с.д. фракции в III Государственной думе». Конференция принимает резолюцию Ленина по этому вопросу.
- Ноябрь.* Ленин пишет «Предисловие к брошюре Воинова (А. В. Луначарского) об отношении партии к профессиональным союзам».

- Осень 1907.* Ленин пишет X—XII главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»».
- Между 16 и 23 ноября (29 ноября и 6 декабря).* В Петербурге выходит сборник произведений В. И. Ленина (Вл. Ильина) «За 12 лет».
- Ноябрь (начало декабря).* Сборник произведений В. И. Ленина «За 12 лет» конфискован полицией. Возбуждено дело о привлечении Ленина к суду.
- Ноябрь — декабрь.* Ленин, скрываясь от полиции, уезжает из Куоккала в Огльбю (близ Гельсингфорса).
- Декабрь.* Ленин выезжает из Огльбю за границу. В ожидании Н. К. Крупской несколько дней проводит в Стокгольме.
- Декабрь, 22 (4 января 1908 года).* С.-Петербургская судебная палата выносит приговор об уничтожении книги Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции».
- Декабрь, 22—24 (4—6 января 1908 года).* Ленин по пути в Женеву останавливается в Берлине, где встречается с Р. Люксембург.
- Декабрь, 25 (7 января 1908 года).* Ленин вместе с Н. К. Крупской приезжает в Женеву. Начало второй эмиграции Ленина.
- Декабрь 1907—февраль 1908.* Ленин ведет работу по подготовке к изданию газеты «Пролетарий» в Женеве.

1908

- Между 11 и 18 (24 и 31 января).* В Петербурге выходит сборник статей Ленина (Вл. Ильина) «Аграрный вопрос», часть I.
- Январь, 20 (февраль, 2).* Ленин обращается к А. М. Горькому с просьбой прислать дляготавливаемых к изданию за границей первых номеров газеты «Пролетарий» публицистические статьи или отрывки из новых художественных произведений.

- Февраль, 11 (24).* Ленин созывает совещание редакции «Пролетария» в связи с заметкой в «Die Neue Zeit» о борьбе по вопросам философии в РСДРП. На совещании единогласно утверждается написанный Лениным текст заявления от редакции «Пролетария».
- Февраль, 12 (25).* Ленин в письме А. М. Горькому указывает на необходимость непримиримой борьбы против русских махистов (Богданов и другие).
- Февраль, 13 (26).* В Женеве выходит № 21 газеты «Пролетарий» со статьей Ленина «Политические заметки».
- Между 15 и 20 февраля (28 февраля и 4 марта).* В Петербурге выходит большевистский сборник «Текущая жизнь», в котором напечатана XII глава книги Ленина «Аграрный вопрос и критики Маркса», под заголовком ««Идеальная страна» с точки зрения противников марксизма в аграрном вопросе».
- Вторая половина февраля (начало марта).* Выходит № 1 Центрального Органа РСДРП «Социал-Демократ» со статьей Ленина «К дебатам о расширении бюджетных прав Думы».
- Февраль, 19 (март, 3).* Статьи Ленина: «Новая аграрная политика», «Нейтральность профессиональных союзов», «О происшествии с королем португальским» напечатаны в № 22 газеты «Пролетарий».
- Между 27 февраля и 6 марта (11 и 19 марта).* В Петербурге выходит 2-е, дополненное издание работы Ленина «Развитие капитализма в России».
- Февраль.* Ленин начинает писать книгу «Материализм и эмпириокритицизм».
- Март, 5 (18).* Ленин выступает от имени РСДРП с речью о значении Парижской Коммуны на интернациональном митинге в Женеве, посвященном трем годовщинам — 25-летию со дня смерти К. Маркса, 60-летию революции 1848 года и дню Парижской Коммуны.
- Март, 12 (25).* Статьи Ленина: «Заказанная полицейски-патриотическая демонстрация», «Об обмане народа либералами», «Оценка Маркса международным либерализмом» напечатаны в № 25 газеты «Пролетарий».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	VII
1907 г.	
ПРОТИВ БОЙКОТА (<i>Из заметок с.-д. публициста</i>).....	1—34
I.....	4
II.....	10
III.....	12
IV.....	18
V.....	21
VI.....	29
VII.....	33
ПАМЯТИ ГРАФА ГЕЙДЕНА (<i>Чему учат народ наши беспартийные «демократы»?</i>).....	35—42
ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА, ПРОЧИТАННОГО НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОВЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 8-го ИЮЛЯ, ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ К ТРЕТЬЕЙ ДУМЕ.....	43—44
ТРЕТЬЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП («ВТОРАЯ ОБЩЕРОССИЙСКАЯ»).....	45—46
1. Проект резолюции по вопросу об участии в выборах в III Государственную думу.....	45
2. набросок проекта резолюции о Всероссийском съезде профессиональных союзов.....	46
ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА	47—58
МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ШТУТГАРТЕ.....	59—65

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ШТУТГАРТЕ	66—77
ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ЗА 12 ЛЕТ»	78—96
РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ	97—105
ТРЕТЬЯ ДУМА	106—115
О СТАТЬЕ ПЛЕХАНОВА	116—117
КОНФЕРЕНЦИЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП. <i>Из газетного отчета</i>	118—123
1. Доклад о III Государственной думе	118
2. Резолюция о III Государственной думе	121
3. Доклад об участии с.-д. в буржуазной печати	123
ЧЕТВЕРТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП («ТРЕТЬЯ ОБЩЕ-РОССИЙСКАЯ»). <i>Из газетного отчета</i>	124—127
1. Доклад о тактике с.-д. фракции в III Государственной думе	124
2. Резолюция о тактике с.-д. фракции в III Государственной думе	126
ПРИГОТОВЛЕНИЕ «ОТВРАТИТЕЛЬНОЙ ОРГИИ»	128—133
А СУДЬИ КТО?	134—140
ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ ВОИНОВА (А. В. ЛУНАЧАРСКОГО) ОБ ОТНОШЕНИИ ПАРТИИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СОЮЗАМ	141—148
АГРАРНЫЙ ВОПРОС И «КРИТИКИ МАРКСА»	149—193
X. «Труд» немецкого Булгакова, Э. Давида	151
XI. Скотоводство в мелком и крупном хозяйстве	161
XII. «Идеальная страна» с точки зрения противников марксизма в аграрном вопросе	173
АГРАРНАЯ ПРОГРАММА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ	195—396
<i>Глава I. Экономические основы и сущность аграрного переворота в России</i>	198
1. Землевладение в Европейской России	198
2. Из-за чего идет борьба?	202

3. Затрушевывание сущности борьбы кадетскими писателями	208
4. Экономическая сущность аграрного переворота и его идейные облачения	211
5. Два типа буржуазной аграрной эволюции	215
6. Две линии аграрных программ в революции	219
7. Земельная площадь России. Вопрос о колонизации	223
8. Резюме экономических выводов I главы	229
<i>Глава II. Аграрные программы РСДРП и их проверка первой революцией</i>	230
1. В чем ошибка прежних аграрных программ русских с.-д.?	230
2. Теперешняя аграрная программа РСДРП	233
3. Проверка жизнью главного довода муниципалистов	236
4. Аграрная программа крестьянства	241
5. Средневековое вемлевладение и буржуазная революция	246
6. Почему мелкие собственники в России должны были высказаться за национализацию?	250
7. Крестьяне и народники о национализации наделных земель	257
8. Ошибка М. Шанина и других сторонников раздела	260
<i>Глава III. Теоретические основы национализации и муниципализации</i>	266
1. Что такое национализация земли?	267
2. Петр Маслов исправляет черновые наброски Карла Маркса	272
3. Необходимо ли для опровержения народничества опровергнуть Маркса?	279
4. Связано ли отрицание абсолютной ренты с программой муниципализации?	283
5. Критика частной собственности на землю с точки зрения развития капитализма	285
6. Национализация земли и «денежная» рента	288
7. При каких условиях может осуществиться национализация?	291
8. Национализация — переход к разделу?	294

<i>Глава IV. Политические и тактические со- ображения в вопросах аграрной про- граммы</i>	297
1. «Гарантия от реставрации».....	297
2. Местное самоуправление, как «оплот против реанции».....	303
3. Центральная власть и укрепление буржуазного государства.....	307
4. Раамах политического и раамах аграрного пере- воротов.....	314
5. Крестьянская революция без завоевания власти крестьянством?.....	320
6. Достаточно ли гибкое средство национализация земли?.....	324
7. Муниципализация земли и муниципальный со- циализм.....	327
8. Некоторые примеры порожденной муниципали- зацией путаницы.....	332
<i>Глава V. Классы и партии по прениям в вто- рой Думе об аграрном вопросе</i>	335
1. Правые и октябристы.....	336
2. Кадеты.....	342
3. Правые крестьяне.....	348
4. Беспартийные крестьяне.....	350
5. Народники-интеллигенты.....	355
6. Крестьяне-трудовики (народники).....	361
7. Социалисты-революционеры.....	366
8. «Националы».....	371
9. Социал-демократы.....	379
Заключение.....	386
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	395

1908 г.

К ДЕБАТАМ О РАСШИРЕНИИ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВ ДУМЫ.....	397—402
ПОСТСКРИПТУМ К СТАТЬЕ «К ДЕБАТАМ О РАСШИРЕНИИ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВ ДУМЫ».....	403
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ.....	404—409
ВЯВЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ».....	410
ПИСЬМО А. М. ГОРЬКОМУ.....	411—417

НОВАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА	418—421
НЕЙТРАЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.....	422—431
О ПРОИСШЕСТВИИ С КОРОЛЕМ ПОРТУГАЛЬСКИМ.....	432—436
УРОКИ КОММУНЫ.....	437—440
ЗАКАЗАННАЯ ПОЛИЦЕЙСКИ-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕМОН- СТРАЦИЯ.....	441—446
ОБ ОБМАНЕ НАРОДА ЛИБЕРАЛАМИ.....	447—451
ОЦЕНКА МАРКСА МЕЖДУНАРОДНЫМ ЛИБЕРАЛИЗМОМ.....	452—456
<i>Примечания</i>	457—478
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	479—485

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Обложка «Календаря для всех на 1908 год», в котором была напечатана статья Ленина «Международный социали- стический конгресс в Штутгарте». Личный экземпляр Ленина	67
Обложка сборника произведений В. И. Ленина «За 12 лет».....	79
Последняя страница рукописи В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской револю- ции 1905—1907 годов». — Ноябрь — декабрь 1907 г.	394—395
Первая страница письма В. И. Ленина А. М. Горькому. — 25 февраля 1908 г.	413

Подписано к печати 1/VII 1947 г.
Объем 31 $\frac{1}{8}$ п. л. + 1 вклейка $\frac{1}{8}$ п. л.
Цена в р. 50 коп.

*

Напечатано с матриц типографии
ОГИЗа «Печатный Двор»

М-103